

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА

САГА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

CoRpus

Юрий Слёзкин
Дом правительства

«Corpus (АСТ)»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

Слёзкин Ю. Л.

Дом правительства / Ю. Л. Слёзкин — «Corpus (АСТ)», 2017

ISBN 978-5-17-100477-4

Дом правительства, ныне более известный как Дом на набережной, был эпицентром реальной жизни – и реальной смерти – социалистической империи. Собрав огромный массив данных о его обитателях, историк Юрий Слёзкин создал необыкновенно живое эпическое полотно: из частных биографий старых большевиков, из их семейных перипетий, радостей и горестей, привычек, привязанностей и внутренних противоречий складывается цельный портрет русской революции и ее судьба: рождение, жизненный путь и естественное окончание.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-17-100477-4

© Слёзкин Ю. Л., 2017
© Corpus (АСТ), 2017

Содержание

Предисловие	7
Благодарности	11
Книга первая	12
Часть I	12
1. Болото	13
2. Проповедники	36
3. Вера	96
Часть II	134
4. Настоящий день	134
5. Последний бой	169
6. Новый град	190
7. Великое разочарование	226
Конец ознакомительного фрагмента.	266

Юрий Слёзкин

Дом правительства. Сага о русской революции

Рисунки на обложке Франческо Бонджорни (Artwork by Francesco Bongiorno)

Дизайн суперобложки Крис Ферранте (Jacket design by Chris Ferrante)

Фотографии предоставлены Музеем Дома на набережной за указанными в подписях исключениями

© Yuri Slezkine, 2017

© Ю. Слёзкин, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

18+

* * *

Это исторический труд.

Любое сходство с литературными персонажами – случайное совпадение.

Написан он был задом наперед: сначала по-английски, а потом по-русски.

мефистофель:

*Чуть дух покинет тело, договор
Ему представлю, кровью подкрепленный,
Но столько средств есть с некоторых пор
Отбить у черта душу беззаконно!*

*Иоганн Вольфганг фон Гете, Фауст,
перевод Б. Пастернака*

Иногда Валенту казалось, что время, зависшее в неопределенном ожидании, остановилось и застыло. Сама идея задуманной им панорамы, чьи разрозненные, рассыпанные образы преследовали его ежесекундно, заполняя сны и пробуждая воспоминания, самая мысль о развороченном доме с оголенными трещинами прошлого и развалинами настоящего, об этом беспорядочном скоплении историй – грандиозных и комичных, игривых и жалких – ассоциировалась у него с нелепо громадным мавзолеем, воздвигнутым в память о статистах, застывших в финальных позах, равно незначительных в своей торжественности и банальности. Как будто он хотел разом предотвратить и задержать медленные или внезапные смерти, грозившие настичь всех жильцов, этаж за этажом: мсье Марсиа, мадам Моро, мадам де Бомон,

*Бартлбута, Рориаша, мадмуазель Кресси, мадам Альбен, Смотфа. И,
разумеется, его самого, Валена, старейшего обитателя дома.
Жорж Перек, Жизнь, способ употребления*

Предисловие

В годы первой пятилетки советское правительство построило социалистическое государство и плановую экономику. Тогда же оно построило себе дом. Дом правительства располагался на Болоте и состоял из одиннадцати корпусов различной высоты, окружавших три сообщающихся двора с фонтанами посередине.

Дом был задуман как компромисс между революционным авангардом и социалистическим реализмом и как проект «переходного типа» на полпути от индивидуализма к коллективизму. Строгий функционализм и чистые линии сочетались с массивным объемом и неоклассицистическим фасадом; 505 квартир соседствовали с банком, магазином, почтой, телеграфом, столовой, амбулаторией, прачечной, парикмахерской, детским садом, теннисным кортом, гимнастическим залом и несколькими десятками комнат для различных видов досуга, от бильярда и шахмат до рисования и репетиций оркестра. Со стороны Москва-реки комплекс завершал Государственный Новый театр на 1300 мест; со стороны Водоотводного канала – кинотеатр «Ударник» на 1500 мест.

Дом предназначался для наркомов, замнаркомов, комиссаров, чекистов, иностранных коммунистов, ученых-марксистов, писателей-соцреалистов, красных директоров, старых большевиков и других «ответственных работников», включая секретаря Ленина и родственников Сталина.

В 1935 году в Доме правительства числилось 2600 жильцов. Около 700 из них были членами правительства, имевшими право на квартиры того или иного размера. Остальные, в том числе 588 детей, были членами их семей. Обслуживанием жильцов, дворов и корпусов занимались от 600 до 800 маляров, дворников, плотников, садовников, электриков, официантов, вахтеров, полотеров, прачек и других рабочих и служащих (в том числе 57 сотрудников администрации здания).

Это был тыл авангарда, частный мир общественных деятелей, место, где жили революционеры и умерла революция.

В 1930-е и 1940-е годы около 800 жителей Дома были выселены по обвинению в терроризме, двурушничестве и социальной чуждости. Все были признаны виновными. Триста сорок четыре человека были расстреляны, остальные приговорены к разным видам заключения.

В октябре 1941 года оставшиеся жильцы были эвакуированы. Вернувшись, они нашли больше соседей и меньше руководителей. Дом по-прежнему принадлежал правительству, но перестал быть его убежищем. После крушения СССР соседняя площадь снова стала Болотной.

* * *

В книге три этажа. На первом – семейная сага о жителях Дома правительства, которые функционируют как персонажи эпоса или люди в повседневной жизни: некоторых мы видим и вскоре забываем, некоторых смутно припоминаем, некоторых узнаем, но плохо знаем, а с некоторыми хорошо знакомы и рады или не рады увидеться снова. Но, в отличие от персонажей большинства эпосов и людей в нашей жизни, ни один не является центральным. Главные герои «Дома правительства» – дом и правительство.

Второй этаж – аналитический. В начале книги большевики характеризуются как сектанты, готовящиеся к апокалипсису. В последующих главах различные эпизоды большевистской семейной саги соотносятся с фазами эволюции неисполнившегося пророчества, от первого пришествия до великого разочарования и многократно отложенного судного дня.

По сравнению с другими апокалиптическими сектами большевики замечательны масштабом успеха и недолговечностью веры. Они завоевали Рим задолго до того, как вера стала привычкой, но не сумели превратить привычку в традицию, которая могла бы стать наследственной.

Третий этаж – литературный. Для старых большевиков чтение «сокровищ мировой литературы» было обязательной частью обретения веры, ритуалов ухаживания, тюремных «университетов» и домашней повседневности. Для их детей оно было любимым видом досуга и главным критерием образованности. В «Доме правительства» эпизоды большевистской семейной саги и фазы эволюции неисполнившегося пророчества сопровождаются обсуждением литературных текстов, сыгравших важную роль в их интерпретации и мифологизации. Ключевые темы этих текстов – великий потоп, исход из Египта, реставрация Вавилонской башни и болото быта – становятся элементами истории Дома правительства. Некоторые литературные персонажи помогали его строить, некоторые в нем жили, а один – Фауст Гёте – был признан идеальным жильцом.

История Дома правительства состоит из трех книг. Книга первая, «В пути», представляет старых большевиков как молодых людей и рассказывает о том, как они обратились в новую веру, жили в тюрьмах и ссылках, проповедовали грядущую революцию, победили в Гражданской войне, установили диктатуру пролетариата, горевали об отсрочке социализма и спорили о том, что делать, пока длится ожидание.

Книга вторая, «В Доме», описывает возвращение революции в облике первой пятилетки; строительство Дома правительства и всего Советского Союза; разделение труда и пространства в отдельных квартирах; размышления о смерти и преемственности на пороге вечности и слияние прошлого с будущим в волшебном царстве «счастливого детства».

Книга третья, «Под следствием», рассказывает об опустошении Дома правительства, последней жертве старых большевиков, «массовых операциях» против тайных вредителей, разнице между верностью и предательством, семейной жизни профессиональных палачей, долгой старости реабилитированных вдов, искуплении и отступничестве детей революции и конце большевизма как веры в тысячелетнее царство.

Все уровни, темы и мотивы сходятся в эпилоге о прозе Юрия Трифонова, который превратил дом своего детства в символ большевистской саги, памятник утраченной вере и сокровище мировой литературы.

* * *

Некоторые жители Дома правительства были важнее других благодаря партийному стажу, месту в номенклатуре и особым заслугам. Некоторые герои этой книги важнее других, потому что они или их близкие позаботились о жизни после смерти.

Один из руководителей Московского восстания и председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей Александр Аросев (кв. 103 и 104) вел дневник, который сохранила его сестра и издала одна из дочерей. Идеолог левого коммунизма и первый председатель Высшего совета народного хозяйства Валериан Осинский (кв. 389, 18) в течение двадцати лет переписывался с Анной Шатерниковой, которая сохранила его письма и отдала его дочери, которая, в свою очередь, передала их в архив и написала воспоминания. Видный литературный критик и куратор советской литературы 1920-х годов Александр Воронский (кв. 357) написал несколько книг воспоминаний и стал героем мемуаров своей дочери и многочисленных современников. Директор лаборатории Мавзолея Ленина Борис Збарский (кв. 28) обессмертил себя, увековечив тело Ленина. Его сын и коллега Илья Збарский написал книгу о себе, отце и Мавзолее. «Совесть партии» и заместитель генерального прокурора Арон Сольц (кв. 393) много писал о коммунистической этике и приютил свою племянницу, дочь которой написала о нем книгу и передала рукопись в архив. Об обвинителе на процессе Филиппа Миронова в 1919 году

Иваре Смильге (кв. 230) много рассказывала его дочь Татьяна, унаследовавшая его красноречие (но не его веру). Председатель Главного управления мукомольно-крупяной промышленности, «пекарь» Борис Иванов (кв. 372), остался в памяти жителей Дома правительства благодаря своему чрезвычайному великодушию.

Лева Федотов, сын покойного инструктора ЦК и пролетарского писателя Федора Федотова (кв. 262), вел дневник, потому что считал, что «все важно для истории». Инна Гайстер, дочь заместителя народного комиссара земледелия Арона Гайстера (кв. 162), опубликовала подробную «семейную хронику». Анатолий Грановский, сын директора Березниковского химического комбината Михаила Грановского (кв. 418), попросил убежища в США и написал воспоминания о работе секретным сотрудником НКВД под командованием Андрея Свердлова, сына первого главы советского государства и организатора красного террора, Якова Свердлова. Будучи молодым революционером, Яков Свердлов написал несколько подробных писем матери Андрея, Клавдии Новгородцевой (кв. 319), и своей юной последовательнице, Кире Эгон-Бессер. Обе женщины сохранили его письма и написали о нем воспоминания. «Пекарь» Борис Иванов написал воспоминания о жизни Якова, Клавдии и Андрея в сибирской ссылке. Андрей (кв. 319) отредактировал воспоминания матери, написал (в соавторстве) три детективных повести по материалам своей работы в НКВД и фигурирует в роли следователя в воспоминаниях Анны Лариной-Бухариной (кв. 470). После ареста бывшего начальника следственного отдела ВЧК Григория Мороза (кв. 39) его жену Фанни Львовну Крейнделю и старшего сына Самуила отправили в лагерь, а младших сыновей Владимира и Александра – в детский дом. Владимир вел дневник и написал несколько писем, которые были использованы в качестве доказательства его вины (и впоследствии опубликованы); Самуил написал воспоминания и отправил их в музей. Ева Левина-Розенгольц, профессиональная художница и сестра наркома внешней торговли Аркадия Розенгольца (кв. 237), провела семь лет в ссылке и создала несколько графических циклов о тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся. Старейшая старая большевичка Елена Дмитриевна Стасова (кв. 245, 291) посвятила последние десять лет жизни «реабилитации» тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся.

Юлия Пятницкая, жена секретаря Исполкома Коминтерна Осипа Пятницкого (кв. 400), начала вести дневник незадолго до ареста мужа и вела его до своего ареста. Дневник был опубликован ее сыном Владимиром, который написал книгу об отце. Татьяна Мягкова, жена председателя Госплана СССР Михаила Полоза (кв. 199), писала своим близким из ссылок, тюрем и лагерей. Ее письма сохранила и перепечатала ее дочь Рада Полоз. Наталия Сац, жена наркома внутренней торговли Израиля Вейцера (кв. 159), основала первый в мире детский театр и написала две автобиографии, одна из которых описывает ее пребывание в ссылках, тюрьмах и лагерях. Агнесса Аргиропуло, жена начальника УНКВД Западной Сибири и автора идеи использования внесудебных троек при проведении массовых репрессий Сергея Мирнова, рассказала об их совместной жизни сотруднице общества «Мемориал», которая опубликовала текст их бесед отдельной книгой. Мария Денисова, жена замнаркома обороны Ефима Щаденко (кв. 10 и 505), послужила прототипом Марии в поэме Маяковского «Облако в штанах». Начальник Московско-Казанской железной дороги Иван Кучмин (кв. 226) послужил прототипом Алексея Курилова в романе Леонида Леонова «Дорога на Океан». Корреспондент «Правды» Михаил Кольцов (кв. 143) послужил прототипом Каркова в романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Усомнившийся Макар из рассказа Андрея Платонова участвовал в строительстве Дома правительства. Всехсвятская улица, на которой строился Дом правительства, была переименована в честь автора «Железного потока» Александра Серафимовича (кв. 82). Юрий Трифонов, сын комиссара Красной армии и председателя Главного концессионного комитета Валентина Трифонова (кв. 137), написал повесть, превратившую Дом правительства в Дом на набережной. Его вдова, Ольга Трифонова, стала директором музея «Дом

на набережной», который собирает книги, письма, рассказы, картины, дневники, фотографии, граммофоны и другие следы Дома правительства.

Благодарности

На написание этой книги ушло много лет. Я благодарен Гуверовскому институту в Стэнфорде за самый спокойный год жизни и Виссеншафтсколлеге в Берлине за один из самых счастливых; Национальному фонду гуманитарных наук, Национальному совету евразийских и восточноевропейских исследований и Калифорнийскому университету в Беркли за финансовую поддержку; Кристиане Бюхнер за сотрудничество и документальный фильм; Ольге Бандример за транскрипцию интервью; Артему Задикяну за несравненные фотографии и столь же несравненную щедрость; Элеоноре Гилбурд, Кэтрин Зубович, Клариссе Ибарре, Николь Итон, Майклу Коутсу, Джейсону Мортону, И. Т. Сидоровой, Виктории Смолкиной, А. Г. Теплякову, Брэндону Шехтеру и Чарльзу Шоу за помощь в поисках документов. Особая благодарность – друзьям и коллегам, которые прочитали всю рукопись и прислали конструктивную и деструктивную критику: Виктории Боннелл, Джорджу Бреслауэру, Амиру Вайнеру, Джеймсу Вернону, Брайану Делэю, Сергею Иванову, Джозефу Келлнеру, Иоахиму Кляйну, Джону Коннелли, Томасу Лакёру, Элизабет Макгуайр, Ольге Матич, Бенджамину Натансу, Эрику Нейману, Энн Несбет, Джой Ноймайер, Дэниелу Орловскому, Ирине Паперно, Этану Поллоку, Игорю Примакову, Хэнку Райшману, Эдварду Уокеру, Мириам Феркелиус, Виктории Фредемонтемайор, Григорию Фрейдину, Дэвиду Холлингеру, Ирвину Шайнеру и всем членам берклийского кружка по русской истории.

Джон Джерде спрашивал меня, как я собираюсь писать эту книгу, пока я не собрался ее писать; Реджи Зельник заметил бы присутствие персонажа, который не жил в Доме правительства; Бригитта ван Райнберг превратила громоздкую рукопись в «Дом правительства»; а Зои Паньямента наглядно показала, как работает хороший литературный агент. Варвара Горностаева руководила созданием русской версии, а Екатерина Владимирская снова научила меня писать на родном языке.

Больше всех я обязан женщинам, которые создали музей «Дом на набережной» и приняли меня в свою среду: покойным Виктории Борисовне Волиной, Елене Ивановне Перепечко и Тамаре Андреевне Тер-Егизарян и моим друзьям и учителям Инне Николаевне Лобановой, Татьяне Ивановне Шмидт и Ольге Романовне Трифионовой. Эта книга посвящается им.

Взаимность обратно пропорциональна близости. На услугу постороннего следует ответить как можно скорее; близкий друг может ждать обещанной саги двадцать лет; все семьи похожи друг на друга, потому что на них не распространяются правила обмена дарами. Поэтому я не благодарю Петра Слёзкина и Лизу Литтл за их участие в написании этой книги.

Книга первая В пути

Часть I Ожидание

Карта Москвы

1. Болото

Москва выросла на высоком берегу реки, именем которой названа. Замоскворецкие низины обросли слободами стрельцов, казаков, кузнецов, кадочников, хамовников, овчинников, толмачей и ордынцев, но пойма реки напротив Кремля долго оставалась цепью озер и болот. В 1495 году Иван III приказал снести все постройки вдоль левого берега реки и разбить на их месте великокняжеские сады. Сады были посажены, а при Алексее Михайловиче аккуратно подстрижены, но ил не отступал. Средние Садовники на западе ограничивались Болотом, на востоке – Балчугом («болото» по-татарски), а на юге – безымянными лужами и топями. После того как на месте брода через Москва-реку был построен Всехсвятский Каменный мост, начало южного тракта превратилось в людный торг с лавками, кабаками и складами. После пожара 1701 года сады забросили, а часть болота стала рыночной площадью и местом для фейерверков, кулачных боев и публичных казней¹.

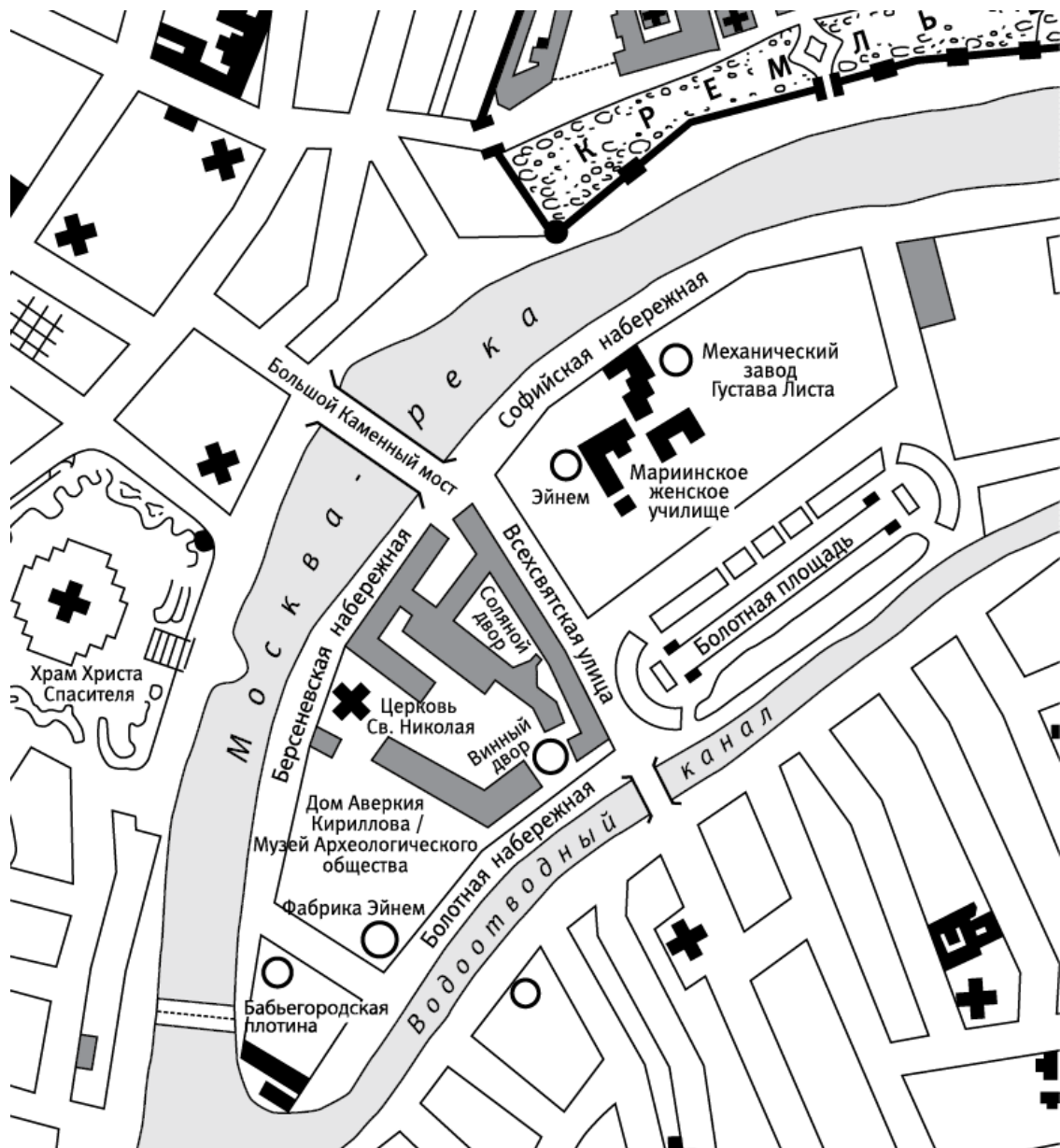
После половодья 1783 года вдоль южного края поймы был вырыт Водоотводный канал. Берега превратились в набережные, поперечные «ровушки» в переулки, а бывшие Государевы сады в густонаселенный месяцеобразный остров. Пожар 1812 года, выкуривший Наполеона из Москвы, уничтожил большую часть зданий и рассеял их жителей. Новые постройки – школы, трактиры, фабрики и купеческие дома – строились из камня. Бабьегородская плотина у западной оконечности острова сделала канал судоходным, а наводнения – менее частыми. Рядом с плотиной, на кремлевской стороне, вырос храм Христа Спасителя, освященный в 1883 году и посвященный «вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ российский, и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели»².

В канун Первой мировой войны почти вся западная («Болотная») часть острова принадлежала Фабрике шоколада, конфет и чайных печений Эйнем, славившейся голландским какао, сладкими корзинами для невест, цветными фигурками из марципана и тортом «Полюби меня». Основанная в 1867 году двумя немецкими предпринимателями, разбогатевшими на поставках сиропов и варений русской армии, фабрика располагала несколькими паровыми машинами и поставляла сладости двору его императорского величества. Директор Оскар Гейс, сын одного из основателей, жил неподалеку в большом двухэтажном особняке с клозетами на обоих этажах, оранжереей с двумя парниками и большой конюшней с каретным сараем. На другом конце двора располагались квартиры экономок, фельдшеров, кучеров, инженеров (в основном немцев) и семейных и холостых служащих, а также библиотека, столовая, прачечная, коровник и несколько лавок и «помещений для рабочих». Фабрика славилась сравнительно высокими зарплатами, хорошими условиями труда, любительским театром и «зубатовской» кассой взаимопомощи. По воскресеньям к обеду полагалась «сотка» водки или бутылка пива на двоих. Дети до шестнадцати лет получали бесплатную одежду, пели в духовном хоре, работали в магазине (около одиннадцати часов в день) и не имели права выходить из общежития после восьми вечера. Около половины рабочих служили на фабрике более пятнадцати лет. Женщины получали значительно меньше, чем мужчины. Самую тяжелую работу выполняли поденщицы и подростки³.

¹ Якиманка (М.: Элита, 1998), с. 24–38; *По Москву. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям* (М.: изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917), с. 301–305; О. Шмидт, *Замоскворечье. Якиманская часть* (М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 1999), с. 5–22, 36–37.

² Якиманка, с. 33–38, 47; Шмидт, *Замоскворечье. Якиманская часть*, с. 23–24; Е. Кириченко, *Храм Христа-Спасителя в Москве: История проектирования и создания собора 1813–1931* (М.: Планета, 1992), с. 16.

³ О. Оробей, ред., *Строители России – XX век: Москва начала века* (М.: О-Мастер, 2001), с. 120–121; В. Кондратьева

Болото

и В. Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии. Конец XVIII – начало XX в.* (М.: ЦГУ Москвы, 1968), с. 97; В. Руга и А. Кокорев, *Москва повседневная, очерки городской жизни начала XX века* (М.: Олма-Пресс, 2005), с. 78–81; <http://www.redoct.msk.ru/rus/about/history.shtml>; ЦИАМ ф. 179, оп. 62, д. 17680; оп. 63, д. 17546; И. Евсенин, *От фабриканта к Красному Октябрю* (М.: Изд-во ВЦСПС, 1927), с. 15–20.

Вид на Болото и храм Христа Спасителя со стороны Кремля

Между шоколадной фабрикой и новым каменным зданием Императорского яхт-клуба (на «Стрелке» при слиянии Москва-реки и Водоотводного канала) находились Бабегородские казармы и, среди прочего, пивная лавка торгового дома «Андреев и Добрышев», хлебная лавка крестьянина Михаила Алексеевича Воробьева, овощная лавка крестьянина Николая Осиповича Трандина, столярная мастерская мещанина Александра Тихоновича Богданова, портновское заведение крестьянина Бориса Евдокимовича Евдокимова и коробочное заведение с квартирой цеховой Феодосии Андриановны Сурниной. С восточной стороны фабрика граничила с Домом думного дьяка Аверкия Кириллова, в котором располагалось Московское археологическое общество, и с церковью Св. Николая Чудотворца, в которой хранились останки Аверкия Кириллова. Церковные сторожа, дьяконы, псаломщики, просфорники и священники (отец Орлов и отец Дмитриев) жили при погосте рядом с богадельней Св. Николая⁴.

По рассказу Николая Бухарина, выросшего на Большой Ордынке, замоскворецкие церкви были полны народа.

Купчихи в шелковых платьях стояли впереди, шелестели кофтами и юбками, крестясь пухлыми розовыми ручками. Истово и степенно молились их мужья. За ними располагалась челядь из приживалок: старушки в черном, богобоязненные сплетницы, охранительницы семейного очага и сводницы, тетушки и племянницы, ждавшие женихов и млевшие от тоски и жира, наперсницы, дворовые. Тут же фасонисто стояли чиновники и чиновницы. А позади густой толпой жался, стоя и на коленях, люд черный, усталый, ждавший утешения от Бога всеблагого, спасения от Спаса нашего. Но Спас молчал и лишь печально смотрел сквозь огонь лампад на склоненные тела, на согбенные спины, на тяжкие вздохи обездоленных... Ребяшня

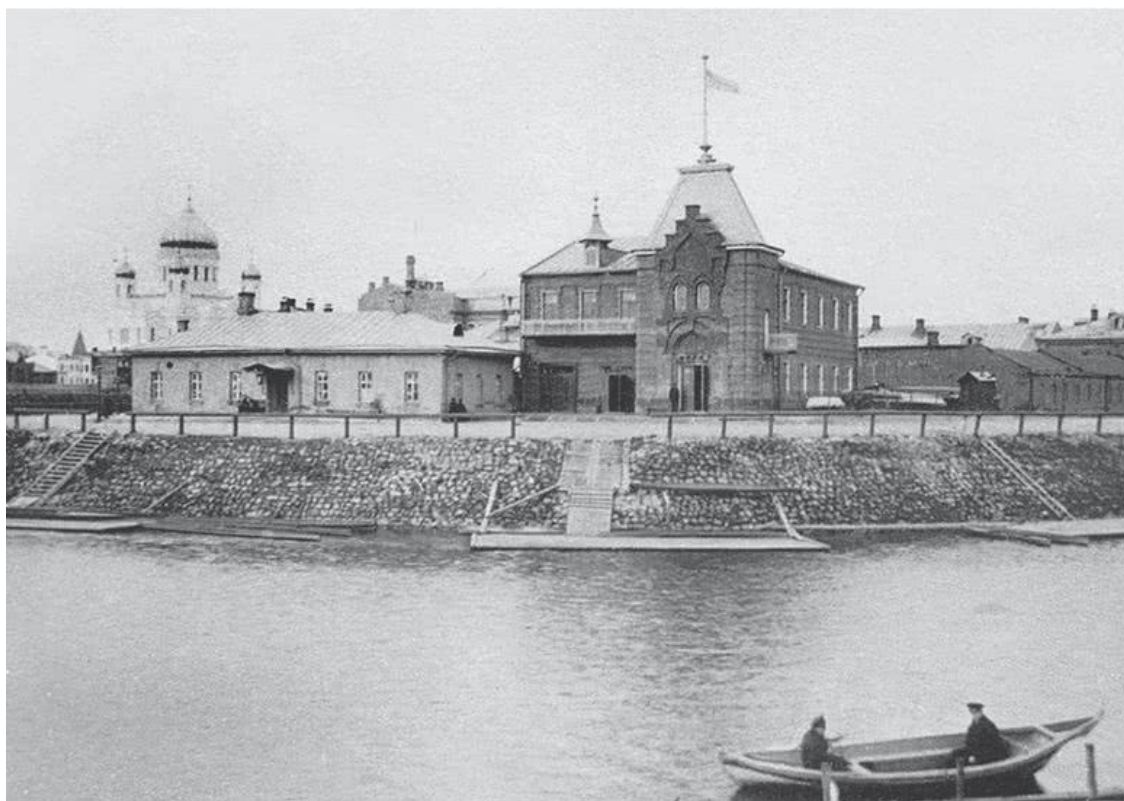
⁴ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17678, 17679, 17544, 17686; М. Коробко, *Расступитесь, думный дьяк идет! Палаты на Берсеневской Набережной* <http://testan.narod.ru/article/bersen.htm>; Шмидт, *Замоскворечье. Якиманская часть*, с. 29–34.

пересмеивалась не без страха. Слюнявили пальцы и тушили ими свечки. Свечки трещали, мальчишки и девчонки фыркали, и смех душил их, несмотря на грозные взоры старших. Кое-где переглядывались влюбленные. На паперти сидели нищие калеки в жалком отребье, в лохмотьях, с култушками вместо рук и ног, с кровавыми глазами, с бельмами, вывороченными веками, слепые, хромые, Христа ради юродивые⁵.

Вид на Эйнем со стороны храма Христа Спасителя

⁵ Н. Бухарин, *Времена* (М.: Прогресс, 1994), с. 23.

Яхт-клуб

Дом Аверкия Кириллова

Многие из них жили по соседству. Около церкви, вокруг шоколадной фабрики и вдоль Водоотводного канала (Канавы) теснились дворы, застроенные деревянными и каменными домами с тамбурами, пристройками, антресолями, верандами, подвалами, чердаками, крыль-

цами, флигелями и мезонинами. Дома делились на квартиры, а квартиры на комнаты, каморки и «углы с койками», обитатели которых ходили или не ходили в церковь Св. Николая Чудотворца. Фабричный подмастерье Семен Канатчиков, который приехал на Болото из деревни Гусево Волоколамского уезда в 1895 году в возрасте шестнадцати лет и первое время регулярно ходил в церковь, жил в «огромном каменном доме, двор которого напоминал большой каменный колодец. У верхних этажей всюду на протянутых веревках болталось мокрое белье. Во дворе пахло едкой вонью и карболкой. По всему двору блестели грязные лужи и валялись отбросы овощей. У квартир и во дворе всюду толпился народ – шумели, кричали, ругались». Канатчиков жил в одной из этих квартир с пятнадцатью крестьянами из его уезда. «Одни были холостые, у других жены жили в деревне и вели свое хозяйство»⁶.

Церковь Св. Николая Чудотворца

⁶ С. Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн.1 (М.: Земля и фабрика, 1929), с. 8–11.

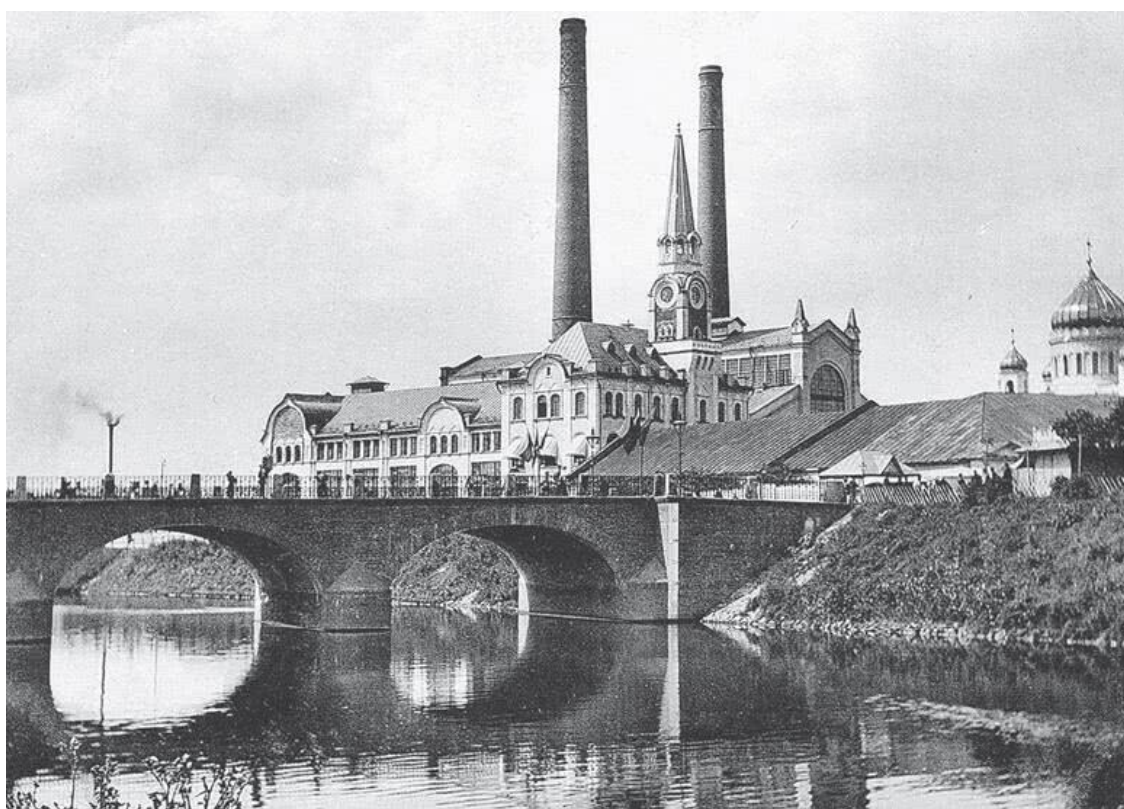
Вид с Бабьегородской плотины на Берсеневскую набережную

Вид на Замоскворечье со стороны Водоотводного канала

Ворота Винно-соляного двора

Электростанция

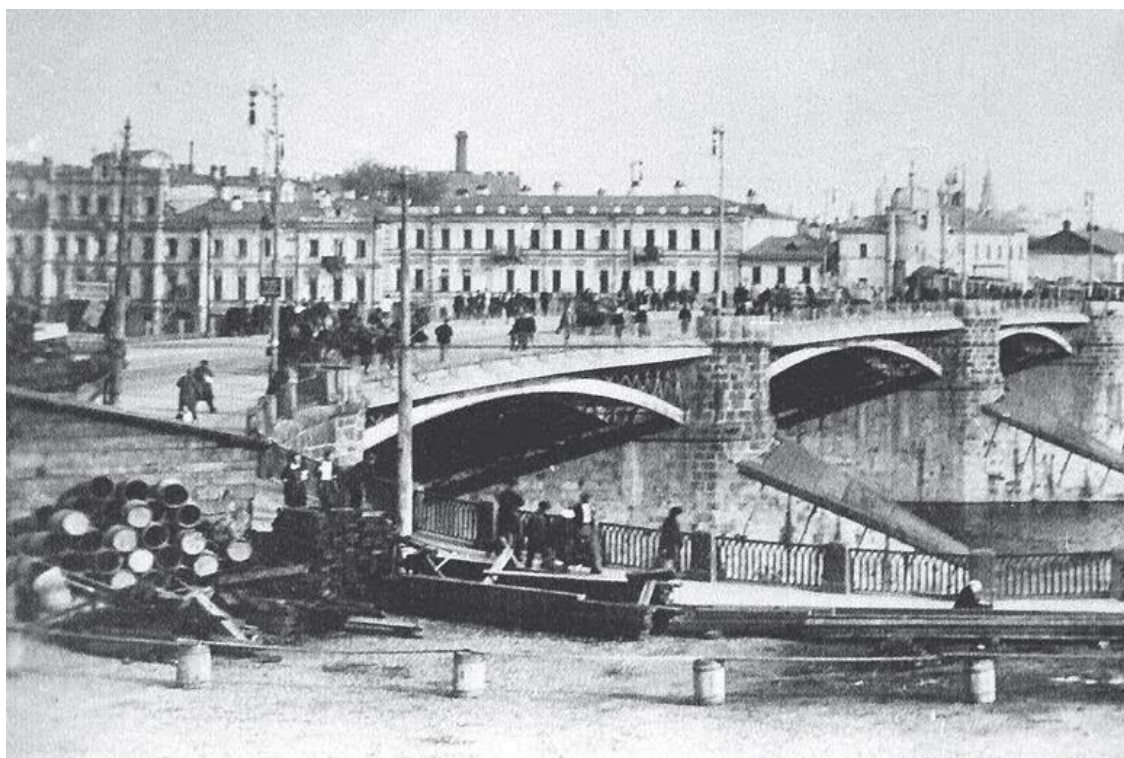
Дом рядом с электростанцией

Рядом с церковью Св. Николая находилась водочная фабрика Ивана Смирнова и сыновей, принадлежавшая внуку Ивана, Сергею Сергеевичу Смирнову, и продававшая в год 330 тысяч ведер водки (спирт для которой, по заключению одной из правительственных комиссий, производили мелкие самогонщики в Тульской губернии). Между водочной фабрикой и Всехсвятской улицей находилась территория бывшего Винно-соляного двора, где размещался Столичный съезд мировых судей с архивом, канцелярией и квартирами служащих, а также контора и квартира заведующего городской канализацией, контора водопровода, несколько каменных амбаров (в том числе три для яблок и один для яиц) и Главная трамвайная электростанция, увенчанная двумя трубами и башенкой со шпилем⁷.

Всехсвятский мост, известный как Большой Каменный (хотя с 1858 года он был в основном железным), служил местом сбора паломников и нищих. Исключением была первая неделя Великого Поста, когда вся округа превращалась в «грибной рынок». Как сообщали газеты, среди «бесчисленных рядов ларей и телег с горами всякой постной снеди» преобладали грибы, но много было и меда, варенья, баранок, редьки, мешков с сушеными фруктами, «всевозможных дешевых кондитерских сластей» и лавок «с посудой, дешевенькой мебелью и всяческими несложными и незатейливыми принадлежностями домашнего обихода». Ряды тянулись вдоль реки до Большого Устьинского моста. «Над рынком стоит гул от криков, смеха, свиста тысяч народа – у многих еще не вышел масленичный угар, в воздухе висят невеликопостные шутки, остроты. Под ногами – грязное месиво, но публика не обращает на это внимания. Немало карманников, они умышленно устраивают давку»⁸.

⁷ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17693, 17693а; оп. 63, д. 17551, 17559, 17560; Кондратьева и Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов*, с. 268; В. Похлебкин, *История водки* (М. Центрполиграф, 2007), Приложение 9 (<http://www.pohmel.com/?q=node/394>); Оробей, ред., *Строители России*, с. 279–280.

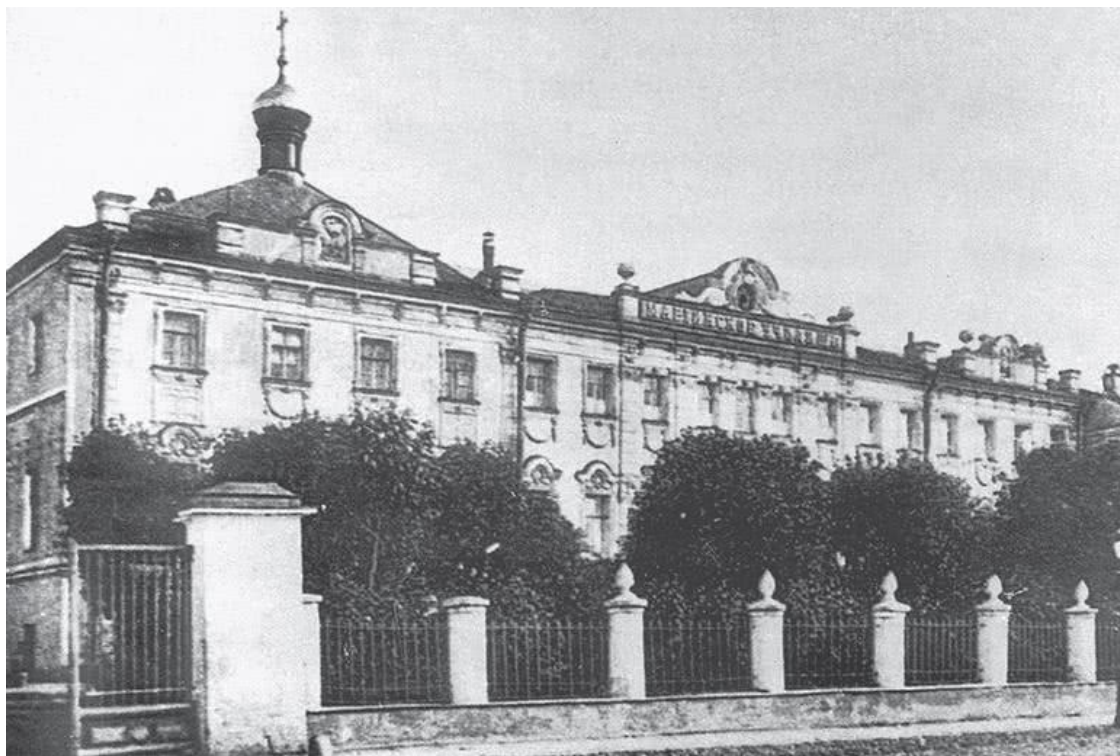
⁸ Joseph Bradley, *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia* (Berkeley: University of California Press, 1985), с. 251; Оробей, ред., *Строители России*, с. 153. Цит. по: Руга и Кокорев, *Москва повседневная*, с. 88–90.

Большой Каменный мост

Грибной рынок

Мариинское женское училище

Через улицу от Винно-соляного двора (на углу Всехсвятской и Софийской набережной) находилась часовня Св. Николая Чудотворца, «что в Бирлюковской пустыни», с двумя небольшими флигелями, в которых помещались сменявшие друг друга лавки (мануфактурная, колониальная, книжная, овощная) и квартиры монашествующих. К часовне примыкало несколько трактиров, дешевая баня, служившая также публичным домом, и несколько зданий бывшего Суконного двора с квартирами служащих шоколадной фабрики и многочисленными лавками, среди которых числились паяльная мастерская крестьянина Ивана Васильевича Лапшина, парикмахерский магазин цехового Моисея Васильевича Васильева, сапожный магазин крестьянки Пелагеи Арсеньевны Алексеевой, белошвейный магазин купчихи Прасковьи Сафоновны Трусовой, красильный магазин мещанки Клавдии Матвеевны Пономаревой, модная мастерская мещанина Алексея Тимофеевича Панкратьева, золотошвейная мастерская мещанки Анны Александровны Ивановой, пивная лавка крестьянки Варвары Федоровны Куликовой, чулочная мастерская жены коллежского регистратора Авдотьи Семеновны Вайнштейн и фонограф мещанина Василия Федоровича Заботина⁹.

Дальше по набережной, напротив Кремля, располагалось Мариинское женское училище, призванное «способности учащихся употреблять не только для образования ума, но и для образования сердца и характера». Образование сердца происходило в музыкальных классах на первом этаже, между столовой и канцелярией. С 1894 по 1906 год теорию музыки преподавал Сергей Рахманинов, зарабатывавший таким образом освобождение от воинской повинности. По словам одной из его учениц, входя в класс, Рахманинов, которому тогда было 23 года, «садился за стол, нередко вынимал носовой платок, долго вытирал им лицо, затем, опустив голову на пальцы рук, вызывал ученицу, иногда не поднимая головы и не глядя на нее, спрашивал урок». Однажды утром он рассердился на кого-то из учениц и ушел с урока домой,

⁹ ЦИАМ ф. 179, оп. 62, д. 17697, 17694, 17695, 17696; оп. 63, д. 17563, 17561; Semen Kanatchikov, *A Radical Worker in Tsarist Russia: The Autobiography of Semen Ivanovich Kanatchikov*, ed. and trans. Reginald E. Zelnik (Stanford, CA: Stanford University Press, 1986), 7, 25, 34. Ср.: Канатчиков, *Из истории*, кн. 1, с. 8, 21.

но вскоре пожалел об этом и написал директору записку: «Я вообще плохой преподаватель, а сегодня еще был к тому же непростительно зол, но если бы знал, что за мою злость ученицы будут расплачиваться, я бы не позволил себе этого». В качестве покаяния он написал Шесть хоров для женских или детских голосов с фортепиано (*Op. 15*) и принял участие в нескольких ученических концертах¹⁰.

¹⁰ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17699; *Якиманка*, с. 52; М. Челищева, «С. В. Рахманинов в Мариинском училище» из *Воспоминаний о Рахманинове*, том 1 (М.: Музыка, 1988), с. 386–389; С. Рахманинов, *Письма* (М.: Музыкальное издательство, 1955), с. 115; В. Брянцева, *С. В. Рахманинов* (М.: Советский композитор, 1976), с. 206–207; Barrie Martyn, *Rachmaninoff: Composer, Pianist, Conductor* (Aldershot: Scolar Press, 1990), с. 104–106; А. Горькушкина, «Рояль Рахманинова» (*Вечерняя Москва*, 19 октября 1992).

Рахманинов в 1904 г.

Сразу за училищем располагался механический завод Акционерного общества Густава Листа, производивший паровые машины, пожарные насосы, водопроводное оборудование и вентиляторы. Сам Густав Лист жил над заводской конторой в большой квартире с зимним

садом. Он приехал из Германии в 1856 году и, проработав несколько лет механиком на Воронежском сахарном заводе, открыл в 1863 году фабрику на Софийской набережной. В 1897-м фирма стала акционерным обществом. В 1901 году на заводе работало около семисот человек¹¹.

Большую часть квартала занимали заводские склады, мастерские и общежития. Семен Канатчиков работал в «аристократической» модельной мастерской. «Большинство модельщиков были городские жители – одевались чисто, брюки «навыпуск», рубашки носили «фантазия», заправленные в брюки, воротничок подвязывали вместо галстука цветным шнурком, а по праздникам некоторые ходили даже в котелках. Стриглись «под польку» или ершом. Держались солидно с сознанием собственного достоинства, по-матерному ругались лишь «в сердцах» в случае крайней необходимости, да еще в получку, когда напивались, да и то не все»¹².

Механический завод Густава Листа

¹¹ ЦИАМ, ф. 179, оп. 62, д. 17700; Оробей, ред., *Строители России*, с. 118; Кондратьева и Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов*, с. 93, 115.

¹² Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн.1, с. 17–18.

Болотная площадь. Вид со стороны Кремля

В литейной мастерской, куда попадали готовые материалы, «как кроты, рылись в земле и пыли грязные черные люди, у которых на черном фоне покрытого копотью лица блестели только белки глаз». Под «грохот огромных подъемных кранов, перебираемых шестерен и лязганье толстых цепей» по желобу из вагранки «выливалась огромная тяжелая огненно-красная струя расплавленного чугуна, разбрасывая вокруг большие пылающие брызги-искры и освещающая стоявшие вокруг мрачные фигуры литейщиков»¹³.

Когда Канатчиков поступил на завод, рабочий день продолжался одиннадцать с половиной часов (не считая сверхурочных ночных смен осенью и зимой, когда было много заказов), но после забастовки петербургских ткачей в 1896 году Лист сократил рабочий день до десяти часов. Большинство рабочих, как «городские», так и «деревенские» (которые «носили сапоги с голенищами, подпоясанные поясом ситцевые косоворотки, стриглись «под горшок» и носили бороды, к которым редко прикасалась рука парикмахера»), жили на Болоте. В нерабочее время они пили смирновскую водку, дрались на свадьбах, рассказывали анекдоты про попов, удили рыбу в Канаве и Москва-реке, встречались в купальнях с местными проститутками, ухаживали в Александровском саду за чулочницами и поварами, читали уголовную хронику, романы с продолжениями, духовные книги и социалистические брошюры, устраивали кулачные бои на льду около плотины (обычно с рабочими Бутиковской текстильной фабрики с Пречистенской набережной) и ходили на подпольные собрания, а также в церковь, Третьяковскую галерею или Исторический и Румянцевский музеи. По воскресеньям в музеи пускали бесплатно, но лучшим «даровым зрелищем», по словам Канатчикова, были московские пожары, на которые рабочие Листа, «как бы ни были усталые, сломя голову бежали»¹⁴.

¹³ Там же, с. 43.

¹⁴ Там же, с. 14, 17–18.

Болотный рынок

Дважды в месяц по субботам артель Канатчикова «предавалась дикому разгулу. Одни, прямо с завода, получив получку, шли в пивные, в трактиры, в злачные места, а иные, пофрантоватее, заходили на квартиру сначала переодеться». В следующий понедельник «страждущие» лечились от похмелья спиртовым лаком, который хранился в специально приготовленном жестяном бидоне. «После обеда половина мастерской была пьяна. Одни слонялись по чужим верстакам, другие отсиживались в уборной. Не в меру опохмелившиеся шли спать в сушилку или модельный сарай»¹⁵.

К востоку от механического завода находился особняк сахарозаводчика Харитоненко с готическими интерьерами Федора Шехтеля и большой галереей русского искусства, а между заводом и Канавой пролегалo собственно Болото – большая площадь, застроенная длинными каменными амбарами с сотнями лотков и лавок. В конце лета пространство между амбарами превращалось в гигантский фруктово-ягодный рынок. Каждый вечер перекупщики собирались в чайной Афанасьева, чтобы договориться о ценах. Около двух часов ночи они выходили к подъезжавшим крестьянам и «неспешно ходили вдоль линии возов, привычно поглядывая на ягодное изобилие. Выбрав то, что нужно, они называли цену и, если крестьянин начинал возражать, с деланным безразличьем отходили в сторону, спокойно закуривали папироску». Начинался торг. По словам репортера «Московского листка», «цифры, божба и ругань, клятвы и остроты – все это перемешивается, подхватывается и разносится по площади». На рассвете крестьяне разъезжались, начиналась торговля, и, «как по волшебству, все разом оживало, становилось красивым и веселым». Выбор был столь велик, «что можно было подивиться объему и аппетиту московского чрева, проглатывающего ежедневно эти дары Болота, – так, между прочим, как лакомство и пустую забаву»¹⁶.

¹⁵ Там же, с. 11, 15–16. См. также: Robert Eugene Johnson, *Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century* (New Brunswick: Rutgers University Press, 1979); Victoria E. Bonnell, *Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914* (Berkeley: University of California Press, 1983).

¹⁶ Руга и Кокорев, *Москва повседневная*, с. 94–98. См. также: Якиманка, с. 40; Оробей, ред., *Строители России*, с. 153, 181.

После восхода солнца ягоды сменялись грибами, овощами и гуляющим народом. По воспоминаниям Николая Бухарина, по праздникам население конур «задыхалось в чаду трактиров и полупивных с красно-синей вывеской «Пивная с садом» или с причудливо выведенными буквами «Трахтер: Свидание друзей». Здесь сновали половые в грязной одежде, которая только по названию была белой, дым стоял коромыслом, играла «машина», дребезжали стаканы, рвала воздух гармоника, звучали надрывные, тоскливые песни. Все это пестрое, многоликое пело, буянило, пило, орало, обнималось, дралось, целовалось, плакало»¹⁷.

* * *

Государство в лице различных чиновников и учреждений пыталось оздоровить и регламентировать жизнь на Болоте. Оно инспектировало рыночные лавки и продукцию Эйнема, Смирнова и Листа; ремонтировало улицы, мостовые и набережные (Берсенеvская и Софийская были в числе самых благоустроенных в городе); выуживало трупы пьяниц и самоубийц из Канавы; считало каждую дверь и каждого жильца ради налогового учета и политической слежки; снабжало население и предприятия водой, газом и электричеством (с приложением подробных правил подключения и пользования); устанавливало гидранты Листа и тушило пожары (все чаще предпочитая лошадям автомобили, а каланчам телефоны); проводило канализацию, а в 1914 году сделало подключение к ней обязательным для собственников (которым предписывалось сообщать о «распространяющемся из ватерклозета или писсуара зловонии»); отвечало за осушение затопленных районов и вывоз мусора на свалки; хранило и сортировало мясо на городских скотобойнях; выпускало номерные бляхи для извозчиков и контролировало уличное движение и правила стоянок; расширяло трамвайную сеть, которая питалась от электроэнергии, производившейся на территории Винно-соляного двора (при помощи бакинской нефти, доставлявшейся водным и железнодорожным путем в хранилище при Симонском монастыре, а оттуда по подземным трубопроводам в Болото); занималось доставкой писем, посылок и телеграмм; заменяло керосиновые уличные фонари на газовые, а перед храмом Христа Спасителя и вдоль трамвайных путей – на электрические; обязывало владельцев недвижимости вывозить грязный снег за городскую черту и нанимать дворников и ночных сторожей для уборки, охраны и тайного наблюдения; высаживало деревья и благоустраивало городские парки беседками, павильонами и летними театрами; строило и содержало большинство школ; оплачивало стоимость половины больничных коек; следило за благонадежностью спектаклей и публикаций; содержало богадельни, детские приюты, ночлежные дома и попечительства о бедных; и следило за тем, чтобы все российские и иностранные подданные отмечались по месту жительства, а все факты рождения, смерти и брака регистрировались компетентными религиозными учреждениями¹⁸. (Чтобы получить разрешение на брак с кузиной, Рахманинов должен был предоставить справку об исповеди, найти полкового священника, не подчиненного синодальному ведомству, и получить разрешение государя императора.)¹⁹

Современное государство делает слишком много или слишком мало. Его услуги – одновременно вмешательство в жизнь и жалование прав. Россия начала XX века не была совре-

¹⁷ Бухарин, *Времена*, с. 23.

¹⁸ Оробей, ред., *Строители России*, с. 255–256, 261–262, 266–273, 276–280, 285–286, 293–294, 328, 360; Руга и Кокорев, *Москва повседневная*, с. 225, 237–238, 244, 297–318, 339–340 (о запахе цит. по с. 305); Robert W. Thurston, *Liberal City, Conservative State: Moscow and Russia's Urban Crisis, 1906–1914* (NY: Oxford University Press, 1987), с. 85–89, 154–159; Joseph Bradley, *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia* (Berkeley: University of California Press, 1985), с. 299–337; Paul W. Werth, «In the State's Embrace? Civil Acts in an Imperial Order», *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 7.3 (2006), с. 433–458.

¹⁹ *Воспоминания о Рахманинове*, т. 1, с. 125–126; Е. Дмитриевская, В. Дмитриевский, *Рахманинов в Москве* (М.: Московский рабочий, 1993), с. 75–76.

менным государством, потому что предоставление услуг отставало от промышленной экспансии (Москва была одним из самых быстрорастущих городов мира: до 70 процентов населения составляли мигранты, в основном крестьяне вроде Канатчикова), а бюрократические предписания воспринимались как необязательные или условные (Рахманинов раздобыл фальшивую справку об исповеди, справил свадьбу в полковой церкви Шестого гренадерского полка и получил от царя записку: «Что Бог соединил, человек да не разлучает»). Но в первую очередь Российское государство не было современным потому, что не считало свои услуги осуществлением неотчуждаемых прав, а своих подданных – гражданами, сознательно вовлеченными в процесс собственной национализации. Оно не исходило из того, что кто-то помимо чиновников может активно участвовать в строительстве государства, ощущать личную заинтересованность в его дальнейшем развитии и испытывать потребность, сколь угодно противоречивую, в расширении бюрократического вмешательства²⁰.

Вместо этого государство предоставляло все больше услуг, усиливая контроль над потенциальными узурпаторами. В канун Первой мировой войны Москва была самым полицейским городом в Европе (278 жителей на одного полицейского, по сравнению с 325 в Берлине, 336 в Париже и 442 в Вене). Якиманская часть, в состав которой входило Болото, вела учет всех проживавших там иностранцев, евреев, студентов, извозчиков, рабочих и безработных, а также «торговых, трактирных, фабричных и ремесленных заведений». Помимо рутинной отчетности полицейские агенты должны были следить за благонадежностью служащих различных заведений («сообщив при этом сведения о настроении названных служащих, а также не замечен ли кто из них во вредном влиянии на сослуживцев»), призывать жителей вывешивать флаги по государственным праздникам и «иметь тщательное наблюдение» за всеми «лицами, состоящими под гласным или негласным надзором полиции». В графе «характерные приметы» лица эти описывались как «вспыльчивые», «разговорчивые» или «задумчивые». Чем усерднее работала полиция, тем более вспыльчивыми, разговорчивыми и задумчивыми становились их подопечные²¹.

В сентябре 1905 года рабочие Листа в числе первых в Москве вышли на забастовку с требованием гражданских свобод, «неприкосновенности личности» и улучшения условий труда. После митинга на Софийской набережной примерно триста из них прошествовали к шоколадной фабрике Эйнема и потребовали, чтобы она прекратила работу. В ноябре 1905 года механическая мастерская Эйнема превратилась в оружейный завод. «Кузнецы ковали, а слесаря подпиливали и оттачивали, ножи, кинжалы и все, что можно приготовить из металла», в ожидании «Варфоломеевской ночи» (о которой, по словам первого советского историка фабрики, «имели представление как о беспорядочной резне»). В декабре 1905 года на Болоте стреляли и строили баррикады; в 1906 и 1913 году прошли новые забастовки; наводнение 1908 года затопило большую часть «конур, где голые дети ползали среди грязного тряпья»; а немецкие погромы 1915 года привели к частичному разорению фабрики Эйнема и полному разрушению шести ее кондитерских магазинов в других частях города. Жители Болота становились все более вспыльчивыми, разговорчивыми и задумчивыми. Сословные ярлыки («крестьянин» Канатчиков, «дворянин» Рахманинов) имели мало отношения к тому, чем занимались граждане; церковные истины (от божественной природы самодержавия до пользы исповеди) подвергались сомнению и осмеянию; новые центры организации экономики (в том числе Лист и Эйнем) не соответствовали привычным представлениям о хозяйственном укладе; новая железнодорожная сеть с центром на севере Москвы (и тяготеющие к ней промышленные и торговые рай-

²⁰ Bradley, *Muzhik and Muscovite*, с. 4, 9–40; Оробей, ред., *Строители России*, с. 29–30; *Воспоминания о Рахманинове*, т. 1, с. 125–126; Дмитриевская, Дмитриевский, *Рахманинов в Москве*, с. 75–76.

²¹ Thurston, *Liberal City, Conservative State*, с. 87; ЦИАМ, ф. 1272, оп. 1, д. 345–358 (о коммерческих учреждениях цит. по д. 358); ф. 475, оп. 19, д. 167, 167, 168; оп. 17, д. 1312, л. 3–39. См. также: Jonathan W. Daly, *The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2004).

оны) не укладывалась в радиальную уличную схему, привязанную к Кремлю; а высокая литература, все дальше уходившая от массовой, потеряла надежду найти осмысленную связь между «давным-давно» и «жили счастливо и умерли в один день». Россия была не единственной жертвой столкновения индустриализации с *fin-de-siècle*, но упрямая косность старого режима придавала ее метаниям характер апокалиптического нетерпения. Империя кишела пророками, предсказателями и бродячими проповедниками. Все исходило из того, что мир болен, а конец близок²².

Помимо правоверных православных, которые читали больше божественных книг и чаще рассказывали о чудесных видениях и исцелениях, чем полвека назад, Россия полнилась пролетарскими поэтами, писавшими о «цепях страданий» и грядущем избавлении; иоаннитами, почитавшими Иоанна Кронштадтского как провозвестника Судного дня; братцами (чуриковцами), искавшими личного спасения в трезвенности, умеренности и духовности; толстовцами, проповедовавшими моральное преображение посредством вегетарианства и непротivления злу насилием; духоборами, которым толстовцы (и их собратья квакеры) помогали бежать от воинской повинности; баптистами, активно и успешно распространявшими принцип всеобщего священства; эсерами, видевшими в русском крестьянстве средство и цель всеобщей эмансипации; социал-демократами, верившими в искупительную миссию городского пролетариата; декадентами, жившими «с тягостно-горделивым сознанием», что они «последние в ряду былой высокой культуры»; и наконец, символистами, которые, по словам Владимира Соловьева, к каждому предмету и явлению, включая собственную жизнь, подходили «с точки зрения его окончательного полного состояния или в свете будущего мира»²³.

На Болоте и в его окрестностях все были символистами. Любимой книгой десятилетнего Николая Бухарина было Откровение Иоанна Богослова – «торжественно-непонятный пафос ее, космологические катаклизмы, трубы архангелов, воскресение мертвых, Зверь, последние времена, Вавилонская блудница, чудесные чаши». Прочитав «Краткую повесть об Антихристе» Соловьева, он ощутил, как «пробежали по спине мурашки», и спросил у матери, не блудница ли она. Александр Воронский, сын тамбовского священника, который жил на чердаке над замоскворецкой просфорней и учил кожевников марксизму в подвале у церковных ворот, мечтал о «ненависти-вдохновительнице» и «повторял мысленно оглушительные и неотврати-

²² И. Спиридонов, *Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.* (М.: Госполитиздат, 1955), с. 51–52, 57; Laura Engelstein, *Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict* (Stanford: Stanford University Press, 1982), с. 85–86, 110, 206–208, 214; Кондратьева и Невзорова, ред., *Из истории фабрик и заводов*, с. 164, 172, 176; Евсенин, *От фабриканта к Красному Октябрю*, с. 26–34, 38–47 (о Варфоломеевской ночи цит. по с. 28); Eric Lohr, *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I* (Cambridge: Harvard University Press, 2003), с. 16, 34. О наводнении см. материалы ЦИАМ после 1908 г., ф. 179, оп. 62, 63.

²³ Christine D. Worobec, «Miraculous Healings,» in Mark D. Steinberg and Heather D. Coleman, ed., *Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia* (Bloomington: Indiana University Press, 2007), с. 22–43; Roy R. Robson, «Transforming Solovki: Pilgrim Narratives, Modernization, and Late Imperial Monastic Life» в: Steinberg and Coleman, ed., *Sacred Stories*, с. 44–60; Mark D. Steinberg, *Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925* (Ithaca: Cornell University Press, 2002), с. 224–246; Nadieszda Kizenko, *A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People* (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2000), с. 196–200 и passim; Vera Shevzov, *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution* (Oxford: Oxford University Press, 2004); Gregory Freeze, «Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia», *Journal of Modern History* 68 (June 1996), с. 308–350; Heather J. Coleman, *Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929* (Bloomington: Indiana University Press, 2005), с. 41–60 и passim; А. Эткинд, *Хлыст. Секты, литература и революция* (М.: НЛЮ, 1998); Olga Match, *Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle* (Madison: The University of Wisconsin Press, 2005), с. 9–10 (строка о «последних в ряду» по Вячеславу Иванову цит. по с. 3); Irina Paperno, «Introduction» и «The Meaning of Art: Symbolist Theories» в: Irina Paperno and Joan Delaney Grossman, ed., *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism* (Stanford: Stanford University Press, 1994), с. 1–23; В. Соловьев, *Собрание сочинений* (Ст. П. 1911–1914), т. 6, с. 85. См. также: David M. Bethea, *The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction* (Princeton: Princeton University Press, 1989); Irene Masing-Delic, *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature* (Stanford: Stanford University Press, 1992); Christopher Read, *Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia 1900–1912* (London: Macmillan, 1979); Laura Engelstein, *Castration and the Heavenly Kingdom* (Ithaca: Cornell University Press, 1999); Mark D. Steinberg, *Petersburg Fin de Siècle* (New Haven: Yale University Press, 2011), с. 234–267; Robert C. Williams, «The Russian Revolution and the End of Time: 1900–1940», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 43, No. 3 (1995), с. 364–401.

мые слова, которые заучил когда-то в отроческие годы: «И прекращу шум песен твоих, и звук цитр твоих уже не будет слышен... И разграбят богатство твое, и расхитят товары твои, и землю твою бросят в воду»²⁴.

Николай Федоров, работавший библиотекарем в Румянцевском музее, предложил практический план воскрешения мертвых и «восстановления родства, во всей полноте его и силе»; Семен Канатчиков, ходивший в Румянцевский музей «смотреть картинки», обнаружил, что в недалеком будущем «все будет общей собственностью трудящихся»; Александр Скрябин, соученик Рахманинова по Московской консерватории, взялся писать «Мистерию», призванную положить конец жизни на Земле; а сам Рахманинов, еще будучи преподавателем Мариинского женского училища, написал симфонию по мотивам церковного песнопения XIII века о Страшном суде, *Dies Irae*. Рецензия Цезаря Кюи на первое исполнение Первой симфонии начиналась словами: «Если бы в аду была консерватория, если бы одному из ее даровитых учеников было задано написать программную симфонию на тему семи египетских язв и если бы он написал симфонию вроде симфонии г. Рахманинова, то он бы блестяще выполнил свою задачу и привел бы в восторг обитателей ада»²⁵.

Наводнение на Болоте (1908)

²⁴ Н. Бухарин, *Времена*, с. 179–180; А. Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2 (М.: Антиква, 2005), с. 202, 222–234, 267–268, 310. Цитаты по с. 267–268, 310; Иез. 11:19; Иез. 26:12–13.

²⁵ Н. Федоров, *Сочинения* (М.: Мысль, 1982), с. 90; Канатчиков, *История моего бытия*, т. 1, с. 14, 29; Kanatchikov, *A Radical Worker*, с. 34; Polina Dimova, «The Poet of Fire: Aleksandr Skriabin's Synaesthetic Symphony «Prometheus» and the Russian Symbolist Poetics of Light» (неопубликованная рукопись); Martyn, *Rachmaninoff*, с. 94–104; Брянцева, *С. В. Рахманинов*, с. 214–241. Цитата Кюи по: Ю. Келдыш, *Рахманинов и его время* (М.: Музыка, 1973), с. 103.

Наводнение на Болоте (1908)

Наводнение на Болоте (1908)

Наводнение на Болоте (1908)

Консерватория была не единственным обреченным учреждением в Москве, а симфония о Страшном суде – не единственным сочинением Рахманинова о сломе времен. Работая над Первой симфонией о последних днях (*Op.* 13) и Шестью хорами для воспитанниц Мариинского училища (*Op.* 15), он написал музыку к стихотворению Тютчева «Весенние воды» (*Op.* 14, № 11). Тютчев был любимым поэтом символистов, а романс стал «символом общественного пробуждения» и гимном надежды и искупления²⁶.

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!

Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

²⁶ Martyn, с. 110; Брянцева, с. 247–249. Цитата о символе (Гр. Прокофьев, «Певец интимных настроений», Русская музыкальная газета 7, 1910, колонка 195) по: Келдыш, с. 128.

Двенадцатого мая 1904 года полиция перехватила письмо, отправленное неким «Я» из Нижнего Новгорода С. П. Мироничевой, «в дом городского общежития учащихся женщин на Софийской набережной». Ссылаясь на «Весенние воды» Тютчева/Рахманинова и «Когда же придет настоящий день?» Добролюбова, автор призывал девушку не поддаваться отчаянию.

Пусть будет это данью времени колебания, гнета и сомнений.
Но грядущее обновление неужели неспособно уже и сейчас поднять лучшие
элементы нашего времени до бодрости и веры. Идет же он, настоящий день.
Идет шумный, бурливый, сметающий по пути расслабленное, хилое и старое...
Близко уже заря, накладывающая свой фантастический и чарующий отблеск
и прозрачность на все и вся...²⁷

Неизвестно, знал ли читавший письмо сыщик, что «Я» – это Яков Свердлов, девятнадцатилетний ученик аптекаря, бывший гимназист и «профессиональный революционер».

2. Проповедники

Глашатаи «настоящего дня» делились на христиан и социалистов. «Второе пришествие» оставалось метафорой бесконечной отсрочки, но все больше «задумчивых» христиан ожидали Страшного суда на своем веку. Их веру разделяли революционеры, которые отождествляли Вавилон с капитализмом и жили в ожидании конца старого мира.

У них было много общего. Одни считали революционный социализм видом христианства, другие считали христианство видом революционного социализма. Бердяев и Сергей Булгаков предлагали дополнить христианство политическим апокалипсисом, Горький и Луначарский причисляли марксизм к религиям земного спасения, Бонч-Бруевич называл хлыстов и баптистов «передаточными пунктами» большевистской пропаганды, а большевик-пропагандист (и сын священника) Александр Воронский знал революционера, который использовал Евангелие как руководство к «насильственному свержению царского строя»²⁸.

Но обычно они считали друг друга антиподами. Христиане видели в социалистах атеистов или антихристов; социалисты с этим не спорили и называли христиан ханжами или невеждами. В стандартных социалистических автобиографиях отказ от «религии» был обязательным условием духовного пробуждения.

Большинство проповедников христианского апокалипсиса были рабочими и крестьянами. Большинство теоретиков рабоче-крестьянской революции были студентами и «вечными студентами». Студенты были детьми священников, чиновников, врачей, учителей и других «пролетариев умственного труда»: интеллигентов как метафорических евреев (избранных, изгнанных, образованных) и евреев как почетных интеллигентов независимо от профессии. Пожизненные вундеркинды, они наследовали священной миссии и жили чужаками среди «народа».

Виленский большевик Арон Солыц ассоциировал свое еврейство с «относительной интеллектуальностью» и сочувствием к революционному терроризму. Николай Бухарин вырос

²⁷ Я. Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1 (М.: Госполитиздат, 1957), с. 139.

²⁸ Эткинд, *Хлыст*, особ. с. 585–674; Read, *Religion, Revolution, and the Russian Intelligentsia*, с. 57–94; Catherine Evtuhov, *The Cross and the Sickle: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy, 1890–1920* (Ithaca, Cornell University Press, 1997); С. Булгаков, *Два града. Исследования о природе общественных идеалов* (СПб.: РГХИ, 1997), особ. с. 207–247; А. Луначарский, *Религия и социализм*, т. 1, 2 (СПб.: Шиповник, 1908–1911); Н. Бердяев, «Религиозные основы большевизма» в: *Собрание сочинений*, т. 4 (Paris: YMCA Press, 1990), с. 29–37; Н. Бердяев, *Русская идея: основные направления русской мысли XIX века и начала XX века* (М.: Сварог, 1997), с. 168–183; В. Бонч-Бруевич, *Избранные сочинения*, т. 1 (М.: АН СССР, 1959), с. 184; Roland Boer, *Lenin, Religion, and Theology* (New York: Palgrave Macmillan, 2013), с. 59–101; David Graeme Rowley, *Millenarian Bolshevism: Empiricism, God-Building, Proletarian Culture* (New York: Garland, 1987); Vatro Murvar, «Messianism in Russia: Religious and Revolutionary», *Journal for the Scientific Study of Religion* 10 (1971), с. 277–338; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 137.

в семье учителя гимназии, который «любил сболтнуть что-нибудь радикальное» и просил маленького Колю декламировать стихи перед гостями. Валериан Оболенский вырос в семье ветеринара «радикальных убеждений», который учил детей иностранным языкам и поощрял их к чтению Белинского и Добролюбова («не говоря уж о классиках»). Большевик Алексей Станкевич рос в убеждении, «что мать и отец гораздо развитее, умнее и честнее окружающей среды» (его отец, кологривский учитель, пил горькую в знак протеста против «мещанской среды уездного городка»). «Все это заставляло наши умы теряться в догадках»²⁹.

Арон Солыц

²⁹ *Деятели СССР и революционного движения в России* (М.: Советская энциклопедия, 1989), с. 372, 569, 688; Бухарин, *Времена*, с. 27–29; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1848 (А. П. Станкевич), л. 6.

Николай Бухарин

Быть интеллигентом значило задаваться «проклятыми вопросами» и чувствовать себя развитее, умнее и честнее окружающей среды (и оттого избранным и обреченным). Вопрос, может ли интеллигент ответить на проклятые вопросы и остаться интеллигентом, тоже был проклятым. Ленин думал, что нет (и не считал себя интеллигентом); авторы «Вех» утверждали, что настоящих интеллигентов не осталось (и считали себя исключениями); остальные не отличали потерянных от уверенных при условии, что они развитее, умнее и честнее окружающей среды. Доля преодолевших сомнения стремительно росла. Большинство интеллигентов верили в грядущую революцию; большинство верующих не сомневались, что за ней последует «царство свободы».

Социалисты состояли из марксистов и националистов. Классовое и национальное освобождение смешивалось в различных пропорциях. Меньшевики надеялись на растущую сознательность обнищавших пролетариев; большевики – на внеочередную рабоче-крестьянскую революцию в порядке местного исключения; народники – на вселенскую искупительную миссию русского крестьянства; бундовцы – на сохранение еврейской специфики в рамках марксистского космополитизма; а дашнаки, сионисты и польские националисты – на торже-

ство племенного освобождения на обломках имперского самовластья. Даже крайние случаи были компромиссными: марксисты говорили о «потомственных пролетариях» с собственной культурой и генеалогией; русские националисты назывались социалистами-революционерами, а не русскими националистами; а нерусские националисты представляли свои народы вселенскими пролетариями. Все говорили на библейском языке племенной избранности и страдания за человечество.

Валериан Оболенский (Осинский)
Предоставлено Еленой Симаковой

Один из старейших большевиков, Феликс Кон, вырос в Варшаве в еврейской семье польских националистов. «Патриотизм заменял религию, – писал он в своих воспоминаниях. – Из последней сохранилась только формальная, обрядовая сторона, не больше». Однажды на Пасху, когда дед «восседал за накрытым столом и читал молитвы», из эмиграции вернулся дядя, скрывавшийся от «москалей».

Молитвы были забыты. Все – от малышей до старого деда – с замиранием сердца слушали его рассказ.

– Чем рассказывать об освобождении евреев из Египта, поговорим о мученичестве Польши, – обратился дядя к деду, и тот охотно на это согласился.

В семнадцать лет Кон узнал о героизме русских революционеров и забыл о мученичестве Польши. Исход из Египта стал символом вселенского освобождения.

Это была перемена веры, культа... Мертвая, застывшая вера заменялась живой, действенной... Я... готов был идти на бой со всем миром лжи и лицемерия, обиды и неправды, со всем миром горя и неволи... Для меня было ясно как день, что надо идти к своим сотоварищам, к таким же 17–18-летним горячим юношам, как я, поделиться с ними своей верой, своей правдой, объединиться, сплотиться, «подучиться», – эту необходимость я смутно сознавал, – а затем всем вместе «от ликующих, праздно болтающих, обагрывающих руки в крови» перейти «в стан погибающих», открыть перед ними причины гнетущего их рабства, открыть им глаза на ту силу, которая в них сокрыта, разбудить эту силу, и... тогда... тогда... тогда... великое дело будет сделано: рухнет в пропасть царство неправды и рабства, а над землей воссияет яркое солнце свободы³⁰.

«Серийные» обращения были типичны для западных губерний и их австрийских соседей. Карл Собельсон (Радек) оставил культ Гейне (широко распространенный, по его словам, среди галицийских евреев) ради польского патриотизма, германско-польской социал-демократии и, наконец, российской версии пролетарского интернационализма. (И нигде не чувствовал себя дома.)³¹

В центре империи социалисты из состоятельных семей помнили себя впечатлительными детьми, страдавшими от «чувства неловкости и стыда за свою обеспеченность». Елена Стасова – внучка известного архитектора, дочь известного юриста и племянница знаменитого критика – рано испытала «чувство долга по отношению к... рабочим и крестьянам, которые давали нам, интеллигенции, возможность жить так, как мы жили»³².

³⁰ Феликс Кон, *За 50 лет*, т. 1 (М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934), с. 7, 17–18.

³¹ *Деятели СССР*, с. 593, 595. О нерусских сторонниках большевизма см.: Liliana Riga, *The Bolsheviks and the Russian Empire* (Cambridge: Cambridge University Press, 2012).

³² РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 603 (Додонова), л. 4 (цитата о «неудобстве и стыде»); *Деятели СССР*, с. 701–702. См. также: *Деятели СССР*, с. 395 (Ганецкий); РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 1114 (Лепешинская), л. 4 об.

Феликс Кон

Карл Радек

Но главным источником прозрения были книги. Чувство долга Стасовой «сложилось отчасти под влиянием чтения». Сын офицера и воспитанник кадетского корпуса Сергей Мицкевич жил во тьме до четырнадцати лет.

Я прочитал «Новь» Тургенева, и глаза мои открылись: я понял, что революционеры – не злодеи, какими их пытались представить наши руководители, а люди, борющиеся за свободу, за народ. Это открытие произвело полный переворот в моих взглядах. Я стал много читать³³.

Кон (1864 года рождения), Стасова (1873) и Мицкевич (1869) принадлежали к первому поколению большевиков. У их наследников, родившихся в 1880-е и 1890-е годы, глаза открылись в школе, в кругу одноклассников. По воспоминаниям Бухарина, ученики московской гимназии № 1 (на Волхонке, рядом с храмом Христа Спасителя) делились на основную массу,

³³ Деятели СССР, с. 546, 548.

которая жила «как бог на душу положит», и «элиту», которая состояла из декадентов и революционеров.

Аристократическая группа, одиночки, кучка из сыновей дворян и крупных буржуа – богатых купцов, банкиров, биржевиков, еврейских денежных тузов, усиленно лезших в самые утонченные сферы, – обезьянничали со своей взрослой молодежи, важно играя в дендизм и снобизм. Они носили брюки со штрипками, английские штиблеты с длинными носками, курточки из дорогого светлого сукна, сшитые в талию у известных московских портных, и широкие шикарные кожаные кушаки. Они всегда были в крахмальных воротничках, аккуратно подстрижены, отличались безукоризненными прямыми проборами, и ни один волосок не торчал на их тщательно прилизанных головах. В гимназию они ходили так, точно делали ей великое одолжение. Держались особняком. Часто приносили с собой французские книжки, от Бодлера до Метерлинка и Роденбаха, и с меланхолическим видом, явно показывая, что они живут в мире совсем других измерений, почитывали их под партой. Ходили они расслабленной походкой, любили обмениваться французскими или английскими фразами, говорить об искусстве; были подчеркнута корректны и точно брезгливо брали всю обычную жизнь двумя пальцами, оттопырив мизинец. Щеголяли именами Ницше, Соловьева, но их не нюхали. Иногда притаскивали репродукции с утонченно-порочных изящнейших графических шедевров Обри Бердслея или рисунки Филисьена Ропса и молитвенным шепотом говорили об Оскаре Уайльде. Из новых русских поэтов признавали только символистов и хвастались друг перед другом, сообщая последние новости из их литературного и личного закулисного быта, переходившие в квалифицированную сплетню.

Антиподом этой группы являлись дети главным образом разночинско-интеллигентских семей. Они под курточками носили теперь косоворотки, были нарочито вихрасты и часто нечесаны; некоторые, повзрослее, уже начинали отпускать себе волосы. Они за уроками тайком почитывали Писарева, Добролюбова, Щедрина... Увлекались Горьким, который становился их настоящим кумиром, демонстративно плевали на все и всяческие авторитеты, издевались над всякими «китайскими церемониями», высмеивали «белоподкладочников», ехидствуя и над их походкой, и над их идеалами, давали им довольно меткие прозвища вроде «астральных трясогузок» и иногда вступали с ними в оживленные дискуссии, обычно на литературные темы. Они смутно чувствовали, что великий поток жизни скоро даст ответ на вопрос: «Когда же придет настоящий день?» Их захватывало каждое проявление смелого протеста, обличительное слово, геройское сопротивление установленным порядкам, и даже озорство имело в их глазах известную ценность – их стихийно влекло к разрушению «устоев», хотя бы и в мелочах. Они были дерзки на язык, не лезли за словом в карман и любили дразнить овцеподобного ближнего своего³⁴.

³⁴ Бухарин, *Времена*, с. 309–310.

По словам его одноклассника, Ильи Эренбурга, Бухарин отличался от большинства революционеров (и своего меланхолического друга, Григория Бриллианта) смешливостью и легкостью характера. Но «спорить с ним было опасно: он ласково вышучивал противника»³⁵.

Опасным спорщиком был и Яков Свердлов. Один из шести детей нижегородского гравера, он хорошо учился в школе и был принят в гимназию, где, если верить биографам, сражался с белоподкладочниками и охранителями. «Скучая на уроках, он приспособился тут же, сидя на скамье, держать перед собою во время урока не учебник, а книгу. Когда как-то раз он был пойман на этом деле и услышал грозный окрик учителя, «Что ты делаешь?», то спокойно ответил: «Читаю интересную книгу». «Какую книгу?» – еще грознее наступает учитель, а ученик еще спокойнее: «Какую книгу? Бумажную книгу читаю». Не важно, правда ли это. Важно, что так поступали «вспыльчивые», «разговорчивые» и «задумчивые». Через четыре года Свердлов бросил гимназию и, недолго поработав учеником аптекаря, стал «профессиональным революционером»³⁶.

³⁵ Илья Эренбург, *Люди, годы, жизнь*, т. 1 (М., Советский писатель 1990), с. 73.

³⁶ К. Свердлова, Яков Михайлович Свердлов (М.: Молодая Гвардия, 1985), с. 59–63; С. Свердлова, С. Авербах-Свердлова, В. Свердлов, «Брат» в: *О Якове Свердлове. Воспоминания, очерки, статьи современников* (М.: Издательство политической литературы, 1985), с. 25–30. Большая цитата по: Ц. Зеликсон-Боровская, *Профессиональный революционер: очерки жизни и деятельности Я. М. Свердлова* (М.: Старый большевик, 1934), с. 11–12.

Яков Свердлов

Путь к вере начинался с дружбы. Свердлов дружил с Владимиром Лубоцким (впоследствии Загорским, в честь которого переименовуют Сергиев Посад), Кон – с Людовиком Савицким (покончившим с собой в Париже в 1893 году), а Бухарин – с Григорием Бриллиантом (будущим наркомом финансов Сокольниковым). Сын купца Александр Аросев нашел друга в казанском реальном училище.

Однажды мне кто-то сказал, что в параллельном со мною 3-м классе в отделении В есть сильный мальчик Скрябин. Я искал встречи с ним. Однажды в коридоре он мыл под краном губку для доски. Вид он имел несколько мрачный, как, впрочем, всегда. Я подошел к нему и предложил

подраться. Скрыбин согласился. Нанеся друг другу несколько возбуждающих ударов, мы сцепились мертвой хваткой на удовольствие всего коридора. Не помню, кто из нас победил, но с тех пор мы были с ним знакомы³⁷.

Знакомство вело к разговорам, разговоры – к исповеди, исповедь – к близости. По словам Аросева:

Дружба начинается с того, что один другому приоткрыл такую сердечную тайну, которую никому раньше не открывал. А тайной в юности может быть что угодно: восхищение пролетающими облаками, восторг от бури, увлечение девушкой, мечта о неизвестных странах³⁸.

Тайной Скрыбина была скрипка (он играл в квартете со своими тремя братьями). Тайной Аросева была литература. Их общей тайной стала революция.

Как-то раз [вспоминал Аросев], мы прогуливались по пустынным ночным улицам, запорошенным снегом. Безмолвие улиц делало нас интимными, мороз заставлял немного теснее держаться вместе. Мы взялись под руки. Было далеко за полночь. Из-за углов, от столбов придорожных, от крылечных навесов по темно-блестящему снегу, как по распластанной мелкой чешуе рыбы, ползли неясные тени от шпиков, неотступно «бдящих» за нами. Но на самом деле никаких шпиков не было. Эти тени – неясные зимние ночные переливы серебристых цветов – слушали наши неясные речи, наши слова, которые искрились одним: смертельно-жадным стремлением найти такую истину, чтобы всего себя отдать ей, чтоб бороться³⁹.

Истина таилась в кругу единомышленников. Пройдя через разговоры и исповеди, группы друзей объединялись в кружки.

Семь или восемь учеников пятого класса реального училища сидели на стульях, на кровати и на кушетке низенькой комнаты мезонина, освещенной керосиновой лампой со стеклянным белым абажуром. Лики Каутского, Энгельса, Маркса, Михайловского, Успенского, Короленко, Толстого строго и покровительственно смотрели со стен. В углу – этажерка с книгами. На корешках их можно было прочесть имена все тех же вдохновителей эпохи, портреты которых жались по стенам.

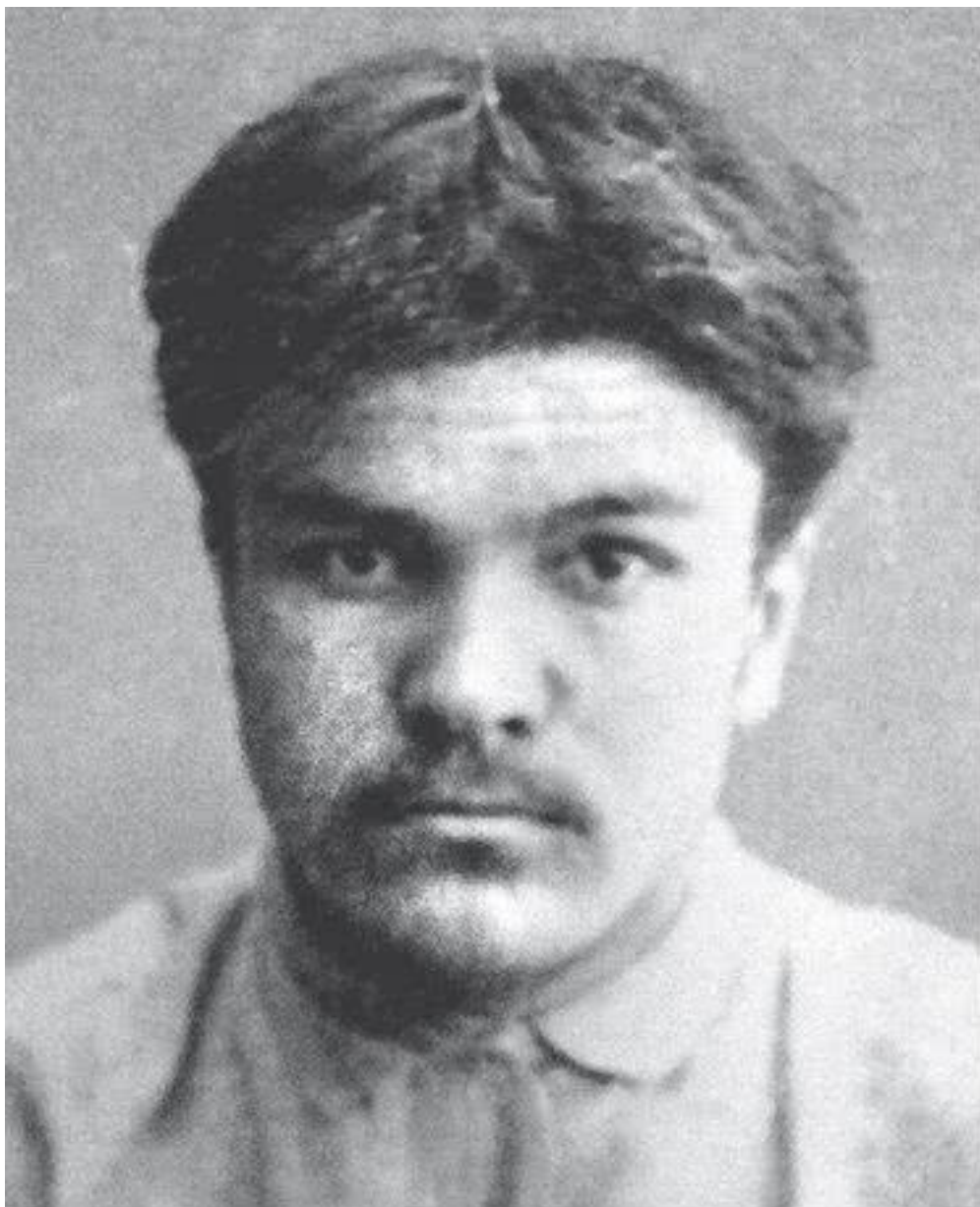
³⁷ А. Аросев, *Казанские очерки о революции 1905 года* (К.: Истпартобдел областного комитета РКП(б) Татарской Республики, 1925), с. 16.

³⁸ А. Аросев, *На боевых путях. Воспоминания*. «Новый мир», № 1 (1931), с. 87.

³⁹ Там же, с. 87–88.

Александр Аросев

Вячеслав Скрябин (Молотов)
Предоставлено В. А. Никоновым

Воздух напоен был тем ароматом, который ощущается только нервами, как паутинки, протянутые от одного к другому и делающие всех родными и спаянными, кажется, навеки, на долгие века. Молодые люди были едва знакомы друг с другом, но каждый смотрел на других восторженными глазами. Гордился и тем, что он тоже тут с ними, с другими такими же, как он, и тем, что они, другие, такие загадочные и тоже полные огня, – с ним. На лице каждого можно было ясно прочесть: я с сегодняшнего дня, с этой минуты, такой-то, такой-то уже вступил в ряды, в кадры борцов⁴⁰.

Вступив в ряды борцов, реалисты и гимназисты избирали председателя, согласовывали списки литературы и выбирали пароли и прозвища. Скрябин стал Дядей, а позднее – Молотовым; Аросев стал Зетом. В других комнатах и других городах Свердлов стал Андреем, Брил-

⁴⁰ Там же, с. 82.

лиант Сокольниковым, Оболенский Осинским, а Воронский – «бледный, тонкий, кудрявый, синеокий юноша с полными, сочными и налитыми кровью губами» – стал Валентином.

Кружок Воронского возник в «пропахших ладаном и елеем» стенах тамбовской семинарии, но члены его – «подростки-замарашки с костлявыми ключицами и нескладно болтающимися руками» – читали те же книги и ходили на такие же собрания.

Клетушка-комната где-нибудь на Первой Долевой, в доме вдовы чиновника. Полинявшие обои, ситцевые занавески на окнах, три-четыре продырявленных стула, стол, железная койка, полка книг и учебников, жестяная лампа с абажуром из полулиста бумаги – кружок около стекла обожжен; свежие лица с пушком на губах; двубортные серые куртки нараспашку, светлые пуговицы выцвели. В темный угол забились две гимназистки в коричневых платьях; у них тугие, не заложенные в прическу косы, одна девушка от застенчивости почти не поднимает глаз. Споры об общине, об отрезках, о героях и толпе, самонадеянный и безоговорочный задор. Старая гитара и мандолина, тихий и меланхолический перебор струн⁴¹.

Их связывали общие книги и свет из-под абажура. Аросев и его единомышленники молча читали подле лампы, с «горячими стаканами чая на маленьком кругленьком столе».

Раскрытые страницы [Плеханова, Писарева, Белинского] настолько заполняли нас, настолько слепили глаза, что, приподняв иногда усталую голову, мы с удивлением видели себя в комнате, затемненной зеленым абажуром лампы. И грешный, грязноватый мир для нас в то время был немного затемнен абажуром, который, однако, неустанно и неистово бросал яркий свет на черные строки по белому полю, на потоки извилистой мысли. Не знаю, как других, но меня обурежал восторг от вечности, стойкости и чудовищной безбоязненности человеческой мысли. И та мысль была особенно безбоязненной, в которой или вернее за которой чувствовалось что-то еще большее, чем мысль, нечто такое, совсем природное и непостижимое, и непостижимое, вследствие чего человек не может не действовать в известном направлении, и до того велик порыв его к действию, что сама смерть, если она стоит на пути этого порыва, кажется смехотворным препятствием⁴².

Вступление в «стан погибающих» было главной тайной «порыва к действию». Как писал Кон, с высоты ностальгического бессмертия, «мы все, конечно, были обречены на гибель».

Мое тогдашнее душевное состояние весьма походило на настроение того юноши-рыцаря, который задается целью разбудить спящую царевну, невзирая на ожидающие его личные испытания... А объект всех этих душевных мук и забот – весь трудящийся люд – тоже представлялся мне вроде этой спящей царевны, которую стоит лишь разбудить чудодейственным дуновением социализма, и он проснется, восстанет, сбросит с себя позорное иго рабства, освободит и себя, и всех...⁴³

Способность к дружбе и готовность к смерти отличали «отзывчивых» и «юных душой» от «зулусов» («которым, кроме их будущей карьеры и удобств жизни в настоящем, все чело-

⁴¹ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, 16–18.

⁴² Аросев, *На боевых путях. Воспоминания*, с. 88, 90.

⁴³ Кон, *За 50 лет*, т. 1, с. 18.

вечество было совершенно чуждо»). Зулусы делились на «нагих» и «лицемеров». Отзывчивые и юные душой делились на кружки⁴⁴.

Кружки делились в соответствии с уровнем подготовки членов. «Низшие» изучали канонические тексты, «средние» организовывали доклады на заданные темы, «высшие» устраивали формальные лекции и дебаты с приглашенными участниками. Кружки из соседних школ образовывали круги чтения, общения и обсуждения. В училище Аросева все кружки объединялись в единую «беспартийно-революционную организацию» с собственным уставом («своего рода программой краткосрочных курсов для выпуска революционеров обоих родов оружия: эсеров и марксистов»)⁴⁵.

Выбор между эсерами и марксистами происходил после отделения от зулусов и отличался от первоначального прозрения подчеркнутой публичностью и рациональностью. Когда ветеранам кружка Осинского из московской гимназии № 7 исполнилось шестнадцать лет, они решили «окончательно политически самоопределиться» и организовали семинар по истории революционного движения под руководством студента МГУ Платона Лебедева (будущего Керженцева). Осинскому достался реферат о декабристах.

Засев на три месяца в Румянцевскую библиотеку, я прочел все, что можно было достать по этому вопросу, и представил свой реферат. Мне всегда было свойственно усиленное сопротивление всему «модному», воспринимаемому интеллигенцией в порядке «психической заразы». Тогда мне казался «модным» течением стихийно распространявшийся среди интеллигенции марксизм (для интеллигенции, для части моих же товарищей, он и оказался только модой). Я усиленно старался поэтому дать декабристскому движению *не* марксистское объяснение. Это объяснение стало в противоречие мною же разработанным фактам, оно сбивалось в бессодержательно-либеральную колею. Небольшого труда стоило Лебедеву-Керженцеву при явном сочувствии моих сотоварищей разбить меня наголову. Добросовестно поразмыслив над причинами своего «поражения», я пришел к убеждению, что шел по неверному пути и что старик Маркс, видимо, совершенно прав. Революция 1905 года давала тому много и еще более осязательных доказательств⁴⁶.

В Казани Аросев (Зет) и Скрябин (Молотов) самоопределились без достаточной научной подготовки. Весной 1907 года, в возрасте семнадцати лет, они решили испытать свои убеждения посредством «генерального сражения» на осеннем заседании беспартийно-революционной организации. Аросев должен был прочитать реферат на тему «Философское обоснование партии с.р.», а Скрябин – «Философское обоснование с.-д. партии». По воспоминаниям Аросева:

Мы с В. Скрябиным запаслись соответственной литературой, удалились от шума – он в Вятскую губернию, а я в деревню Малые Дерышки – и погрузились в Маркса, Михайловского, Энгельса, Лаврова, Плеханова, Делевского... При этом мы решили оба читать одну и ту же литературу, с тем чтобы при споре мне были совершенно знакомы его источники, а ему – мои.

⁴⁴ Там же, с. 19.

⁴⁵ Аросев, *На боевых путях. Воспоминания* с. 91; А. Аросев, *Как мы вступали в революционную работу* (Москва – Ленинград: Московский рабочий, 1926), с. 66–67; *Деятели СССР*, с. 569–570.

⁴⁶ *Деятели СССР*, с. 570. Крупнейшая коллекция воспоминаний старых большевиков хранится в РГАСПИ ф. 124, оп. 1 (Общество старых большевиков). Все цитируемые воспоминания из ф. 124 принадлежат жильцам Дома правительства.

В течение трех месяцев они читали, размышляли, составляли конспекты и писали друг другу письма. «Это были не письма, а теоретические доклады и контрдоклады, своеобразные письменные зачеты по пройденному курсу». В конце лета они снова собрались в комнате Скрябина.

Августовские тихие сумерки смотрели в большие окна. Мы видели, как во дворе ходят куры и кошка вытягивает шею у водосточной трубы. Комната незаметно темнела. Со стены смотрела на нас картина – копия с Айвазовского «Прибой волн», сделанная Николаем Скрябиным [братом Вячеслава]. На столе утомленным тихим жужжаньем дышал самовар, и вокруг него стояли чашки с недопитым чаем, и какая-то объемистая книга лежала недочитанной, открытой.

Внезапно Аросев объявил, что не сможет выступить от имени эсеров, потому что летнее чтение убедило его в превосходстве марксизма над народничеством. Немного помолчав, Скрябин сказал, что в таком случае и он выступать не будет. На общем собрании заявление двух друзей было встречено «горячими аплодисментами на одной стороне и гулом неодобрения – на другой. Марксисты долго горячо аплодировали. Эсеры угрюмо, растерянно гудели. Но никто не назвал Зета изменником. Чувствовали, что с Зетом произошел крутой идейный поворот, что он перешагнул порог, перешел грань от стихийного мироизучения к сознательному пониманию мира»⁴⁷.

Не все дебаты кончались так быстро – даже в памяти победителей. В «решительном сражении» с участием Бухарина две команды гимназистов, усиленные одним студентом-эсером, сошлись для обсуждения самых главных вопросов: рабочий класс или народ, расчет или подвиг, объективизм или субъективизм, законы развития или российские условия. Марксисты говорили, что эсеры ставят героев над массами; эсеры отвечали, что Ленин делает то же самое; большевики утверждали, что их вожди объективно представляют интересы трудящихся; эсеры возражали, что большевики «убили всякую свободу критики в своей среде и хотят эту казарму распространить на все и вся». Большевики отвечали цитатой из Ленина:

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимают кричать: пойдемте в это болото! – а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! – О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!⁴⁸

⁴⁷ Аросев, *Как мы вступали*, с. 68–71, кроме цитат о письмах и горячих аплодисментах, взятых из: А. Аросев, *На боевых путях. Продолжение*. «Новый мир», № 2 (1931), с. 85, 87.

⁴⁸ В. Ленин, *Полное собрание сочинений*, изд. 5, т. 6 (М.: Политиздат, 1963), с. 9–10 (<http://uaio.ru/vil/06.htm>).

На этом большевики объявили себя победителями и прекратили дебаты. Все поднялись и по одному («исключение для девиц!») вышли из прокуренной комнаты с тяжелыми бордовыми шторами «в один из глухих переулочков Арбата», недалеко от гимназии № 1. «На улице было тихо... Шаги гулко отдавались по переулочку... Шел крупными хлопьями снег... Бесшумно падали, выплывая из тьмы и кружась у фонарей, белые снежинки и покрывали мягким рыхлым пуховиком тротуары, тумбы, сани и спину полузаснувшего на углу и не совсем трезвого извозчика...»⁴⁹

По мере того как «революционные организации» вливались в подпольные партии, юные революционеры переходили от чтения и разговоров к чтению и написанию статей (первая статья Осинского была посвящена «утилитарному обоснованию этики»), чтению и распространению листовок (первая листовка Воронского гласила: «Слышен лишь звон цепей и ключей, скрежещут засовы, но уже брезжит рассвет, встанет солнце социальной независимости и равенства, солнце труда и свободы»), чтению и перевозке нелегальной литературы, печатанию прокламаций, организации митингов и, в случае эсеров-максималистов, изготовлению бомб и убийству чиновников. Гимназисты, реалисты, семинаристы, курсистки, медички, студенты и вечные студенты жили «живой верой» и упоением борьбы с болотом⁵⁰.

В 1909 году двадцатилетний Валериан Куйбышев – выпускник Сибирского кадетского корпуса, студент Томского университета и большевик с четырехлетним стажем – был арестован за распространение запрещенных книг. Его отец, воинский начальник Каинска (и, по воспоминаниям сына, «служилый человек» в традиции капитана Миронова из «Капитанской дочки»), был вызван к бригадному генералу Масленникову.

В подавленном состоянии отец приехал в Омск и явился к генералу Масленникову. Сразу как он вошел, генерал набросился на него с руганью:

– Вы не умеете воспитывать своих детей, как же вы будете воспитывать своих солдат? Вы даете свой адрес для крамольной литературы. Это позор. Вас надо расстрелять.

Генерал Масленников кричал в продолжение получаса. Отец стоял навзятку, руки по швам, не имея права возражать, пока говорит начальство.

Генерал Масленников, вдоволь накричавшись, вдруг делает паузу, закрывает лицо рукой и говорит:

– Вы переводитесь в Тюмень.

Надо сказать, что Тюмень значительно больший город, чем Каинск. Это означало повышение по службе. В Каинске отец был воинским начальником третьего разряда. Назначение в Тюмень делало его воинским начальником второго разряда.

Отец остолбенел:

– Ваше превосходительство, быть может, я ослышался?

– Вы переводитесь в Тюмень.

Снова пауза.

– У меня самого два сына в киевской тюрьме сидят⁵¹.

⁴⁹ Бухарин, *Времена*, с. 316–37.

⁵⁰ *Деятели СССР*, с. 569; А. Воронский, *Рассказы и повести* (М.: Советская литература, 1933), с. 30; Кон, *За 50 лет*, т. 1, с. 18. О культуре и мифологии революционного движения см.: М. Могильнер, *Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа* (М.: НЛО, 1999); о культуре студенческого радикализма см.: Susan K. Morrissey, *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism* (New York: Oxford University Press, 1998); о еврейском радикализме см.: Inna Shtakser, *The Making of Jewish Revolutionaries in the Pale of Settlement* (New York: Palgrave Macmillan, 2014).

⁵¹ В. Куйбышев, *Эпизоды из моей жизни* (М.: Старый большевик, 1935), с. 32–35. См. также: Валериан Владимирович Куйбышев. *Биография* (М.: Политиздат, 1988), с. 33–35.

* * *

Валериан Куйбышев

Главной работой революционеров была «пропаганда и агитация». «Пропаганда» заключалась в перенесении кружков «в массы». Кружок Воронского собирался в подполье.

Подвал скудно освещался лампой, пахло керосином, махоркой. Окна завешивались. Кидая мрачные, уродливые тени, рабочие молча рассаживались у стола, покрытого темной клеенкой, изрезанной и залитой чернилами. В комнате было холодно. Пододвигалась железная печка; прибавлялся запах дыма, от него першило в горле, ело в глазах. Вспоминались таинственные собрания заговорщиков, но лица собравшихся были обычны. Никита сурово и хозяйственно оглядывал членов кружка, точно проверял их, стучал по столу казанком пальца или карандашом, торжественно произносил:

– Слушайте товарища лектора⁵².

Пожилой рабочий Никита «любил «ученость», книги и газеты читал, надев старые очки, шуток над собой не признавал и сам шутить не любил и не умел». Ученость лектора частично компенсировалась неловкостью, которую он испытывал перед людьми, чья неученость компенсировалась мужской зрелостью и искупительной миссией пролетариата⁵³.

«Агитация» состояла в произнесении речей на заводах и уличных митингах. Речи должны были быть короткими и по делу. Дело, согласно инструкциям для агитаторов, заключалось в разжигании «ненависти слушателей» к самодержавию. Воронский говорил «залпом, без передышки, сильно жестикулируя руками»⁵⁴.

Помню такой случай. Я витийствовал на открытом летучем митинге, забравшись на площадку товарного вагона. Внизу передо мной стояла толпа железнодорожников. Я самозабвенно предвещал «час мести и расплаты», убеждал вдохновенно «не поддаваться провокации», «стоять до конца», неистовствовал в призывах и не скупился на лозунги, но в припадке революционного пафоса я не заметил, как вагон лязгнул, толкнулся с места, и на глазах удивленных рабочих я поплыл сначала тихо, потом быстрее – вперед и дальше, размахивая руками и бросая пламенные слова⁵⁵.

Пламенные слова, изреченные или прочитанные, – главное оружие миссионера. Воронский и его товарищи витийствовали независимо от того, едет ли поезд. Чтение (про себя или вслух) было частью общения; письменная речь (особенно ленинская) извергалась залпом и без передышки. Редкие паузы в партийных автобиографиях – моменты немоты в угаре чужого красноречия (Ленина, Троцкого, Чернова). Революционеры были вспыльчивыми, разговорчивыми и задумчивыми одновременно.

Социалистическое миссионерство отличалось от христианского в двух отношениях. Во-первых, оно не было универсальным. Христианская проповедь обращена к каждому; социалистическая рассчитана на рабочих или крестьян. Кальвинисты, проповедовавшие спасение избранных, не знали, кто и почему избран. Социалисты, верившие в особую миссию пролетариата, не сомневались, из кого состоит коренное население Царства свободы. Первые проповедники коммунизма могли быть кем угодно – и в реальности были почти исключительно «студентами», – но главным смыслом их агитации и единственным шансом на приход революции было обращение обращаемых. Принц пришел разбудить спящую красавицу, а не ее уродливых сводных сестер.

Большевики были наиболее последовательны в этом отношении. Меньше других доверяя «стихийности» («классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне», – писал Ленин в «Что делать?»), они больше всех полагались на проповедь. А проповедь требовала организационных усилий. Как говорилось в инструкциях для агитаторов, «излагая роль нашей партии как передового отряда рабочего класса, вы не должны забывать, что наша партия есть борющаяся армия, а не клуб для беседований». И, как сказал член бухаринского клуба для беседований: «Оппонент пугал нас казармой. А я слов ни капли не боюсь. Есть казарма и казарма, как есть солдаты и солдаты. Мы строим нашу партию не как, извините, сброд разнокалиберных лебедей, раков и шук, а как партию единомышленников,

⁵² Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 229–230.

⁵³ Там же, с. 224–225.

⁵⁴ Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 2 (М, 1934), с. 136; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 115.

⁵⁵ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 118.

и притом как военную партию. Да, как военную». Залогом успеха была харизма вождя. Ленин был плодом и гарантией единства единомышленников⁵⁶.

Вторым отличием социалистической проповеди от христианской был ее интеллектуализм (склонность к собеседованиям). Большинство перешедших из православия в протестантизм стремились к личному спасению и духовному самоусовершенствованию. Социалисты стремились к тому же, но шли гораздо дальше. Вступление в кружок было введением в интеллигенцию (сочетание учености и апокалиптичности). Обращение вело к повышению не только духовного, но и социального статуса. Студенты-пропагандисты призывали рабочих становиться студентами, не переставая быть рабочими. Новообращенным предстояло сыграть особую роль, потому что они были пролетариями. Чтобы сыграть ее правильно, им надлежало стать интеллигентами.

Павел Постышев

⁵⁶ Ленин, *Полное собрание сочинений*, изд. 5, т. 6, с. 79 (<http://uaio.ru/vil/06.htm>); Канатчиков, *История моего бытия*, кн. 2, с. 137; Бухарин, *Времена*, с. 336.

Сочетание пролетарской избранности с книжной ученостью – самоутверждение путем преобразования и социальный рост без предательства – привлекало некоторых рабочих. Как сказал один из учеников Воронского: «Чудное дело, – с очками промежду нас появились и служат нам, ей-богу! А почему служат? Потому служат, что силу нашу несметную понимать стали, потому – он ударял себя в грудь, – потому: пролетарии всех стран, объединяйтесь! Очень даже просто...» И как писал Кон, развивая популярную сказочную метафору (которую Воронский использовал в заглавии своих мемуаров): «Работа шла успешно. Сонное царство, взбрызнутое живой революционной водой, просыпалось, оживало»⁵⁷.

Карлу Ландеру, сыну латышских батраков, было пятнадцать лет, когда он впервые увидел первомайское шествие и ощутил «небывалую силу, которая притягивала к себе, влекла, возбуждала». «Мир рабочих, – писал он, – я знал хорошо по их повседневной будничной жизни (родственные связи, близкие знакомые и т. п.). И вдруг он предстал передо мной в совершенно новом свете, с новой неожиданной стороны, как носитель и обладатель какой-то великой тайны и силы». Под влиянием «христианского социалиста», духовно вышедшего из «крестьянских войн эпохи Реформации», Ландер «бросил все» и отправился на поиск истинных коммунистов. Духоборы, к которым он примкнул, не оправдали его надежд, потому что они не читали светских книг, а он верил в необходимость «учиться много и усердно». Полиция предоставила ему такую возможность, посадив в тюрьму, где он научился проводить «ночи напролет в оживленной беседе». «Выяснив много нерешенных вопросов», он вступил в социал-демократический кружок, «связанный общими идейными интересами и тесными узами дружбы»⁵⁸.

Павел Постышев, «ситцепечатник» из Иваново-Вознесенска, попал во Владимирский централ в 1908 году, в возрасте 21 года. Его спасительницей стала жена местного врача, Любовь Матвеевна Белоконская, которая поставляла заключенным еду, деньги, книги и фиктивных невест. Четыре года спустя он писал ей из «вечной ссылки» на Байкале:

Дорогая Л. М., я человек рабочий и горжусь, что принадлежу к этому классу, потому что ему предстоит сделать великое дело. Дорожа своим званием или титулом, титулом пролетария, и чтобы носить его чистым, ничем не марать, в особенности нам, сознательным пролетариям, я не должен лицемерить перед Вами. Вы, отдавшая себя великому делу рабочих, нам ли не любить Вас, как любят дети свою добрую мать⁵⁹.

Донецкий шахтер Роман Терехов писал, что в возрасте пятнадцати лет стал задаваться вопросом, почему одни люди, «ничего не делая, живут в роскоши, а другие, работая день и ночь – в нужде».

Это во мне возбудило полную ненависть к лицам неработающим и хорошо живущим в особенности к начальству. Моя цель была во чтобы то ни стало добиться того, чтобы встретить человека, который бы разгадал сплетенный жизненный узел. Этого человека я нашел в лице инструментальника механической мастерской Данила Огулева. Он объяснил мне причины этой жизни. После этого я полюбил его и всегда исполнял все его поручения и задания, которые возлагались на меня, как то: разбрасывая

⁵⁷ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 229; Кон, *За 50 лет*, с. 49. См. также: Kanatchikov, *A Radical Worker in Tsarist Russia*, с. xv – xxx (вступление от редактора) и Reginald E. Zelnik, «Russian Bebels: An Introduction to the Memoirs of the Russian Workers Semën Kanatchikov and Matvei Fisher», *Russian Review*, т. 35, № 3 (July 1976), с. 288–289.

⁵⁸ *Деятели СССР*, с. 476–479.

⁵⁹ Павел Постышев: *воспоминания, выступления, письма* (М.: Политиздат, 1987), с. 46; Ю. Дмитриев и др., *Улицы Владимира* (Я.: Верхневолжское книжное издательство, 1989), с. 17–19.

прокламации, расклеивал их на видных местах и т. д., а также стоял дозорным, когда проходили тайные собрания.

Один раз ему удалось послушать выступавших.

Темная ночь, колючая степь, мы все шагаем к лесу, где ожидал нас 1 товарищ, который указал место собрания. На собрании присутствовало человек 50. Доклад делал какой то молодой человек, другой выступил против него. Этот спор мне не понравился, и я очень жалел, что они не поладили между собой. С таким осадком я возвратился домой. И если осталось, что ценное, из этого собрания – это слова одного из товарищей, что нужно вооружаться.

Терехов решил начать вооруженную борьбу с убийства механика в своем цеху, но не сумел найти подходящего орудия. Вскоре студент-пропагандист показал ему номер «Правды», и он организовал «кружок для коллективного чтения газеты»⁶⁰.

Василий Орехов рано осиротел и, проработав несколько лет пастухом в родной деревне, убежал в Москву. В десять лет он поступил на кондитерскую фабрику «Реноме» (один из основных конкурентов Эйнема), но вскоре был уволен «за недопущением нанести себе побой». В семнадцать, работая поваром в гомеопатической больнице, он познакомился с медсестрой по фамилии Александрова. Как он писал в неотредактированной автобиографии в середине двадцатых годов:

Александрова меня готовила Политграмоте и Профдвижению подготовив мое сознание и знание понимания учла мое социальное положение и мною все прожитое мой дух мое настроение и влечение к знанию и работе, проще сказать с Июля месяца 1901 года по Март месяц 1902 года я у Александровой был испытуемым. В марте месяце меня зачислили в кружок с-димократов.

Сменив еще несколько мест и претерпев несколько побоев, Орехов вступил в большевистский кружок, выступил с речью о значении первого мая и поступил на работу в ящичную мастерскую Куделькина. Там он долго не задержался.

В 1908 году, я был из Москвы выслан за то, что надел КУДЕЛЬКИНУ на голову, чашку со щами и обварил всю голову, в то время у хозяйчиков для рабочих хорчи были хозяйские КУДЕЛЬКИН в пост, готовил отвратительные харчи из червивой капусты, наворил щей, я предложил КУДЕЛЬКИНУ сменить червивые щи, но КУДЕЛЬКИН сказал: «что дают, то и жрите», за это я ему и надел чашку со щами, за что и сидел 2-е недели и Рогожским частным приставом – выслан из Москвы.

Приехав в Подольск, Орехов вступил в местный большевистский кружок и начал работать пропагандистом⁶¹.

«Верования и моральные устои», с которыми Семен Канатчиков приехал из деревни в Москву, «начали колебаться» на заводе Листа на Болоте. Один рабочий рассказал ему, что ад ничем не отличается от болота, в котором они живут, мощи святых ничем не отличаются от египетских мумий в Историческом музее, а правоту атеистов легко доказать на примере рождения из ничего червяков и личинок («а потом из букашки будет другая тварь развиваться, и так далее, и в продолжение четырех, пяти, а может, и десяти тысяч лет дойдет и до человека»). Прозрение пришло из книги «Что должен знать и помнить каждый рабочий».

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 124, оп.1, д. 1919 (Р. Я. Терехов), л. 1–2 об.

⁶¹ Там же, д. 1429 (В. А. Орехов), л. 3–4 об.

Всю неделю я находился в состоянии какого-то экстаза, как будто взобрался на высокие ходули, отчего все люди мне представлялись какими-то букашками, жуками, роющимися в навозе, а я один постигнул механику и смысл бытия... Из артели я уехал и поселился вместе с одним товарищем в отдельной комнате. Перестал ходить к попу на «исповедь», не посещал церквей, а по постным дням начал есть «скоромное»⁶².

Рабочие, как и студенты, приходили к истинной вере благодаря сочетанию врожденного нравственного чувства со знаниями, почерпнутыми из книг и разговоров. Но если студенты «перешагивали порог» в обществе других студентов, то рабочие, по их воспоминаниям, нуждались в руководстве «извне». Как сказал один из них, «видно, не скоро проснется рабочий народ». И как писали (в один голос) Ландер и Канатчиков, «звание студента было синонимом революционера-бунтаря»⁶³.

По свидетельствам очевидцев, образцовым революционером-бунтарем был Яков Свердлов. «Среднего роста, с шевелюрой черных волос, в постоянном пенсне на носу, в русской косоворотке под студенческой курткой, Свердлов был похож на студента, а с понятием «студент» для нас, молодежи, да и для рабочих было связано понятие «революционер». Теоретически революционером мог стать любой человек, достигший определенного уровня сознательности, а «студентом» – любой сознательный революционер, надевший очки и пиджак поверх косоворотки. (Свердлов бросил гимназию, никогда не учился в университете и начал одеваться как студент, став профессиональным революционером.) На самом деле Орехов, Терехов, Постышев, Канатчиков и другие рабочие не могли стать студентами, что бы они ни надевали. Первой причиной была их речь, стиль, вкусы, жесты и другие родимые пятна, не всегда совместимые с преображенным сознанием. Второй – «злая судьба пролетария» и «вечная погоня за несчастным куском хлеба». «Когда душа просит света, кричит и рвется из объятий непроницаемой тьмы, – писал Постышев Белоконской, – тело подавляет крик душевный стоном о хлебе. Как все это тяжело!»⁶⁴

Третьей было одиночество. По словам Канатчикова:

Редки бывали случаи, когда интеллигент резко обрывал связи со своими буржуазными или мелкобуржуазными родственниками... Обычно было так, что даже и отлучившие от своего семейного очага непокорное чадо сердолобивые родственники смягчались, проникались жалостью к арестованному страдальцу и начинали проявлять усиленную о нем заботу. Ходили к нему на свидание, снабжали всем необходимым, хлопотали перед начальством, просили о смягчении его участи и так далее⁶⁵.

По рассказам сестер Свердлова Сары и Софьи и его брата Вениамина, их отец был вспыльчивым, но «покладистым» человеком, который быстро смирился с тем, что его дом стал «местом встреч нижегородских социал-демократов», а граверная мастерская – складом революционных прокламаций и фальшивых печатей. Отец Воронского, священник, умер, когда тот был ребенком, но его литературный двойник, отец Христофор, приехал в семинарию проведать сына и вместе со всеми пил за марксизм, террор, русскую литературу, новые машины и, по просьбе сына, «за неравный бой, за смельчаков, за тех, кто отдает себя, ничего не требуя». («За духовенство» семинаристы пить отказались.) В 1906 году сестра Куйбышева отправила

⁶² Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 1, с. 26–28.

⁶³ Там же, с. 27, 84; *Деятели СССР*, с. 477; П. Быков, «Мои встречи с Я. М. Свердловым» в: *О Якове Свердлове*, с. 45; С. Свердлова и др., «Брат» в: *О Якове Свердлове*, с. 28.

⁶⁴ Павел Постышев, с. 52.

⁶⁵ Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 1, с. 87.

отцу телеграмму о том, что Валериан «арестован и предан военно-полевому суду». Про военно-полевой суд было известно: «сегодня арестовали и максимум через 48 часов приговор, причем приговор или оправдательный или смертная казнь. Другого приговора военно-полевой суд не знал». По рассказу Куйбышева, записанному в начале 1930-х:

Получив эту телеграмму, мой отец обезумел: не теряя ни одной минуты, помчался на лошадях (Кузнецк в то время не был соединен железнодорожной линией с Сибирской магистралью) к железной дороге, для того чтобы быстрее приехать в Омск. Он рассказывал, что истратил на это путешествие огромную для его бюджета сумму, так как требовал такой скорости движения, что неоднократно падали лошади.

Прибыв в тюрьму, Куйбышев-старший обнаружил, что сын предстанет перед военно-окружным, а не военно-полевым судом. Валериан ничего не знал о телеграмме.

Семен Канатчиков

Когда мне сообщили, что приехал мой отец и пришел ко мне на свидание, мне было крайне неприятно. Я думал: начнутся упреки (это был мой первый арест), слезы, уговаривание. Придется поссориться с отцом, и поссориться окончательно.

О содержании телеграммы сестры моей я, конечно, не знал. Нехотя, настроив себя на решительный отпор всяким попыткам добиться от меня хотя бы каких-нибудь уклонений от взятой мною линии жизни, я пошел в камеру для свидания. Вхожу и вдруг вижу отца не сердитым, а детски смеющимся, со слезами на глазах, он бросился ко мне с объятиями. Целует, обнимает, радуется, как-то щупает меня всего, по-видимому желая осязать меня, не веря, что я жив.

Я недоумеваю.

– Отец, в чем дело, почему ты так рад?

Он мне рассказал историю с телеграммой.

Вот так мой отец принял мой первый арест, и ошибка моей сестры совершила очень хорошую службу в том отношении, что примирила моего отца с выбранным мною путем⁶⁶.

«Другое дело – рабочий, – пишет Канатчиков. – Никаких уз, никакого «очага» и никаких связей в стане тех, кто его угнетает, он не имеет». Его семья вряд ли примирилась бы с выбранным им путем, а он вряд ли примирился бы со своей семьей (которую называл «болотом»)⁶⁷.

Обычно, как только рабочий становился сознательным, его уже не удовлетворяла окружающая среда, он начинал ею тяготиться, стремился общаться только с себе подобными и пытался проводить свое свободное время более осмысленно и культурно. С этого момента начиналась его личная трагедия. Если это был пожилой семейный рабочий, у него сейчас же возникали конфликты в семье, в первую очередь – с женой, чаще всего отсталой, малокультурной. Она не понимала его духовных запросов, не разделяла его идеалов, боялась и ненавидела его друзей, ворчала на него и ругала за непроизводительные расходы на книжки и другие культурные и революционные цели, а главное – опасалась лишиться кормильца. Если это был молодой рабочий, он неизбежно вступал в конфликт с родителями или близкими, которые имели над ним ту или иную власть. На этой почве у сознательных рабочих создавалось отрицательное отношение к семье, к женитьбе и даже к женщине⁶⁸.

Женщин в революционных кружках было намного меньше, чем мужчин, но их роль – муз, мучениц, слушательниц, сожительниц и «технических работников» – была ключевой в жизни подполья. (Только среди еврейских революционеров число женщин было сравнимо с числом мужчин, отчего еврейские женщины были «сверхпредставлены» в революционной среде в еще большей степени, чем мужчины.) Среди рабочих-революционеров женщин почти не было. Рабочие, вступавшие в кружки и ожидавшие «пробуждения», были единственными пролетариями, которым было нечего терять, кроме цепей. Они принадлежали к классу избранных, но им не хватало сознательности, «культуры», семей и женского общества (за исключе-

⁶⁶ С. Свердлова и др., «Брат» в: *О Якове Свердлове*, с. 25–30 (цитата на с. 29); А. Воронский, *Избранная проза* (М.: Художественная литература, 1987), с. 20–21; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 40–41; Куйбышев, *Эпизоды*, с. 30–32.

⁶⁷ Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 2 (М: Московское товарищество писателей, 1934), с. 88.

⁶⁸ Канатчиков, *Из истории моего бытия* (М: Земля и фабрика, 1929), с. 85–86.

нием неловких и порой унижительных контактов с девушками из еврейских и интеллигентских семей). Они «повышали свой уровень» ради освобождения человечества и в надежде на разделенную любовь. А до тех пор у них была вера, дружба и свобода, служившая зеркальным отражением грядущего искупления. Когда Канатчиков получил письмо от брата, в котором «увидался», что тятинька их, Иван Егорыч, отдал богу душу, он бросился на койку, уткнулся лицом в подушку и «дал волю сдерживаемому потоку слез». «Со смертью отца обрывалась последняя нить, связывавшая меня с домом, с деревней. В первый момент от этого я испытывал чувство грусти и одиночества. Но в глубине души теплилось и росло другое чувство – чувство свободы и гордой независимости»⁶⁹.

* * *

Местом, где студенты и рабочие встречались под одной крышей – чтобы слиться в «партии» и освободиться от «болота», – была тюрьма. Студенты закаляли свой дух, рабочие обретали сознательность, и все учились жить вместе и на равных. Аросева впервые арестовали в 1909 году, когда он учился в реальном училище.

Тюрьма мне сразу понравилась: все в ней было деловито и серьезно, все как-то поставлено по-столичному. Когда на фоне тюремного коридора в то время, когда вели меня в камеру, я заметил свою немного сутулую тень, я проникся уважением к самому себе. Зет, шествовавший рядом со мною, был также весел, словно шел не в тюрьму, а по крайней мере на желанную свадьбу. Он толкал меня в локоть и любопытствовал, вместе или не вместе посадят нас. Посадили вместе, в общую камеру, где уже было восемь человек студентов. Двое из них оказались наши знакомые эсеры. Все похоже было скорее на какую-то веселую студенческую вечеринку, чем на камеру. Книжки, тетради с записями, куски колбасы по длинному деревянному столу, жестяные чайники, кружки, хохот, остроты, дискуссии, игра в шахматы⁷⁰.

Заключенные гуляли, «словно в кулуарах университета», играли в чехарду во дворе и соблюдали тишину перед отбоем, «чтоб дать возможность желающим читать и писать». Согласно одному из сокамерников Якова Свердлова по екатеринбургской тюрьме в 1907 году:

Целый день камеры нашего коридора были открыты, и заключенные могли свободно ходить из камеры в камеру, заниматься играми, петь

⁶⁹ Там же, 110–111. Другие автобиографии будущих жильцов Дома правительства см. в: РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 39 (С. Я. Аллилуев); д. 40 (О. Е. Аллилуева); д. 119 (С. М. Балахнин); д. 273 (И. Л. Булат); д. 274 (Д. А. Булатов); д. 275 (А. С. Булин); д. 346 (М. К. Ветошкин); д. 411 (А. А. Воронин); д. 493 (Н. К. Гончаров); д. 518 (Л. А. Гребнев); д. 550 (М. А. Гусев); д. 596 (К. Я. Дирик); д. 745 (Б. И. Иванов); д. 909 (М. Н. Коковихин); д. 953 (В. Е. Косоротов); д. 1031 (М. М. Кульков); д. 1077 (М. А. Лебедев); д. 1159 (Ф. Ф. Лякуткин); д. 1542 (В. И. Полонский); д. 1599 (С. Ф. Реденс); XXX (А. Г. Ремейко); XXX (И. Г. Рудаков); д. 1683 (А. Н. Рябов); д. 1717 (П. Ф. Сахарова); д. 1797 (М. И. Смирнов); д. 1890 (Ф. Ф. Сыромотов); д. 2018 (В. В. Фомин); д. 2083 (А. А. Чевардин); д. 2988 (А. А. Черепанов). О культуре радикальных рабочих, в том числе о кружках чтения, см.: Reginald E. Zelnik, «Russian Bebels: An Introduction to the Memoirs of Semen Kanatchikov and Matvei Fisher», part 1, *Russian Review* 35, № 3 (July 1976), с. 249–289, part 2, *Russian Review* 35, № 4 (October 1976), с. 417–447; Reginald E. Zelnik, ed., *Workers and Intelligentsia in Late Imperial Russia: Realities, Representations, Reflections* (Berkeley, University of California Press, 1999); Zelnik, «On the Eve: An Inquiry into the Life Histories and Self-Awareness of Some Worker-Revolutionaries» в: Lewis H. Siegelbaum, Ronald Grigor Suny, eds., *Making Workers Soviet: Power, Class, and Identity* (Ithaca: Cornell UP, 1994), с. 17–65; Mark D. Steinberg, *Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910–1925* (Ithaca, Cornell University Press, 2002); Michael Melancon and Alice K. Pate, eds., *New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia* (Bloomington: Slavica, 2002); Deborah Pearl, *Creating a Culture of Revolution: Workers and the Revolutionary Movement in Late Imperial Russia* (Bloomington: Slavica, 2015), особ. с. 57–239 о том, что читали члены кружков. О революционерках см.: Anna Hillyar, Jane McDermid, eds., *Revolutionary Women in Russia 1870–1917: A Study in Collective Biography* (Manchester: Manchester University Press, 2000).

⁷⁰ Аросев, *На боевых путях. Продолжение*, с. 93–94.

песни, слушать доклады, вести диспуты. Но все это регламентировалось «конституцией», то есть соблюдался большой порядок, за которым наблюдали выбранные политическими заключенными старосты камер. Были определенные часы тишины и групповых прогулок во дворе. [...] В нашей камере всегда былолюдно. В те дни в тюрьме сидели в большинстве социал-демократы, но были эсеры и анархисты. Часто приходили в нашу камеру из других камер, чтобы послушать Я. М. Свердлова⁷¹.

Свердлов знал, а Аросев узнал довольно скоро, что «положение в тюрьме – лишь прямое отражение соотношения сил борющихся на воле». Многие зависело от места, времени, приговора, надзирателя и социального статуса заключенного. Орехов (бывший пастух, выливший кипящие щи на голову владельца ящичной мастерской) описывает «вывертывание рук», «посадку в мешок», кормление «тертым мелким растворенным стеклом», а также эпизод, когда «от одного удара лежал около восьми часов без памяти, который был нанесен в голову». Донской казак Валентин Трифонов носил в тюрьме зимнее пальто, чтобы смягчать удары надзирателей. По словам его сына Юрия, «каторжане непрерывно против чего-то протестовали: против того, что начальство обращалось к ним на ты, против требования тюремщиков приветствовать их словами «здравия желаю» и снимать шапки, против телесных наказаний, против насильственной стрижки волос, против «подаванцев» то есть подававших прошения с просьбой о помиловании и снижении сроков»⁷².

Регулярно происходили мятежи, побег, самоубийства и казни. Аросев играл в чехарду или спорил о роли личности в истории, когда «приводили из суда товарища, приговоренного к смертной казни, и мы знали, что не сегодня завтра поведут его ночью на наш двор, недалеко от того места, где мы гуляем днем, и повесят, и товарища больше не станет»⁷³.

⁷¹ Быков, «Мои встречи с Я. М. Свердловым» в: *О Якове Свердлове*, с. 50–51.

⁷² Аросев, *На боевых путях. Продолжение*, с. 94; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1429 (В. А. Орехов), л. 3 об., л. 4; Е. Бражнев (Трифонов), *Стучит рабочая кровь* (М.: Недра, 1931), с. 199; Ю. Трифонов, «Отблеск костра» в: *Собрание сочинений*, т. 4 (М.: Художественная литература, 1987), с. 9–10, 14, 32.

⁷³ Аросев, *На боевых путях. Продолжение*, с. 94.

Валентин Трифонов *Предоставлено Ольгой Трифоновой*

Но в большинстве воспоминаний тюрьму называют «университетом». «Именно на каторге, – пишет Кон, – я провел лучшие годы своей жизни. Здесь я пополнил свои знания, здесь испытал свои силы в длительной, упорной борьбе, здесь, в постоянном общении с другими заключенными, я научился отличать громкую фразу от дела, прочные и стойкие убеждения от мимолетного увлечения. Здесь, наконец, я научился оценивать и свою жизнь, и жизнь других со стороны пользы для дела». Осинский и Бухарин жили «душа в душу» в одной камере, а Платон Керженцев, который победил Осинского в школьных дебатах о декабристах, «прощудировал основательно легальную и нелегальную литературу» и «вышел из тюрьмы, лучшего университета в жизни, большевиком». Иосиф Таршис (Осип Пятницкий) научился читать «по определенной системе под руководством товарища, знавшего революционную марксистскую литературу». Григорий Петровский «прочел лучшие тогда марксистские книги, занимался арифметикой, геометрией и немецким языком»⁷⁴.

⁷⁴ Кон, *За 50 лет*, т. 2, с. 6; *Деятели СССР*, с. 439, 571, 582; О. Пятницкий, *Записки большевика* (М.: Партиздат, 1936), с. 43.

Тюремные университеты учили большевика оценивать жизнь со стороны пользы для дела. Но в первую очередь они учили его жизни. Если вера в приход революции была тверда, а «ключ к пониманию окружающей действительности» найден, то любые занятия арифметикой, геометрией и немецким языком шли на пользу дела. Чем больше большевик знал, тем лучше он различал «движущие силы» вселенной и «чарующий отблеск» приближающейся зари.

Во время первого пребывания в тюрьме, не имея в своем распоряжении ничего, кроме тюремной библиотеки, Канатчиков прочитал «Тургенева, Успенского, Достоевского, Шпильгагена («Между молотом и наковальней»), Щедрина и других». Особенно ему понравился Щедрин. «Читая его «Письма к тетеньке», я так сильно хохотал, что надзиратель не раз открывал форточку и долго смотрел мне в лицо, полагая, по-видимому, уж не рехнулся ли я в уме». Ко времени второго ареста у него было больше опыта, сознательности и товарищей. Фаина Рыкова, сестра студента-революционера Алексея Рыкова, принесла ему годовой запас книг.

Особо систематического подбора не было, но это было и не существенно, мне хотелось все знать, что прямо или косвенно содействует делу революции. А книги были подобраны определенного характера. Помню, в моем ассортименте были: «История первобытной культуры» Липперта, лекции по русской истории Ключевского, «Популярное изложение теории Дарвина» Тимирязева, «Политическая экономия» Железнова, «Развитие капитализма в России» В. Ильина. Я тогда не знал еще, что это псевдоним Ленина⁷⁵.

Воронский начал с Маркса, Кропоткина, Бальзака, Флобера и Достоевского, но, оказавшись в полуподвальной камере с мокрицами, дал себе послабление. «Вечером и утром – гимнастика, обтирание, три часа – на немецкий язык; остальные часы я отдавал Гомеру, Диккенсу, Ибсену, Толстому, Лескову, ленивым и вялым мечтаниям, неторопливым размышлениям и воспоминаниям»⁷⁶.

Яков Свердлов был неспособен на вялость и неторопливость. Он быстро ходил, громко разговаривал, занимался гимнастикой по «системе Мюллера», спал не более пяти часов в сутки и вел собственную «статистику потребления» (10 папирос, один казенный обед, одна бутылка молока, фунт белого хлеба, три чашки чаю в день, от 4 до 6 фунтов сахара в месяц). В екатеринбургской тюрьме он играл в чехарду и читал Ленина, Маркса, Каутского, Плеханова и Меринга, а также Вернера Зомбарта о капитализме, Поля Луи о социализме, Сиднея и Беатрис Уэбб о тред-юнионизме, Шарля Жида о кооперации и Виктора Кларка о рабочем движении в Австралии. Он читал по-немецки, занимался французским и математикой и учил английский по самоучителю. Благодаря хорошему знанию «Капитала», «Что делать?» и переписки Маркса с Энгельсом он с пользой читал журнальные статьи о женском вопросе (автор «вполне правильно связывает указанный процесс развития индивидуума с капиталистическим производством, приведшим женщину к экономической независимости») и спорте («в различные исторические периоды спорт носил характер, соответствовавший потребностям господствующих классов»), а также самую разнообразную поэзию, от «пролетарских поэтов» до Шелли, Верхарна, Верлена, Бодлера, По, Кипплинга и особенно Гейне. «Литература, искусство сильно занимают, – писал он в одном из писем. – Они помогают понимать теоретически познанное развитие человечества». По словам его жены и товарища по партии Клавдии Новгородцевой, его девизом было «книгу проверять жизнью, жизнь – книгой»⁷⁷.

⁷⁵ Канатчиков, *Из истории моего бытия* (М: Земля и фабрика, 1929), с. 106. Канатчиков, *Из истории моего бытия*, кн. 2 (М: Московское товарищество писателей, 1934), с. 89.

⁷⁶ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 165; т. 2, с. 5–6.

⁷⁷ С. Свердлова и др., «Брат» в: *О Якове Свердлов*, с. 28; Я. Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1 (М.: Госполитиздат, 1957), с. 172–173, 223, 255, 256, 258–62; К. Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 19, 93–94.

В марте 1911 года, когда Свердлов находился в Петербургском доме предварительного заключения, а Новгородцева ждала ребенка, он занялся изучением «различных воззрений на половой вопрос, в частности, на воспроизведение». Ей было тридцать четыре года, ему – двадцать пять. У него была семилетняя дочь от другого товарища, но он редко виделся с ними. Среди тем, которые его интересовали, были:

Постановка вопроса в идеальном государстве Платона со специальным подбором для производства потомства; «Утопия» Мора, где перед вступлением в брак каждая сторона показывается другой без одежды; новейшие воззрения, по преимуществу так называемых людей науки, во главу которых надо поставить Фореля, по которому наиболее целесообразен предварительный медицинский осмотр, задача которого исследовать подробно состояние всего организма, в результате чего должно быть решение, выполнять ли функции воспроизведения или нет. Припоминается описание самого акта рождения в различные культурные эпохи, как в историях культуры, так и в беллетристике. Все приводит к тому, что «муки рождения» находятся в прямом отношении к состоянию организма роженицы: чем нормальнее организм, тем меньше боли, реже несчастные случаи и т. д. Вспоминаются различные требования разных программ, по которым на основании научных данных необходимо прекращение работы в определенный срок перед и т. д. и т. д. Думаю обо всем этом, сопоставляю и готов прийти к благоприятному выводу, но ведь я не специалист, многого, очень многого не знаю, что только специалисту доступно.

Яков Свердлов

Клавдия Новгородцева

Он продолжал проверять воспроизведение книгой, пока у них не родился сын. Новгородцева назвала его Андреем в честь партийной клички Свердлова. Когда она написала, что тело ее сильно изменилось, Яков заверил ее, что это не навсегда, и добавил, что, когда писал о деторождении в художественной литературе, то, «конечно», имел в виду Наташу Ростову⁷⁸.

* * *

Если тюрьма была университетом, то ссылка – главным экзаменом. Существовало два вида изгнания. Первый заключался в добровольном бегстве на запад, назывался «эмиграцией» и либо оставался в памяти как время частых переездов, подпольных конференций и одиночества в чужих и неинтересных городах и странах, либо забывался совсем – как время, проведенное вдали от «настоящего дела». Вторым была «административная ссылка», в которой

⁷⁸ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, 167, 175, 182; Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 119–120.

идея заточения и мученичества сочеталась с опытом создания самоуправляемого сообщества единоверцев. В большинстве воспоминаний сибирская ссылка – самое важное время в жизни революционера до пришествия революции⁷⁹.

После долгих месяцев пути под надзором более или менее нетрезвых и более или менее нестрогих солдат изгнанник попадал на край света, где встречавший его «политический» спрашивал, «бек» он (большевик) или «мек» (меньшевик), и, сообразуясь с ответом, отправлял на ночлег, угощал чаем, спрашивал о жизни на воле и вводил в местное общество. Самым значимым было отличие «политических» от всех остальных. Как писал Канатчиков, «это высокое звание революционера мы ревниво оберегали и сурово наказывали тех, кто его грязнил и принижал. Тем более что политические ссыльные здесь появились впервые и вначале местное население смешивало их с уголовными. Пришлось потратить немало усилий на то, чтобы провести резкую и отчетливую грань между нами, политическими людьми, борющимися за идею, пострадавшими за убеждения, и обыкновенными уголовными преступниками»⁸⁰.

Большинство крупных сообществ управлялись как коммуны – с комитетами, столовыми, библиотеками, хорами, кассами взаимопомощи и регулярными собраниями и обсуждениями. Государственные пособия («студенты» получали больше, чем рабочие) дополнялись посылками и местными заработками (Пятницкий рубил дрова, Воронский переплетал книги, Новгородцева вела метеорологические наблюдения, а Свердлов печатал газетные статьи о туземной жизни). Многие ссыльные учили, лечили и изучали местных жителей, но мало кто находил им место в царстве свободы. Пятницкий, женский портной из литовского местечка (по донесению полиции, «ниже среднего роста, сложения слабого, тонкий, грудь впалая»), поражался тому, как «из рук вон плохо» вели хозяйство сибирские крестьяне, и недоумевал, почему, выслушав рассказы о классовой борьбе, они «отправлялись к стражнику и спрашивали его, действительно ли дело обстоит так, как говорят политические ссыльные». Большинство исключений касались «полового вопроса». Сергей Мицкевич женился на шестнадцатилетней крестьянской девушке по имени Олимпиада, которая решила выучиться на медсестру, чтобы «быть полезной народу»; у Бориса Иванова «как-то так складывались отношения» с дочерью его хозяина, Матреной, что «из них вполне могло вырасти более глубокое чувство»; а литературный двойник Александра Воронского, Валентин, так часто и настоятельно агитировал свою хозяйку, «плечистую и дородную» вдову-староверку лет тридцати двух, что однажды, когда он на секунду замолк, она «встала, подошла к широкой двуспальной кровати с горой пуховых подушек и пышной периной, неторопливо раскрыла постель, обернулась к Валентину, спокойно и покорно сказала – «что ж, я вижу, иди уж, приголублю тебя» – и сказав это, она стала, тоже не спеша, покорно и со вздохами расстегивать пуговицы и распускать лиф»⁸¹.

⁷⁹ О ссылке в революционной мифологии см.: Могильнер, *Мифология «подпольного человека»*, с. 168–176.

⁸⁰ Канатчиков, *История моего бытия*, кн. 2 (1934), с. 225. О вопросе «бек или мек» см.: Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 71; Б. Иванов, *Воспоминания рабочего большевика* (М.: Мысль, 1972), с. 92.

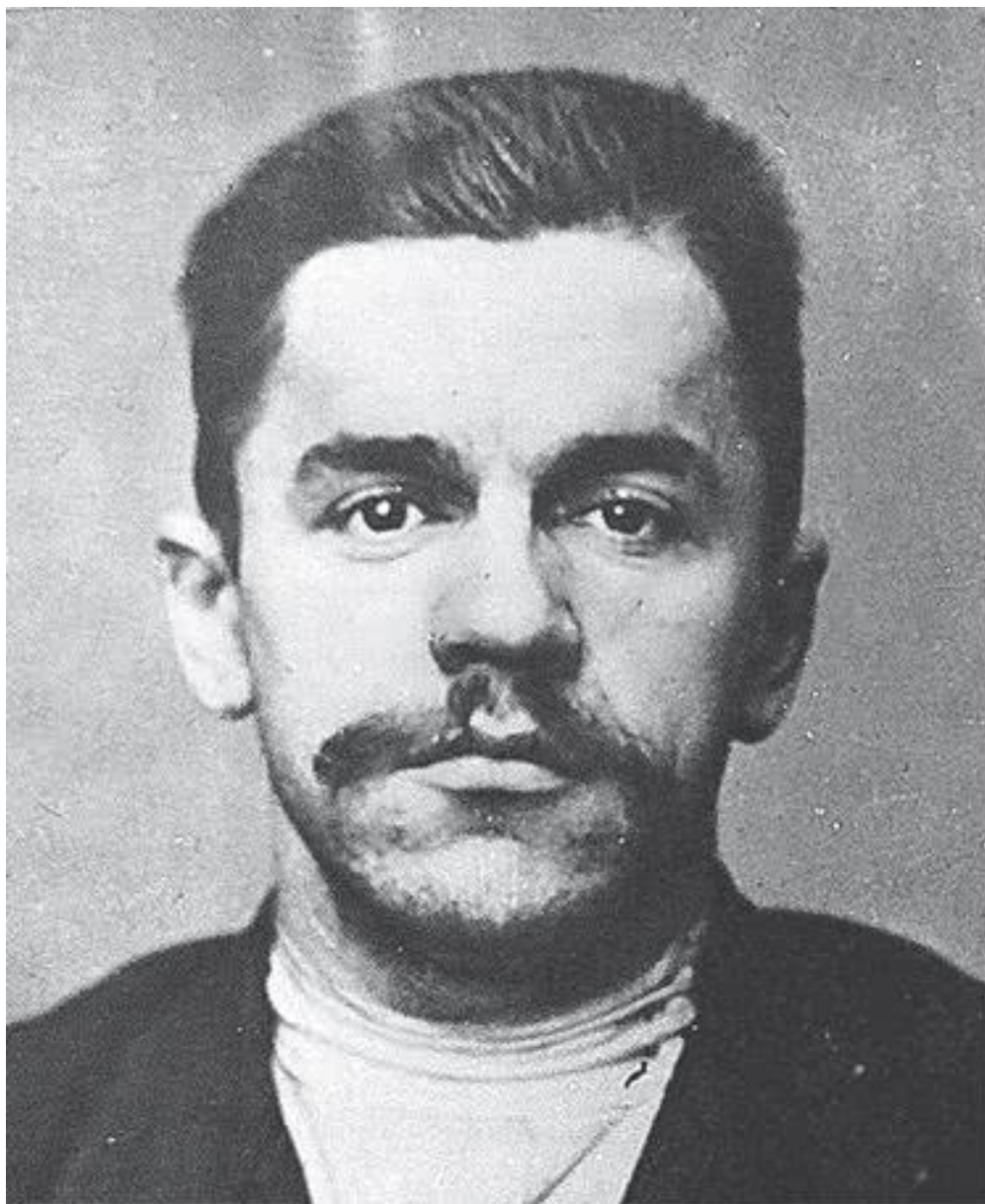
⁸¹ Kanatchikov, *A Radical Worker*, с. 364; Свердлов, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 124, 193–194; В. Пятницкий, *Осин Пятницкий и Комитет на весах истории* (Минск, Харвест, 2004), с. 29; Пятницкий, *Записки*, с. 244–251; РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 1308 (О. Н. Мицкевич), л. 3; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 74, 180.

Александр Воронский

Осип Пятницкий

Борис Иванов

Но чаще всего они ухаживали друг за другом, женились (неофициально) друг на друге и о классовой борьбе говорили друг с другом. Некоторые ссыльные обменивались уроками, но обычно студенты были учителями, а рабочие учениками. Валентин Трифонов, донской казак-сирота и железнодорожный рабочий, говорил, что всему (в том числе «просто культуре») научился от другого ссыльного, Арона Сольца. Борис Иванов, «малограмотный и политически недостаточно развитый» пекарь (как он сам себя описывал), брал у Свердлова уроки алгебры, геометрии, политэкономии, русского языка и «элементарной грамотности и политического развития». Ссыльные гуляли, говорили, отмечали революционные праздники, ждали новоприбывших и много читали (некоторые издатели снабжали их бесплатными экземплярами). «Несмотря на административные стеснения, мы жили довольно привольно, – писал Воронский. – Кругом нас были снега, льды, море, река, скалы, грубоватый, но крепкий и здоровый поморский быт. Нам присылали бесплатно газеты, журналы, книги. Дни проходили однообразно, но не томительно, по крайней мере, в первый год ссылки. Мы часто собирались, спо-

рили, получали исправно нелегальную литературу, полиция нам докучала, но не очень назойливо. Полицейский надзиратель и стражники нас побаивались»⁸².

Главным врагом ссыльных была меланхолия. «А как, спрашивается, было не хандрить и не тосковать, – писал Пятницкий, – когда никогда не видишь живых людей, не занимаешься живым делом, хотя ты и «на воле», а кругом тебя восемь месяцев лежит снег, на который глазам больно смотреть, ходить же можно только по дороге, иначе рискуешь провалиться в снег, покрывающий землю на два аршина». И как не впасть в уныние, писал Борис Иванов, «когда несколько месяцев подряд солнце прячется за горизонтом, а бледный, пасмурный, хмурый день блеснет лишь на полчаса-час, и опять стоит многомесечная темная ночь»⁸³.

Некоторые опускались, спивались и впадали в сомнения. Местные крестьяне докучали визитами. По словам Свердлова, «придут, усядутся, помолчат с полчаса и вдруг поднимутся: «Ну, надо итти, до свидания!» Проезжие кочевники заходили, чтобы «подивиться, что так быстро бегают перо по бумаге, и так много написано, стоят, глядят через плечо, ну как тут писать, а писать необходимо»⁸⁴.

Постышеву не всегда удавалось писать Белоконской. «Сколько раз я садился за письмо в самую тяжелую минуту грусти, чтобы поделиться с Вами своим одиночеством, но ни одного письма я не мог отправить Вам. Дорогая, многоуважаемая Любовь Матвеевна, если бы Вы знали, как я страдал, то Вы извинили бы мое молчание»⁸⁵.

Одна из форм одиночества – вынужденное общение. Весной 1914 года Свердлова перевели в заполярную Курейку, где единственным ссыльным был «грузин Джугашвили». «Парень хороший, – писал Свердлов, – но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда». Месяц спустя он вернулся к этой теме: «Что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех мелочах. Хуже всего, что только со стороны «мелочей жизни» и виден. Нет места для проявления крупных черт. Мы с товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся». Полгода спустя, переехав на новое место, он писал Новгородцевой: «Ты же знаешь, родная, в каких гнусных условиях я был в Курейке. Товарищ, с которым мы были там, оказался в личных отношениях таким, что мы не разговаривали и не видались. Было скверно. Тем более скверно, что по целому ряду соображений я не занимался, да и не мог заниматься ничем. Я дошел до полной мозговой спячки, своего рода мозгового анабиоза»⁸⁶.

(Спустя три дня Джугашвили писал Татьяне Словатинской, на квартире которой он жил в Петрограде перед арестом: «Милая, нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но... деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедленно, телеграфом, нет мочи ждать больше».)⁸⁷

Соседство с другом приносило облегчение, но не избавляло от меланхолии. Филипп Голощекин (урожденный Шая Ицков, известный как Жорж) «немало содействовал» пробуждению Свердлова. «Он человек довольно живой. У него возникает куча вопросов, которые он пытается разрешать беседами... Все же не думай, что так уже хорошо вдвоем, что у нас тут живая товарищеская атмосфера. Ведь нас только двое». Местные крестьяне не считались. Голощекин делался все раздражительнее. «Он стал форменным неврастеником и становится мизантропом. При хорошем отношении к людям вообще, к абстрактным людям, он безобразно

⁸² Трифонов, *Отблеск костра*, с. 21; Иванов, *Воспоминания*, с. 101; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 85–86.

⁸³ Пятницкий, *Записки*, с. 249; Иванов, *Воспоминания*, с. 95, 153.

⁸⁴ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 204, 268; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 177–178; Канатчиков, *История моего бытия*, кн. 2 (1934), с. 224.

⁸⁵ Павел Постышев, с. 51.

⁸⁶ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 268, 276–7, 298.

⁸⁷ Джугашвили цит. по: Ю. Трифонов, *Из дневников и рабочих тетрадей*. «Дружба народов» 6 (1998), с. 114.

придирчив к конкретному человеку, с которым ему приходится соприкасаться. В результате – контры со всеми. Конечно, кроме меня, ибо я-то хорошо знаю, какой это хороший парень, какая хорошая душа у него». Наконец они расстались – «не думай, что после ссоры с Ж. Ничего похожего. Мы по-прежнему нераздельны. Но отдельная квартира все же лучше». Разные люди живут по разным расписаниям, «а я не могу еще писать интимных писем, когда есть в комнате кто-либо бодрствующий»⁸⁸.

Свердлов часто писал интимные письма. «А знаешь, детка, – писал он Новгородцевой из Курейки вскоре после того, как они с Джугашвили перестали разговаривать, – я право же сильно, сильно люблю тебя, и даже очень, очень сильно. Ты спишь и не слышишь? Ну спи, спи, родная, не буду мешать. Эх-ма!». Прошел год с рождения Андрея, а он еще не видел ни сына, ни жены (некоторые большевики не одобряли слова «жена», но Свердлова это не останавливало).

И я настолько не отрываю своего существования от твоего, так часто в душе говорю с тобой, что и для меня как-то странно, что мы так долго не виделись. Но как хочется все же быть около, поглядеть на тебя и детишку воочию. Сознаюсь, гораздо больше желание быть с тобой, ты занимаешь мои мысли больше, ты, ты и ты, и еще раз ты, а потом наш детка. Не понимай меня превратно. Да, мне хочется твоей ласки, сознаюсь, иногда до боли хочется, и я не вижу в этом ничего дурного. Так хочется положить голову к тебе на колени, смотреть, смотреть без конца в твои так сильно дорогие, близкие, милые черты лица, вглядываться в твои глаза, превратиться в маленького-маленького и чувствовать прикосновение твоей руки к волосам, да, невыразимое наслаждение в этом. Но еще больше, сильнее всего хочется передать тебе все свои переживания, все свои думы, в самой передаче почерпнуть новые силы, сделать так, чтобы и тебя полностью захватило мое настроение, слиться в одном настроении... Хочется ласкать тебя, заботиться о тебе, сделать жизнь твою полной бодрости, радости... Много хочется дать. Но что я могу?⁸⁹

В те же дни подопечный Свердлова Борис Иванов писал «далекому другу» Блюме Факторович. «Я пишу Вам письмо в сумерках. Вы стоите передо мной в моей хижине, как когда-то на нашей новогодней вечеринке в рабочем клубе. Шапка черных волос лежит короной, а черные, жгучие глаза искрятся при свете огней». Письмо заканчивается стихотворением.

Поцелуем одним мы с тобой встретим год,
Не для нас эта ночь ликований,
Поцелуем, как братья, борясь за народ,
Что томится под гнетом страданий.
Не завидуй веселью, мы выпьем до дна
Чашу слез и тоски безысходной.
Может быть, там, где полны бокалы вина,
Упиваются скорбью народной.
Может быть, в этот час, где разбита любовь,
Где разгульное счастье резвится,
Не вино ярко блещет, а слезы и кровь,
Кровь народная в кубках струится⁹⁰.

⁸⁸ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 278, 298, 301; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 484 (Ф. И. Голощекин), л. 14–14 об.

⁸⁹ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 281, 214–215.

⁹⁰ Иванов, *Воспоминания*, с. 151–152, 154.

По другую сторону Урала Воронский пил из той же чаши:

Длинными докучными вечерами я много читал – до одурения, топил печь, приспуская лампу. Березовые дрова шипели, сухо трещали и щелкали, подобно разгрызаемым орехам. Кругом бродили уродливые мохнатые тени. О минувшем и угасшем напоминали покрывавшиеся серым пеплом угли. Далекой и невозвратной казалась недавняя жизнь в столицах и больших городах... Оживали пленительные женские образы, эта вереница страстей, превращенных в одни лишь бесплотные, ускользающие тени. Я спешил истопить печь, гремел заслонками, одевался, оглядывал полутемную комнату тоскливым и потревоженным взглядом, шел к Вадиму, к Яну, к Валентину. Темные небесные глубины подавляли своей пугающей безмерностью⁹¹.

Даже Свердлов, чьи «жизнерадостность и оптимизм» были, по словам Иванова, «главной поддержкой слабых», порой впадал в отчаяние. В конце декабря 1911 года, когда его «почти без перерыва» знобило, сильно распухла нижняя губа и несколько недель не было писем, он писал Новгородцевой: «Вчера было так плохо, что охота была заплакать, заохать, не мог заснуть, напрягал все усилия, чтобы не распуститься, сдержал себя, но дошел до того, что пожалел об отсутствии брома или какого-нибудь снотворного, не уверен, что удержался бы от принятия»⁹².

Впрочем, такое случалось редко, и за ночами отчаяния следовали слова обновленной веры. «Будут светлые дни. Верь в это твердо, будь полна этим», – писал Свердлов жене, друзьям и сестрам. И они верили. Видения Воронского и хандра Пятницкого исчезали «в беседах с товарищами», а письмо Иванова о многомесячной ночи заканчивалось описанием «небесных глубин». «Небо усыпано бесчисленными звездами, и здесь они светят так ярко, как не светят у нас или на юге. Разбегаются причудливые полосы северного сияния, похожие на лучи прожектора, а то вдруг встанет от земли до неба белый огненный столб или взметнется сноп синих, красных и фиолетовых огней»⁹³.

Постышев тоже находил утешение в природе (и беллетристике):

Трудно для меня описать всю прелесть этих гор, когда они бывают позолочены восходящим солнцем и над ними высоко-высоко сверкает бирюзовое небо, и так близко к земле прильнула пылающая заря, что вот-вот загорится земля. А когда заходит солнце, то я предпочитаю гулять между гор, по «падам» – так они здесь называются. Тогда эти горы подернуты синеватой дымкой, а небо будто касается их верхушек, и сквозь сосны сверкают лучи заходящего солнца. Что-то волшебное представляется тогда взору, и душа наполняется чем-то неземным, и жить тогда хочется и обнять всех хочется, простить всем и чтобы самому все было прощено⁹⁴.

Ни настоящий большевик, ни северная природа не могли долго пребывать в таком состоянии. В 1913 году «великий пролетарский праздник Первое мая» застал Постышева в тайге.

Шум гигантов деревьев как будто бы победный гимн миллионной армии пролетариата. Эта дикая, но величественная музыка проникала в самую глубь нашего сердца. Мы стояли и слушали эту могучую победную песню. Аккорды

⁹¹ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 181–182.

⁹² Иванов, *Воспоминания*, с. 95; Свердлов, *Избранные произведения*, с. 208.

⁹³ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 215; Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 182; Пятницкий, *Записки*, с. 249–250; Иванов, *Воспоминания*, с. 153.

⁹⁴ Павел Постышев, с. 57.

этой песни менялись, до наших ушей долетал то пронзительный вопль, полный злобы и мщения, то как будто бы тяжкий вздох целой огромной, огромной армии⁹⁵.

Для Свердлова победа означала воссоединение с Новгородцевой и пришествие настоящего дня. Первое произошло раньше: в 1912 году они ненадолго встретились на Оби, а в мае 1915-го, через два года после рождения дочери Веры, Новгородцева переехала к Свердлову в село Монастырское на Енисее. Борис Иванов вспоминал о своем первом впечатлении от их дома:

Лес подступал почти к самому дому множеством низкорослых елок и кустарников. В доме три комнаты и четыре окна, все в сторону леса. Обстановка самая простая: деревянные скамьи, стол с белой скатертью, на небольшом столике стопка книг. Среди них я увидел первый том «Капитала», книгу на немецком языке и раскрытый номер журнала «Русское богатство». На подоконнике лежала объемистая груда газет.

Черноглазый мальчик лет шести, в белом полотняном костюме, с любопытством смотрел на меня.

– Адя! Что ты тарачишь глаза? Товарищ прибыл из Питера. Познакомься, – говорил Свердлов, слегка подталкивая ко мне мальчугана. – А это мой зверек, – с улыбкой представил мне Свердлов сына⁹⁶.

Андрею (Аде) Свердлову было четыре, а не шесть, но он уже успел побывать в гостях у отца в томской тюрьме и пожить с матерью в двух ссылках. Чтобы у детей было свежее молоко, Свердловы купили корову.

Свердлов вставал около шести утра и шел на реку делать метеорологические измерения (входившие в обязанности Новгородцевой).

Вернувшись с Енисея [пишет Новгородцева], Яков Михайлович колол дрова, задавал корм корове, убирал навоз, затем топил печку, кипятил воду и готовил завтрак. Часов в восемь вставали ребята. Яков Михайлович умывал и одевал их. Возня с ребятами также осталась за ним, и, несмотря на мои протесты, он не давал мне в это дело вмешиваться. Примерно в половине девятого мы завтракали, и я уходила по урокам. В это время и к Якову Михайловичу приходили ученики – ребята местных жителей. Часов в двенадцать он освобождался и принимался за приготовление обеда. Готовил он превосходно.

Главными блюдами в Монастырском были мороженая рыба (строганина) и пельмени из оленины. И Новгородцева, и Иванов утверждают, что Свердлов был непревзойденным мастером в изготовлении фарша. Иванов, пекарь по профессии, был «художником» в деле лепки.

Обедали мы обычно около двух, после чего я мыла посуду, это право я с боями отвоевала себе, затем мы вместе занимались починкой одежды, штопкой и, если приходило время, стиркой. Освобождался Яков Михайлович от всяких домашних дел часам к пяти-шести, а уже около семи у нас обычно начинал собираться народ.

Из двадцати ссыльных, живших в Монастырском, постоянными гостями были человек десять. Пока Свердлов «священнодействовал» у плиты, остальные под руководством Иванова

⁹⁵ Там же, с. 50.

⁹⁶ Иванов, *Воспоминания*, с. 92.

лепили пельмени. «Веселью и шуткам не было конца, однако спиртного за столом никогда не бывало. Яков Михайлович совершенно не пил ни водки, ни вина»⁹⁷.

Политические мероприятия не разрешались, но зимой, по словам Иванова, стекла в окнах «покрывались толстым слоем льда. С улицы нельзя было увидеть, что делается в доме, а из дома не видно было, что происходит на улице. Только свет керосиновой лампы пробивался сквозь промерзшие стекла... Собирались ссыльные большевики в небольшой комнате, обстановка которой не предвещала лекции или доклада. На столе стоял чайник с горячим чаем, Валентина Сергушева разливала его в кружки, а у стола в непринужденных позах сидели гости. Некоторые, впрочем, лежали на оленьих шкурах, брошенных на пол неподалеку от железной печки, в которой горели кедровые дрова. В полумраке комнаты едва виднелись лица собравшихся»⁹⁸.

После лекций ходили гулять. Любимым занятием было пение, а любимыми песнями – «боевые гимны революционного пролетариата той поры».

Нередко во время прогулки начиналась веселая, шумная возня, порою перераставшая в нешуточные сражения. С азартом швырялись снежками, валили друг друга в сугробы, и плохо приходилось тому, кто зазевается, не увернется вовремя от ловкого удара противника.

Инициатором и заводилой наших забав и сражений обычно оказывался Яков Михайлович. Он с таким азартом наступал на противника... что тот непременно оказывался втиснутым в сугроб, а сидевший на поверженном противнике Свердлов сыпал ему за шиворот полные пригоршни снега.

– Пошли чай гонять! – громко провозглашал Яков Михайлович, и, усталые, покрасневшие, веселые и шумные, мы возвращались всей компанией к нам. Тут все брались за работу: кто ставил самовар, кто доставал посуду, кто накрывал на стол. Начиналось чаепитие. И снова текла веселая, непринужденная беседа, а в соседней комнате давно уже крепко спали привыкшие к любому шуму Андрей и Верушка.

⁹⁷ Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 194–197. См. также: Иванов, *Воспоминания*, с. 96.

⁹⁸ Иванов, *Воспоминания*, с. 107–108.

Ссылные в Монастырском. Свердлов сидит в первом ряду в белой рубаше. Новгородцева и Андрей Свердлов в первом ряду слева. Между ними (в шляпе) – Григорий Петровский. Джугашвили (Сталин) стоит в заднем ряду в черной шляпе, в центре рядом с ним Лев Каменев. Справа в кожаном пиджаке – Филипп Голощекин

Часам к девяти-десяти все отправлялись по домам, а Яков Михайлович садился за работу. Теперь, поздним вечером и ночью, для него наступала самая напряженная часть суток. Не менее четырех-пяти часов он сидел над книгами и материалами. Читал, конспектировал, делал выписки и заметки, писал. Ложился он не раньше часа-двух ночи, а в шесть-семь часов утра уже снова был на ногах⁹⁹.

Ссылка ассоциировалась со страданием и душевной близостью и воспринималась как эпическое столкновение «мира лжи» и «первобытной гармонии». «Пропасть между разумом и внеразумным создает уродливая общественная жизнь», – думал Воронский, «бродяжничая по лесным прогалинам и взбираясь на скалы»¹⁰⁰.

Лишь при социализме устранится коренное противоречие между сознанием и бессознательным. Совершится скачок из царства необходимости в царство свободы, то есть не будет трагических разрывов между сознанием и бессознательным: разум подчинит себе стихию, но будет и сам связан с ее могучими силами¹⁰¹.

А до тех пор память об изгнании будет служить залогом грядущего освобождения и священной связью между «соратниками, совольниками и друзьями».

⁹⁹ Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 196. О ссылке в Нарым см.: Э. Хазиахметов, *Большевики в нарымской ссылке* (Новосибирск; Западно-Сибирское книжное издательство, 1967).

¹⁰⁰ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 184, 186.

¹⁰¹ Там же, с. 7.

Они для меня и семья, и родина, и милое прошлое, и славное будущее. Они цветут сейчас в моей душе, подобно редким цветам на горных склонах по соседству уже со снегом. За верное вольное содружество, за крепкие рукопожатия, за товарищеские беседы во вьюжные вечера, за смех, за шутку, за смелость, за дерзкость, за неугомонные кочевья, за готовность помочь друг другу ценою жизни, за горячую веру-уверенность в самые горькие годы, за нашу чудесную единственную отважную ватагу!..¹⁰²

* * *

Соратники, совольники и друзья принадлежали к подпольным «партиям» глашатаев царства свободы. Отличительной чертой революционера, по словам Воронского, была «привычка делить людей на два лагеря: своих и чужих».

Свои – это подполье, тайный, замкнутый круг добровольной и железной порукой скрепленных людей, со своими понятиями о чести, о праве и справедливости. Круг невидимый и незримый, но всегда властно ощутимый, воинствующий и непреклонный. Он – как вулканически поднимающийся остров среди океана. Все остальное, многоликое, огромное, житейское – враждебно. Все остальное нужно переделать, перекроить, оно достойно гибели, оно ненавистно, оно сопротивляется, преследует, изгоняет, ловит, живет своей жизнью. И я учился презирать все, что за пределами моего тайного сообщества и совольничества¹⁰³.

Первая часть воспоминаний Воронского вышла в «Новом мире» в 1927 году. Некоторые критики возражали против растянутых «размышлений», но, как писала жена Воронского, «по содержанию это произведение не может вызвать какие-либо возражения». Горький назвал его «голосом настоящего революционера, который сумел о себе рассказать как о настоящем живом человеке, а не как об инструменте или орудии истории». Публикация была одобрена цензурой согласно резолюции Молотова (бывшего Скрябина) на основании заключения Керженцева (бывшего Лебедева), под «ответственной редакцией» Канатчикова (бывшего рабочего Густава Листа). Революционер из подполья в изображении Воронского не вызвал каких-либо возражений¹⁰⁴.

Я проходил по Невскому. Сверкающие витрины магазинов, кареты и рысаки, цилиндры и котелки возбуждали во мне чувство превосходства. Я думал: вот господин с пушистыми усами, в английском пальто с искрой, вот женщина с дородным телом и свежим лицом, шуршащая шелком... они могут зайти в магазин, небрежно выбрать дорогую вещь, приказать отправить ее посыльным домой, сидеть вот в этом ресторане, вечером в ложе слушать оперу, потом ужинать, расправляя хрустящую, туго накрахмаленную салфетку. У меня в кармане полтинник, на мне рваное осеннее пальто и стоптанные рыжие ботинки, но это мне все равно: я творю волю неведомых и неукоснительно идущих к своей разрушительной цели людей. Я тоже принадлежу к их тайному братству. За стеклом витрины переливаются радугой самоцветные камни – это для них, для вас, холеные, сытые, довольные.

¹⁰² Там же, с. 86.

¹⁰³ Там же, с. 268.

¹⁰⁴ Там же, с. 5; Е. Динерштейн, А. Воронский, *В поисках живой воды* (М.: Росспен, 2001), с. 271–272.

А у меня туго стянут пояс, под пиджаком хрустят кипы листовок. Это тоже для вас. Пожалуй, это не хуже динамита, браунинга. Вы проходите мимо меня, толкаете, но вы не знаете, что знаю я, вы не подозреваете, не догадываетесь об опасностях; они стерегут вас. Я сильнее вас и могущественней, и мне весело ходить среди вас незамеченным¹⁰⁵.

У мира, жившего своей жизнью за пределами тайных партий, было много лиц и названий. Хуже всех были «обыватели» – люди, чьи «мнения, мысли, пересуды и желания мелки и ничтожны», и нелюди, обреченные на «плотоядие, чавканье, обжорство с тянучей слюной и икотой, елейность вместе со зверством»¹⁰⁶.

Бывал ты когда-нибудь в мясных рядах? Висят свиные, коровьи туши. На прилавках, на телегах, повсюду – куски сала, желтого жира, запекшейся крови, в стороны летят осколки костей, ошметки мозгов, собирая своры собак. Фартуки коробятся от крови. Вонь, разложение, душные, сладкотошноватые трупные запахи. Мне всегда кажется, что это – овеществленные чувства, надежды, мысли нашего растеряевца, окуровца, миргородца, – что это он сам, в самых своих сокровенных помыслах. Это его жизнь и быт. Погляди на него. С каким упоением копошится он, ворошит эти куски мяса, сала! Глаза становятся масленистыми, нижняя губа отвисает, слюна наполняет нечистые зловонные рты, он плотоядно щерится, растопыривает локти, боится, как бы у него не вырвали, не перекупили облюбованный кусок. Толкни его в это время, задень его нечаянно локтем, он ухлопать тебя готов на месте. Я видел людей, стоящих у мясных лавок с затуманенными глазами, с дрожью в пальцах: они смотрели на прилавок, на куски, как смотрят на голых женщин. Преувеличение?.. Пойди и проверь, но внимательно проверь¹⁰⁷.

«Обыватель» – штатный антипод «интеллигента». Заштатная Россия (Гоголя, Горького, Успенского) – его среда обитания. Превратив обывателя в угнетателя, социалисты приговорили его к смерти во имя марксистской неизбежности. Главной опасностью была способность гидры отрачивать новые головы. Главной метафорой служило «болото», которое прикидывалось твердой почвой и тихо просачивалось в дома, души и тайные сообщества. Родной Тамбов напоминал Воронскому тайное место, где он в детстве читал, сидя на дереве.

Снизу поднимались душные испарения, болото пучилось, урчало, гнило, вздувало пузыри, покрывалось мутной мертвой пленкой, зловонно дышало, кишело мириадами мошек, жирных и мягких головастика, водяных пауков, красных козявок, лягушек, – болото хлюпало и шелестело камышом, осокой. Дальше, если пробраться по неверным кочкам в его глубь, разверзались трясины, – в них погибали случайно забредшие телята, коровы и лошади¹⁰⁸.

Эсеры надеялись, что революция спасет Россию от удушья. Марксисты приветствовали потоп и пугали обывателей словами Энгельса: «Вы получите короткий период власти. Вам предоставляется диктовать законы, наслаждаться блеском созданного вами величия. Вы можете пировать в королевском зале и взять в жены прекрасную королевскую дочь, но не забывайте, что «Палач стоит у порога». Меньшевики отводили роль палача пролетариату; боль-

¹⁰⁵ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 89–90.

¹⁰⁶ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 268, 303.

¹⁰⁷ Там же, с. 300–301.

¹⁰⁸ Там же, с. 266–267.

шевики (некоторые из которых узнавали в цитате заимствование из Гейне) требовали ее для себя¹⁰⁹.

Валентин, литературный двойник Воронского, рано стал большевиком.

Третий ангел вострубит, и не может не вострубить. И тогда мы устроим всем этим возжаждавшим всласть пожить с жирком, с навозцем, с гряздой, с законными изнасилованиями некое светопреставление. Мы покажем им, чего стоят категорические императивы и гражданские плащи. Вспомняем и альбомчики с повешенными, и библиотечки любительские о них. Все вспомним: и неоправданные детские слезы, и загубленную юность на задворках и в подвалах, и погибшие таланты, и материнское горе, и Сонечку Мармеладову, и Илюшечку, и всех, кто качался на перекладинах, когда солнце посылает свои первые безгрешные лучи¹¹⁰.

Валентин был человеком из подполья. Не все большевики узнавали его аллюзии и одобряли его рефлексию, но все жили его пророчеством. Залогом победы революции была сила ненависти. Она очищала душу и разливалась, как половодье. «Она несется к вратам нового царства, орошая свой путь человеческой кровью, оставляя позади себя смерть, стенания, проклятия. Мимо трусов, мимо жалких душонок, увлекая смелых, отважных и крепких». Ненависть – оружие слабых. «Человеку надо возвратиться в свой потерянный рай, и он возвратится, найдет его, но уже не как раб природы, не как созерцатель, а как свободный господин, властитель и творец»¹¹¹.

Подпольные революционеры делились на партии в зависимости от отношения к предопределению и свободе воли. Речь шла не о выборе, а о пропорциях: никто не проповедовал безбрежную стихийность и не противопоставлял «сознательность» исторической неизбежности. Никто не отказывался от взаимного родства, и все обвиняли друг друга в измене. Группы единомышленников называли себя «партиями», но не считали себя политиками. Ленин называл большевиков «партией нового типа». Валентин возражал. «Какая мы партия? – спрашивал он. – Партия на Западе, в Америке. Все они, не исключая и социалистов, не идут дальше законом признанной борьбы за реформы. А мы – войско, мы – люди огня и меча, мы – бойцы, разрушители»¹¹².

Партиями принято называть организации, конкурирующие за власть в рамках данного общества (или, по определению Вебера, «за власть для лидеров с целью получения идеальных или материальных преимуществ для активных членов»). Ни одна из социалистических партий начала XX века не конкурировала за власть в Российской империи. Их целью было уничтожение этой империи во имя «царства свободы», понимаемого как жизнь без политики. Это были группы единоверцев, противостоящие развращенному миру, посвятившие себя униженным и оскорбленным и объединенные чувством избранности и идеалами братства и аскетизма. Иначе говоря, это были секты¹¹³.

«Секты» как добровольные ассоциации взыскующих града принято противопоставлять «церквам» как бюрократическим организациям с наследуемым членством. Вариантом этого подхода является классификация «религиозных» сообществ по признаку степени отрицания мира – от горстки беженцев или бунтарей до хорошо интегрированных идеологических корпораций. Но поскольку вопрос о том, считать ли сообщество религиозным, относится к предмету

¹⁰⁹ Ф. Энгельс, *Движения 1847 года*, <http://lugovoy - k.narod.ru/marx/04/44.htm>. Слова о палаче у порога взяты из *Ritter Olaf* Генриха Гейне.

¹¹⁰ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 305.

¹¹¹ Там же, с. 305, 267, 268, 306, 309.

¹¹² Там же, с. 304.

¹¹³ Max Weber, *Economy and Society* (Bekeley: UC Press, 1978), т. 1, с. 284.

веры, а не степени конфликта с миром, то к отличию сект от партий он отношения не имеет. Все социалистические партии начала XX века отвергали «мир насилия» и обладали структурными свойствами, связанными с сектантской самоизоляцией.¹¹⁴

Членство в такой группе делало жизнь осмысленной, целенаправленной и коллективной (особенно для большевиков – единственной социалистической секты, организованной вокруг харизматичного лидера). Но отказ от мира требовал жертв. Платой за забвение традиционных привязанностей, подчинение настоящего будущему и изгнание менял из храма были хронические приступы сомнения. Что, если отвергнутые связи истинны? Что, если будущее наступит тогда, когда от настоящего ничего не останется? Что, если «обыватели» – просто люди? Что, если жизнь в тюрьмах потрачена напрасно? «Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою?»¹¹⁵

Дилемма Иова рождается из подчинения силе, которая столь же добродетельна, сколь всемогуща. («Если действовать силою, то Он могуществен; если судом, кто сведет меня с Ним? Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня; если я невинен, то Он признает меня виновным».)¹¹⁶ Особенно остра она у тех, кто ценит самоусовершенствование не меньше самопожертвования. Личность, рожденную в муках, нелегко принести в жертву – особенно если работа по ее лепке строится на источниках, подобных бухаринским.

Автобиографический двойник Бухарина, Коля, испытал свой первый «духовный кризис», когда умер его младший брат. «Да стоит ли все остальное одной Андрюшиной слезинки? Что все поступки, добродетели, подвиги, искупления, когда нельзя возвратить прошлого?» Ответ пришел оттуда же, откуда и вопрос.

Раз Коля сидел тихо один и читал Достоевского, и вдруг напал на место, которое потрясло его до глубины души. Это было то место из «Подростка», где изображается, как люди будущего, потеряв веру в бога и бессмертие души, будут чувствовать себя без этой утешающей тысячелетней веры... Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к тому, который и был бессмертием, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою проходимость и конечность, и уже особенно, уже не прежнюю любовью¹¹⁷.

Автобиографический рассказчик Воронского пережил свой первый духовный кризис, когда умерла его сестра.

«Как это случилось? – думалось мне, – как же это случилось? Я стремлюсь к общечеловеческому счастью, я хлопочу о благе и довольстве других – и вот я не заметил, не знал, чем и как живет моя родная сестра. Нужна была неотвратимая близость смерти, чтобы она рассказала мне о себе... Ведь так можно дойти, пожалуй, до того, что будешь устраивать это самое вселенское братство и мять, топтать безжалостно и холодно, не замечая вокруг

¹¹⁴ Ernst Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Churches* (New York: Macmillan, 1931), т. 1, с. 331–43; см. также: Bryan Wilson, *Religious Sects: A Sociological Study* (New York: McGraw Hill, 1970), с. 26–28. О противопоставлении сект государству, а не церкви, см.: Bryan R. Wilson, *Magic and the Millennium: A Sociological Study of Religious Movements of Protest among Tribal and Third-World Peoples* (New York: Harper and Row, 1973), с. 14. О различиях между культом и сектой, см.: Rodney Stark, William Sims Bainbridge, *The Future of Religion: Secularization, Revival, and Cult Formation* (Berkeley, University of California Press, 1985), с. 24–26. О спектре отвержения/принятия см.: Benton Johnson, «On Church and Sect», *American Sociological Review*, т. 28, № 4 (August 1963), с. 539–549 и Stark, Bainbridge, *The Future of Religion*, с. 23–24.

¹¹⁵ Иов 6:11.

¹¹⁶ Иов 9:19, 20.

¹¹⁷ Бухарин, *Времена*, с. 350–351.

себя не только явных врагов, а вообще живую жизнь: детей, братьев, сестер! Или, возможно, это пока так и нужно, иначе не побеждают, как со сжатыми зубами, со сталью в сердце и с холодной ясностью в голове? Как же это?»¹¹⁸

Этот монолог открывает центральный эпизод книги: диалог рассказчика с дядей, отцом Николаем.

На пыльном дворе, заставленном телегой, тарантасом, дрожками, растянувшись у конуры, лежали рядом, голова к голове, цепная собака Милка и розово-грязный поросенок. Оба спали. Спросонок поросенок повиливал тугим концом хвоста.

– Какое корытное счастье! – заметил я, проходя мимо.

Отец Николай, полный, спокойный, рассудительный священник и домовитый хозяин, взглянул на поросенка и Милку, улыбнулся, поправил серебряный крест на груди, молча прошел мимо.

Рассказчик догоняет его, и они поднимаются на крутой берег реки за деревней.

Жидкое, нежаркое солнце клонилось к краю янтарного неба. С правой стороны обрыва расстился сочный зеленеющий луг. Медленно, вразброд брело к селу стадо коров, овец и лошадей, бросая длинные тени. Бессмысленно блеяли овцы, сухо шелкали кнутами пастухи. Развевая и потряхивая гривой, пробежали, играя, два скакунка. Покойно лежала, поблескивая медными бликами, плавно изгибаясь, светлая река. За рекой уходили вдаль поля. На холмах виднелись деревеньки, за ними стоял молчаливый, торжественный сосновый бор. Мерно плыл медленный, далекий благовест.

– Благодать, – промолвил отец Николай, останавливаясь и опираясь на длинный посох. – Ты на дворе упомянул про корытное счастье. Что ж, оно, может быть, и корытное, да настоящее... Произрастание... Им же все и созиждено: трава, деревья, скот всякий, хаты, мужики, птицы, мы с тобой. Все, что ты видишь в окружности, – он неторопливо широко провел рукой, – все создано произрастанием, корытным счастьем, по-твоему.

– Произрастание – дело неосмысленное и стихийное, – возразил я.

Отец Николай снял широкополую шляпу, провел рукой по волосам, ответил:

– Ну да, стихийное. Бог дал древний закон жизни: «в поте лица добывайте хлеб себе, плодитесь, множитесь, наполняйте землю»¹¹⁹.

Рассказчик возражает, и у них завязывается спор о том, что есть жизнь, «чудо чудеснейшее» или игра «слепых и злых стихийных сил», и что есть истинное чудо – сама жизнь или желание и способность человека изменить ее до неузнаваемости.

Отец Николай подумал, отогнул конец рукава рясы, ответил:

– ...Нужно пахать, сеять, разводить скот, сады, рожать и питать детей, это – главное. Все остальное приложится. Вы, взыскующие нового града, не знаете и не чувствуете радость хозяина, когда он видит выводок цыплят, заботу его, когда он окучивает дерево или делает прививки яблоне. Вы полагаете – он о барышах думает. Не только о барышах, а иногда и совсем о них не думает: он радость произрастания испытывает, он видит плоды трудов

¹¹⁸ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 68–69.

¹¹⁹ Быт. 3:19, 1:28.

своих, он радуется живому... Велика жизнь, она как гора, ее не сдвинешь с места.

– Мы будем пробивать, дядя, туннели.

– Ты думаешь, по ту сторону другая жизнь? Та же самая, та же самая...¹²⁰

Этот диалог проходит через всю книгу и через большинство воспоминаний о жизни в подполье – от рассказа Кона о новой молитве деда до истории Куйбышева о плачущем отце. Может быть, это свойство человеческой жизни?

– Читал ты «Пер Гюнта» и «Бранда» Ибсена? – обратился я к Валентину.

– Читал. Ты это к чему?

– Два типа, два психических уклада. Пер Гюнт лишен цельности, он несобран, неорганизован, Он годится лишь в переплавку, но ему ничто человеческое не чуждо. Он баюкает, успокаивает, обманывает умирающую мать. Помнишь: «В Сорио-Морио король пир горою дает». Он не имеет принципов, но сердце его открыто. Бранд – боец, он целен. Он хочет всем существом. Его заповедь: «Все или ничто», – но сердце его закрыто к человеческим радостям и горестям, он беспощаден. Он отнимает у своей жены Агнес чепчик – последнюю память об умершем ее ребенке, отказывается пойти к смертному одру матери и сказать ей несколько слов успокоения¹²¹.

У всякого настоящего большевика есть двойник-сектант. У Ульянова – Ленин, у Джугашвили – Сталин, у Скрябина – Молотов, у Аросева – Зет, у Воронского – Валентин¹²².

– ...Пер Гюнтов – миллионы. Они ложатся навозом, удобрением. Но не кажется ли тебе иногда, Валентин, что среди нас брандовское начало берет перевес? Мы черствеем, ожесточаемся, мы превращаемся в революционных дельцов, в подмастерьев революции, мы отлучаем себя от «человеческого, слишком человеческого».

Валентин завозился под одеялом, чиркнул спичкой, закурил папироску, промолвил:

– Это так и должно быть в нашу эпоху. Мы должны развить в себе деловитость, непреклонность, мы обязаны целиком отдаться своему идеалу. Нельзя отдаваться и плыть по течению разнообразных и разноречивых чувств. Мы – воины¹²³.

В мире Воронского, как реальном, так и литературном, от раздвоенности нет избавления – даже в любимом его убежище, домике под Тамбовом, где жила Феоктиста Яковлевна Мягкова, его первый учитель социализма. (Дочь священника, она была тем «загадочным революционером», от которого семинарист Воронский получил свои первые листовки.) У Мягковой было три маленьких дочери.

Этот детский, девичий мир привлекал меня к себе. Чистые непорочные глаза, косы, вплетенные в них веселые ленты, тетради, запачканные чернилами и пятнами, сводные картинки, куклы, цветы, короткие пестрые платица, беспечный, неподражаемый и заразительный смех, звонкая болтовня, суматоха, игры помогали забывать невзгоды и огорчения.

¹²⁰ Цитата о горе: Евр. 3:14.

¹²¹ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, с. 151.

¹²² Ср.: Аросев, *На боевых путях. Воспоминания*, см. особ. с. 89.

¹²³ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 1, 151–152.

Две из них любили слушать смешные истории, которые он придумывал, но третья, «смуглянка Таня», отличалась «критическим направлением ума» и «рассказням не очень-то верила». «И никакого попугая вы покупать не собирались, и никакого страшного человека не видели, и он совсем не гнался за вами – вы все это выдумали». Не исключено, что за Воронским гнался сыщик в штатском, но Таня требовала доказательств. «Валентин» был литературным двойником Воронского; Таня была серьезной двенадцатилетней девочкой. В двадцать лет она вступит в партию большевиков¹²⁴.

* * *

Воронского и Аросева упрекали за избыточную литературность, но никто не подвергал сомнению достоверность их свидетельств. Яков Свердлов, который не публиковал ничего, кроме газетных статей, задавался теми же вопросами и пространно обсуждал их в своих письмах. Как соотносятся завтрашнее счастье и сегодняшнее страдание? Какую часть «произрастания» следует отбросить как безнадежно мещанскую? Что делать с тем обстоятельством, что – как писал Свердлов о загадке судьбы своего сына – «нам смертным не дано поднимать завесы индивидуального грядущего, мы сильны лишь в предвидении будущего человечества»?¹²⁵

Чем страшнее испытания, тем опаснее искушения. «Ты и представить не можешь, – писал Свердлов Новгородцевой в январе 1914-го, – как сильно хочется видеть деток. Такая острая, острая боль щемящая. Адькина карточка предо мною на столе. Тут же и ты. Смотрю, смотрю часами, закрою глаза, пробую представить Веруньку. Почти не удастся. Думаю до боли в голове. Глаза делаются влажными, готов разрыдаться. Эх, Кадя, Кадя! Родная моя, любимая... Как-то сложится наша дальнейшая жизнь?»¹²⁶

Иногда казалось, что дальнейшая жизнь никак не сложится. «Много, много страданий впереди», – писал он в августе 1914-го. Воронский любил цитировать диалог протопопы Аввакума с женой: «Я пришел, – на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет? И я говорю: «Марковна, до самых смерти!» Она же, вздохня, отвечала «добро, Петрович, ино еще побредем». Ни Свердлов, ни Воронский не брели за протопопом Аввакумом. Оба приняли муку во имя веры, но ни тот, ни другой не считали мученичество независимой добродетелью. Как писал Свердлов в одном из писем: «Я тоже люблю Ибсена, хотя брандовский лозунг «все или ничего» мне не по вкусу, ибо считаю его беспочвенным, анархистским»¹²⁷.

Вера Воронского и Свердлова, в отличие от веры Аввакума, питалась чтением неканонических текстов. После утверждения марксистской «сознательности» всё без исключения служило доказательством ее истинности. «Чем больше знаний, чем они разностороннее, тем больший простор, тем большие горизонты открываются для творчества и, что особенно важно, тем это творчество сознательнее». В 1916 году, при свете «керосиновой лампы», который «пробивался сквозь промерзшие стекла и светлой полоской отражался на сугробах у дома» в Монастырском, Свердлов писал семнадцатилетней последовательнице¹²⁸:

Для лучшего понимания Ибсена я бы предложил Вам перечитать его всего, в определенном порядке. Лучше всего издание Скимунта, переданное «Знанию», в 8 томах, перевод Ганзена. Это – лучшее издание. Читать

¹²⁴ Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, 269–271.

¹²⁵ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 185.

¹²⁶ Там же, с. 252.

¹²⁷ *Жизнь протопопы Аввакума, им самим написанное* (<http://old-russian.chat.ru/12avvak.htm>); Воронский, *За живой и мертвой водой*, т. 2, с. 154–155; Г. Воронская, *Если в сердце посылают пулю*, Исторический архив, № 1 (1997), с. 77; Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 185.

¹²⁸ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 329.

в том порядке, как помещено в издании, причем последний том можно даже и не читать. Это переписка, как помнится, не представляющая большого интереса. Нелишне перед этим прочесть что-либо подходящее по истории Швеции и Норвегии за последние 3–4 десятка лет, чтобы ознакомиться с развитием там общественных отношений за этот период. Такое знакомство поможет понять Ибсена. Для этой же цели не мешает прочесть статью Луначарского об Ибсене в одной из книжек «Образования» за 1907 год, брошюру Роланд-Гольст о нем и статью Плеханова, как помнится, в «Современном мире» за 1907 же год¹²⁹.

«Книгу проверять жизнью, жизнь – книгой» – тяжкий труд, требующий неустанной бдительности и рефлексии. В этом смысле вера Свердлова не отличалась от веры протопопа Аввакума. «Остро слежу порою за собою. Ты знаешь мою склонность к самоанализу. Ясно подмечаю различные мимолетные душевные движения. И не могу теперь констатировать никаких опасных симптомов. Нет умственной лени, мозговой спячки, которая одно время стояла страшным призраком. Есть желание заниматься, учиться»¹³⁰.

Но что, если самоанализ выявит симптомы мозговой спячки? Что, если страдания породят сомнения, а сомнения укоренятся в процессе самоанализа? Рискует ли склонный к самоанализу большевик пропасть в бездне, отделяющей «предвидение будущего человечества» от человеческой неспособности «поднять завесу индивидуального грядущего»? Ответ Свердлова – выстраданное, но решительное «нет». В 1913 году он начал переписку с Кирой Эгон-Бессер, 14-летней дочерью его близких друзей из Екатеринбурга – Александра и Лидии Бессер. Подобно многим подросткам из интеллигентных семей, Кира страдала от хронического «пессимизма» и навязчивых мыслей о самоубийстве. Советы Свердлова замечательно последовательны: «Мы родились в хорошую пору, – писал он в январе 1914-го, – в такой период человеческой истории, когда приближается последнее действие человеческой трагедии... Теперь лишь слепые могут не видеть или же те, кто умышленно не хочет видеть, как вырастает сила, которой предстоит играть главную роль в последнем действии трагедии. И так много прекрасного в росте этой силы, так много бодрости придает этот рост, что право же хорошо жить на свете». Всеобщее искупление – залог личного счастья. «Разрешите поцеловать Вас при встрече, а я обязательно встречусь с Вами и Л. И., – писал он в мае 1914-го. – Все равно расцелуемся, хотите ли, нет ли»¹³¹.

Они продолжали переписываться. Свердлов не устал проповедовать. Первое из писем в его архиве – то, что он отправил «в дом городского общежития учащихся женщин на Софийской набережной» в 1904 году, когда ему было девятнадцать лет («близко уже заря, накладывающая свой фантастический и чарующий отблеск и прозрачность на все и вся...»). Последнее, адресованное в Петроград Кире Эгон-Бессер, написано в Монастырском 20 января 1917 года, когда ему было тридцать два, а ей – восемнадцать.

При моем мирозерцании уверенность в торжестве гармоничной жизни, свободной от всяческой скверны, не может исчезнуть. Не может поколебаться и уверенность в рождении тогда чистых, красивых во всех отношениях людей. Пусть теперь много зла кругом. Понять его причины, выяснять их – значит понять его преходящее значение. Посему отдельные, тяжелые порой переживания тонут в общем бодром отношении к жизни. В этом весь секрет. Тут нет отказа от личной жизни. Наоборот, именно

¹²⁹ Там же, с. 339.

¹³⁰ Там же, с. 302.

¹³¹ Там же, с. 247–248, 273.

при таком отношении к жизни только и возможна полная личная жизнь, где люди сливаются в одно целое не только физически, но и духовно¹³².

Когда Кира получила это письмо, рабочие Путиловского завода вышли на забастовку, ставшую первым актом Февральской революции и последним действием человеческой трагедии. Узнав об этом, Свердлов с Голощекиным сели в сани и по тающему льду Енисея отправились в Красноярск. 29 марта, после двух недель пути, они добрались до Петрограда.

По воспоминаниям Новгородцевой, с вокзала они приехали к сестре Свердлова Саре.

Она потом рассказывала мне, как неожиданно нагрянул Яков Михайлович, как засыпал ее бесконечными вопросами о делах в Петрограде, о товарищах, о положении в Центральном Комитете (Сарочка в это время помогала Е. Д. Стасовой в Секретариате ЦК).

Не ответив и на десятую долю вопросов, Сарочка вспомнила, что брата надо хоть чем-то накормить с дороги, и принялась раздувать самовар, как вдруг Яков Михайлович схватился за голову.

– Жорж, ой, Жорж! – простонал он.

– Почему Жорж? Какой Жорж?

– Да Голощекин. Я его у дверей оставил, на улице. Сказал, что поднимусь на минутку, и если ты дома, то сразу выйду за ним. А ведь прошло уже с полчаса... Сходи лучше ты за ним, – попросил Яков Михайлович сестру, – а то он меня убьет, непременно убьет. Узнать его очень легко: такой длинный, тощий, с бородкой, усами, в черной шляпе. Словом – Дон Кихот.

Сарочка быстро вышла на улицу и сразу узнала Голощекина, уныло переминавшегося на тротуаре. Вместе с ним она вернулась к себе, напоила Свердлова и Голощекина чаем и повела в Таврический дворец, в одном из коридоров которого у входа в зал Елена Дмитриевна Стасова установила большой стол, повесив над ним большой лист бумаги, на котором от руки было написано: «Секретариат ЦК РСДРП(б)»¹³³.

Кире Эгон-Бессер пришлось подождать еще день или два. «В конце марта в один из вечеров раздался звонок. Я услышала в прихожей знакомый гудящий бас, бросилась туда и увидела Якова Михайловича. Мы крепко расцеловались»¹³⁴.

* * *

Революция была неотделима от любви. Она требовала жертв ради будущей гармонии и нуждалась в гармонии – в любви, товариществе и чтении – для окончательной победы. Большинство революционеров были молодыми мужчинами, которые отождествляли революцию с женственностью. Многие из них были влюбленными мужчинами, которые отождествляли конкретных женщин с революцией. Стать большевиком значило вступить в круг братьев и сестер; быть большевиком значило предпочитать одних братьев другим и любить некоторых сестер не меньше, чем революцию. «Перед кем сознаться в своей слабости, как не перед тобой, моя близкая, моя славная? – писал Свердлов Новгородцевой. – Нашим отношениям присуще становиться тем более глубокими, я бы сказал даже захватывающе глубокими, чем основательнее они подвергаются анализу». Революционная рефлексия предполагала «союз двух близких по духу, проникнутых единым чувством, верованием людей». После 1914 года надежда Сверд-

¹³² Там же, с. 349.

¹³³ Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 217–218.

¹³⁴ К. Эгон-Бессер, «Воля к жизни, к борьбе» в: *О Якове Свердлове*, с. 104.

лова на пришествие революции казалась неотделимой от желания поцеловать Киру Эгон-Бессер¹³⁵.

Пророчество Свердлова о настоящем дне свершилось через месяц после того, как он отправил последнее письмо Кире. Валериан Осинский отправил свое письмо в конце февраля 1917 года, за два дня до начала конца. Сын ветеринара из дворянского рода Оболенских, он участвовал в гимназических дебатах с Керженцевым, сидел в одной камере с Бухариным и работал агитатором на Болоте. Он славился высоким ростом, ученостью, замкнутостью и радикализмом. В феврале 1917-го ему было тридцать лет. Он был женат на товарище по партии Екатерине Михайловне Смирновой. У них был пятилетний сын Вадим, которого они звали Димой.

Его корреспондентка, двадцатипятилетняя Анна Михайловна Шатерникова, была сестрой милосердия и теоретиком марксизма. Они познакомились несколькими месяцами ранее в ялтинском госпитале, где Осинский лечился от туберкулеза. Они любили друг друга, но не могли быть вместе. Они не сомневались, что их личная судьба зависит от будущего всего человечества, но не знали, что оно уже наступило. Письмо начинается с прозаического перевода последних трех строф стихотворения Эмиля Верхарна «Кузнец» (*Le Forgeron*) с подробным построчным комментарием.

Толпа, чье священное безумие всегда вырастает превыше головы ее, – безгранично вдохновенная сила, излучаемая гигантским ликом грядущих судеб – неумолимыми руками своими воздвигнет новый мир ненасытной утопии...

Кузнец, чья надежда не склоняется на путь сомнений и страхов, никогда, – уже видит перед собой, как если бы они пришли, эти времена, когда простейшие заповеди добра навеки станут основой человеческого бытия, спокойного и гармоничного...

С отблеском в глазах этой светлой веры, пламя которой уже долгие годы жжет он пред собою в горне, на дороге, близко от пашен,

Кузнец, огромный и громоздкий, словно формуя сталь дум, кует – ударами крупными и полновесными – широкие лезвия терпения и молчания.

¹³⁵ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 170, 208, 294.

Валериан Осинский *Предоставлено Еленой Симаковой*

По словам Осинского, это стихотворение – пророческое описание «психологии революции». Строки о силе толпы свидетельствуют о том, что «одно из первых наслаждений жизни» – разделить с «коллективным человеком» его священное безумие. «Ненасытность» утопии описывает и безграничность человеческих стремлений, и «неумолимые руки толпы». А что такое освобождение, если не принятие «простейших правил этики»? «Уже тысячелетия разные учителя нравственности (Сократ, Христос, Будда etc.) проповедуют так называемое добро», но их предписания выведены из жизненного уклада «антагонистических обществ», а оттого внутренне противоречивы и незакончены. Их мораль – «или мужицкая, или рабская, или дикарская, или нищенская мораль; это не мораль целесообразного и свободного развитого общества. И потому она не вполне проста, не первична». Истинная добродетель – дитя

революции. «Лишь в мире ненасытной утопии простейшие правила станут реальными, в них не будет исключений и противоречий».

То же справедливо в отношении любви – движущей силы общества, «лишенного социальных противоречий». Сегодня она опутана личными интересами, «ограничена в формах» и «смешана с ненавистью (правда, «священной»)». Завтра она «без стыда раскроет всю свою нежную глубину и милосердие без прикрас, без погремущек великодушия и благотворительности». Все это – не утопия (если не считать «просветленности» и «небольшой ходульности» идеи). «А не утопия все это, если понять, что просто тогда очень живо, интересно будет жить и работать. Это будет то «хорошее время, когда легко переносится всякое горе». (Цитата о «хорошем времени» взята из «Виктории» Гамсуна, культовой среди «студентов» книги о всепобеждающей силе любви).

«Светлая вера» (*lucide croyance*) – это «не просто вера, а еще уверенность, предвидение (это не передашь в переводе). Вот с этой светлой, лучистой, светящейся уверенностью в глазах кует ее огромный и громоздкий (*gourd*), тяжкий, медленно разворачивающийся, как Илья Муромец – кузнец».

В конце письма Осинский замечает, что хотя его перевод «и жидок, и неточен, и не всегда ритмичен», он ближе к оригиналу, чем гладко рифмованная версия Брюсова. «Кузнеца не переобезьянничаешь: надо им быть, им, *dont l'espoir ne dévie vers les doutes ni les affres – jamais* [чья надежда никогда не сбивается на сомнения и угрызения]». И, чтобы не оставалось сомнений, меняет интонацию и прибавляет: «На кого, скажите, похож этот самый кузнец – *énorme et gourd* – огромный и громоздкий, – ну-ка, скажите, А. М.»¹³⁶

* * *

Самым громоздким и громоподобным из российских кузнецов был поэт Владимир Маяковский. В январе 1914 года, «красивый, двадцатидвухлетний», он прибыл в Одессу с братьями футуристами Давидом Бурлюком и Василием Каменским. «Все трое в цилиндрах, из-под пальто видны желтые кофты, в петлицы воткнуты пучки редиски». Во время их первой прогулки по набережной Каменский заметил «совершенно необыкновенную девушку: высокую, стройную, с замечательными сияющими глазами, словом, настоящую красавицу». «Володичка, – сказал он, – взгляни сюда». «Маяковский обернулся, пристально оглядел девушку и как-то сразу забеспокоился: «Вот что, останьтесь здесь или как хотите, а я пойду и буду в гостинице через... Ну, словом, скоро»¹³⁷.

Девушку звали Мария Денисова, но Маяковский назвал ее Джиокондой. Ей было двадцать лет. Она выросла в Харькове, переехала к старшей сестре в Одессу и вскоре бросила гимназию ради занятий скульптурой в художественной студии¹³⁸.

На следующий день все трое футуристов были приглашены на обед в доме сестры Денисовой. Как рассказывал Каменский:

Обед у Джиоконды превратился в поэтическое торжество: мы почти все время читали стихи, говорили какие-то особенные праздничные вещи.

Володя был в ударе. Его остроты могли рассмешить памятник герцогу Ришелье. Он говорил много, умно и весело. Читал он в этот вечер незабываемо.

¹³⁶ АРАН, разряд V, оп. 1–0, д. 11, л. 1–5 об.; интервью автора с С. В. Оболенской 20 сентября 2009 г.

¹³⁷ А. Михайлов, *Жизнь Маяковского. Я свое земное не дождал* (М.: Центрполиграф, 2001), с. 121; В. Каменский, *Жизнь с Маяковским* (Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1974 [репринт московского издания 1940 года]), с. 83–84.

¹³⁸ Михайлов, *Жизнь*, с. 125; Н. Зайнуллина, *Кто вдохновил Маяковского на «Облако в штанах»? «Вечерний Харьков»*, 11 января 2008, <http://www.vecherniy.kharkov.ua/news/18715>

Вернувшись домой, в гостиницу, мы долго не могли успокоиться от огромного впечатления, которое произвела на нас Мария Александровна.

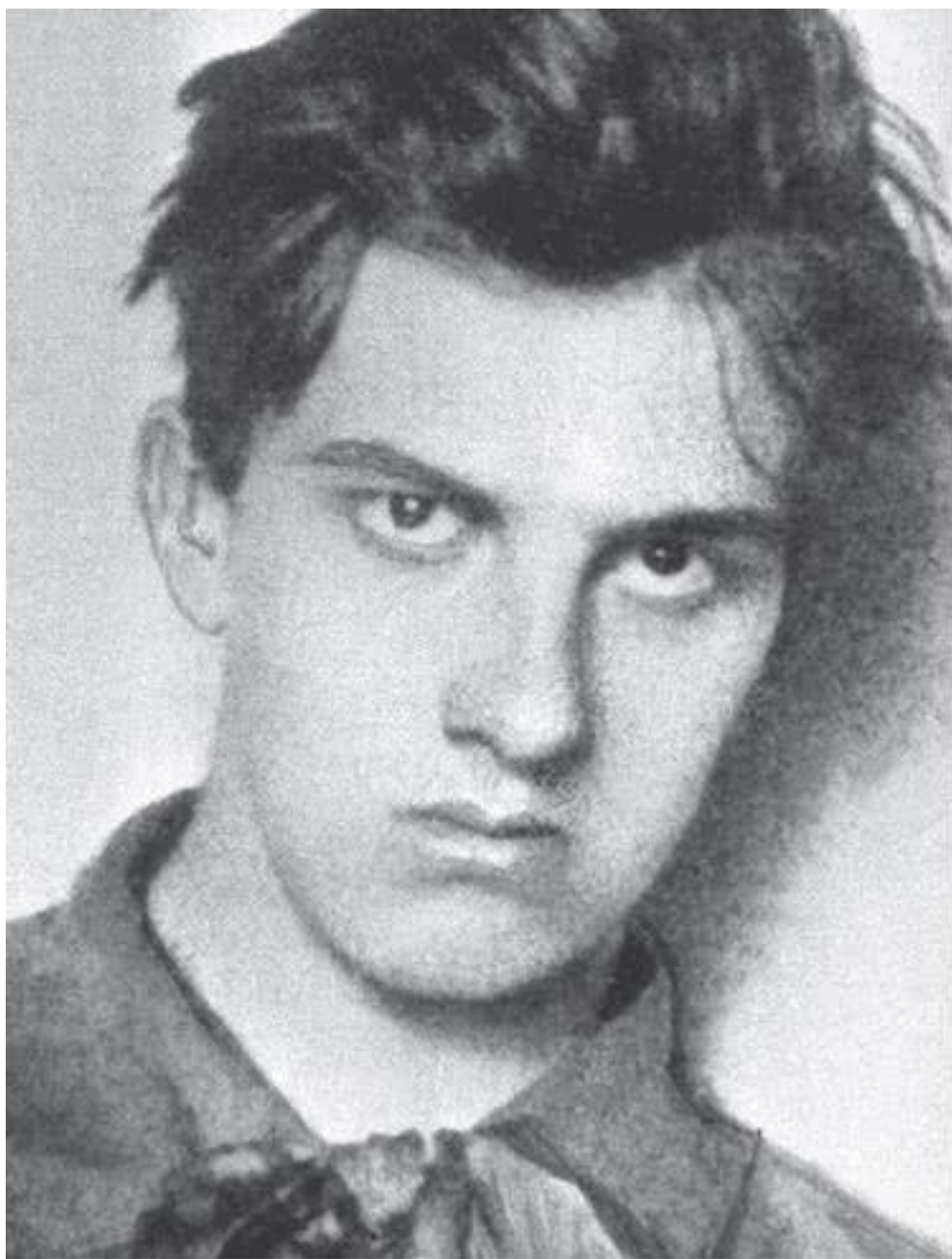
Бурлюк глубокомысленно молчал, наблюдая за Володей, который нервно шагал по комнате, не зная, как быть, что предпринять дальше, куда деться с этой вдруг нахлынувшей любовью.

Впервые в жизни познавший это громадное чувство, он метался из угла в угол и вопрошающе твердил вполголоса:

– Что делать? Как быть? Написать письмо? Но это не глупо?.. «Я вас люблю. Чего же боле...»¹³⁹

Он назвал свое письмо «Тринадцатый апостол», но цензор воспротивился, и он переименовал его в «Облако в штанах». Адресатом был, среди прочих, Бог; предметом – конец любви и конец света.

¹³⁹ Каменский, *Жизнь*, с. 88–89.

Владимир Маяковский

Мария Денисова

В последний день пребывания Маяковского в Одессе Мария обещала прийти к нему в гостиницу. Через два дня, в поезде между Николаевом и Кишиневом, он начал декламировать¹⁴⁰:

Вы думаете, это бредит малярия?
Это было,
было в Одессе.

«Приду в четыре», – сказала Мария.

¹⁴⁰ Там же, с. 97–99.

Восемь.
Девять.
Десять.

Она пришла после полуночи, по следам десятка лихорадочных стрóf.

Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала:
«Знаете –
я выхожу замуж».

Что ж, выходите.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите – спокоен как!
Как пульс
покойника.

Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть», –
а я одно видел:
вы – Джиоконда,
которую надо украсть!

И украли.

Он не простит. «Помните! Погибла Помпея, когда раздразили Везувий!» Подобно Свердлову и Осинскому, Маяковский не сомневался, что следом за ним идут землетрясения, глады и смятения, и предаст брат брата на смерть, и отец – детей, и восстанут дети на родителей и умертвят их, и солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Подобно Свердлову и Осинскому, он знал, что похищение любви – лишь напоминание об обреченном мире. И что великая скорбь – знак избранности пророка и близости Страшного суда.

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрёзный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,

в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

А я у вас – его предтеча;
я – где боль, везде;
на каждой капле слёзовой течи
распял себя на кресте.

Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!

И когда,
приход его
мятежом оглашая,
выйдете к спасителю –
вам я душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! –
и окровавленную дам, как знамя.

Спаситель – это он, «голгофник оплеванный». Его Мария – Богоматерь; сам он – «может быть, самый красивый из ее сыновей», а Богу, отцу своему, он предлагает устроить карусель на «дереве изучения добра и зла».

Хочешь?

Не хочешь?

Мотаешь головою, кудластый?
Супишь седую бровь?
Ты думаешь –
этот,
за тобою, крыластый,
знает, что такое любовь?

...

Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,
что у каждого есть голова, –
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!

Я думал – ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.

Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!¹⁴¹

Дни рая сочтены, но последний и решительный бой – как и в предыдущем Откровении – свершится на земле. Голодные выползут из болота и повесят чавкающих мясников с тянучей слюной на месте освежаванных туш. Кража Джиоконды будет отмщена.

Выньте, гуляющие, руки из брюк –
берите камень,
нож или бомбу, а если у которого нету рук –
пришел чтоб и бился лбом бы!

Идите, голодненькие,
потненькие,
покорненькие,
закишие в блохастом грязненьке!

Идите!
Понедельники и вторники
окрасим кровью в праздники!
Пускай земле под ножами припомнится,
кого хотела опошлить!
Земле,
обжиревшей, как любовница,
которую вылюбил Ротшильд!

Чтоб флаги трепались в горячке пальбы,
как у каждого порядочного праздника –
выше вздымайте, фонарные столбы,
окровавленные туши лабазников.

Изругивался,
вымаливался,
резал,
лез за кем-то вгрызаться в бока.

На небе, красный, как марсельеза,
вздрагивал, околевая, закат¹⁴².

¹⁴¹ Там же, с. 25.

¹⁴² Там же, с. 20.

3. Вера

Самый очевидный вопрос о светлой вере Свердлова и Осинского: является ли она религией? Самый разумный ответ: это не имеет значения.

Существует два основных подхода к определению религии: предметный (что такое религия) и функциональный (зачем она нужна). По хрестоматийной версии первого, предложенной Стивом Брюсом, религия «состоит из верований, действий и учреждений, которые предполагают существование сверхъестественных сил, способных действовать в мире, или безличных процессов, наделенных моральным смыслом. Такая формулировка включает в себя все то, что обычные люди подразумевают под религией». Вопрос о природе марксизма сводится к тому, является ли драма вселенского упадка и искупления безличным процессом, наделенным моральным смыслом, и можно ли считать «сверхъестественным» общество разрешенных конфликтов, удовлетворенных потребностей и завершившейся истории. Большинство ученых отвечают отрицательно на том основании, что марксистское предсказание рационально и нетрансцендентно, «сверхъестественность» противоположна рациональности, «обычные люди» не считают марксизм религией, а научные определения призваны исключить идеологии, отрицающие существование сверхъестественных (противоречащих науке) сил¹⁴³.

Дефект этого подхода в том, что он исключает большинство верований, которые обычные люди (а также профессиональные ученые) традиционно относят к религиям. Эмиль Дюркгейм утверждал, что у большинства человечества не было способа отличать «естественное» от «сверхъестественного», подвергать сомнению обычаи отцов и дедов и возражать против сожительства с бесчисленными богами и более или менее мертвыми и не всегда человекообразными предками. Подобные представления могут казаться нелепыми в обществе с другим чувством реальности, но к противопоставлению сверхъестественного всему остальному они отношения не имеют. В христианских и постхристианских обществах их называют «языческими религиями», «первобытными религиями», «традиционными религиями» или просто чушью. Если религия – это вера в сверхъестественное, то «традиционные» общества либо насквозь религиозны, либо не религиозны вовсе¹⁴⁴.

Одно из решений – последовать примеру Конта и Маркса и назвать религией верования, абсурдные с точки зрения современной науки. Важно не то, что «они» думают, а что мы думаем о том, что они думают. Если они верят в силы и процессы, которые мы, как рациональные наблюдатели, считаем несуществующими, значит, они верят в сверхъестественное, нравится им это или нет. Недостаток этого решения в том, что оно нарушает правила хорошего тона (и, возможно, закон), не отвечая на вопрос, является ли коммунизм религией. Если «язычество» считается религией вне зависимости от того, что думают об этом язычники, то взгляды Маркса на разницу между научным предсказанием и сверхъестественным пророчеством не имеют никакого отношения к суждениям рациональных наблюдателей о марксизме. Проблема рациональных наблюдателей в том, что они не могут определиться с суждениями и, согласно их многочисленным критикам, не всегда рациональны (иначе они не пользовались бы такими абсурдными понятиями, как «светская религия», и не забывали бы о том, что «религия» как понятие есть незаконнорожденное дитя Реформации и Просвещения). Некоторые «религии» названы

¹⁴³ Steve Bruce, *Religion in the Modern World: From Cathedrals to Cults* (Oxford: Oxford University Press, 1996), с. 7. См. также: Stark and Bainbridge, *The Future of Religion*, 3–14. О марксизме и большевизме как религии или «светской религии» см.: Arthur Jay Klinghoffer, *Red Apocalypse: The Religious Evolution of Soviet Communism* (New York: University Press of America, 1996); Михаил Рыклин, *Коммунизм как религия. Интеллектуалы и Октябрьская революция* (Москва: НЛО, 2009); Mikhail Agursky, «L'aspect millénariste de la révolution bolchevique», *Cahiers du Monde russe et soviétique* 29 (1988), с. 487–513; Mary-Barbara Zeldin, «The Religious Nature of Russian Marxism», *Journal for the Scientific Study of Religion* 8 (1969), с. 100–111; Klaus-Georg Riegel, «Marxism-Leninism as a Political Religion», *Totalitarian Movements and Political Religions* 6 (2005), с. 97–126.

¹⁴⁴ Emile Durkheim, *The Elementary Forms of Religious Life* (Oxford: Oxford University Press, 2001), с. 26–31.

в честь пророков-основателей (христианство, магометанство, буддизм), некоторые – по названию племен (индуизм, иудаизм, религия древних греков), некоторые – терминами из туземного канона: ислам («покорность»), джайн («завоеватель»), сикх («ученик») или дао («путь»). Остальные обычно группируются по территориальному признаку. Согласно некоторым определениям «сверхъестественного», значительные территории (в том числе Китай на протяжении нескольких веков и части Европы в эпоху «секуляризации») обходились без религии¹⁴⁵.

Попытка расширить определение (и включить в него, например, тхераваду) путем замены «сверхъестественного» на «трансцендентное», «надэмпирическое» или «потустороннее» вызывает те же вопросы и делает включение марксизма более вероятным. Насколько эмпиричны или нетрансцендентны гуманизм, хиндута, царство свободы и *Manifest Destiny* («явное предназначение» вселенской миссии Соединенных Штатов)?

Дюркгейм предложил иной подход. По его определению, религия – это «унифицированная система верований и практик, связанных со священными (сакральными) предметами». Священные предметы – это предметы, к которым мирское «не может прикасаться безнаказанно». Функция сакральности – объединение людей в нравственные сообщества. Религия – это зеркало, в котором общество любит себя на свое отражение¹⁴⁶.

Последующие функциональные определения описывают религию как процесс, с помощью которого люди создают «объективно существующую и нравственно осмысленную вселенную», как «набор символических форм и действий, которые связывают человека с конечными условиями его существования», и, по часто цитируемой версии Клиффорда Гирца, как «систему символов, которая способствует возникновению у людей сильных, всеобъемлющих и устойчивых настроений и мотиваций, формируя представления об общем порядке бытия и придавая этим представлениям такой ореол действительности, что эти настроения и мотивации кажутся единственно реальными». Как бы ни описывались значения слов «священный», «конечный» или «общий» (Мирча Элиаде определяет сакральность как «неподвижный центр» или «абсолютную реальность» посреди «бесконечной относительности субъективного опыта»), трудно не заключить, что всякое общество по определению религиозно, любая всеобъемлющая идеология (в том числе секуляризм) формирует и отражает нравственное сообщество, а светлая вера Свердлова служит неподвижным центром в болоте субъективного опыта и связывает подпольных социалистов с конечными условиями их существования¹⁴⁷.

Большинство людей, которые говорят о религии, не знают, что это такое. Те, которые знают, делятся на две группы: одни считают марксизм религией, потому что не видят другого выбора, другие не считают его религией на основании критериев, которые затрудняются определить. Компромиссные термины вроде «квазирелигии» бессмысленны в рамках функциона-

¹⁴⁵ Об истории концепций религии и мировых религий см.: Talal Asad, *Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1993), с. 40–42; Leora Batnitzky, *How Judaism Became a Religion: An Introduction to Modern Jewish Thought* (Princeton: Princeton University Press, 2011); Daniel Dubuisson, *The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, and Ideology* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2003); Timothy Fitzgerald, *Ideology of Religious Studies* (New York: Oxford University Press, 2003); William Herbrechtsmeier, «Buddhism and the Definition of Religion: One More Time», *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 32, No. 1 (March, 1993), с. 1–18; Jason Ananda Josephson, *The Invention of Religion in Japan* (Chicago: The University of Chicago Press, 2012); Tomoko Masuzawa, *The Invention of World Religions, or How European Universalism Was Preserved in the Language of Pluralism* (Chicago: University of Chicago Press, 2005); Brian K. Pennington, *Was Hinduism Invented? Britons, Indians, and the Colonial Construction of Religion* (New York: Oxford University Press, 2003); Wilfried Cantwell Smith, *The Meaning and End of Religion* (New York: Harper and Row, 1963).

¹⁴⁶ Durkheim, *The Elementary Forms*, с. 39, 40, 46.

¹⁴⁷ Thomas Luckmann, *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society* (New York: Macmillan, 1967), с. 48–49; Robert N. Bellah, *Beyond Belief: Essays on Religion in a Post-Traditional World* (New York, Evanston, and London: Harper & Row, 1970), с. 21; Clifford Geertz, *The Interpretation of Cultures* (New York: Basic Books, 1973), с. 90; Mircea Eliade, *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion* (New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1959), с. 20–21, 28, 30, 68–69. Общие исследования см.: Roger O'Toole, *Religion: Classic Sociological Approaches* (Toronto: McGraw-Hill Ryerson Limited, 1984), с. 10–51; Fitzgerald, *Ideology of Religious Studies*; Andrew M. McKinnon, «Sociological Definitions, Language Games, and the 'Essence' of Religion», *Method and Theory in the Study of Religion*, vol. 14, No. 1 (2002), с. 61–83.

лизма (нравственное сообщество остается нравственным вне зависимости от того, что является его священным центром – Коран или Конституция) и смущают поборников «сверхъестественного» (дао, но не Мао?). Государства, «отделенные» от церкви, понятия не имеют, от чего они отделены. Первая поправка к Конституции США не определяет своего объекта и сама себя нарушает, устанавливая особый статус для «религии» и одновременно запрещая все подобные установления. В 1984 году Филлип Э. Джонсон, профессор юриспруденции Калифорнийского университета в Беркли, подробно рассмотрел историю вопроса и пришел к выводу, что «определения религии для конституционных целей не существует и, по всей видимости, не может существовать в принципе». Спустя три года он прочитал «Слепого часовщика» Ричарда Докинза, испытал озарение и основал движение «разумного замысла»¹⁴⁸.

* * *

Одной из причин трудностей с определением является использование одного и того же слова для обозначения двух разных типов веры: один не знает, что он тип веры, а другой знает и всерьез к этому относится. В первом тысячелетии до нашей эры в городских цивилизациях Евразии началась эпидемия рефлексии. Заратустра в Иране, Будда, джайнизм и Упанишад в Индии, Конфуций, дао и «сто школ» в Китае, классические трагедии в Греции и эпоха пророков в Иудее возвестили начало «осевого времени», или эры «шага назад и взгляда вовне». Не все имели отношение к «сверхъестественному», но все постулировали «абсолютную реальность», отличную от реальной жизни. Все перевели как можно больше «сакральности» в другую плоскость, оставив себе редкие озарения; остановились у пропасти, отделяющей человечество от его предназначения (описанного в заветах и заповедях), и превратили «отчуждение» во всеобщий закон бытия (внушив большинству потомков, что так было с самого начала). Все исходило из того, что человеческая повседневность является ошибкой и, возможно, преступлением¹⁴⁹.

С тех пор так называемые осевые цивилизации и их многочисленные ответвления живут надеждой на реставрацию, реформацию и «искупление» (бегство от безнравственности и бессмысленности). Это привело к появлению «разума», независимого от социального статуса; открытию условности и недолговечности политических установлений; возникновению нравственных сообществ, не объединенных этнически и политически; кодификации «священных предметов» в письменных сводах исходных откровений; и формированию жреческих элит, специализирующихся на толковании канона и ограничении доступа к спасению. У разных традиций – разные наборы понятий и маршрутов эвакуации, но все предлагают более или менее последовательные теории «шага назад и взгляда вовне»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Phillip E. Johnson, «Concepts and Compromises in First Amendment Religious Doctrine», *California Law Review*, 72 (1984), с. 821, 832; Barbara Forrest, «The Wedge at Work: How Intelligent Design Creationism is Wedging Its Way into the Cultural and Academic Mainstream» в: Robert T. Pennock, ed., *Intelligent Design Creationism and Its Critics: Philosophical, Theological, and Scientific Perspectives* (Cambridge: MIT Press, 2001), с. 6–8.

¹⁴⁹ S. N. Eisenstadt, ed., *The Origins and Diversity of Axial Age Civilizations* (Albany: SUNY Press, 1986), особ. предисловие редактора на с. 1–25; Karl Jaspers, *The Origin and Goal of History* (New Haven: Yale University Press, 1953); Eric Voegelin, «The New Science of Politics: An Introduction» в: Eric Voegelin, *Modernity without Restraint* (Columbia and London: University of Missouri Press, 2000), с. 135–174; Robert N. Bellah, *Religion in Human Evolution: From the Paleolithic to the Axial Age* (Cambridge: Harvard University Press, 2011); Benjamin I. Schwartz, «The Age of Transcendence», *Daedalus*, vol. 104, no. 2 (Spring 1975), с. 1–7, цитата о шаге назад и взгляде вовне на с. 3.

¹⁵⁰ Eisenstadt, ed., *The Origins and Diversity*; Johann P. Arnason, S. N. Eisenstadt, Björn Wittrock, eds., *Axial Civilizations and World History* (Leiden-Boston: Brill, 2005), особ. Björn Wittrock, «The Meaning of the Axial Age», с. 51–85; Ernest Gellner, *Plough, Sword and Book: The Structure of Human History* (Chicago: The University of Chicago Press, 1988), с. 70–90; Berger, *The Social Reality of Religion*, с. 65–69; Joseph Kitagawa, «Primitive, Classical, and Modern Religions: A Perspective on Understanding the History of Religions» в: Joseph Kitagawa, ed., *The History of Religions: Essays on the Problem of Understanding* (Chicago: University of Chicago Press, 1967), с. 53–54.

Осознание того, что путь потерян, предполагает надежду на то, что он будет найден. Все общества и миры имеют начало, но когда человеческая жизнь стала проблемой, то главной вехой (решением загадки и предметом мучительного беспокойства) стал конец. В Древней Греции решения были политическими, метафизическими и временными. В Южной Азии забота о личном перевоплощении отдалила перспективу окончательного решения (а отдаленность перспективы окончательного решения обострила проблему личного перевоплощения). В Восточной и Юго-Восточной Азии конфуцианский идеал усовершенствования и буддистский и даосский идеал отречения слились в традицию, предполагающую и то и другое одновременно (иногда в виде немедленного усовершенствования путем насильственного отречения). Но, даже ожидая возвращения к исходной целостности, жертвы отчуждения продолжали существовать внутри вечного цикла увядания и возрождения. Все окончательные решения были временными. Чтобы солнце вставало, весна возвращалась, добыча шла в руки, а земля плодоносила, герои должны были убивать драконов, а люди должны были совершать ошибки и жертвоприношения. Сдерживание хаоса и его приспешников было ежедневной необходимостью и смыслом существования. Всё было навсегда¹⁵¹.

Пока не кончилось. В начале первого тысячелетия до нашей эры Заратустра положил начало новому времени, предсказав абсолютный конец света. После решительного боя между силами света и тьмы и страшного суда над всеми когда-либо жившими наступит вечная жизнь без голода, жажды, насилия, рождения и смерти. Герой победит дракона в последний раз, хаос отступит раз и навсегда, и лишь добро пребудет вовеки. Время сделалось линейным и необратимым (а значит, подлинно историческим). Цена нравственного выбора выросла непомерно: не все попадут в вечность, и никому не дано начать сначала¹⁵².

* * *

После того, что сказал Заратустра, древние иудеи тоже стали воспринимать время как комический сюжет со счастливым концом. Книга Исхода – стандартный миф о переселении «домой». Такие истории (версии возвращения странствующего героя из загробного мира) описывают опасное путешествие в страну, выбранную богами и открытую вождем-основателем. Но Книга Исхода идет дальше. Главный смысл рассказанной в ней истории – в освобождении от политики и окончательном решении проблемы «шага назад и взгляда вовне». Сбежав от фараона, иудеи основали виртуальное государство. Вместо земного властелина они получили небесного – настолько могущественного, насколько хватало воображения. Они перешагнули «осевую» пропасть между реальным и идеальным, подчинившись единому повелителю. Они не просто унаследовали его от своих предков: они передали ему все права на себя по условиям добровольного контракта. Они не чтити его при посредстве государства, воплощавшего его волю, – они поклонялись ему напрямую, каждый в отдельности (десять заповедей написаны во втором лице единственного числа) и как сообщество избранных. После Моисея всякое посредничество между израильянами и их истинным правителем стало вторичным и спорным. Они превратились в «царство священников и святой народ». Соблюдение закона стало

¹⁵¹ Eisenstadt, ed., *The Origins and Diversity*; Guenter Lewy, *Religion and Revolution* (NY: Oxford UP, 1974), c. 11–32, 59–66, 254–257; C. K. Yang, *Religion in Chinese Society: A Study of Contemporary Social Functions of Religion and Some of Their Historical Factors* (Berkeley, University of California Press, 1967); Richard Shek, «Sectarian Eschatology and Violence» в: Jonathan N. Lipman, Stevan Harrell, eds., *Violence in China: Essays in Culture and Counterculture* (Albany: SUNY Press, 1990), c. 88–108; Susan Naquin, *Millenarian Rebellion in China: the Eight Trigrams Uprising of 1813* (New Haven: Yale University Press, 1976), c. 7–66.

¹⁵² Norman Cohn, *Cosmos, Chaos, and the World to Come: The Ancient Roots of Apocalyptic Faith* (New Haven and London: Yale University Press, 1993), c. 77–115; Robert Gnuse, «Ancient Near Eastern Millennialism» в: Catherine Weissinger, ed., *The Oxford Handbook of Millennialism* (New York: Oxford University Press, 2011), c. 246–249; Philip G. Kreyenbroek, «Millennialism and Eschatology in the Zoroastrian Tradition» в: Abbas Amanat, Magnus Bernhardtsson, eds., *Imagining the End: Apocalypse from the Ancient Middle East to Modern America* (London: I. B. Tauris, 2002), c. 33–55.

делом личной преданности и внутренней дисциплины. Небесный отец требовал любви и никогда не уставал смотреть и слушать¹⁵³.

Ибо заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека; она не на небе, чтобы можно было говорить: «кто взойдет бы для нас на небо и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?», и не за морем она, чтобы можно было говорить: «кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?», но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его¹⁵⁴.

Условием прямой связи с абсолютом является признание его суверенности – «ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа; потому что имя Его – ревнитель; Он Бог ревнитель». Израильтяне спаслись от преходящей власти, терпимой к золотым тельцам и провинциальным культам, ради власти вечной, самодостаточной и неотвратимой. Бессмысленно произвольной тирании они предпочли тиранию произвольную из принципа, а оттого бесконечно справедливую. Когда Иов настаивал на своей невиновности, он подвергал сомнению благость Бога. Когда друзья Иова отстаивали благость Бога, они подвергали сомнению невиновность Иова (ибо наказание служит доказательством преступления). Но Бог пришел и объяснил, что он слишком могуществен, чтобы оправдываться перед кем бы то ни было. Он делает, что считает нужным, исходя из соображений, которые только ему понятны. Иову надлежит каяться в пыли и делать как велено. У него нет и не может быть права выбора. Цена политической свободы – нравственное рабство¹⁵⁵.

Нравственное рабство перед источником всякой нравственности есть свобода. Но даже если это не так (наличие у Иова автономного нравственного чувства не может не вызвать сомнений), ветхозаветный бог настолько труднодоступен и непоследователен, что у его подданных могло появиться ощущение некоторой свободы маневра. Всемогущего трансцендентного деспота – в отличие от земных царей и специализированных богов – нельзя обмануть («нет тьмы, ни тени смертной, где могли бы укрыться делающие беззаконие»), но он может быть в хорошем расположении духа или просто очень занят. Кроме того, он дал Иову и его друзьям достаточно оснований полагать, что Завет доступен человеческому пониманию и состоит в соблюдении нескольких нехитрых правил. «Ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои»¹⁵⁶.

Какова бы ни была судьба отдельного раба божия, будущее избранного народа не подлежало сомнению. Логика Книги Иова не относится к Израилю. Логика Книги Иова предполагает, что личное рабство – справедливая цена коллективного искупления. Некоторые соплеменники могут погибнуть от меча, чумы или диких зверей (за нарушение закона или для острастки), но племя как таковое восторжествует. Буйство, отступничество и жестокость могут замедлить течение времени, но не могут помешать коллективному избавлению. «Тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле». Началом было избрание. Концом будет прибытие в землю обетованную, где

¹⁵³ Jan Assmann, «Axial 'Breakthroughs' and Semantic 'Relocations' in Ancient Egypt and Israel» в: Arnason et al., eds., *Axial Civilizations and World History*, с. 133–156; Jan Assmann, *Moses the Egyptian. The Memory of Egypt in Western Monotheism* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997); Jan Assmann, *The Price of Monotheism* (Stanford: Stanford University Press, 2010); Jan Assmann, *Of God and Gods: Egypt, Israel, and the Rise of Monotheism* (Madison: The University of Wisconsin Press, 2008). Ср.: Michael Walzer, *Exodus and Revolution* (New York: Basic Books, 1985); Paula Fredriksen, *From Jesus to Christ: The Origins of the New Testament Images of Jesus* (New Haven and London: Yale UP, 1988), с. 72.

¹⁵⁴ Втрп. 30:11–14.

¹⁵⁵ Исх. 34:14.

¹⁵⁶ Иов 34:22; Втрп. 5:9–10.

избранным не придется «терпеть голода и жажды, и не поразит их зной и солнце». История – это то, что посредине¹⁵⁷.

Израильский бог стал первым трансцендентным правителем, которому удалось избавиться от небесной аристократии и провозгласить себя абсолютным монархом. Но на этом он не остановился. Запретив все конкурирующие культы и истребив их последователей в доме Израилевом, он отказал в праве на существование богам других народов. Из единственного бога евреев он превратился в единственного Бога. Остатки племенного релятивизма исчезли не сразу (ты «владеешь тем, что дал тебе Хамос, бог твой», а мы – «тем, что дал нам в наследие Господь Бог наш»), но общее правило не вызывало сомнений. «Я Господь, и нет иного, нет Бога кроме Меня, я препоясал тебя, хотя ты и не знал меня, дабы узнали от восхода солнца и от запада, что нет, кроме Меня. Я Господь, и нет иного»¹⁵⁸.

Племенные боги могут быть создателями вселенной; бог Израиля стал первым вселенским самодержцем. Небольшое племя, гонимое самоуверенными соседями, отплатило обидчикам, покорив мир концептуально. Вместо того чтобы признать превосходство духовных покровителей своих хозяев, сменить флаг и раствориться в толпе реалистов и оппортунистов, израильтяне до бесконечности увеличили мощь своего защитника. Все сущее стало частью вселенской драмы их скитаний и будущего избавления. Все смертные, включая правителей великих империй, стали пешками в руках их небесного фараона. Вся человеческая жизнь, прежняя и нынешняя, стала неисчерпаемой причиной опоздания Мессии¹⁵⁹.

Ничего неисповедимого в этом не было. Конец был предопределен, израильтяне упорствовали в своих заблуждениях, а Господь обвинял их в собственной неспособности исполнить обещанное. Из-за постоянных проблем с теодицеей первый небесный самодержец стал первым человеком из подполья (или подростком). Болезненно реагируя на пренебрежение и насмешки, он хвастался своими достижениями, сулил еще большие, юродствовал, лелеял обиды, наслаждался своей способностью причинять боль и бесконечно фантазировал о грандиозном публичном унижении всех сильных и знатных. Согласно Исайе, он собирался не просто привести свой народ в назначенное место и помочь ему истребить гергесеев, амореев и иевусеев, которые там жили. «Ибо гнев Господа на все народы, и ярость Его на все воинство их. Он предал их заклятию, отдал их на заклятие. И убитые их будут разбросаны, и от трупов их поднимется смрад, и горы размокнут от крови их»¹⁶⁰. Что до выживших (сказал Господь Бог своему народу), то «будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих, и узнаешь, что Я Господь, что надеющиеся на Меня не постыдятся. И притеснителей твоих накормлю собственной их плотью, и они будут упоены кровью своею, как молодым вином; и всякая плоть узнает, что Я Господь, Спаситель твой и Искупитель твой, Сильный Иаковлев»¹⁶¹.

Все те, кто когда-либо обидел израильтян и их искупителя, получают по заслугам и проглотят свои слова. «И Савейцы, люди рослые, к тебе перейдут и будут твоими; они последуют за тобою, в цепях придут и повергнутся пред тобою, и будут умолять тебя, говоря: у тебя только Бог, и нет иного Бога». И если останутся сомневающиеся, то придет на землю Израилеву Гог из земли Магога. «И по всем горам Моим призову меч против него, говорит Господь Бог; меч каждого человека будет против брата его. И буду судиться с ним моровою язвою и кровопролитием, и пролью на него и на полки его и на многие народы, которые с ним, всепотопляющий

¹⁵⁷ Иер. 5:6; Втор. 7:6; Иса 49:10.

¹⁵⁸ Суд. 11:24; Иса 45:5,6. См.: Cohn, *Cosmos*, с. 152. Ср.: Мих. 4:5.

¹⁵⁹ Cohn, *Cosmos*, 143–144.

¹⁶⁰ Втор. 7:1–2; Иса 34:2–3; 8–14.

¹⁶¹ Иса 49:22–23, 26.

дождь и каменный град, огонь и серу; и покажу Мое величие и святость Мою, и явлю Себя пред глазами многих народов, и узнают, что Я Господь»¹⁶².

Счастливую развязку постигла та же инфляция. Обещание мирной жизни в стране молока и меда превратилось в пророчество «новых небес и новой земли».

Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзутся. Тогда хромым вскочит, как олень, и язык немому будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля – в источники вод; в жилище шакалов, где они покоятся, будет место для тростника и камыша.

И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них *одних*; идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся.

Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на него; его не найдется там, а будут ходить искупленные. И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся.

Печаль и воздыхание не просто удалятся – они исчезнут навсегда. Хищные звери не просто отползут в сторону – они предадутся вечной радости и перейдут на молочно-медовую диету. «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их»¹⁶³.

Тем временем земной удел израильтян не улучшался. За вавилонским пленением последовала череда бесчисленных Гогов. И чем чаще Сион становился «добычей для народов», тем кровавней становились надежды избранного народа на возмездие. Три века, ограниченные Маккавейской войной 160-х гг. до н. э. и восстанием Бар-Кохбы 130-х гг. н. э. (с рождением «новой эры» посредине), были временем расцвета еврейской эсхатологии. Все «откровения», начиная с Книги Даниила, рассказывали одну и ту же историю: положение избранных делается все хуже, история гонений входит в высшую и последнюю стадию, прогнившая империя стоит на краю гибели, смутное время принесет братоубийственные войны и стихийные бедствия, Бог вмешается лично или через полномочного представителя, его армия победит объединенные силы зла, и праведники заживут счастливо и вовеки веков. «Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, Которого царство – царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему»¹⁶⁴.

Каждый готовился как мог. Члены Кумранской секты ушли к берегам Мертвого моря, отказались от брака и частной собственности, прокляли еврейских соглашателей заодно с римскими завоевателями и посвятили себя ритуальной чистоте в предвкушении приближающейся бойни. Зелоты решили, что (как писал Иосиф Флавий) «Бог возвращает свободу, вдохновляя людей на принятие решений, и согласится помочь нам только в том случае, если мы не будем уклоняться от исполнения нашей великой задачи», – и взялись за оружие¹⁶⁵.

Иудея I века ждала конца света и кишела пророками, проповедниками, учителями, целителями и чудотворцами. «Некий Февда, обманщик, – пишет Флавий, – уговорил большую массу народа забрать с собою все имущество и пойти за ним, Февдою, к реке Иордану. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить

¹⁶² Иса 41:11; 45:14; Иез. 38:18–23.

¹⁶³ Иса 65:17; 35:5–10; 11:6.

¹⁶⁴ Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 81–86; Иез. 34:28; Дан. 7:27.

¹⁶⁵ Cohn, *Cosmos*, с. 187–193; *Selections from Josephus*, trans. by H. St. J. Thackeray (New York: Macmillan, 1919), с. 73 (from *Jewish Antiquities* 18.1); Lewy, *Religion and Revolution*, с. 70–91; Cecil Roth, «The Zealots in the War of 66–73», *Journal of Semitic Studies*, vol. 4, No. 4 (1959): с. 351.

их. Этими словами он многих ввел в заблуждение». Другой «лжепророк» из Египта «прослыл за небесного посланника, собрал вокруг себя около тридцати тысяч заблужденных и выступил с ними из пустыни на так называемую Елеонскую гору». «Это были обманщики и прельстители, которые под видом воинственного вдохновения стремились к перевороту и мятежам, туманили народ безумными представлениями, манили его за собою в пустыни, чтобы там показать ему чудесные знамения его освобождения»¹⁶⁶.

По словам евангелиста Марка, проповедник по имени Иоанн «носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих», «ел акриды и дикий мед» и проповедовал «крещение покаяния для прощения грехов». Как писал греческий философ II века Цельс:

Есть многие, кто, не имея имени, с великой легкостью и при малейшем случае, в храмах или вне их, жестах и поступками изображают божественное вдохновение, другие же делают это в городах или среди воинств внимания и удивления ради. И все говорят, каждый за себя: «я Бог», «я сын божий», или «я дух божественный». «Я пришел, ибо мир гибнет, а вы, о люди, гибнете за беззакония свои, но я желаю спасти вас, и вы увидите, как я вернусь с силой небесной. Благословен тот, кто пойдет за мною. Прочих же я предаю вечному огню, равно города и села. Те, кто не ведает о карах, ждущих их, будут скорбеть и каяться вотще, верных же мне сохраню навечно». К этим посулам добавляются странные, дикие и непонятные слова, в коих ни один разумный человек не отыщет смысла, ибо столь темны они, что смысла в них нет вовсе, но каждому глупцу или самозванцу удобно пользоваться ими для нужд своих¹⁶⁷.

* * *

Иисус из Назарета был традиционным еврейским целителем с традиционными эсхатологическими предсказаниями. «Восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения... Предаст же брат брата на смерть, и отец – детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их... Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются»¹⁶⁸.

За днями скорби последует тысячелетнее царство, или пир для тех, кто раньше постился. Единственное, что точно известно о новом порядке, – это что верхи и низы поменяются местами: «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь... Напротив, горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете»¹⁶⁹.

Речь шла о реальном мире, настоящем времени и живых людях. По Марку, первыми словами Иисуса были: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в благовест». А благовест заключалась в том, что «не преидет род сей, как все это

¹⁶⁶ Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, гл. 5, с. 20 (<http://vehi.net/istoriya/israill/flaviil/drevnosti/20.html>); Иосиф Флавий, *Иудейская война*, гл. 2, с. 13 (<http://vehi.net/istoriya/israill/flaviil/voinal/02.html>). *Selections from Josephus*, 93 (from JA 20.5), с. 103–104 (from BJ, 2.13); Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 79–80, 83, 91–92; Howard Clark Kee, *Christian Origins in Sociological Perspective: Methods and Resources* (Philadelphia: The Westminster Press, 1980), с. 57–58.

¹⁶⁷ Мк. 1:3–6 (ср.: *Selections from Josephus*, с. 80–81 [JA 18.116f]); *Опузен против Цельса*, книга 7, глава 9, перевод автора.

¹⁶⁸ Мк. 13:8, 12, 24–25. Kee, *Christian Origins*, с. 54–72; Geza Vermes, *Jesus the Jew: A Historian's Reading of the Gospels* (New York: Macmillan, 1973), с. 58–100, 129–131; E. P. Sanders, *Jesus and Judaism* (London: SCM Press, 1985), с. 222; Dale C. Allison, *Jesus of Nazareth: Millenarian Prophet* (Minneapolis: Fortress Press, 1998), с. 95–171.

¹⁶⁹ Мк. 13:19; Лк. 13:29; Лк. 6:20; Christopher Rowland, *Christian Origins: An Account of the Setting and Character of the Most Important Messianic Sect of Judaism* (London: SPCK, 1985), с. 87–8, 109, 146.

будет». «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие»¹⁷⁰.

Предопределение нуждается в свободной воле. Конец неизбежен, но его формы и сроки зависят от человеческих поступков. Иисус – одновременно посредник и первоисточник, и некоторые из его слушателей в состоянии повлиять на ход божественного промысла. «И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни». И сейчас еще не поздно: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут». Ученики Иисуса получают особую награду. Провидение – отчасти результат их усилий. «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»¹⁷¹.

Что нужно сделать, чтобы унаследовать вечную жизнь? Как встретить и по возможности ускорить приближение дней скорби и Царства Божия?

Во-первых, нужно оставить свои дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли – как поступил сам Иисус.

И пришли Мать и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его. Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, Мать Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя. И отвечал им: кто мать Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать¹⁷².

Чтобы спастись, необходимо отречься от старой семьи ради новой. «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Членство в секте обещало вечную награду в обмен на великую жертву. Оно открывало мир, в котором все незнакомцы – «ближние», все ближние – братья, а все братья – вечные дети всемогущего Господа. Главной заповедью было: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя». Ненавидеть (по крайней мере во время испытательного срока для новых членов) полагалось отца и мать, жену и детей, братьев и сестер, а притом и саму жизнь свою¹⁷³.

Послание было универсальным, но дифференцированным. Сырые и убогие проявляли больший интерес к вступлению и имели лучшие шансы быть принятыми («славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам»). Члены секты рассчитывали на спасение вне очереди. Богачи толпились у входа в игольное ушко, а нищие духом готовились судить двенадцать колен Израилевых¹⁷⁴.

«Покаяться» значило «обратиться и быть как дети». Обратиться и быть как дети значило безоговорочно покориться Богу-Отцу. Бог-Отец должен был стать более последовательным в осуществлении тотального контроля над избранным народом¹⁷⁵.

¹⁷⁰ Мк. 1:15; Мк. 13:30; Лк. 9:27; Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 51–63, 128; Kee, *Christian Origins*, с. 68; Rowland, *Christian Origins*, с. 87–8, 109–133.

¹⁷¹ Мк. 13:20; Лк. 13: 24; Мф. 19:28–30; Rowland, *Christian Origins*, с. 137; Cohn, *Cosmos*, с. 197.

¹⁷² Мк. 3:31–35.

¹⁷³ Лк. 14:26 (ср.: Мк. 10:29–31; Лк. 9:59–62; Лк. 18:29–30); Лк. 10:27 (ср.: Мф. 22:36–40). Kee, *Christian Origins*, 77–80.

¹⁷⁴ Мф. 11:25. О том, что Иисус говорил только о евреях, см.: Мф. 15:21–28; Мф. 7:6; Мк. 7:24–30.

¹⁷⁵ Мф. 18:3 (ср.: Мк. 10:15; Мф. 10:42).

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем...

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе... Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого¹⁷⁶.

Ветхозаветный бог разбавлял свою тотальную власть – абсолютный, неразделенный, неопосредованный и произвольно капризный контроль над отдельным человеком в обмен на гарантию коллективного спасения – противоречивыми законодательными предписаниями и периодическими ссылками на договорную основу своих отношений с подданными (некоторые из которых заключали на этом основании, что живут в этическом правовом государстве). Иисус отказался от компромиссов. Он был радикальным фундаменталистом и последовательным врагом «книжников и фарисеев». «Лицемеры! – обрушился он на них за приверженность диетическим запретам. – Хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим». И, призвав народ, сказал им: «Слушайте и разумеите! Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека»¹⁷⁷.

Дело не в том, что вы ешьте, а в том, что говорите. Не в том, что вы говорите, а в том, что думаете (потому что Отец ваш «знает, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него»). Не в том, что на устах, а в том, что в сердце. Не в том, чтобы любить «любящих вас» («не то же ли делают и мытари?»), а в том, чтобы любить мытарей. Не в том, чтобы прощать тех, на кого вы гневаетесь, а в том, чтобы не иметь права гневаться. Не в том, чтобы не прелюбодействовать с женой ближнего, а в том, чтобы не возжелать ее в сердце своем. Не в отношении к закону (в толковании фарисеев и прочих претендентов на посредничество), а в отношениях между Господом и вашими мыслями, всеми без исключения. «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне». Большой Отец смотрит на вас, не отрываясь. Смотрите же и вы, а притом и на саму жизнь свою. «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»¹⁷⁸.

Преждевременная смерть, не позволившая Иисусу «пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствие Божию», толковалась его последователями не как крах пророчества, а как эпизод из драмы искупительного воскресения по образцу Диониса и Осириса – с той разницей, что Иисус, в соответствии с еврейской эсхатологией, должен был вернуться всего один раз, «когда исполнятся сроки». Воскресение Иисуса было предзнаменованием всеобщего избавления¹⁷⁹.

Осиротевшие члены секты ожидали возвращения Иисуса так же нетерпеливо, как сам Иисус ожидал Царствия Божия. Второе пришествие должно было стать немедленным повторением и завершением первого. Как писал Павел в Первом послании к Коринфянам:

Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся,

¹⁷⁶ Мф. 5:21–2, 27–8, 33–37.

¹⁷⁷ Мф. 15:7–11.

¹⁷⁸ Мф. 6:8; Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 40; Мф. 10:28; Мф. 5:46, 48.

¹⁷⁹ Мк. 14:25.

как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего¹⁸⁰.

В спешке сборов Павел вынужден был заверить своих последователей, что грядущее спасение не разлучит их с умершими братьями и сестрами.

Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем¹⁸¹.

Оставалось совершать омовения, делить трапезы (каждая вечеря могла стать последней) и «трезвиться и бодрствовать», чтобы день Господень не застал их врасплох, «как тать ночью». И спешно обращать инородцев, ибо вера превыше Закона, а отказ евреев признать в Иисусе мессию означал, что Бог решил спасти своих приемных детей до того, как дети Израиля (родные Павлу «по плоти») предстанут перед Страшным судом¹⁸².

Описание конца времен, вошедшее в христианский канон, использует образы традиционной еврейской апокалиптики, но ограничивает ряды избранных последователями Иисуса. Сто сорок четыре тысячи человек, разбитые на колена Израилевы, отмечены специальными печатями, чтобы небесные мстители не искалечили их по ошибке. (Идея клеймения и деления на категории – центральная для Откровения. Прислужники Зверя «запечатлены» как таковые, и все когда-либо жившие значатся в особой книге со знаком плюс или минус. Колеблющихся и сомневающихся быть не может. «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».)¹⁸³

Вернувшись на Землю, Иисус «топчет точило вина ярости и гнева», сжигает Вавилон и пытается его жителей многими пытками. Мир погружается во мрак, реки переполняются кровью, а люди покрываются гнойными ранами и «кусает языки от страдания». (В рамках сюжета о двух лагерях и кровавом возмездии никто не кается и не молит о пощаде.) После битвы при Армагеддоне Христос и его сподвижники пасут народы железным жезлом. По истечении тысячелетнего срока дьявол восстает против диктатуры благодати, но его армию поглощает небесный огонь. Мертвых судят «по написанному в книгах», сообразно с их делами. В свидетелях и защитниках нужды нет: обреченные проваливаются в огненное озеро на вечные муки, остальные находят убежище в четырех стенах святого Иерусалима. «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло». А благая весть – та же: «Гряду скоро! Аминь»¹⁸⁴.

Но время шло, а Иисус не возвращался. Петр писал своей пастве: «Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же». А потом умер Петр, и все осталось так же. Род сменял род, а солнце не меркло, звезды не падали с небес, дети не восставали против родителей и, что самое удивительное, наглые ругатели не являлись и не насмехались над терпеливо ожидающими. Крошечная секта, сформированная в ожидании конца света и унижения гордых, выросла

¹⁸⁰ 1 Кор. 7:29–31.

¹⁸¹ 1 Фесс. 4:14–18.

¹⁸² 1 Фесс. 5:5–8; Рим. 4:16–17; Рим. 9:1–8. Ср.: Fredriksen, *From Jesus to Christ*, с. 60–61; Kee, *Christian Origins*, с. 92; Cohn, *Cosmos*, с. 206–211.

¹⁸³ Откр. 7:1–8; 13:15–17; 3:15–16.

¹⁸⁴ Откр. 19:15; Откр. 14:9–11; Откр. 16:1–21; Откр. 20:4–5, 12; 21:1–4; Откр. 22:10, 20.

во вселенскую церковь, мирно уживающуюся с государством, семьей, частной собственностью и жрецами-посредниками. Немедленное спасение сообщества праведников на земле превратилось в потенциальное освобождение индивидуальных душ на небе. Тысячелетнее правление Христа стало метафорой института христианской церкви¹⁸⁵.

Иисус проповедовал революционное преобразование мира в результате скорейшего пришествия Господа. Его ученики проповедовали революционное преобразование мира в результате скорейшего возвращения Иисуса. Официальное христианство сложилось как ответ на несостоятельность обоих пророчеств. Большинство ругателей удовлетворились объяснением Петра: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию»¹⁸⁶.

* * *

Мухаммед был, подобно Иисусу, радикальным реформатором еврейской сакраментальной традиции. Настаивая на неограниченной и неделимой природе божественного самодержавия («Знай же, что нет божества, кроме Аллаха, и проси прощения за свой грех и за верующих мужчин и верующих женщин. Аллах знает о ваших передвижениях и вашей обители»), он не отрицал законность наследования от Авраама, признавал Моисея и Иисуса правомочными представителями Бога на земле, призывал верующих отвернуться от неверующих («не берите своими помощниками тех, кто не из вас. Они не упускают случая навредить вам и радуются вашим трудностям. Ненависть уже проявилась у них на устах, но в их сердцах кроется еще большая ненависть») и предупреждал о грядущей катастрофе и страшном наказании части человечества в Судный день. «Неужели они ожидают чего-либо, кроме Часа, который явится к ним внезапно? Ведь уже явились его приметы. Разве они смогут помянуть назидание, когда он явится к ним?» Ответом было традиционное сочетание веры и дел, действий и намерений, того, что входит в уста, и того, что выходит¹⁸⁷.

И Иисус, и Мухаммед были пророками-милленаристами (глашатаями немедленного конца света с последующим преодолением пропасти между реальным и обещанным). Наиболее существенное различие между ними заключается в том, что Мухаммед, чья земная проповедь продолжалась около двадцати двух лет и привлекла гораздо больше последователей, оказался во главе быстро растущего государства и победоносной армии. Иисус не вышел за пределы эгалитарной секты, не обремененной женщинами, детьми и частной собственностью; не стал Царем Иудейским ни по должности, ни по репутации; не пас нации ни примером, ни железным жезлом; не пережил лихорадочного ожидания Последних времен; не наблюдал, как его ученики строят самодостаточное общество; и не получил возможности разъяснить, как должно выглядеть праведное государство. Мухаммед, каковы бы ни были его первоначальные намерения, совершил все это при жизни и при свидетелях. Бог перестал быть виртуальным Большим Отцом, следящим за всеми вашими передвижениями: благодаря Мухаммеду и его ближайшим наследникам он стал имперским законодателем, способным требовать исполнения своих декретов¹⁸⁸.

¹⁸⁵ 2 Пет. 3:3–4; Rowland, *Christian Origins*, 276–296; Voegelin, *The New Science of Politics*, 176–177.

¹⁸⁶ 2 Пет. 3:8–9.

¹⁸⁷ Коран 47:19; 3:118; 47:18. См. также: 54:1; 42:17; 22:7; 45:32; 12:107; 43:66.

¹⁸⁸ Об исламской эсхатологии, см.: David Cook, «Early Islamic and Classical Sunni and Shi'ite Apocalyptic Movements», в: Weissinger, ed., *The Oxford Handbook of Millennialism*, с. 267–283; Cook, «The Beginnings of Islam as an Apocalyptic Movement», в: Stephen D. O'Leary, Glen S. McGhee, eds., *War in Heaven/Heaven on Earth: Theories of the Apocalyptic* (London: Equinox, 2005), с. 79–93; Cook, *Studies in Muslim Apocalyptic* (Princeton, NJ: The Darwin Press, 2002), особ. с. 15–6, 137–188; Said Amir Arjomand,

Священные истоки ислама детально разработаны юридически и политически и больше похожи на золотой век царя Давида, чем на евангельскую повесть о мученичестве бродячего проповедника. Описанные более подробно и достоверно, они служат готовым образцом для построения истинно исламского государства. Все человеческие общества периодически возвращаются к священным истокам: «традиционные» делают это при помощи ритуала, «осевые» воображают – каждое по-своему – полную или частичную ресакрализацию бытия. В иудаизме, христианстве и исламе, которые представляют собой сложно организованные оправдания несбывшихся апокалиптических пророчеств, попытки ресакрализации ассоциируются с обновленной надеждой на немедленное искупление. В истории еврейской диаспоры эпизоды интенсивного ожидания прихода Мессии хорошо известны, но, в отсутствие государства, подлежащего реформированию или освобождению, относительно редки. Жизнеспособность меркурианской (посреднической) специализации евреев зависела от сохранения их статуса чужаков. После краха этой специализации еврейское мессианство возродилось с прежней силой или преобразовалось в коммунизм и другие новые откровения. В мусульманской традиции реформации часты и многообразны, но политический идеал, восходящий к правлению Пророка, остается неизменным и относительно доступным. Большинство исламских государств не соответствуют завещанию Пророка и оттого не вполне легитимны; большинство реформаций представляют собой политические революции с четко сформулированными задачами; большинство политических «утопий» глубоко историчны. Империи Аббасидов и Сефевидов начинались как апокалиптические движения во имя немедленной реализации пророчества. Возможность существования неполитической политики, или безусловно справедливого земного государства смертных мужчин и женщин, – важнейший постулат ислама¹⁸⁹.

Политический иудаизм восходит к мифу избавления от рабства, и большая часть еврейской апокалиптической традиции посвящена окончательному разрушению реального и символического Вавилона. В исламе чужеземное господство не является частью исходного опыта и понятийного репертуара (за исключением тех случаев, когда нечестивый мусульманский правитель становится функциональным эквивалентом неверного). Исламским Вавилоном была Византия – империя зла, которую необходимо завоевать, а не злодей завоеватель, которого необходимо уничтожить. Когда в XX и XXI веке большинство мусульман оказались во власти неверных, новизна опыта значительно усилила интенсивность реакции. Как писал Усама бен Ладен, «умма должна объединиться перед лицом нашествия крестоносцев, самого сильного, мощного и яростного нашествия крестоносцев за всю историю исламской уммы»¹⁹⁰.

Священные истоки христианства ограничены Иисусом и его учениками (ветхозаветная традиция играет роль пролога и отложенного пророчества). В Евангелии нет руководства по управлению государством, армией и судебной системой; нет ясных указаний на то, какой должна быть человеческая жизнь вне секты. Суть в том, что ни государства, ни армии, ни судебной системы быть не должно. Вернее, в том, что не должно быть иного государства, кроме

«Messianism, Millennialism and Revolution in Early Islamic History» в: Amanat and Bernhardsson, eds., *Imagining the End*, с. 106–125; Aziz Al-Azmeh, *Islams and Modernities* (London: Verso, 1993), особ. с. 89–103.

¹⁸⁹ Al-Azmeh, *Islams and Modernities*, с. 97–98; Ovamir Anjum, *Politics, Law, and Community in Islamic Thought: The Taymiyyan Moment* (Cambridge: Cambridge UP, 2012), особ. с. 1–9, 37–92 и в других местах; A. Azfar Moin, *The Millennial Sovereign: Sacred Kingship and Sainthood in Islam* (New York: Columbia University Press, 2012), с. 1–14, 74–80, 161–166 и в других местах; S. N. Eisenstadt, *Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), с. 19–23, 33–35, 84–89; Henry Munson, Jr., *Islam and Revolution in the Middle East* (New Haven: Yale University Press, 1988), с. 7–38; S. N. Eisenstadt, *Jewish Civilization: The Jewish Historical Experience in a Comparative Perspective* (Albany: State University of New York Press, 1992), с. 35–42; Juan R. I. Cole, «Millennialism in Modern Iranian History» в: Amanat and Bernhardsson, eds., *Imagining the End*, с. 282–311; Stephen Sharot, *Messianism, Mysticism, and Magic: A Sociological Analysis of Jewish Religious Movements* (Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982); Marc Saperstein, ed., *Essential Papers on Messianic Movements and Personalities in Jewish History* (New York: NYU Press, 1992); Yuri Slezkine, *The Jewish Century* (Princeton: Princeton UP, 2004), passim.

¹⁹⁰ Bruce Lawrence, ed., *Messages to the World: The Statements of Osama bin Laden* (London: Verso, 2005), с. 121.

тысячелетнего правления Иисуса, иной армии, кроме небесного воинства Армагеддона, иного суда, кроме Страшного, и иной жизни, кроме вечной. Все христианские общества – импровизации (компромиссы, изобретения, извращения) в гораздо большей степени, чем их иудейские, мусульманские и (в особенности) конфуцианские эквиваленты. Любая серьезная попытка вернуться к истокам христианства ведет к радикальному отрицанию не сектантских (не тоталитарных) форм человеческого существования. Христианский фундаментализм несовместим с политикой, но в отличие от индуизма или буддизма он предвидит коллективное, кровавое, земное искупление. Подражание Христу предполагает сектантство или монашество (в мире, но не в миру). Вера в его пророчество предполагает ожидание неминуемого наступления Царства Небесного.

У этого врожденного состояния есть три основных следствия. Первое – это неизбежное противоречие, уникальное среди осевых цивилизаций, между Градом Божиим и Градом Человеческим («церковь», отделимая от государства, и государство, отделимое от церкви). Второе – разнообразие и гибкость политических режимов, способных претендовать на божественную легитимность. Третье – фундаментальная нелегитимность всех этих режимов. Тот факт, что Иисус не предусмотрел существования справедливого общества до наступления Конца времен, означает, что, пока время не исполнилось, любое общество может называться справедливым. Или никакое не может. Все формально христианские государства приводят более или менее неубедительные доказательства своей истинности, и все должны иметь дело с более или менее убедительными апокалиптическими реформациями.

* * *

В Средние века такого рода реформации происходили регулярно и иногда насильственно, но церкви удавалось подавлять их в ходе борьбы с ересью, приручать в рамках монашеских орденов (легализованных сект) или направлять на более конструктивную деятельность (в том числе – особенно во время двух первых крестовых походов – на истребление евреев и мусульман)¹⁹¹.

Протестантская Реформация была массовым протестом против обрядов, символов и учреждений, претендовавших на посредничество между пророчеством Иисуса и жизнью на земле. Многие из них оказались ненужными, и всем предстояло отмереть. Как Мартин Лютер писал герцогу Саксонскому, «если бы весь мир состоял из подлинных христиан, т. е. из истинно верующих, то не было бы необходимости или пользы ни в князьях, ни в королях, ни в господах, ни в мече, ни в законе». Но подлинным христианином был в лучшем случае «один из тысячи». Поэтому, и исключительно на время переходного периода, «Господь создал две власти: духовную, которая воспитывает истинных христиан и добродетельных прихожан при помощи Святого Духа во Христе, и светскую, которая держит в узде богоотступников и злочинцев и принуждает их к миру и спокойствию, нравится им это или нет». У каждой из них свои подданные, законы и установления. «Законы светской власти распространяются на тело, товары и наружные, мирские дела. Но там, где речь идет о душе, Господь – единственный законодатель»¹⁹².

Доктрина о существовании четкого разделения между внешним и внутренним предрасположила лютеран к пиетизму и снабдила политический либерализм продуктивной и устойчивой фикцией. Отделение церкви от государства возможно только в том случае, если госу-

¹⁹¹ Norman Cohn, *The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists in the Middle Ages* (New York: Oxford University Press, 1970), с. 19–204; Frederic J. Baumgartner, *Longing for the End: A History of Millennialism in Western Civilization* (New York: St. Martin's, 1999), с. 47–76.

¹⁹² М. Лютер, *О светской власти*. Перевод автора.

дарство занимается «телом, товарами и наружными, мирскими делами», не пытаясь управлять душой – то есть если «налоги, повинности, честь, страх» и прочие государственные заботы, перечисленные Лютером, никак не связаны с добродетелью¹⁹³.

Кальвин и пуритане признавали необходимость разделения властей, но исходили из того, что «духовное правление Христа утверждает среди нас начала Царства Небесного». Мирская власть не может полностью раствориться в духовной жизни христианского сообщества, но она может и должна блюсти добродетель. Нет смысла надеяться, что члены церкви оставят свои дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену и детей, но можно проследить за тем, чтобы их семьи стали прозрачными, законопослушными, благочестивыми и общественно активными ячейками истинно христианского сообщества. Трудно рассчитывать на то, что простые смертные никогда не разгневаются на ближнего и не возжелают его жену, но можно настаивать на строгом внешнем самоконтроле (в словах, жестах и одежде) как признаке внутренней дисциплины. Не следует доверять неустойчивости духовного бдения, но можно требовать соседской и родственной бдительности посредством взаимного наблюдения и наставления. Пуританская политическая жизнь была делом публичного благочестия, публичное благочестие основывалось на многотрудном самоусовершенствовании, а многотрудное самоусовершенствование требовало активного участия в морально-политическом самоуправлении (которое включало регулярное посещение проповедей, собраний, голосований и обсуждений, а также «внимательное наблюдение, днем и ночью, каждым на своем месте, за всем происходящим вокруг»). Формальные установления закрепляли местную инициативу: следуя указаниям Кальвина, женевские власти не только запретили танцы, азартные игры, сквернословие, попрошайничество, непристойные песни, воскресные забавы и владение запрещенными книгами и папскими предметами, но и строго регламентировали посещение воскресных служб, религиозное воспитание детей и слуг, количество блюд на официальных банкетах, одежду ремесленников и членов их семей, а также ношение колец и все виды украшений и причесок, совместимых с христианской благопристойностью (серебряные пряжки и пояса разрешались; серебряные цепочки, браслеты, воротники, вышивка, кулоны и тиары считались суетным изливством)¹⁹⁴.

Тех, кого не удавалось реформировать при помощи общественной работы и различных мер воздействия (вплоть до отлучения), передавали светским властям для телесного наказания. На вопрос, могут ли магистраты «исполнять волю божью и в то же время проливать кровь», Кальвин отвечал утвердительно. «Если мы поймем, что, налагая наказания, магистраты следуют не собственным желаниям, а воле Господа, нам нечего опасаться», – писал он. Христианам, противившимся исправлению, не было места в сообществе верующих. Как писал соратник Кальвина Гийом де Три, христианский мир «должен быть очищен от такой мрази». (Антитринитарий Мигель Сервет был сожжен в Женеве в 1553 году.) Выступая в Палате общин в 1643 году, оксфордский пуританин Френсис Чейнелл заявил: «Пришло время очищения. Все зловерные гуморы должны быть выведены из тела церкви и государства»¹⁹⁵.

Для большинства кальвинистов очищение было крайней мерой и признаком поражения. Их долгом в несовершенном мире было бороться за души неправедных, касаться сердец проникновенными речами и внедрять самоконтроль при помощи духовной дисциплины. Но были

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Calvin, «On Civil Government» [Institutio Christianae Reiligionis, Book IV, Chapter 20] в: *Luther and Calvin on Secular Authority*, с. 48–49; Michael Walzer, *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics* (Cambridge: Harvard University Press, 1965), особ. с. 2–13, 29–55, 121–5, 185–229 и в других местах; Harro Höpfl, *The Christian Polity of John Calvin* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982), с. 193–202 (цитата о внимательном наблюдении из женевского эдикта 1560 года, см. с. 200).

¹⁹⁵ Calvin, «On Civil Government», с. 60; Walzer, *The Revolution of the Saints*, с. 176 (цитата Чейнелла), 223–224; Höpfl, *The Christian Polity*, с. 188–192; Bernard Cottret, *Calvin: A Biography* (Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 2000), с. 223 (цитата Гийома де Три).

и другие реформаторы – реформаторы в первоначальном смысле «возврата к истокам», которые выступали за вселенскую чистку, ждали Второго пришествия и утверждали, опираясь на авторитетные источники, что Иисус проповедовал сектантское равенство и предсказал кровавый конец света накануне пира для голодных.

Томас Мюнцер считал, что кровавый конец света и пир для голодных – одно и то же. Христово воинство – это обездоленные германские крестьяне; слуги Антихриста – их господа и лжеучителя; битва при Армагеддоне – грядущее восстание первых против вторых. Лишь тот, кто идет за Иисусом по тропе нищеты и страданий, получит дар Святого Духа, и лишь тот, кто пострадал от нищеты, может идти за Иисусом. «Камень, вырванный из горы, огромен. Бедняки и крестьяне видят это лучше, чем вы», – писал он герцогу Саксонскому (тому же, которому писал Лютер). Спасение – награда и утешение тем, кому нечего терять.

Вход был строго ограничен. По словам Иисуса, Царствие Небесное подобно человеку, который посеял доброе семя и велел рабам сжечь плевелы и начать жатву.

Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!¹⁹⁶

Мюнцер услышал. «В пору жатвы нужно выпалывать сор из сада Господнего, – писал он. – Ангелы, точащие свои серпы для этой работы, суть праведные служители Божьи». Но большинство имевших уши не слышали. Служители Божьи – первые, потому что были последними, но их (как всех библейских пролетариев от Исхода до Апокалипсиса) нужно будить, обучать и строить. «Истинно говорю, многих из них придется как следует встряхнуть, чтобы они с должным рвением и страстью очистили христианский мир от безбожных правителей». Мюнцер был готов. «Живой Бог точит во мне свой серп, чтобы я срезал красные маки и голубые васильки»¹⁹⁷.

В мае 1525 года армия сирых и убогих последовала за ним во Франкенхаузен, где внезапное появление радуги предвестило скорое исполнение пророчества. В наступившем за этим апокалипсисе погибло около пятисот мятежников. Мюнцера нашли в подвале, заставили показаться и вскоре обезглавили. Лютер счел его исповедь «образцом дьявольского упрямства»¹⁹⁸.

Мюнцер был самым последовательным пророком народного миллениаризма со времен Иисуса и первым идеологом конца света как борьбы классов. Но Мюнцер, подобно Иисусу, не был успешным проповедником и не увидел чистого поля без красных маков и голубых васильков.

Первыми христианами, которым удалось превратить Град Человеческий в Град Божий, были анабаптисты Мюнстера. Анабаптисты («перекрестители») были бескомпромиссно радикальны, так как отрицали крещение новорожденных. Для ранних христиан крещение было обрядом посвящения в секту – актом очищения, раскаяния, принятия Христа и вступления в святое сообщество. Протестанты, которые хотели вернуться к истокам христианства и считали себя, вслед за Петром, «царственным священством» (а потому, вслед за Лютером, «в равной степени священнослужителями»), не могли смириться с крещением тех, кто неспособен понять Слово Божие. Доводы их казались безупречными, если не задумываться о послед-

¹⁹⁶ Мф. 13:24–30, 36–43.

¹⁹⁷ Cohn, *The Pursuit of the Millennium*, с. 239, 242, 237, 238.

¹⁹⁸ Cohn, *The Pursuit of the Millennium*, с. 249–250.

ствиях. Большинство протестантов задумались. Запрет на крещение новорожденных означал, что человек не может быть рожден христианином, – то есть что церковь не может быть соразмерной обществу. Спустя три века Трёлч определил разницу между церковью и сектой согласно тому же принципу: церковь – это организация, к которой принадлежат с рождения. Анабаптисты хотели остаться сектой – то есть группой верующих, радикально противостоящей греховному миру, преданной обездоленным и состоящей из добровольцев, принявших истинное пророчество и объединенных общим чувством избранности, исключительности, нравственного аскетизма и социального равенства¹⁹⁹.

В 1534–1535 гг. мюнстерские анабаптисты изгнали из города лютеран и католиков, разрушили алтари и статуи, переименовали улицы и дни недели, отменили деньги и праздники, запретили единобрачие и частную собственность, сожгли все книги, кроме Библии, ввели карточки на еду и одежду, учредили общественные столовые, приказали держать двери открытыми и снесли все церковные башни («всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся»). «Среди нас, – писали они братьям анабаптистам в других городах, – Господь воссоздал общину, какой она была при начале и какой должна быть среди святых Божиих». Недостойные святости были «стерты с лица земли». Смертью карались зависть, гнев, алчность, ложь, богохульство, нечестивость, праздные разговоры и попытки к бегству²⁰⁰.

Монотеизм сделал избранный народ коллективно виновным, приписав задержку со спасением его непослушанию и упрямству. Христианство сделало всех людей виновными, провозгласив примат помыслов над поступками и внутреннего смирения над внешней покорностью. Протестантизм сделал всех неизбежно виновными, учредив последовательно безжалостного и неподкупного бога. Святые Мюнстера («Нового Иерусалима») признали всех горожан виновными перед лицом закона, согласно которому истинные христиане должны быть «совершенны, как совершен их небесный Отец». В июне 1535 года, когда правительственные войска вошли в Мюнстер, судебные заседания с последующими казнями происходили два раза в день.

Мюнстерские анабаптисты построили истинное христианство в одном, отдельно взятом городе. В Англии радикальные реформаторы вплотную подошли к государственной власти. Обращаясь к Парламенту Святых 4 июля 1653 года, Оливер Кромвель сказал:

Зачем бояться говорить и думать, что это и есть дверь, через которую войдет то, что обещал Господь, о чем говорили пророки и чего так ждали и на что надеялись Его дети?.. Мы стоим на пороге – и потому должны поднять головы и укрепиться в вере. И мы подумали, некоторые из нас, что наш долг – делать все возможное, а не только читать пророчество Даниила («и царство это не будет передано другому народу»), смиренно ожидая²⁰¹.

Подумав еще немного, Кромвель предпочел подождать, но некоторые из «пятых монархистов» (названных в честь последнего и вечного царства из пророчества Даниила) отвергли политику соглашательства. Как сказал «громогласный» Джон Роджерс, «недостаточно помещать некоторые из существующих законов, реформируя их»; цель в том, чтобы «обеспечить воцарение Пятой, введя *Законы Божеские*». Работу Провидения нельзя доверить парламентскому большинству, потому что «царство не может принадлежать святым, если нечестивые

¹⁹⁹ 1 Пет. 2:9; Martin Luther, «On the Babylonish Captivity of the Church» в: Henry Wace, ed., *First Principles of the Reformation, or the Ninety-Five Theses and Three Primary Works of Dr. Martin Luther* (London: John Murrey, 1883), с. 235; Martin Malia, *History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World* (New Haven, CT: Yale University Press, 2006), с. 81; Ernst Troeltsch, *The Social Teaching of the Christian Churches* (New York: Macmillan, 1931), т. 1, с. 331–343.

²⁰⁰ Anthony Arthur, *The Tailor King: The Rise and Fall of the Anabaptist Kingdom of Münster* (New York: St. Martin's 1999), с. 38–41, 53, 75–78, 93–102, 112, 136–138, 156–178 (цитата «всякий дол» по с. 75); Cohn, *The Pursuit of the Millennium*, с. 262–80 (цитаты «Среди нас...» и «стерты» по с. 266).

²⁰¹ Oliver Cromwell's *Letters and Speeches, with Elucidations by Thomas Carlyle* (New York: William H. Colyer, 1846), с. 203. Перевод автора.

избирают, а избранные правят». Только святые могут делать святое дело – посредством «проповеди, молитвы, меча» (*praedicando, praecando, praeliando*) и, при необходимости, «террора против творящих зло». Накануне Второго пришествия зло было таким же, как во время Первого. «Меч – такое же заветное Христово, как любое другое церковное таинство. Святое дело без меча – что жатва без серпа». Потерпев поражение в Парламенте Святых, пятые монархисты подняли вооруженное восстание, но были рассеяны армией Вавилона (возможно, потому, что не дождались 1666 года)²⁰².

* * *

В православном мире приступы миллениаризма случались реже, поскольку церкви либо подчинялись местным христианским правителям, либо служили сохранению национальной общности в молчаливой оппозиции царству неверных. Самый крупный «раскол» произошел в России в середине XVII века, когда церковь и государство инициировали перестройку обрядовой практики. Реформа в интересах единообразия обернулась попыткой реформации политического и идеологического устройства. Обе стороны апеллировали к первозданной чистоте: греческой в случае официальной церкви и московской (а следовательно, подлинно византийской) в случае старообрядцев. И те и другие были традиционалистами и новаторами: старообрядцы, подобно западным протестантам, начали с очищения существующей церкви, но радикализировались в ходе противостояния. Бунт против главы церкви привел к отрицанию церковной иерархии, а отрицание церковной иерархии поставило вопрос о посвящении нового духовенства и о возможности праведной жизни без священников. Российские раскольники соответствовали всему спектру протестантизма, от епископальных «поповцев», построивших новую церковь без патриарха, до бесконечно множасьих сект, отвергавших духовное посредничество и обсуждавших судьбу осиротевших таинств (в первую очередь брака). Особенностью русской реформации было отсутствие альтернативных правителей и заграничных собратьев. Выбор сводился к бегству «в пустынь», вооруженному сопротивлению или массовому самоубийству. Раскольники, ожидавшие конца света, считали главу государства Антихристом и всякий решительный бой последним. Существовало два вида мученической гибели: от руки Зверя и через самопожертвование. В конце XVII и начале XVIII века более восьми тысяч человек сожгли себя заживо²⁰³.

Выжившие староверы (около 10 % населения Российской империи в начале XX века) продолжали ждать конца света на окраинах империи или примирились с государством и посвятили себя обогащению. Наряду с немцами и евреями самыми успешными российскими капиталистами были староверы²⁰⁴.

«Дух капитализма» процветает в замкнутых сообществах, отделившихся от нечистого мира. Есть два вида таких сообществ: меркурианцы (этнические посредники, культивирующие внутреннее единство и внешнюю чуждость в рамках осуществления своей экономической функции) и сектанты (делающие то же самое в целях внеочередного спасения). Первый

²⁰² Там же; B. S. Capp, *The Fifth Monarchy Men: A Study in Seventeenth-Century English Millenarianism* (London: Faber and Faber, 1972), с. 67, 162, 138, 132, 140–141; Дан. 2, 7.

²⁰³ О самоожжениях см.: М. В. Пулькин «Самоожжения старообрядцев в конце XVII–XVIII вв.», *Новый исторический вестник* No. 1 (2006), с. 1–14, Georg B. Michels, *At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia* (Stanford: Stanford University Press, 1999), с. 207–209. Об эсхатологии старообрядцев см.: Michael Cherniavsky, «The Old Believers and the New Religion», *Slavic Review*, Vol. 25, No. 1 (Mar., 1966): с. 1–39; общие обзоры см.: С. Зеньковский, *Русское старообрядчество* (Минск: Белорусский экзархат, 2007), Robert O. Crummey, *The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and the Russian State, 1694–1855* (Madison: University of Wisconsin Press, 1970).

²⁰⁴ Л. Воронцова, С. Филатов, «Старообрядчество: в поисках потерянного града Китежа» в: *Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России* (М., СПб, Летний Сал 2002), с. 247. О староверах и «протестантской трудовой этике» см.: Crummey, *The Old Believers and the World of Antichrist*, с. 135–158.

основан на племенном единстве, усиленном мерами по защите от нечистого окружения; второй – на отказе от кровного родства в пользу общности веры. В первом взаимное доверие основано на родственных связях, подкрепленных ритуалом и эндогамией; во втором – на самодисциплине, всеобщей слежке и подозрительном отношении к деторождению. И тот и другой ценят непрерывный труд: первый – потому что меркурианские профессии зависят не от природных циклов, а от получения прибыли путем символической манипуляции во враждебной среде; второй – потому что членство в секте предполагает неустанную борьбу с мирскими искушениями. Меркурианские племена – протокапиталисты по определению; «святые» должны перековывать орала на рубли и зарабатывать спасение с помощью накопления. Общими являются запрет на праздность и преданность труду как долгу и добродетели. Все, что делает сектант (и его одомашненный родственник – монах), – ест, пьет, пишет, читает, слушает, разговаривает, совокупляется, сеет или жнет – воспринимается как богоугодная работа за небесную плату. Когда интенсивность ожидания Страшного суда ослабевает и сектант с опаской возвращается в мир, молитва как вид работы превращается в работу как вид молитвы, но отвращение к праздности и привычка к бдительности и самодисциплине сохраняются и становятся прибыльными. Тем временем деторождение и порождаемые им клановые связи продолжают подрывать сектантский принцип добровольности и равенства, превращая метафорических братьев в кровных родственников, любовь к ближнему в кумовство, а святых – в менял. Избранный народ второго вида присоединяется к избранным народам первого. Староверы, которые живут в пустынях вдали от мирской суеты, становятся первыми фермерами среди крестьян. Староверы, которые переезжают в Москву и занимаются торговлей и благотворительностью, становятся первыми капиталистами среди купцов. Меркурианцы и сектанты, которые отвергают племенную и конфессиональную исключительность, но сохраняют приверженность неустанному труду и бдительной самодисциплине, становятся «современными» гражданами.

* * *

Потеряв силы и энергию в Европе, милленаризм переехал в Америку, где сделался неотъемлемой частью национальной жизни: смыслом существования пуританских колоний, неиссякаемым источником государственного мессианства, готовым ответом на политические и экономические бедствия и одним из структурных компонентов общества, не скрепленного этнической и церковной традицией. В отсутствие «старого режима», государственной религии и племенного единства общественная жизнь строилась вокруг христианских «деноминаций»; вспышки социальной и интеллектуальной активности сопровождалась «великими пробуждениями» (*Great Awakenings*); а великие пробуждения раз за разом порождали надежду на Второе пришествие²⁰⁵.

Первое великое пробуждение (1740-х годов) породило «постмилленаризм», или милленаризм без Армагеддона. Вавилон столь далек, армия Антихриста столь мала, а «ливни благодати» столь обильны, что Царствие Небесное, по словам Джонатана Эдвардса, «не может не быть совсем близко». Иисусу не придется сеять вечное огнем и мечом: оно «осуществится постепенно» в результате распространения Святого Духа.

Второе великое пробуждение (1800–1840-х годов) подорвало кальвинистскую доктрину предопределения, сделав благодать доступной всем желающим. Как писал пророк нового

²⁰⁵ См. общ.: Ernest Lee Tuveson, *Redeemer Nation: The Idea of America's Millennial Role* (Chicago: The University of Chicago Press, 1968); Ruth H. Bloch, *Visionary Republic: Millennial themes in American Thought, 1756–1800* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985); Robert N. Bellah, *The Broken Covenant: American Civil Religion in Time of Trial* (New York: The Seabury Press, 1975); William G. McLoughlin, *Revivals, Awakenings, and Reform* (Chicago: The University of Chicago Press, 1978); Conrad Cherry, *God's New Israel: Religious Interpretations of American Destiny* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971); Jon Butler, *Awash in a Sea of Faith: Christianizing the American People* (Cambridge: Harvard University Press, 1992).

откровения Чарльз Финни, «грех и святость суть добровольные деяния разума». Поскольку грех есть форма эгоизма, а эгоизм преодолевается актом принятия истинной веры, было бы «ужасной ошибкой» ожидать божественного искупления «в основном без человеческого участия»²⁰⁶.

Одним из следствий эсхатологического оптимизма был политический мессианизм и связанная с ним реформистская активность. «Я верю, – заявил Эндрю Джексон в 1828 году, – что люди способны возвыситься над собой и вобрать в себя все больше божественного и что чем ближе они к Богу, тем совершеннее государственное устройство. Давайте же возвышать наш народ и совершенствовать наши учреждения, пока демократия не достигнет такого уровня, что мы сможем истинно утверждать: глас народа есть глас Божий»²⁰⁷.

Другим следствием стали попытки ускорить пришествие Иисуса посредством воссоздания его секты. Ключом к святости было самоотречение, а ключом к самоотречению – изоляция от мира, регламентация поведения, взаимная слежка и – в первую очередь – строгий контроль за воспроизводством. Ничто так не угрожало самоотречению, как романтическая любовь, брачные союзы, родственные связи и наследование собственности. Шейкеры и члены Гармонического общества приняли обет безбрачия; «библейские коммунисты» Онейды учредили институт «сложного брака», согласно которому все мужчины были женаты на всех женщинах, все рождения строго планировались и все дети воспитывались всей коммуной²⁰⁸.

Самая крупная, успешная и оригинальная попытка реализовать Царство Божие в Америке была предпринята в 1820-х годах сыном фермера Джозефом Смитом. Его первым видением было стандартное христианское откровение «о великих наказаниях с ужасными опустошениями от голода, меча и мора, которые постигнут Землю, и о том, что эти грозные наказания произойдут в этом поколении»²⁰⁹.

Но Смит пошел дальше других христианских пророков. Он сделал с христианством то же, что Иисус сделал с иудаизмом, но более осознанно и основательно. Вернее, он сделал с иудаизмом и христианством то же, что сделал с ними Мухаммед, но более осознанно и основательно. Мухаммед принял еврейского бога и святость обоих заветов (включая пророчество о неминуемом возвращении Иисуса и учиненной им бойне) и добавил к ним собственные деяния, заветы и откровения. Смит принял еврейского бога и святость обоих заветов, добавил к ним собственные деяния, заветы и откровения и обнаружил священную историю новой земли обетованной. Его евангелие (Книга Мормона, опубликованная в 1830 году) содержит один первоначальный Исход, два дополнительных и предвидение третьего (впоследствии реализованного), а также предварительное пришествие Иисуса в Америку («со следами от гвоздей на руках Его и на ногах Его»), его окончательное Второе пришествие (в Америку же) и ограниченный континентальный холокост в качестве репетиции перед концом света, который Смит собирался засвидетельствовать и по возможности приблизить²¹⁰.

²⁰⁶ McLoughlin, *Revivals*, 98–140 (цитата Финни по с. 125); Ruth Alden Doan, *The Miller Heresy, Millennialism, and American Culture* (Philadelphia: Temple University Press, 1987), с. 75.

²⁰⁷ McLoughlin, *Revivals*, с. 139.

²⁰⁸ William E. Wilson, *The Angel and the Serpent: The Story of New Harmony* (Bloomington: Indiana University Press, 1964); Lawrence Foster, *Women, Family, and Utopia: Communal Experiments of the Shakers, the Oneida Community, and the Mormons* (Syracuse: Syracuse University Press, 1991), с. 75–120; John W. Friesen and Virginia Lyons Friesen, *The Palgrave Companion to North American Utopias* (New York: Palgrave Macmillan, 2004), с. 104–116; Robert P. Sutton, *Communal Utopias and the American Experience: Religious Communities, 1732–2000* (Westport, CN: Praeger, 2003), с. 17–46, 67–86; Spencer Klaw, *Without Sin: the Life and Death of the Oneida Community* (New York: Allen Lane, the penguin Press, 1993); Wilson, *Religious Sects*, 132–135; Warren Lewis, «What To Do After the Messiah has Come Again and Gone: Shaker 'Premillennial' Eschatology and Its Spiritual Aftereffects» в: M. Darrol Bryant, Donald W. Dayton, eds., *The Coming Kingdom: Essays in American Millennialism and Eschatology* (Barrytown, NY: New Era Books, 1983), с. 71–109.

²⁰⁹ «The Testimony of the Prophet Joseph Smith» в: *The Book of Mormon: Another Testament of Jesus Christ*, 1 Неп. 13:37.

²¹⁰ Там же, 3 Неп. 11:15.

У американцев были уши, и они слышали. За несколько лет небольшая миллениаристская секта превратилась в многотысячное общество мужчин, женщин и детей. Впервые со времен Мюнстера провозвестник христианского апокалипсиса столкнулся с задачей сохранения апостольского коммунизма за пределами узкого круга учеников пророка. В отсутствие инструкций от Иисуса прообразом стал Моисей. По пути через Средний Запад Смит основал два храма, составил программу перераспределения собственности и учредил многобрачие, крещение умерших и сложную иерархию мирских священнослужителей. Его преемник, Бригам Янг, вывел «святых последних дней» через пустыню в Новый Иерусалим, где они основали государство «под непосредственным, постоянным и прямым надзором Всевышнего». Спустя несколько десятилетий ожидание неминуемого коллективного искупления сменилось верой в индивидуальное самоусовершенствование, а Территория Юта стала штатом под непрямым, но неуклонным надзором федерального правительства в Вашингтоне²¹¹.

Другой фермер, Уильям Миллер, был стандартным пророком последних дней и последовательным критиком «доктрины, которая отдает всю власть человеку». По его подсчетам, конец света должен был наступить в 1843 году. Когда этого не произошло, он признал свою ошибку, пересмотрел данные хронологии и перенес Судный день на 22 октября 1844 года. Тысячи проповедей, лекций и газетных статей были посвящены этому событию; тысячи «вторых адвентистов» («миллеритов») продали свою собственность, простили долги, оставили поля и в назначенный день собрались в ожидании спасения. То, что за этим последовало, вошло в историю как «великое разочарование». Согласно воспоминаниям Хирама Эдсона:

Мы с уверенностью ожидали, что увидим Иисуса Христа и всех его святых ангелов и услышим, как голос его призовет Авраама, Исаака, Иакова и всех праотцов, а также близких и милых друзей наших, коих смерть отняла у нас, и что испытания и страдания наши на этой земле подойдут к концу и мы встретим Господа нашего и вечно с ним пребудем в светлых золотых домах в золотом родном городе, готовые к искуплению. Наши надежды были очень велики, и мы ожидали пришествия Господа нашего, пока часы не пробили полночь. День минул, и страх разочарования превратился в уверенность. Наши самые светлые надежды и ожидания рухнули, и из нашей груди вырвался такой стон, какого я прежде не слышал. Потеря всех земных друзей не могла бы с этим сравниться. Мы рыдали и рыдали до самого рассвета²¹².

Великое разочарование породило множество реакций. Некоторые миллериты разошлись по домам и вернулись к вечному ожиданию; другие приняли доктрину «человеческого участия» и присоединились к мормонам или шейкерам; третьи последовали примеру первых христиан, заявив, что пророчество исполнилось, но не так, как предполагалось. Адвентисты седьмого дня (ведомые Хирамом Эдсоном) пришли к заключению, что Миллер все посчитал правильно, но Иисус не смог вернуться из-за греховной практики воскресных богослужений. Свидетели Иеговы перенесли Судный день на 1874, а затем на 1914 год, утверждая, что Иисус вернулся вовремя, но остается невидимым в ходе подготовки к очищению храма и последующему кровопролитию. Пятидесятники вернулись к идее неминуемости Второго пришествия, но связали его с личным переживанием божественного присутствия. В апреле 1906 года

²¹¹ Цитата Эдсона по: Gordon D. Pollock, *In Search of Security: The Mormons and the Kingdom of God on Earth, 1830–1844* (New York: Garland Publishing, 1989); Mark P. Leone, *Roots of Modern Mormonism* (Cambridge: Harvard University Press, 1979); Tuveson, *Redeemer Nation*, с. 179–184 (цитата о надзоре, из Parley Pratt, *The Angel of the Prairies*, на с. 183).

²¹² Цитата Эдсона по: Ronald L. Numbers and Jonathan M. Butler, eds., *The Disappointed: Millerism and Millenarianism in the Nineteenth Century* (Bloomington: Indiana University Press, 1987), с. 215. См. также: Doan, *The Miller Heresy* (цитата о доктрине на с. 74); David L. Rowe, *Thunder and Trumpets: Millerites and Dissenting Religion in Upstate New York, 1800–1850* (Chico, CA: Scholars Press, 1985), особ. с. 119–139. «Участие человека» было распространенной формулой, признаваемой Смитом и отвергаемой Миллером. См., например: Doan, *The Miller Heresy*, с. 74.

на Азуза-стрит в Лос-Анджелесе сотни людей начали кричать, танцевать, пророчествовать, кататься по полу и петь на неведомых языках. Среди них было несколько молокан, прибывших из России несколькими месяцами ранее. Согласно статье в *Los Angeles Herald*, «там были люди всех возрастов, полов, цветов, национальностей и видов порабощения»²¹³.

Они знали, что настали последние дни, поскольку все это уже было. Когда Иисус вознесся на небо, его ученики собрались в одной комнате. «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать». И собралась большая толпа, в которой были евреи из всякого народа под небом, и каждый услышал звук родного языка, и некоторые спрашивали, не напились ли апостолы сладкого вина. Тогда Петр возгласил, что они не пьяны, и процитировал пророка Иоилиа: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать»²¹⁴.

За каждым разочарованием следовало пробуждение. Чем сильнее разочарование, тем прекраснее пробуждение.

* * *

Милленаризм – это мстительная фантазия обездоленных, надежда на великое пробуждение посреди великого разочарования. Самая благодатная почва для христианского милленаризма – нехристианские общества, разрушенные христианами. Одним из ответов на крах мироздания и унижение богов и предков стало пророчество, завезенное завоевателями (и их богами, наглядно доказавшими свою силу). В сочетании с местными верованиями о возвращении героя-освободителя и путешествии в страну изобилия библейская идея вселенского возмездия породила крупные социальные движения под флагом насилия и самопожертвования²¹⁵.

За распадом империи инков последовала эпидемия «танцевальной болезни» (*Taqui Onqoy*), в ходе которой временно побежденные местные духи вселились в тела пляшущих людей в ожидании потопа, специально предназначенного для испанцев и памяти об их нашествии. Среди индейцев Великих равнин Северной Америки распространился «танец духа», способствовавший исчезновению смерти, истреблению европейцев и возвращению вечно юных предков с бескрайними стадами бизонов. Последний танец был исполнен воинами лакота (сиу) накануне побоища при Вундед-Ни 29 декабря 1890 года. На северо-востоке Бразилии, во время массовых переселений, вызванных отменой рабства, крахом монархии и затяжными засухами, последователи странствующего проповедника по прозвищу Наставник (*Conselheiro*) осели в поселке Канудос, отказались платить налоги, отвергли гражданские браки, обобществили скот, разделили имущество и стали ждать конца света. Спустя четыре года, за день

²¹³ Cecil M. Robeck, Jr., *The Azusa Street Mission and Revival: The Birth of the Global Pentecostal Movement* (Nashville, TN: Thomas Nelson, Inc., 2006), с. 1–186 (цитата из *Los Angeles Herald* на с. 1); Douglas J. Nelson, *For Such a Time as This: The Story of Bishop William J. Seymour and the Azusa Street Revival* (Ph. D. Dissertation, Department of Theology, University of Birmingham, England, May, 1981), с. 191–245; Frank Bartleman, *Azusa Street: The Roots of Modern-Day Pentecost* (Gainesville, FL.: Bridge-Logos, 1980), с. 49–74; Harvey Cox, *Fire from Heaven: The Rise of Pentecostal Spirituality and the Reshaping of Religion in the Twenty-First Century* (Reading, MA: Addison-Wesley, 1995), оcoб. с. 45–66 и 111–122; Grant Wacker, *Heaven Below: Early Pentecostals and American Culture* (Cambridge: Harvard University Press, 2001); Wilson, *Religious Sects*, с. 98–117; Baumgartner, *Longing for the End*, с. 175–178.

²¹⁴ Деян. 2:1–21.

²¹⁵ Michael Adas, *Prophets of Rebellion: Millenarian Protest Movements against the European Colonial Order* (Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1979); Anthony F. C. Wallace, *Religion: An Anthropological View* (new York: Random House, 1966), с. 30–8, 157–166, 209–215.

до того, как бразильская армия сожгла его дотла в октябре 1897-го, Канудос насчитывал 5 200 домов и 30 тысяч жителей²¹⁶.

В Латинской Америке европейские поселенцы приняли участие в создании национальных государств. В Африке, где этого не произошло, милленаризм стал важной частью политической жизни. На юге континента народ коса потерпел поражение в «кафрских войнах», потерял часть своей территории и пострадал от серии засух и эпизоотий. В 1856 году племяннице первого коса, прошедшего англиканскую конфирмацию, явилось видение, в котором трое предков велели ей и ее соплеменникам уничтожить оставшийся скот, семена и инструменты. Взамен они обещали изгнать англичан, доставить неограниченные запасы еды и молотости и призвать на помощь «новый народ» под названием «русские», который убил (в битве при Инкермане) капского губернатора Джорджа Каткарта. Около четырехсот тысяч голов скота было уничтожено, и более четырех тысяч коса умерли от голода. Британские власти предоставили еду в обмен на наемный труд в колонии. Страна коса (Косаленд) прекратила свое существование²¹⁷.

Спустя чуть более полувека, после дальнейших отчуждений земли и массового распространения христианских миссий во вновь созданной Восточно-Капской провинции, бывший методистский проповедник по имени Енох Мгиджима предсказал скорую гибель всех белых. Его последователи именовали себя «израильтянами», соблюдали Шаббат, отмечали Песах, называли Новый Завет подделкой и считали Исход предсказанием своего собственного освобождения. В 1920 году коммуна Мгиджимы насчитывала более тысячи человек. В ожидании апокалипсиса они отказались от частной собственности, перестали платить налоги и проводили регулярные военные учения. «Мир потонет в крови, – писал Мгиджима местному чиновнику. – Время Иеговы исполнилось». 24 мая 1921 года «израильтяне», вооруженные копьями и дубинками и защищенные волшебными белыми плащами, бросились на пулеметный огонь. Сто восемьдесят три человека было убито, более ста ранено. На могильном камне, воздвигнутом выжившими, написано: «Они выбрали план Бога, и им не нашлось места на земле»²¹⁸.

Более успешными израильтянами были ямайские растафарианцы, которые считали себя изгнанниками со святой земли (за давно прощенные грехи) и исходили из того, что коронация раса Тафари императором Эфиопии Хайле Селассие I положила начало новому Исходу. Библия, написанная об африканцах, была подделана белыми ради порабощения черных. Хайле Селассие был «Ветхий днями» из Книги Даниила и «лев от колена Иудина» из Откровения Иоанна Богослова. Его миссией было наказать виновных и вывести избранный народ из Вавилона в Эфиопию. Как пел Боб Марли, «одним светлым утром, когда мои труды закончатся, люди отправятся домой». А пока этого не произошло, нужно либо отвернуться от мирской

²¹⁶ Nathan Wachtel, «Rebeliones y milenarismo» в: Juan M. OssioÑa., ed., *Ideología Mesiánica del Mundo Andino* (Lima: Ignacio Prado Pastor, 1973), с. 118–123; Enrique Florescano, *Memoria mexicana: ensayo sobre la reconstrucción del pasado: época prehispánica* – 1821 (México, D. F.: Editorial J. Mortiz, 1987), с. 222; James Mooney, *The Ghost-Dance Religion and the Sioux Outbreak of 1890* (Lincoln: University of Nebraska Press, 1965); Micheline E. Pesantubbee, «From Vision to Violence: The Wounded Knee Massacre» в: Wessinger, ed., *Millennialism*, с. 62–81; Bryan R. Wilson, *Magic and the Millennium: A Sociological Study of Religious Movements of Protest among Tribal and Third-World Peoples* (New York: Harper and Row, 1973), с. 221–36, 283–308; Euclides da Cunha, *Os Sertões* (1902), англоязычная версия: Euclides da Cunha, *Rebellion in the Backlands* (Chicago: The University of Chicago Press, 1944); Robert M. Levine, *Vale of Tears: Revisiting the Canudos Massacre in Northeast Brazil, 1893–1897* (Berkeley: University of California Press, 1992).

²¹⁷ Christine Steyn, «Millenarian Tragedies in South Africa: the Xhosa Cattle – Killing Movement and the Bulhoek Massacre» в: Wessinger, ed., *Millennialism*, с. 189–193; J. B. Peires, *The Dead Will Arise: Nongqawuse and the Great Xhosa Cattle-Killing Movement of 1856–1857* (Johannesburg: Ravan, 1989). См. также: Wilson, *Magic and the Millennium*, с. 238–240.

²¹⁸ Steyn, «Millenarian Tragedies», с. 193–197. См. также: Robert Edgar, *Because they Chose the Plan of God: The Story of the Bulhoek Massacre* (Johannesburg: Ravan, 1988); Bengt G. M. Sundkler, *Bantu Prophets in South Africa* (London: Lutterworth, 1948), с. 72–73; Wilson, *Magic and the Millennium*, с. 61–64; Lewy, *Religion and Revolution*, с. 203–205.

жизни, либо «проснуться, встать и взяться за оружие». По мере угасания надежды росла популярность «освобождения перед возвращением»²¹⁹.

Наиболее последовательными проявлениями милленаристского импульса стали карго-культы, возникшие в Меланезии после прибытия европейских миссионеров и широко распространившиеся во время Второй мировой войны. В обществе, парализованном неуверенностью в себе и обидой на вселенскую несправедливость, появились люди, которые, по выражению Цельса, «с великой легкостью и при малейшем случае, в храмах или вне их, жестами и поступками изображают божественное вдохновение». Они спорили о частностях, но сходились на том, что европейское богатство, или «карго» (от слова «груз»), предназначалось для местных общин и что очень скоро, при жизни нынешнего поколения, обманутые предки вернутся домой и передадут все ценные вещи – часы, зеркала, конфеты, фонарики, радиоприемники, велосипеды и вечную молодость – их законным владельцам. Книга Откровения, которую завезли пришельцы, объясняла источник и судьбу великой роскоши Вавилона – «товаров золотых и серебряных, и камней драгоценных и жемчуга, и виссона и порфиры, и шелка и багряницы, и всякого благовонного дерева, и всяких изделий из слоновой кости, и всяких изделий из дорогих деревьев, из меди и железа и мрамора, корицы и фимиама, и мира и ладана, и вина и елея, и муки и пшеницы, и скота и овец, и коней и колесниц, и тел и душ человеческих»²²⁰.

Всякий милленаризм – в конечном счете карго-культ. В Меланезии недостаток метафорической сложности восполнялся четкостью экспозиции. «У нас ничего нет, – жаловались жители одной деревни своему пророку. – Ни самолетов, ни кораблей, ни джипов, ничего. Европейцы воруют наш груз. Пожалей нас и сделай так, чтобы нам что-нибудь досталось»²²¹.

Пророки и их последователи делали что могли: возвращались к обычаям предков или отвергали их за бессилие, устраивали оргии или запрещали совокупления, уничтожали собственность (реализуя метафору «ничего нет») или запасались провизией (готовясь к встрече предков), танцевали до упаду или просто просили богатства (молились), говорили на неведомых языках или маршировали с деревянными винтовками, выведывали секреты пришельцев или просыпались, вставали и брались за оружие. Одни утверждали, что груз уже прибыл, другие обвиняли отступников и устраивали публичные покаяния. В Новой Гвинее одно из апокалиптических пророчеств исполнилось, когда в назначенный день (в 1942 году) японские самолеты сбросили на верующих бомбу²²².

Самое успешное апокалиптическое движение в истории христианства возникло при слиянии библейской эсхатологии с единственной крупной милленаристской традицией, родившейся за пределами средиземноморского монотеизма. Китайский милленаризм опирался на буддизм и даосизм; новые смуты породили новых пророков²²³.

Успешным пророком становится тот, чье личное безумие находит отклик в осиротевшем мире и чье духовное перерождение отзывается в тех, у кого «ничего нет». В 1837 году молодой человек по имени Хун Сюцюань во второй раз не сдал государственный экзамен второй ступени, потерял сознание, начал бредить и увидел сон об установлении Царства Божия на земле. Перечитав миссионерскую брошюру, которая вдохновила видение, Хун убедился, что он – Сын Божий и младший брат Иисуса. Провалившись на экзаменах еще дважды, он объявил родите-

²¹⁹ Leonard E. Barrett, *The Rastafarians: Sounds of Cultural Dissonance* (Boston: Beacon Press, 1977). Цитата о светлом утре из песни Боба Марли *Rasta Man Chant*; цитата о «проснуться и встать» из песни Боба Марли *Get Up, Stand Up*. См. также *Revolution* Боба Марли.

²²⁰ Откр. 18:3, 12–13.

²²¹ Lewy, *Religion and Revolution*, с. 227.

²²² Peter Worsley, *The Trumpet Shall Sound: A Study of «Cargo» Cults in Melanesia* (New York; Schocken, 1968), особ. с. 101–108 и 207–219; Lamont Lindstrom, «Cargo Cults» в: Richard A. Landes, ed., *Encyclopedia of Millennialism and Millennial Movements* (New York: Routledge, 2000), с. 57–61.

²²³ Shek, «Sectarian Eschatology and Violence»; Naquin, *Millenarian Rebellion in China*; Yang, *Religion in Chinese Society*; Lewy, *Religion and Revolution*, с. 11–32, 59–66, 254–257.

лям, что он не их сын, и стал странствующим проповедником покаяния и избавления. В отличие от старшего брата, он сумел привлечь сотни, потом тысячи и, наконец, сотни тысяч сторонников и атаковал Вавилон своими силами. Его последователями были иммигранты хакка из Южного Китая, а идеологами – вечные студенты, аптекарские подмастерья и другие провинциальные интеллигенты. В марте 1853 года армия Хуна, насчитывавшая более миллиона небесных воинов, захватила Нанкин и провозгласила его Небесной Столицей Небесного Царства (Тайпин). Хун стал небесным правителем и написал комментарий к Откровению Иоанна Богослова: «Царство Небесное воцарилось среди людей. Пророчество исполнено. Уважайте это»²²⁴.

Секта, которая хочет стать Небесным Царством, должна ответить на вопрос, как организовать сложное общество по образу и подобию коммуны из тринадцати мужчин. Хун допустил участие женщин при условии строгой половой сегрегации и запрета на «проявление личных симпатий», включая «сладострастные помыслы и обмен любовными взглядами». Другим условием устойчивого равенства среди «братьев и сестер» была отмена торговли и частной собственности. Тайпинские чиновники определяли прожиточный минимум и отбирали излишки на нужды коллектива. Они же проводили публичные чтения заповедей Хуна, следили за соблюдением запрета на сладострастные помыслы, руководили процессом взаимной слежки, шли во главе небесного воинства, жгли вредные (в основном конфуцианские) книги и поощряли чтение полезных. «Читая эти книги, глупцы умнеют, а ослушники исправляются»²²⁵.

А поскольку глупцы и ослушники «подобны людям, зараженным болезнью», задачей Тайпина было исцелить их всеми возможными средствами. «Где бы мы ни были, мы будем убивать всех гражданских и военных чиновников, а также солдат и ополченцев. Простым людям опасаться нечего, но если вы будете помогать демонам сражаться и защищать города, вы будете уничтожены». В пределах Небесного Царства применялась та же логика: «Если мы захотим, чтобы вы погибли, вы умрете, ибо ничье наказание не будет отложено более чем на три дня. Каждый должен искренне следовать путем истины, учиться добру и, таким образом, прийти к счастью»²²⁶.

В 1864 году, после того как около двадцати миллионов человек погибло в борьбе за истинный путь, Небесную Столицу осадили правительственные войска. Когда в городе начался голод, Хун отдал приказ «питаться манной», нарвал травы в дворцовом саду, пожевал ее в качестве наглядного примера и вскоре умер. После того как город пал, шестнадцатилетний сын Хуна рассказал следователям, что он прочитал «тридцать с лишним томов» древних книг, запрещенных его отцом, и что его единственное желание – сдать государственный экзамен. Чиновники не оценили иронию и приговорили «юного монарха» к смерти²²⁷.

* * *

Пришествие брата Иисуса не удалось. А что сам Иисус? В христианском мире церковь неуклонно теряла контроль над общественной и частной жизнью. Отступление было медленным и хорошо организованным, с успешными арьергардными боями на американском фронте, но общая тенденция, особенно среди элит, казалась необратимой. Все меньше номинальных христиан ссылались на библейские прецеденты, толковали жизнь с помощью церковной док-

²²⁴ Jonathan D. Spence, *God's Chinese Son: The Taiping Heavenly Kingdom of Hong Xiuquan* (New York: Norton, 1997). Цитата из: Franz Michael, *The Taiping Rebellion: History and Documents* (Seattle: University of Washington Press, 1971), т. 2, с. 273.

²²⁵ Spence, *God's Chinese Son*, с. 148, 150, 173, 181; Michael, *The Taiping Rebellion*, т. 2, с. 298. См. также: Michael, *The Taiping Rebellion*, т. 2, с. 139–141, 312–320.

²²⁶ Michael, *The Taiping Rebellion*, т. 2, с. 183; Spence, *God's Chinese Son*, с. 134, 170.

²²⁷ Spence, *God's Chinese Son*, с. 181, 234–332; Michael, *The Taiping Rebellion*, т. 3, с. 1530–1532.

трины и верили в буквальную истинность библейских версий творения, избавления и конца света. Христианское решение проблемы «отчуждения» заметно состарилось²²⁸.

Но сама проблема – «шаг назад и взгляд вовне» – никуда не делась. Бог не умер. Даже самые мятежные, заблудшие и безразличные христиане исходили из того, что надежда на спасение переживет несостоятельность пророчества.

Евреи времен Второго храма отвергли Февду, Иоанна, Иисуса и других кандидатов в мессии и продолжали ждать – и ждать. Те немногие, которые признали Иисуса сыном божьим, не утратили надежду, даже когда он умер без видимых последствий. Миллионы их последователей терпеливо ждали его возвращения, невзирая на многовековые отсрочки. В XVII и особенно в XVIII веке некоторые из них заключили, что Тысячелетие наступит бескровно, а Иисус придет под занавес, для заключительного монолога. В XVIII и особенно в XIX веке новое поколение пророков исключило Иисуса из списка действующих лиц, оставив сюжет неизменным. Провидение стало историей, прогрессом, эволюцией, революцией, законом природы или позитивными изменениями, но финал оставался прежним. Как писал Томас Барнет, геолог-теоретик и капеллан Вильгельма III: «Чтобы без помех увидеть и правильно понять Природное Провидение, нам не следует сажать его на слишком короткую цепь, прибегая без нужды либо к Первопричине, служащей для объяснения истоков сущего, либо к Чудесам, служащим для объяснения отдельных фактов». Люди могут распознать «план всех дел человеческих от Хаоса до дня сегодняшнего» благодаря своим собственным усилиям. «Последний акт и завершение всех дел человеческих должен быть тем более изыскан и замечателен, что ему суждено увенчать усилия истории, доставить удовольствие зрителям и закончиться всеобщей овацией»²²⁹.

Эпоха Просвещения (произошедшая, как и Барнет, от союза научной революции и протестантской реформации) породила несколько изысканных и замечательных сценариев последнего акта. Тюрго вывел неизбежность прогресса из поступательного характера технологического и нравственного совершенствования и его ускорения в последние годы, распространения за пределы Европы и переосмысления на языке математики. Проблема теодицеи (существования зла при наличии всемогущего бога) была решена за счет отстранения бога от дел и открытия невидимой руки истории.

Человеческое честолюбие в деле создания великих государств способствовало делу Провидения, развитию просвещения и, следовательно, приумножению счастья всего рода человеческого. При этом сами люди не имели этого в виду. Их страсти и даже пороки вели их без их ведома туда, куда они направлялись²³⁰.

Прогресс, как «богатство народов» Адама Смита, был суммой бесчисленных слепых эгоизмов. Развитие просвещения нуждалось в человеческих страстях и пороках точно так же, как Апокалипсис нуждался в Антихристе и его армии. С торжеством разума страсти и пороки

²²⁸ Другие классические источники по спорам о секуляризации (помимо Вебера и Дюркгейма): Bryan Wilson, *Religion in Secular Society: A Sociological Comment* (London: C. A. Watts, 1966); Bryan Wilson, *Religion in Sociological Perspective* (Oxford: Oxford University Press, 1982), особ. с. 148–179; David Martin, *A General Theory of Secularization* (Oxford: Basil Blackwell, 1978); David Martin, *On Secularization: Towards a Revised General Theory* (Ashgate, 2005); Berger, *The Social Reality of Religion*; Bruce, *Religion in the Modern World*; Steve Bruce, *God is Dead: Secularization in the West* (Oxford: Blackwell, 2002); Stark, Bainbridge, *The Future of Religion*; Rodney Stark, Roger Finke, *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion* (Berkeley: University of California Press, 2000); Hugh McLeod and Werner Ustorf eds., *The Decline of Christendom in Western Europe, 1750–2000* (Cambridge University Press, 2003); JosÉ Casanova, *Public Religions in the Modern World* (Chicago: The University of Chicago Press, 1994); Charles Taylor, *A Secular Age* (Cambridge: Harvard University Press, 2007).

²²⁹ Цитата по: Ernest Lee Tuveson, *Millennium and Utopia: A Study in the Background of the Idea of Progress* (Berkeley: University of California Press, 1949), с. 119, 125.

²³⁰ Цитата Тюрго по: Manuel, *Utopian Thought*, с. 483.

сделаются не только ненужными, но по определению невозможными. История станет бесконечной цепью самопознания и саморазвития.

Кондорсе, ученик и биограф Тюрго, придал теории законченный вид, приравняв Провидение к истории, назвав историю наукой, превратив метафизическое богооправдание в историческую диалектику (согласно которой все страсти и пороки порождают свою противоположность) и заверив читателей, что неизбежность совершенства не умаляет радость трудов по его приближению²³¹.

Якобинцы, которые арестовали Кондорсе при попытке бегства из Парижа в 1794 году, исходили из того, что приближение совершенства – дело их рук и что не пройдет род сей, как все это будет. Кратчайший путь к совершенству пролегал через добродетель – или, по определению Робеспьера, «любовь к отечеству и благородную преданность делу, которая растворяет все личные интересы в одном общем». Для достижения добродетели необходимо преодолеть «тщеславие, зависть, честолюбие, слабости мелких душонок» и все страсти, кроме «ненависти к тирании и любви к человечеству» (то есть отечеству). «Иначе говоря, наша цель – исполнить намерения природы и предназначение человека, сдержать обещания философии и освободить Провидение от долгого правления преступников и тиранов»²³².

Вскоре выяснилось, что большинство людей – «низменные эгоисты» с мелкими душонками и что единственным условием победы нравственности над эгоизмом является беспощадная война сил нравственности против сил эгоизма. Добродетель должна «сочетаться с террором»: «добродетель, без которой террор разрушителен; террор, без которого добродетель бессильна». Закон от 22 прериаля (10 июня 1794 года) ввел смертную казнь за большинство видов эгоизма. За сорок семь дней, прошедших со дня принятия закона до казни его вдохновителя, в Париже было казнено 1376 человек. Кондорсе нашли мертвым в тюремной камере. «Мы знаем, как умирать, и мы все умрем», – сказал Робеспьер. И умерли²³³.

Самоуничтожение якобинцев разочаровало верующих, но не дискредитировало веру. «Голубой цветок» Новалиса относился к прогрессу Кондорсе так же, как христианский мистицизм к «Сумме теологии» Фомы Аквинского. Между ними лежит почти вся философия XIX века. Уордсуорт, доживший до восьмидесяти лет, перенес земной рай из якобинского «управления народами» в «проницательный разум человека». Второй вариант спасения не уступал первому в добродетели. Оба разгоняли «сон Смерти», конкурируя с христианством в божественном вдохновении. Оба были трансцендентными, но не сверхъестественными²³⁴.

То же справедливо в отношении победы Фауста над Мефистофелем (который, будучи «частью той силы, что вечно желает зла и вечно совершает благо», олицетворяет диалектику прогресса), абсолютного духа Гегеля (который приходит к самопознанию при помощи той же диалектики) и всевозможных «утопических» сект, которые создавали совершенные сообщества несовершенных людей путем гармонического сочетания способностей, потребностей и желаний. Роберт Оуэн унаследовал поселок Нью-Хармони от Гармонического общества, Шарль Фурье послужил примером и предостережением для библейских коммунистов Онейды, а Клод де Сен-Симон провозгласил себя новым мессией и оставил своим ученикам предсмертное наставление:

²³¹ Там же, с. 461–518.

²³² Ruth Scurr, *Fatal Purit: Robespierre and the French Revolution* (New York: Metropolitan Books, 2006), с. 230, 232; М. Робеспьер, *О принципах политической морали*, перевод автора.

²³³ Робеспьер, *О принципах политической морали*; Закон от 22 прериаля II года Республики, перевод автора; Scurr, *Fatal Purity*, с. 262, 328.

²³⁴ Ср.: «The Prelude», Book Eleventh (<http://www.bartleby.com/145/ww297.html>), «The Recluse» (Book First, «Home at Grasmere» <http://www.bartleby.com/145/ww301.html>); М. Н. Abrams, *Natural Supernaturalism: Tradition and revolution in Romantic Literature* (New York; Norton: 1971), с. 336–338 и в других местах; Reinhold Niebuhr, *Faith and History: A Comparison of Christian and Modern Views of History* (New York: Charles Scribner's Sons, 1949), с. 2–5 и в других местах.

Груша созрела, сорвите ее... Атака на религиозную систему Средних веков показала, что эта система вступила в противоречие с прогрессом научного знания. Но это не означает, что религия как таковая исчезла, – необходимо лишь привести ее в соответствие с научным прогрессом. Повторяю, груша созрела – сорвите ее²³⁵.

Все они были жрецами и пророками того, что лежало «вовне». В традиционном христианстве сакральность определялась профессиональными посредниками, которые контролировали доступ к спасению, и самопровозглашенными пророками, которые следили за успеваемостью священников или предлагали новые способы избавления. В постхристианском мире святость просочилась сквозь образовавшиеся в церкви трещины и прикрепились к человеческим душам, телам, делам и институтам. Доступ стал более демократичным, но оставался неравным; большая часть пастырской работы выпала на долю новых духовных предпринимателей – интеллектуалов (интеллигенции). Одни исполняли роль священнослужителей реорганизованных государств, другие предлагали себя в качестве пророков новых откровений. Человеческая жизнь оставалась неправильной, «спасение» оставалось желанным (и неизбежным), а пророки оставались в резерве на случай отставки официальных жрецов²³⁶.

В зависимости от содержания и языка завета пророки XIX века делились на бардов, ученых и бардов, изображавших ученых. В зависимости от зрелости груши их откровения варьировались от не терпящего отлагательств миллениаризма до разного рода мистических и политических компромиссов. Двух несовместимых идеологических традиций – либеральной и тоталитарной – не существовало точно так же, как не существовало двух автономных христианских школ августинианского либерализма и анабаптистского тоталитаризма. Когда ощущение конца времен кончилось (а конец не наступил), кровожадные анабаптисты превратились в кротких меннонитов. Все ожидали развязки: вопрос был в том, как скоро и каким образом. Ответы располагались на всем протяжении оси спасения²³⁷.

Христианство по природе своей тоталитарно – в том смысле, что оно требует безоговорочного нравственного подчинения (совпадения божьей воли и человеческих желаний) и придает большее значение греховным помыслам, чем преступным действиям. Все зависит от уровня полицейской активности и степени эсхатологического нетерпения. На протяжении большей части истории христианства надзор был формальным, а конец света – метафорой. Современное государство, состоящее из более или менее равнозначных, взаимозаменяемых и самоуправляемых граждан, не восходит к каноническим заповедям, но два его основных источника бескомпромиссно тотальны по замыслу и исполнению. Пуританская революция внедряла истинное христианство, искореняя греховные помыслы путем взаимной слежки («братского предостережения») и демонстративного самоконтроля («благочестия»). Французская революция внедряла «век разума», искореняя греховные помыслы путем взаимной слежки («бдительности») и демонстративного самоконтроля («добродетели»). И та и другая предполагали всеобщее участие и неустанный активизм на фоне разделения человечества на святых и грешников (а святых – на истинных и ложных). Обе потерпели неудачу из-за иллюзорности Нового Иерусалима («свободы») и реставрации старых режимов («тирании»), но в конечном счете выиграли, породив либерализм – рутинизированную версию благочестия и добродетели. Инквизиторское рвение и миллениаристская экзальтация ушли в прошлое, но взаимная слежка, демонстративный самоконтроль, всеобщее участие и неустанный

²³⁵ *Oeuvres de Saint-Simon & d'Enfantin* (Aalen Otto Zeller, 1963), т. 1, с. 121–122; Manuel, *Utopian Thought*, с. 590–614.

²³⁶ William Wordsworth, «The Prelude», Book First, Introduction, <http://www.bartleby.com/145/ww287.html>. См.: Gianfranco Poggi, *Forms of Power* (Cambridge: Polity, 2001), с. 58–122.

²³⁷ Есть и другая позиция, см.: Walzer, *The Revolution of the Saints*, с. 300–319; Walzer, *Exodus and Revolution*, с. 119–135; J. L. Talmon, *The Origins of Totalitarian Democracy* (London: Secker and Warburg, 1952).

активизм сохранились в качестве самостоятельной ценности и предпосылки победы демократии (при которой разнообразие волеизъявлений сводится к регулируемому единомыслию). На смену *novus ordo seclorum* («новому порядку веков») пришел *e pluribus unum* («из множества – единство»), а ожидание немедленного спасения сменилось бесконечным «стремлением к счастью» (*pursuit of happiness*).

Новый порядок – подобно старому – представляет собой процесс рутинизации, прерываемый сектантскими попытками возродить надежду. Можно (вслед за Августином) радоваться постоянству временного и полагать, что жизнь исчерпывается компромиссом (а реально существующая нация «неделима, со свободой и справедливостью для всех»), но вера в прогресс так же существенна для нового времени, как вера во Второе пришествие для христианства («прогрессивный» значит «добродетельный», а «перемена» значит «надежда»). Тоталитаризм – не загадочная мутация, а память и обещание: попытка сохранить надежду.

Относительная спелость груши – дело вкуса. Милленаристов принято делить на квиетистов, которые ждут конца света в катакомбах, символических или реальных, и активистов, которые верят, что «Бог возвращает свободу, вдохновляя людей на принятие решений». На самом деле никто, даже кальвинисты, не верит в то, что индивидуальные решения не имеют последствий, и ни один милленарист, даже самый кроткий, не сидит сложа руки. Иисус должен был сказать некоторые слова и совершить некоторые действия, чтобы время исполнилось, а ученики его должны были покаяться и умалиться, как дети. Все милленаристы, и не только они, верят в сочетание предопределения и свободной воли, веры и дел, судьбы и свободы, локомотива истории и партии нового типа. Тишайшая из молитв – мощное оружие в руках истинно верующих, и все разновидности спасения одновременно неизбежны и обусловлены. В ожидании Конца некоторые молятся, некоторые постятся, некоторые трясутся и строгают мебель, некоторые ходят парами и раздают памфлеты, некоторые живут в штате Юта и занимаются генеалогией, некоторые ходят в народ или организуют профсоюзы, некоторые пляшут «танец духа», некоторые не пляшут вовсе, некоторые отрезают половые органы, некоторые закалывают скот, некоторые кончают с собой или со своими братьями, а некоторые истребляют силы тьмы в виде попов, менял, буржуев, амореев, гергесеев и фerezеев.

Постхристианское совершенство может, как и христианское, проявляться в отдельных людях и избранных сообществах. Отдельных людей можно спасти при помощи терапии; избранные сообщества становятся неделимыми благодаря различным сочетаниям национального и социального освобождения. Ветхозаветный избранный народ был универсальным пролетарием: его племенная победа возвестила революционное превращение рабов в господ. Новый завет приравнял социальную революцию к национальной. Вавилону (Египту, Риму и любой другой имперской «блуднице», угнетавшей избранных) причиталось «столько мучений и горестей, сколько славился он и роскошествовал», но та же участь ожидала тучных израильтян, не способных пролезть сквозь игольное ушко. «Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взлчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете». Иисус не метал бисер перед гоями, но и не обращался ко всем без исключения евреям.

В зависимости от природы своих горестей христианские и постхристианские милленаристы считали себя племенами, восставшими против других племен (подобно израильтянам Еноха Мгиджимы), или голодными, восставшими против пресыщенных (подобно Лиге избранных Томаса Мюнцера). Но чаще всего они были и тем и другим одновременно. Святым содружеством английских пуритан была Англия (а позднее Америка), а гражданский универсализм якобинцев соответствовал надежде Робеспьера на то, что «Франция, некогда блиставшая среди поработанных народов, может, затмив славу всех свободных стран в истории человечества, стать образцом для народов, ужасом для гонителей, утешением для гонимых и украшением вселенной». Либеральные потомки обеих революций сохранили как всеобщее священство (права человека), так и священное содружество (республику добродетели). Права гарантиру-

ются и обеспечиваются национализмом; чем важнее сакральная самоочевидность этих прав (как в любящейся собой августинианской Америке), тем выше градус мессианского национализма²³⁸.

Общества, где успешная реформация совпала с гибелью старого режима (Англия, Нидерланды, США и, в разбавленном виде, лютеранская Скандинавия), продолжали пользоваться плодами рутинизации благодаря переводу радикальной активности в русло протестантского сектантства, официального национализма и расширения избирательного права. В обществах, где нереформированная церковь противостояла неверным властителям (Польша, Ирландия, Сербия, Болгария, Греция), политический радикализм продолжал традицию библейского национализма в слегка обновленной романтической редакции (вплоть до уничтожения Вавилона). В других частях христианского мира руины церквей кишели постхристианскими пророками, которые «с великой легкостью и при малейшем случае, в храмах или вне их, жестами и поступками изображали божественное вдохновение». В Германии, где энергичное новое государство с трудом контролировало общество, расколотое реформацией, и Европу, переброшенную старыми границами, таких пророков развелось особенно много. То же справедливо в отношении Франции, Италии, Испании, России и других государств, где нереформированные церкви, тесно связанные со старым режимом (живым или мертвым), противостояли новым городским коалициям, склонявшимся к постхристианскому миллениаризму. Россия, где церковь была особенно тесно связана со старым режимом, а старый режим отличался особой политической активностью и экономическим новаторством, породила особенно динамичную традицию миллениаристского сектантства – интеллигенцию. Многие из новых пророков, особенно в Германии и России, были евреями, чей традиционный образ жизни не пережил краха традиционной экономики и чье вступление в профессиональные сообщества не всегда приветствовалось местными элитами²³⁹.

После Французской революции апокалиптические пророчества стали скапливаться на полюсах национально-социального спектра. На пике надежды и отчаяния расстояние между племенным и социальным избавлением могло вырасти до масштабов различий между Моисеем и Иисусом. Избранные народы, организованные в племена, говорили на ветхозаветном языке исхода из Египта, похода в Землю Обетованную и истребления врагов как внутренних, грозивших неделимости нации, так и внешних, грозивших чистоте молока и меда. Избранные народы, организованные по признаку общего страдания, говорили на новозаветном языке свержения пресыщенных. В обоих случаях речь шла о частной борьбе за всеобщее счастье, но масштаб всеобщности зависел от природы частного. Пророчество Мадзини о том, что Италии предначертана «высокая честь торжественно провозгласить общеевропейское освобождение», касалось в первую очередь итальянцев, а пророчество Мицкевича о том, что «воскресшая Польша сплавит и соединит освобожденные народы», касалось в первую очередь поляков. Пророчество Маркса было обращено ко всем тем, кому было нечего терять²⁴⁰.

* * *

Маркс начинал так же, как Мадзини и Мицкевич. «*Эмансипация немца*, – писал он в двадцать пять лет, – есть *эмансипация человека*». Или, как он выразился несколькими неделями ранее, «эмансипация от еврейства была бы самоэмансипацией нашего времени». Освобождение человека должно идти поэтапно, и начинать надо сначала.

²³⁸ Откр. 18:7; Робеспьер, *О принципах политической морали*.

²³⁹ Ср.: Martin, *A General Theory of Secularization*; Martin, *On Secularization: Towards a Revised General Theory*; Malia, *History's Locomotives*; Yuri Slezkine, *The Jewish Century* (Princeton: Princeton University Press, 2004).

²⁴⁰ J. L. Talmon, *Political Messianism: The Romantic Phase* (London: Secker and Warburg, 1960), с. 265, 266, 269.

Начало всех зол – частная собственность и деньги. «Воззрение на природу, складывающееся при господстве частной собственности и денег, есть действительное презрение к природе, практическое принижение ее... В этом смысле Томас Мюнцер признавал невыносимым, «что вся тварь сделалась собственностью – рыбы в воде, птицы в воздухе, растения на земле; ведь и тварь должна стать свободной».

Освобождение заключается в уничтожении частной собственности и денег. «Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар». Никто не поклоняется деньгам в большей степени, чем евреи. «Бог евреев сделался мирским, стал мировым богом».

Какова мирская основа еврейства? *Практическая* потребность, *своекорыстие*.

Каков мирской культ еврея? *Торгаишество*. Кто его мирской бог? *Деньги*.

Но в таком случае эмансипация от *торгаишества* и *денег* – следовательно, от практического, реального еврейства – была бы самоэмансипацией нашего времени²⁴¹.

Не важно, хотел ли Маркс отменить деньги, чтобы избавиться от евреев, или отменить евреев, чтобы избавиться от денег. Важно, что это должно было произойти в Германии. Эмансипация человека зависит от эмансипации немца, потому что Германия – «это анахронизм, вопиющее противоречие общепризнанным аксиомам, это выставленное напоказ всему миру ничтожество *ancien régime*». А что такое современный *ancien régime*? Это «комедиант такого миропорядка, *действительные герои* которого уже умерли», – «мерзость, воплощенная в правительстве».

К счастью для Германии, этим дело не ограничивалось. «Если бы *общее* немецкое развитие не выходило за пределы *политического* немецкого развития, немец мог бы принимать участие в проблемах современности самое большее так, как может в них участвовать *русский*». Но немцы – не русские: их философское развитие вышло за пределы не только политического развития Германии, но и философского развития более передовых народов. «Немцы *размышляли* в политике о том, что другие народы *делали*. Германия была их *теоретической совестью*. Абстрактность и высокомерие ее мышления шли всегда параллельно с односторонностью и приниженностью ее действительности».

Чем приниженной действительность, тем лучше для конечного результата. История по Марксу – «часть той силы, что вечно желает зла и вечно творит благо». Приниженность немецкой действительности оттачивает немецкую мысль, а отточенность немецкой мысли приближает революцию, результатом которой станет эмансипация человека. Стремительный рост числа людей, которые с великой легкостью и при малейшем случае предрекают конец света, означает, что конец света стремительно приближается.

Величайшим достижением немецкой философии станет развенчание религии (под которой Маркс подразумевал христианство).

Упразднение религии как иллюзорного счастья народа есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии есть, следовательно, *в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия*.

Исполнение этой задачи началось – как часто бывает в истории – с попытки достичь обратного. Корни немецкой философии лежат в «революционном прошлом Германии».

²⁴¹ К. Маркс, *К еврейскому вопросу*, <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/jewish.htm>.

Правда, *Лютер* победил рабство по набожности только тем, что поставил на его место рабство по убеждению. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов... Но если протестантизм не дал правильного решения задачи, то все же он правильно поставил ее. Речь теперь шла уже не о борьбе мирянина с *попом вне мирянина*, а о борьбе со своим *собственным внутренним попом*, со своей *поповской натурой*. И если протестантское превращение немца-мирянина в попа эмансипировало светских пап, *князей*, со всей их кликой – привилегированными и филистерами, – то философское превращение немца, проникнутого поповским духом, в человека будет эмансипацией *народа*.

Эмансипация немецкого народа есть плод озарения отдельно взятого немца. «Как тогда революция началась в мозгу *монаха*, так теперь она начинается в мозгу *философа*». Гегель подготовил почву; задачей двадцатипятилетнего Маркса было завершить начатое, объединив историю с политикой. Одним из двух эссе 1843 года, с которых начался последний философ Германии (и, следовательно, человечества), было введение к «Критике гегелевской философии права».

Главные вопросы знакомы по Мицкевичу и Мадзини (а также Герцену и многим другим):

Может ли Германия достигнуть практики *a la hauteur des principes* [на высоте принципов], т. е. *революции*, способной поднять Германию не только до *официального уровня* современных народов, но и на *человеческую высоту*, которая явится ближайшим будущим этих народов?.. Будет ли соответствовать чудовищному разладу между требованиями немецкой мысли и теми ответами, которые дает на них немецкая действительность, – будет ли этому разладу соответствовать такой же разлад гражданского общества с государством и с самим собой? Станут ли теоретические потребности непосредственно практическими потребностями?.. Каким образом [Германия] может перескочить одним *сальтомортале* не только через свои собственные преграды, но вместе с тем и через те преграды, которые стоят перед современными народами?..

Ответ не вызывал сомнений. Чем чудовищнее разлад, тем выше – и вероятнее – скачок. «Германия, это убожество политической современности, сложившееся в свой особый мир, не сможет разбить специфически немецкие преграды, не разбив общих преград политической современности» – как своих собственных, так и общечеловеческих.

Но что это значит с политической точки зрения? «В чем заключается *положительная* возможность немецкой эмансипации?»

Ответ: в образовании класса, скованного *радикальными цепями*, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое *особое право*, ибо над ней тяготеет не *особое бесправие*, а *бесправие вообще*, которая уже не может ссылаться на *историческое право*, а только лишь на *человеческое право*, которая находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками; такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества, – одним

словом, такой сферы, которая представляет собой *полную утрату* человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека*. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть *пролетариат*.

Подобно тому как дух еврейства воплотился в капитализм, дух Германии воплотился в пролетариат. Подобно тому как евреи символизируют неограниченное торгашество и своекорыстие, немцы символизируют творческий потенциал бесправия и невинности. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация *немца в человека*». А как только свершится эмансипация немца в человека, станет возможной эмансипация человека как такового.

Из всего этого вытекает: Единственно *практически* возможное освобождение Германии есть освобождение с позиций *той* теории, которая объявляет высшей сущностью человека самого человека. В Германии эмансипация от *средневековья* возможна лишь как эмансипация вместе с тем и от *частичных побед* над средневековьем. В Германии *никакое* рабство не может быть уничтожено без того, чтобы не было уничтожено *всякое* рабство. *Основательная* Германия не может совершить революцию, не начав революции *с самого основания*. Эмансипация немца есть эмансипация человека. Голова этой эмансипации – философия, ее *сердце* – *пролетариат*. Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность.

Когда созреют все внутренние условия, *день немецкого воскресения из мертвых* будет возведен криком галльского петуха²⁴².

Решение немецкого вопроса неразрывно связано с решением еврейского вопроса.

Как только обществу удастся упразднить *эмпирическую* сущность еврейства, торгашество и его предпосылки, еврей станет *невозможным*, ибо его сознание не будет иметь больше объекта, ибо субъективная основа еврейства, практическая потребность, очеловечится, ибо конфликт между индивидуально-чувственным бытием человека и его родовым бытием будет упразднен²⁴³.

С одной стороны, «общественная эмансипация еврея есть эмансипация общества от еврейства», а эмансипация общества от еврейства есть эмансипация человечества от порабощения. С другой стороны, эмансипация немца от всех видов порабощения есть союз немецкой философии с мировым пролетариатом во имя эмансипации человека. Эмансипация человека зависит от реформации евреев и воскресения Германии.

Все здание марксистской теории – с ее мефистофельским каркасом и богатыми риторическими украшениями – построено на этом фундаменте. Предисловие Гегеля к «Философии права» заканчивается словами о сове Минервы, которая расправляет крылья с наступлением сумерек. Введение Маркса к «Критике гегелевской «Философии права» заканчивается словами о галльском петухе (*gallus* из Галлии), который кричит на заре нового дня (том же, вероятно, петухе, который разбудил дневного бога и спугнул дух отца Гамлета). Как объяснял

²⁴² К. Маркс, *К критике гегелевской философии права*, введение: https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/philosophy_right/01.htm.

²⁴³ Маркс, *К еврейскому вопросу*.

сам Маркс, «философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его». Открытие пролетариата стало первым шагом к изменению мира – вплоть до полного его уничтожения.

Вопрос о том, почему из всех петухов, возвещавших о воскресении Германии, именно Маркс покорила полмира, столь же невозможен и неизбежен, как вопрос, почему из всех еврейских пророков, с великой легкостью изображавших божественное вдохновение, именно Иисус стал основателем одной из самых успешных мировых цивилизаций. Возможный ответ кроется в том, что они очень похожи друг на друга. Подобно Иисусу – и в отличие от Мадзини и Мицкевича – Маркс успешно перевел племенное пророчество на язык универсализма. Он был своим собственным Павлом (на случай если бы Энгельс не справился): эмансипация от еврейства и воскресение Германии были погребены под тяжестью освобождения от капитализма и воскресения человечества.

Другим достижением Маркса был успешный перевод пророчества об искуплении на язык науки. Как писал Цельс об Иисусе и других потенциальных мессиях и их видениях, «к этим посулам добавляются странные, дикие и непонятные слова, в коих ни один разумный человек не отыщет смысла, ибо столь темны они, что смысла в них нет вовсе, но каждому глупцу или самозванцу удобно пользоваться ими для нужд своих». Маркс тоже сочетал недвусмысленные обещания окончательного освобождения с темными притчами, которые озадачивали (и завораживали) его последователей. Но он не просто совмещал прямооту и сложность, ясность и загадочность, яркие метафоры и математические уравнения – он облек свою эсхатологию в форму научного прогноза с логически выстроенным сюжетом и социологическими категориями в роли действующих лиц.

Христианский милленарист, желающий реализовать новозаветный апокалиптический сценарий, должен отделить святых от грешников и разгадать тайну вавилонского могущества. Маркс решил эту проблему при помощи категорий («революция», «буржуазия», «пролетариат»), которые привязали нравственное к научному, субъективное к объективному и личное к коллективному. Если общество делится на «классы», если классовую принадлежность можно определить по формальным признакам и если Армагеддон есть война классов, то анабаптистская проблема многоликой армии Антихриста (и якобинская проблема гидры контрреволюции) решается раз и навсегда – при помощи науки. «Богатые» и «бедные» Иисуса построятся в стройные отряды, а потомки Томаса Мюнцера выкосят «красные маки и голубые васильки» в твердой уверенности, что все сорняки помечены условным цветом и записаны в особые книги. «Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего»²⁴⁴.

Маркс, как и Иисус, умер непризнанным пророком с горсткой учеников и без видимых признаков исполнения предсказаний. Как и Иисус, он был посмертно воскрешен варварами, присвоившими его пророчество (под знаменем апокалипсиса, в котором «может участвовать русский»).

Само пророчество включает в себя все основные элементы милленаристской эсхатологии: безгрешное братство первобытных коммунистов, первородный грех разделения труда, деление человечества на сытых и голодных, мученичество и воскресение вселенского искупителя, последний бой между силами света и тьмы и окончательное преодоление тщеты и непредсказуемости земного бытия. В центре сюжета – контраст между страданием тех, кому нечего терять, и чудесами, превосходящими «египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы». Новый Вавилон, как и старый, низводит человеческую жизнь до погони за золотым грузом и «под страхом гибели заставляет все нации принять буржуазный способ производства» (который внедряет «официальную и неофициальную проституцию» и «лишает

²⁴⁴ Откр. 7:3.

священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом»). В очередной – последний – раз «цари земные любодействуют с нею, и купцы земные богатеют от великой роскоши ее»²⁴⁵.

Но конец близок. «В один день придут на нее казни, смерть и плач и голод», и «повержен будет Вавилон, великий город, и не будет его». Он будет повержен, потому что конец неизбежен и потому что ученики Маркса, коммунисты, имеют «преимущество перед остальной массой пролетариата... в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения». Как всем милленаристам, им придется немало потрудиться, чтобы приблизить неотвратимое. Предопределение превратится в свободную волю. «Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира. Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы». Иисус был одновременно посланником и посланием; его ученикам надлежало поверить в послание и претворить его в жизнь (последовав за посланником). Коммунисты являются орудием истории, но они «ни на минуту не перестают вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом» и ни на минуту не забывают о практической задаче «формирования пролетариата в класс»²⁴⁶.

Первая стадия была внутригерманским делом. Коммунисты, согласно их манифесту (написанному, когда Марксу было тридцать, а Энгельсу – двадцать восемь лет), распространяли благую весть, «чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после свержения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии»²⁴⁷.

Но победа немцев – победа каждого, и Манифест Коммунистической партии адресован не только немцам, но и гоям.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции²⁴⁸.

Схема традиционно трехчастна: «наивность и простота» первобытного коммунизма сменяется классовой борьбой и царством свободы. За английской революцией XVII века следует французская революция XVIII века, за которой следует немецкая революция последнего века старого мира. Сам марксизм, по словам Ленина, имеет три составных части и три источника – английская политическая экономия, французский утопический социализм и немецкая классическая философия²⁴⁹.

Как большинство милленаристских пророков, Маркс и Энгельс признавали часть своих предшественников ограниченными провозвестниками. Все они – от Томаса Мюнцера до Роберта Оуэна – представляли собой «вспышки» пролетарского прозрения и фазы борьбы

²⁴⁵ Манифест Коммунистической партии, гл. 1 и 2; Откр. 18:12, 3.

²⁴⁶ Откр. 18:8, 21; Манифест Коммунистической партии, гл. 2 and 4.

²⁴⁷ Манифест Коммунистической партии, гл. 4.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства* («детская простота»); В. Ленин, *Три источника и три составных части марксизма*, http://www.philosophy.nsc.ru/BIBLIOTECA/History_of_Philosophy/LENIN/Tri_istochnika.htm.

за отмену семьи и частной собственности. По словам Манифеста, «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Что до семьи, то она «естественно отпадает вместе с отпадением ее дополнения [проституции]». Все дети «с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода», должны воспитываться «в государственных учреждениях». Как большинство милленаристских пророков (а также сектантов и монахов), Маркс и Энгельс считали семью и частную собственность взаимозависимыми источниками неравенства. Как большинство милленаристских пророков, они хотели превратить мир в секту – то есть преобразовать неравное, сложноподчиненное общество, основанное на институтах семьи и собственности, в братскую коммуну, основанную на общности веры, имущества и сексуальных партнеров (или всеобщем воздержании). «Буржуазный брак является в действительности общностью жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую»²⁵⁰.

Подобно большинству пророков, но в отличие от «утопических» социалистов, Маркс и Энгельс крайне расплывчато описывали половую и экономическую жизнь в царстве свободы. Как писал Энгельс в «Анти-Дюринге»:

Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии²⁵¹.

Маркс и Энгельс не были утопистами – они были пророками. Они не рассуждали о том, каким должно быть идеальное общественное устройство и как его следует учреждать и совершенствовать. Они точно знали, что оно настанет – очень скоро, само по себе и благодаря их словам и действиям. В отличие от Сен-Симона, Фурье и Оуэна и подобно Иисусу и его потомкам, они гораздо меньше интересовались природой будущего совершенства, чем тем, как и когда оно наступит. И разумеется, оно наступит очень скоро и очень страшно, и святые будут пасти народы железным жезлом, и побеждающие унаследуют все, и прежнее пройдет, и будет новая земля, и принесут в нее славу и честь народов, и не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи²⁵².

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть

²⁵⁰ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, <http://www.etextlib.ru/Book/Details/43121>; *Манифест коммунистической партии*, гл. 2.; Ф. Энгельс, *Принципы коммунизма*, http://www.revolucia.ru/eng_pk.htm.

²⁵¹ Энгельс, *Анти-Дюринг*, гл. 23.

²⁵² Откр. 19:15; 21:1, 4, 7, 25–7.

узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»²⁵³

В отличие от Фурье и Сен-Симона, Маркс не собирался измерять человеческие способности и объяснять в чем, помимо добровольного и неразделенного труда, состоят законные потребности. Его собственный список включал в себя «возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, – как моей душе угодно, – не делаясь, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком». Под занавес истории потребности совпадут с желаниями, а желания – с «естественной необходимостью». Переход к коммунизму есть «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» («осознанной необходимости») ²⁵⁴. Согласно Энгельсу:

Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. [...] Следовательно, свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости²⁵⁵.

С поправкой на традиционную замену «Бога» на «законы природы» это – стандартное христианское понимание свободы как совпадения воли человеческой и воли Божьей. Когда Данте оказался в нижних пределах рая и повстречался с душами нарушивших обет монахинь, он спросил одну из них, не мечтает ли она попасть в более высокие сферы.

С другими улыбаясь, тень глядела
И, радостно откликнувшись потом,
Как бы любовью первой пламенела:

«Брат, нашу волю утолил во всем
Закон любви, лишь то желать велящей,
Что есть у нас, не мысля об ином.

Когда б мы славы восхотели вящей,
Пришлось бы нашу волю разлучить
С верховной волей, нас внизу держащей, –

Чего не может в этих сферах быть,
Раз пребывать в любви для нас *necesse*
И если смысл ее установить.

Ведь тем-то и блаженно наше *esse*,
Что божья воля руководит им
И наша с нею не в противовесе.

И так как в этом царстве мы стоим
По ступеням, то счастливы народы

²⁵³ К. Маркс, *Критика Готской программы*, <https://www.marxists.org/russkij/marx/1875/gotha.htm>.

²⁵⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Фейербах*, http://www.marxistsfr.org/russkij/marx/1845/german_ideology/02.htm

²⁵⁵ Энгельс, *Анти-Дюринг*, гл. 9.

И царь, чью волю вольно мы вершим²⁵⁶.

Или, как сказано в другой божественной комедии, «все хорошо, теперь все хорошо, борьба закончилась. Он одержал победу над собой. Он любил Большого Брата».

²⁵⁶ Данте Алигьери, *Божественная комедия*, Рай, песнь 3. Перевод с ит. М. Лозинского.

Часть II Свершение

4. Настоящий день

Мало кто из пророков конца света доживает до обещанного апокалипсиса. Исая, Иисус, Мухаммед, Карл Маркс и большинство их последователей не дожили.

Но некоторые доживают. «Великими революциями» (Французской, Китайской, Иранской, Пуританской, Октябрьской) обычно называют смену государственного строя, при которой милленаристы приходят к власти или вносят существенный вклад в свержение старого режима. Революциями принято считать политические и социальные преобразования, затрагивающие сакральные основы общественной жизни и имеющие целью преодолеть пропасть между идеальным и реальным. Как писал Эдмунд Бёрк в 1791 году:

В правительствах разных стран было множество внутренних революций. [...] Нынешняя революция во Франции имеет, на мой взгляд, совсем другую природу и не сопоставима с предыдущими, чисто политическими, переворотами в европейской истории. Это революция доктрин и теоретических догм, которая значительно больше похожа на религиозные преобразования, важнейшей частью которых является дух прозелитизма.

Последняя европейская революция доктрин и теорий – это Реформация. [...] Принципом Реформации было то, что она, по самой сути своей, не могла ограничиться страной, в которой началась²⁵⁷.

Согласно Крейну Бринтону, революция – это захват власти «одержимыми» поборниками «небесного совершенства». Согласно Мартину Малиа, это попытка «перехода от загнившего старого мира к добродетельному новому». Согласно С. Н. Эйзенштадту, это «сочетание смены политического устройства с кристаллизацией новой космологии». Согласно Чарльзу Диккенсу, «это самое прекрасное время, это самое злосчастное время – век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния, у нас было все впереди, у нас впереди ничего не было, мы то витали в небесах, то вдруг обрушивались в преисподнюю»²⁵⁸.

Революция – зеркальное отражение реформации. Вернее, революция и реформация – отражения одного образа в разных зеркалах. Первая обозначает политические реформы, которые влияют на космологию; вторая – космологические реформы, которые влияют на политику. Утверждение, что революции строят новый мир, а реформации возвращаются к первозданной чистоте, малоубедительно. Томас Мюнцер и мюнстерские анабаптисты стремились претворить в жизнь еще не исполнившееся пророчество. Они верили, что путь к совершенству лежит через восстановление Иисусовой секты, но не сомневались, что строят «новые небеса и новую землю». Новый Иерусалим относится к райскому саду так же, как Царство Свободы относится к «первобытному коммунизму». Все реформации, которые не довольствуются реформирова-

²⁵⁷ Edmund Burke, *Thoughts on French Affairs*, <http://ourcivilisation.com/smartboard/shop/burkeelfrnchaff/index.htm#Principles>. Этот раздел многим обязан неопубликованному эссе Ирвина Шайнера «Революция и реставрация» и многочисленным беседам с его автором.

²⁵⁸ Crane Brinton, *The Anatomy of Revolution* (New York: Vintage Books, 1965), с. 16–17, 146; Malia, *History's Locomotives*, с. 299; S. N. Eisenstadt, *The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity* (Leiden and Boston: Brill, 2006), с. 4, 13, 15, 17; Ч. Диккенс, *Повесть о двух городах*.

нием «некоторых из существующих законов», – революции. Все революции, которые стремятся к «ненасытной утопии», – «революции святых»²⁵⁹. Как сказал Томас Кейс, выступая в Палате общин в 1641 году:

Реформация должна быть повсеместной. *Ни женщины, ни дети, от них рожденные*, не должны остаться в стороне от публичной реформации. Реформируйте все места, всех людей, все ремесла. Реформируйте судей, реформируйте магистратов. Реформируйте Церковь. Идите в храмы, *переворачивайте столы менял, изгоняйте тех, кто там торгует*. Реформируйте университеты, реформируйте города, реформируйте села, реформируйте школы, реформируйте субботу, реформируйте законы, богослужения и т. п.²⁶⁰.

У них было все впереди, у них впереди ничего не было. Они то витали в небесах, то вдруг обрушивались в преисподнюю. Ключом к спасению была твердость.

У вас больше работы, чем я могу описать. Позвольте лишь напомнить, в чем заключается смысл и величие трудов ваших, описанных Спасителем в Евангелии от *Матфея*, 15:13. «*Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится*». Узрите здесь двоякую универсальность числа и степени.

Всякое растение, каким бы оно ни было – даже прекрасная лилия, которую *одеяния Соломона* во всей их красе не смогли бы превзойти, – *всякое растение*, будь оно *вещью, человеком, указом или украшением*, в *церкви* и в *государстве*, повсюду и везде, *которое не Отец Мой Небесный насадил*, должно быть не *подрезано* или *подстрижено*, но *вырвано*. Не *сломано* таким образом, чтобы оно могло снова вырасти и дать всходы, но *вырвано с корнем*. Если не Отец Небесный насадил его, то что оно делает в саду? Искорените его раз и навсегда, без остатка²⁶¹.

Иисус объяснил значение этой притчи (плевелы – сыны лукавого, осужденные на вечный плач и скрежет зубов). Томас Кейс имел уши и услышал. Второе пришествие имело мало общего с всепрощением.

Знаю, люди будут молить о *пощаде*, но нет *пощады* бедным душам – такая пощада будет *подлым убийством*. А потому не отпускайте их и не принимайте на себя вину и кровь. Это их вина, и если вы пощадите их, вина эта ляжет на ваши души. Помните, что сказал пророк в первой Книге Царств, 20:42: «За то, что ты выпустил из рук твоих человека, заклЯтого Мною, душа твоя будет вместо его души, народ твой вместо его народа»²⁶².

²⁵⁹ B. S. Capp, *The Fifth Monarchy Men: A Study in Seventeenth-Century English Millenarianism* (London: Faber and Faber, 1972), с. 162; Michael Walzer, *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics* (Cambridge MA: Harvard University Press, 1965), с. 10–11.

²⁶⁰ Thomas Case, *Two Sermons Lately Preached at Westminster before Sundry of the Honourable House of Commons, Second Sermon* (London, 1641; Ann Arbor: University Microfilms, 1967, Early English books, 1641–1700; 254:E.165, № 8), с. 18, 22. Ср.: Walzer, *The Revolution of the Saints*, с. 10–11 (Вальцер ссылается на другие номера страниц).

²⁶¹ Там же, с. 22.

²⁶² Там же, с. 21.

* * *

Через два дня после того, как временный комитет Государственной Думы оказался во главе Российской Империи, девятнадцатилетний Михаил Фридлянд отправился в Таврический дворец, чтобы увидеть революцию своими глазами. Сын киевского сапожника, Фридлянд был студентом психоневрологического института и регулярным автором газеты «Студенческий путь». Спустя три года он изложил свои впечатления в статье «Февральский март» – одной из первых, подписанных псевдонимом «Михаил Кольцов»²⁶³.

Я пробираюсь ко дворцу в опасной тьме, под беспорядочные выстрелы то близко, то вдали, то вдруг совсем над ухом. Фонари потухли, вместо них горит луна, мягкий теплый снег порхает и кроет голубым светом улицу. Грузовики с людьми проносятся часто, орущими, грохочущими видениями они исчезают за поворотом. На Шпалерной, у дворца, нестерпимо светло и шумно. Таврический был раньше тихий, старенький, уютный, с бесшумными дверями, с вощенными полами, по ним прогуливались под ручку, обнявшись, депутаты, скользили вприпрыжку пристава Государственной Думы. Сейчас дворец неузнаваем, блестит далеко во мгле лихорадочными бегающими пятнами, лучится тысячью огней, будоражит и втягивает светлыми щупальцами всю мятежную кровь города. Посреди белого пушистого сада у самого подъезда лежит на боку большой роскошный автомобиль, раненое животное, зарывшись разбитой мордой и передними фонарями в снег. Дверца открылась, большие следы ног светлеют на щегольском коврике и ласковой коже подушек. Вокруг, на весь двор сгрудились мотоциклетки, коляски, мешки, люди, целое море людей и движений, бьющее волнами в подъезд.

²⁶³ Б. Ефимов, *Десять десятилетий* (М.: Вагриус, 2000), с. 6–29; В. Фрадкин, *Дело Кольцова* (М.: Вагриус, 2002), с. 24–30; Г. Скороходов, *Михаил Кольцов: критико-биографический очерк* (М.: Советский писатель, 1959), с. 4–17; А. Рубашкин, *Михаил Кольцов: критико-биографический очерк* (Л.: Художественная литература, 1971), с. 5–9.

Михаил Фридлянд (Кольцов) в студенческие годы. *Предоставлено М. Б. Ефимовым*

В картине вторжения нового мира в старый дом не было ничего нового. Новым было утверждение, что это самый последний старый дом (или, для ортодоксальных марксистов, предпоследний, феодальный). «Дворянское гнездо» превратилось в дом революции.

Внезапный хаос пересоздания взмыл старинный дом, расширил, увеличил, сделал громадным, вместил в него революцию, всю Россию. Екатерининский зал стал казармой, военным плацем, митинговой аудиторией, больницей, спальней, театром, колыбелью новой страны. Вместе со мною вливаются толпы, несчетные вереницы солдат, офицеров, студентов, девушек, дворников, но зал не тесен, он заколдованный, он вмещает еще и еще. Под ногами хрустит алебастр, отколотый от стен, валяются пулеметные ленты, бумажки, листики, тряпки. Тысячи ног месят этот мусор, передвигаясь в путаной, радостной, никому не ясной суете.

Болото стало морем. Некоторые летописцы и очевидцы, включая Кольцова, прибегали к другим стихиям (пламя, лава, буря), но ключевым мотивом было море и впадающие в него реки – потому что они символизировали хаос нового творения, несли жизнь одновременно

со смертью, легко сменяли ярость на кротость и могли снова обратиться в болото, а из болота – в море.

Вождей нет в стихийном, вулканическом взрыве. Они мелькают легкими щепками в бурном беге потока, пытаются повелевать, указывать, хотя бы понимать и принимать участие. Водопад бьет дальше, тащит вперед, кружит, приподнимает и бросает во прах.

Первым всплыл председатель Думы Родзянко, который поприветствовал «молодцов-преображенцев» и ушел «в усталом величии, сморкаясь в большой платок». Вслед за ним «волны выбросили» Милюкова:

Он тоже хочет говорить с морем, повелевать им.

– Граждане, приветствую вас в этом зале!

Море слушает и его, опять стихает, не может сделать этого и, не переставая, клоочет внутренним неугасимым гулом. Ловкие сплетения слов хитреца падают камешками в воду, пропадая и расходясь кругами по бурливой поверхности, не оставляя следов на ней. Еще всплеск – на гребне волны новая щепка. Член Думы Керенский вытягивает сухощавый стан на чьих-то крепких руках и, напрягая усталое горло, морща бессонное лицо, выкрикивает стихии:

– То-ва-рищи!

Это слово теплее, нужнее, чем «граждане» и «молодцы-преображенцы». Стихия улыбается чуткому оратору, дарит его водопадом рукоплесканий, обволакивает медным грохотом Марсельезы.

Таврический дворец превратился в дом революции. Дом революции вместил в себя весь мир, но не мог сохранить его единство.

Рядом, за портьерой, Совет Рабочих Депутатов сидит в длинной узкой комнате. Их тоже взмыла и пригнала сюда взбунтовавшаяся полая вода с заводов, из батальонов и морских экипажей. Можно задохнуться от тесноты и волнения на невероятном совещании, которое, постоянно прерываясь, длится уже вторые сутки. О чем говорят все они здесь, потерявшиеся от избытка чувств меньшевики, эсеры и трудовики? Говорят не о том, что хотят, не то, что нужно, ибо неизвестно в точности, что нужно в часы хлынувшего потопа и пожара.

Профессиональные пророки не могли поверить, что их предсказание сбылось.

В клетушке, именуемой «Бюро печати», сбилась русская интеллигенция... Здесь тоже оглушение, растерянность. Вольные говорить что угодно, свободные от цензуры и запретов, эти люди и в пьяной радости, в неизмеримом восторге не обрели голоса, застрявшего в груди.

Герман Лопатин прижимает к седой бороде всех проходящих и, слезясь, бормочет:

– Ныне отпускаеши.

– Да-а! Кончилось. Сподобились увидеть конец.

Леонид Андреев теребит пояс и морщит брови. Резко подымает монашій лоб.

– Конец? Вы думаете? А по-моему – начало.

И, левой рукой обвивая кольцом волосы вокруг пальца, показывает правой в окно.

– Или, вернее, начало конца.

В окно синеют снега, разбуженные первым рассветом²⁶⁴.

Герман Лопатин – член Генерального совета Первого Интернационала, стратег революционного террора и первый переводчик «Капитала», переживший несколько тюремных сроков и один смертный приговор. Леонид Андреев – автор нашумевшего рассказа о последних днях приговоренных к смерти террористов. В доме революции были представлены оба крыла постхристианского апокалиптизма и обе половины бухаринского гимназического класса. «Ныне отпускаеши» (*nunc dimittis*) – не только самая известная христианская формула исполнившегося пророчества (произнесенная Симеоном при виде младенца Иисуса), но и название самой известной части рахманиновского «Всенощного бдения» (Op. 37), написанного годом ранее. Сам Рахманинов был в Петрограде со своим последним сочинением, *Études-Tableaux*, Op. 39. Пронизанное темой *Dies Irae*, оно начинается картиной вселенского потопа, продолжается скорбной сценой обреченного ожидания («чайки и море») и достигает кульминации во время Страшного суда (№ 6). Такой видел Неву бедный Евгений²⁶⁵.

* * *

Тем временем большевики возвращались из тюрем и ссылок. Свердлов провел несколько дней у Киры Эгон-Бессер и ее родителей и вскоре уехал в Екатеринбург по делам уральской партийной организации. Его сосед по ссылке в Курейке, не так давно ставший Сталиным, остался в Петрограде вместе с другом Аросева Молотовым (бывшим Скрябиным). Пятницкий прибыл из Сибири в Москву и стал во главе партийных ячеек Железнодорожного района. Бухарин выехал из Нью-Йорка в Сан-Франциско, оттуда пароходом в Японию и, наконец, в Москву, где воссоединился с Осинским (который дезертировал с Юго-Западного фронта). Троцкий прибыл из Нью-Йорка на Финляндский вокзал в Петрограде, где его встретили торжественными речами. «Сразу после вокзала, – писал он в своих воспоминаниях, – начался для меня круговорот, в котором люди и эпизоды мелькают, как щепки в потоке». Аросев вернулся в Четвертую Московскую школу прапорщиков, из которой был отчислен, и принял участие в создании военного бюро МК²⁶⁶. «Едва только особенно счастливое весеннее солнце 1917 г. дотронулось своими золотыми лучами до зимнего снега, – писал он пять лет спустя, – как всю необъятную Россию задел своим пурпуровым крылом мятежный ангел... Солдаты, раскрасневшиеся под веселым хмелем почти бескровной революции, со всех площадей Москвы уже послали небу тысячекратное «ура»²⁶⁷.

Главная из этих площадей располагалась перед конной статуей генерала Скобелева на Тверской улице. «От этой площади, – писал Аросев, – во все концы Москвы через улицы и переулки развивались красные пучки лучей. У подножья скобелевского коня не раз собирались толпы народа»²⁶⁸.

По другую сторону Тверской, лицом к толпам народа, стоял московский дом революции: бывшая резиденция генерал-губернатора, а ныне штаб-квартира губернского комиссара временного правительства и советов рабочих и солдатских депутатов. Митинги перед главным

²⁶⁴ М. Кольцов, *Фельетоны и очерки* (М.: Правда, 1956), с. 17–20.

²⁶⁵ Martyn, *Rachmaninoff*, с. 257, 269–277; Брянцева, С. В. *Рахманинов*, с. 462–463, 481–489; Келдыш, *Рахманинов и его время*, с. 419, 426–430; А. Алексеев, *Рахманинов: жизнь и творческая деятельность* (М.: Музыка, 1964), с. 181.

²⁶⁶ Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 218–220; Эгон-Бессер, «Воля к жизни», с. 104; В. Дмитриевский, *Пятницкий* (М.: Молодая гвардия, 1971), с. 136; М. Кун, *Бухарин: его друзья и враги* (М.: Республика, 1992), с. 66; Л. Троцкий, *Моя жизнь: опыт автобиографии* (Berlin: Granit, 1930), т. 2, с. 6–7; *Деятели СССР*, с. 96; А. Чернобаев, *В выхре века* (М.: Московский рабочий, 1987), с. 45–47.

²⁶⁷ А. Аросев, *Как это произошло (Октябрьские дни в Москве)* (М.: Красная новь, 1923), с. 16.

²⁶⁸ Там же.

входом «длились с утра до поздней ночи», а советы, обосновавшиеся внутри, стали «зажегшимся маяком среди бушующего народного моря»²⁶⁹.

Скобелевская площадь

По воспоминаниям Аросева, резиденция генерал-губернатора была не только метафорой, но и действующим штабом (и, возможно, целью) революции. Бушующее народное море нуждалось в повелителе. Генерал Скобелев оказался идолом. Законный властитель (настоящий Медный всадник) переехал внутрь.

Дом на Тверской улице не только служил адресом тех социальных групп, которым сочувствовала солдатская и рабочая масса, но и адресом того учреждения, которое готовится стать властью. Когда на митингах и собраниях масса рабочих в речах и лозунгах провозглашала: «Вся власть Советам», она совершенно точно знала, что это означает власть того аппарата, который имеет свой исполнительный орган на Тверской улице²⁷⁰.

Народное море состояло в основном из солдат. Истоки наводнения находились в действующей армии. Воронский, служивший ревизором Земского союза на Западном фронте, назвал свои воспоминания «Глаз урагана».

Повсюду: на станциях, у барачков и госпиталей; в поле, на лужайках, на дворах и задворках солдаты сбивались в тесные кучи, и неугомонная, бойкая речь, пестрая, разноголосая, взметывалась, оживляя окрестности. Так в весеннее половодье, ночью, в туманах и в хмури, в предрассветной тишине ломается лед на реке; река приходит в движение; над рекой – таинственные

²⁶⁹ П. Виноградская, *События и памятные встречи* (М.: Политиздат, 1968), с. 27 (о митингах); А. Аросев, *Московский совет в 1917 г.* (М.: Огонек, 1927), с. 6.

²⁷⁰ Аросев, *Московский совет*, с. 17–18.

шорохи, звонкое журчание, – сталкиваются льдины, обламываются края, глыба напозает на глыбу, и где-то дальше лед крошится, мельчает, чтобы превратиться в полые, сплошные воды, разлиться без конца, без края, оросить поемные луга, снести зимний мусор²⁷¹.

Дом генерал-губернатора

«Сумеет ли мы оказаться в главном потоке, направить его, или потонем в новой исторической гуще событий?» – спрашивает литературный двойник Воронского, Валентин. «Возникли и проваливались в сознании северные, очарованные былыми снами леса, длинные, мрачные коридоры семинарии, летние ночи на Цне, чердаки Замоскворечья, проспекты и линии Петрограда»²⁷².

Непонятное состояние... Десять последних лет моей жизни прошли в скитаниях, в тюрьмах, в ссылках, в потайной работе, в ожиданиях обысков, арестов, в утрате друзей. Меня выслеживали филеры, предатели. Ничего этого больше нет... Что с нами будет?²⁷³

Ответ ясен. Нужно вступить в поток и направить его течение при помощи «более теплых слов» – слов, которые не потонут бесследно, слов, которые свяжут большевистскую правду со счастливым опьянением толпы. Наградой будет всемогущество и, возможно, бессмертие.

Аросев никогда не спал. «Ежедневные выступления на улицах и в казармах перед рабочими и солдатами, горячие споры с теми, кто пытался нашу революцию предать, лихорадочное чтение листовок, газет – всего, что кричало о революции и по поводу революции, удивительным образом не утомляло, а еще больше и больше поджигало к работе»²⁷⁴.

²⁷¹ А. Воронский, *Глаз урагана* (В.: Центрально-черноземное книжное издательство, 1990), с. 213–214.

²⁷² Там же, с. 167.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Цит. по: Чернобаев, *В вихре века*, с. 46.

Валентин тоже не спал.

Толпа согревала его телом, дыханием, движением, говором. Эти люди... теперь жадно его слушали, их взгляды зажигались огнем надежды. Валентину жали руку, его оберегали, прикрикивали на тех, кто нечаянно его толкал, предупредительно подавали спички, справлялись, не холодно ли ему на морозе и на ветру. Человеческое, участливое, общее вбирало, подчиняло его себе, делало своей частицей, и он, как никогда, думал думами этого целого и чувствовал его чувствами... Валентин не испытывал утомления; наоборот, силы в нем прибывало, и силу эту сообщили ему окружившие его фронтовики. Это было то высокое счастье, которое только и есть на земле²⁷⁵.

Самым неутомимым большевиком был Троцкий, который продолжал кружиться в водовороте людей и эпизодов.

Я попадал на трибуну через узкую траншею тел, иногда на руках... Вокруг меня и надо мною были плотно прижатые локти, груди, головы. Я говорил как бы из теплой пещеры человеческих тел. Когда я делал широкий жест, я непременно задевал кого-нибудь, и ответное благодарное движение давало мне понять, чтоб я не огорчился, не отрывался, а продолжал. Никакая усталость не могла устоять перед электрическим напряжением этого страстного человеческого скопища. Оно хотело знать, понять, найти свой путь. Моментами казалось, что ощущаешь губами требовательную пытливость этой слившейся воедино толпы. Тогда намеченные заранее доводы и слова поддавались, отступали под повелительным нажимом сочувствия, а из-под спуда выходили во всеоружии другие слова, другие доводы, неожиданные для оратора, но нужные массе. И тогда чудилось, что сам слушаешь оратора чуть-чуть со стороны, не поспеваешь за ним мыслью и тревожишься только, чтоб он, как сомнамбула, не сорвался с карниза от голоса твоего резонерства²⁷⁶.

Рефлексия Троцкого была вариантом «склонности к самоанализу» Свердлова и раздвоенности Аросева и Воронского – источником подлинной сознательности (проверкой книги жизнью, а жизни – книгой) и в то же время признаком интеллигентской слабости. Но весной 1917 года на первое место вышла другая форма сектантской диалектики: предопределение против свободы воли и историческая необходимость против бушующей стихийности. Среди российских милленаристов большевики были наиболее недоступными для непосвященных, наиболее непримиримыми к «соглашательству» и наиболее бескомпромиссными в борьбе «не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту». Главный вопрос заключался в том, превратилось ли болото в море. Соответствует ли жизнь книгам? Насколько прозрачен поток, и куда он течет? Кто прав – Троцкий-оратор, отбросивший текст сценария под повелительным нажимом народного сочувствия, или Троцкий-суфлер, не отступивший от заранее заготовленных аргументов?

В тот день, когда Валентин испытал высокое счастье соучастия, его попросили выступить перед толпой солдат, собравшихся линчевать местных полицейских. По пути на участок Валентин посмотрел на звезды и подумал: «Идем в страну детей своих, далекую страну обетованную. Идем во мраке, без знамений чудесных, без огненных столпов, с одной надеждой на себя. Дойдем ли?» Полицейских он спас (арестовав их «именем революции»), но речью своей остался недоволен²⁷⁷.

²⁷⁵ Воронский, *Глаз урагана*, с. 179–180.

²⁷⁶ Троцкий, *Моя жизнь*, т. 2, с. 15–16.

²⁷⁷ Воронский, *Глаз урагана*, с. 182.

Не таким представлялось ему первое обращение к свободному от самовластья народу. В тюрьмах, в ссылках, на чердаках он иступленно грезил об этом ни с чем не сравнимом моменте. В изумительном озарении предстоял пред ним этот час. Тогда он сумеет найти слова, горящие пламенем единственного рассвета. Он расскажет обо всем, что вынужден был скрывать. Могучее «осанна» вырвется тогда из его груди и сольется с победными криками. И вот это «тогда» сделалось сегодняшним днем. Он стоит перед людьми, вчера сидевшими в окопах, со смертью за спиной, перед измученными, изъеденными болезнями. На каких более благородных слушателей может рассчитывать революционер во дни первых побед? А получилось не то, не так. В чем же дело? Почему?²⁷⁸

Ответ пришел в первый понедельник после Пасхи, когда Ленин въехал в Петроград, изверг «соглашателей» из уст своих и объявил, что время исполнилось, пророчество свершилось и не преидет род сей, как все это будет. Жизнь прошла проверку книгами, а книги – жизнью.

Организация встречи вождя в разгар пасхальных каникул была поручена председателю военной организации большевиков Николаю Подвойскому, сыну священника и бывшему семинаристу. С облегчением восприняв «конец мучительных поисков правильного курса революции», Подвойский раздобыл броневик, собрал толпу и доставил Ленина в штаб-квартиру большевиков, где он провозгласил благие вести. «Они были настолько новы для нас, – писала секретарь ЦК Елена Стасова, – что сразу не укладывались в голове». Даже самых твердых большевиков, по словам Подвойского, «страшила ленинская нетерпимость к соглашателям и перспектива немедленного и полного разрыва с ними. Особенно новым и непонятным для них являлось требование о переходе власти в руки Советов. Были и такие, которых ленинские слова просто ошеломили»²⁷⁹.

В течение ночи имевшие уши слышали. На следующее утро, когда Ленин огласил свое послание в Таврическом дворце, большинство членов партии приняли его «как нечто абсолютно незыблемое и свое». «Сознание того, что Ленин с нами, – писала Стасова, – наполняло всех огромной радостью и твердой уверенностью, что теперь мы пойдем по безошибочному пути». По рассказу Подвойского:

Владимир Ильич начал свою речь с обличения соглашателей в том, что они являются лакеями буржуазии и ее агентурой в рядах рабочего класса... Слова Ленина приводили в неистовство меньшевиков, вызывали с их стороны крики «долой!», бешеную ругань и угрозы по адресу Владимира Ильича. С каждой новой мыслью Ленина эта враждебность нарастала. Неистовым воем и ревом было встречено заявление Ленина о том, что между большевиками и соглашателями-меньшевиками не может быть никакого единства.

Наконец Ленин перешел к самому главному – немедленному захвату власти.

Вскочили со своих мест соглашатели. Они начали свистеть, орать, бешено стучать по пюпитрам, топтать ногами. В зале поднялся невообразимый шум. Лидеры меньшевиков: Чхеидзе, Церетели и другие, сидевшие в президиуме, перепугались насмерть. Они напрасно пытались водворить порядок, обращаясь прямо-таки с мольбой то направо – к своим

²⁷⁸ Там же, с. 184.

²⁷⁹ Н. Подвойский, *Год 1917* (М.: Госполитиздат, 1958), с. 5–15 (цитаты по с. 5, 14–15); Е. Стасова, *Воспоминания* (М.: Мысль, 1969), с. 135.

единомышленникам, то налево – к большевикам. Так продолжалось минут десять. Затем буря стихла.

А затем «разгорелась вновь». И так в ответ на каждый «апрельский тезис», до последних слов речи.

Ленин стоял невозмутимо среди этой разбушевавшейся стихии. Надо было видеть, какой силой и спокойствием дышало его лицо, вся его фигура, чтобы понять значение и истинную роль Ленина в этот переломный момент... Он стоял, как кормчий корабля во время сильнейшей бури, стоял спокойный, ясный, простой и величественный, потому что знал и видел, куда вести корабль²⁸⁰.

Воспоминания Стасовой и Подвойского не выходят за рамки советской агитационной традиции, но нет сомнения, что Ленин был единственным социалистом, который знал и видел, куда вести корабль. Он был не политиком, культивировавшим искусство возможного, а пророком, который вел свой народ сквозь расступившиеся воды, не переставая прислушиваться к его капризам. «Мучительный поиск правильного курса» благополучно завершился.

* * *

«Своеобразие текущего момента в России, – писал Ленин в «Апрельских тезисах», – состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Власть переходила к тем, кто в силу недостаточной сознательности и организованности был неспособен ею распорядиться. «И сказал Господь Моисею: Я вижу народ сей, и вот, народ он – жестоковыйный». «О, если бы они рассудили, подумали о сем, уразумели, что с ними будет!»²⁸¹

Надлежало примирить народное разумение с исполнением пророчества. По воспоминаниям Подвойского:

Владимир Ильич разъяснил нам, как наиболее верно и наиболее быстро воздействовать на малосознательных солдат, находящихся под влиянием агентов буржуазии и мало разбирающихся в сложных обстоятельствах.

– Им большие речи не нужны, – говорил Ленин, – большая речь затрагивает очень много вопросов и, в конце концов, внимание солдата рассеивается. Он не может всего охватить. Получится, что вы его не удовлетворите, и он останется недоволен вами. Ему надо говорить о мире, о земле, а здесь много толковать не приходится: солдат поймет вас с нескольких слов.

Кого же Владимир Ильич советовал посылать к солдатам в качестве агитаторов? Он говорил, что в Февральской революции одну из самых видных ролей, кроме рабочих, сыграли матросы. Вот их и нужно посылать к солдатам!²⁸²

Стратегия оказалась эффективной. «Революция» означала конец старого мира и воцарение нового. Чем дольше откладывалось пришествие настоящего дня и чем более постоянным

²⁸⁰ Подвойский, *Год 1917*, с. 16–18.

²⁸¹ В. Ленин, *Задачи пролетариата в данной революции* <http://www.rusrevolution.info/docs/index.shtml?1>; Исх. 32:9; Втор. 32:29.

²⁸² Подвойский, *Год 1917*, с. 20.

казалось временное правительство, тем привлекательнее звучало ленинское послание. А послание было несложным: желаемое – неизбежно; «измученные и изъеденные болезнями» должны совершить одно последнее усилие.

Несколько недель спустя Валентин присутствовал на солдатском митинге на Западном фронте. Первым выступал эсер Веретьев, недавно вернувшийся с сибирской каторги. Человек лет сорока с чистым лбом, светлой бородкой и длинными, белыми руками, он говорил о гражданских свободах, священных обязанностях и безответственных большевистских лозунгах. «Иногда он делал краткие паузы, жестикулировал правой рукой; нервные пальцы мелькали, сообщая всей фигуре его и его словам подвижную выразительность. Одна прядь часто ниспадала на правый глаз. Веретьев откидывал ее быстрым и нетерпеливым движением».

Вслед за ним вышел матрос Балтийского флота и сказал, что солдатам, сидящим «в моче, в дерьме, в грязи, во вшах», нужны не права и свободы, а мир и хлеб. «Было видно, что о большевиках он узнал недавно и что взгляды их он усвоил только на митингах и, может быть, по брошюрам», но простота слов и уверенность «прозелита» сообщали его речи «дикую, страстную силу». Веретьев стоял рядом с матросом. «Опустив голову, он мял в руке шляпу, изредка потирая лоб, точно отгоняя и стирая с него назойливые и досадные мысли».

Происходило нечто для него очень трагическое. Старый народник, он поклонялся народу как святыне, за него страдал и горел. Теперь он стоял перед свободным народом, обращался к нему, и народ не принимал его и не понимал... Возвышенные понятия прикрывали собой злые, алчные дела, одурманивали народ... отвлекая внимание этого народа от его истонных нужд. О них напомнил солдатам не старый политик-каторжанин, а полуграмотный матрос, едва ли даже усвоивший начатки революционной борьбы. Воистину отнимется у мудрого и будет дано неразумному!..

По библейской легенде, бог показал Моисею землю обетованную лишь с далеких Моавитских гор. Моисей был счастливее Веретьевых. История привела их в Ханаан, в землю Авраама, Исаака, Иакова; Веретьевы не узнали ее²⁸³.

Моисей был счастливее, но не намного. Бог показал ему землю обетованную, но не позволил перейти Иордан, потому что он согрешил против Бога среди сынов Израилевых при водах Меривы в Кадесе, в пустыне Син. Спасенный им народ вступил на обещанную землю, но не нашел молока с медом и стал «блудно ходить вслед чужих богов»²⁸⁴.

Сила ленинского слова убедила большинство колеблющихся, и на апрельской партийной конференции его вера стала всеобщей. Как писал Подвойский, «партийный корабль, твердо и уверенно направляемый таким рулевым, как Ленин, пошел по новому курсу». Главным помощником Ленина в деле превращения лозунгов в решения был Свердлов, который вернулся в Петроград во главе уральской делегации и остался в качестве организатора всей партийной работы. По словам Стасовой, «он устраивал совещания товарищей, когда надо было сплотить их по какому-либо из спорных вопросов. Он подготовлял и составлял комиссии по разным вопросам работы конференции и т. д. Он подготовлял для обсуждения и список членов ЦК. Какое бы крупное начинание ни стояло на повестке дня, Яков Михайлович был неутомим в его проведении. Можно было только удивляться тому, как он успевал быть везде и проводить все встречи, совещания, которых было не счесть». Он же сменил Стасову во главе Секретариата ЦК (которым она – в первые революционные дни – руководила с помощью знакомой Сталина и подружки Валентина Трифонова, Татьяны Словатинской)²⁸⁵.

²⁸³ Воронский, *Глаз урагана*, с. 216–221.

²⁸⁴ Втор. 32:48; 31:16.

²⁸⁵ Стасова, *Воспоминания*, с. 137–138.

В ожидании революции партия ставила перед собой две основные задачи. Первая была административной и организационной: определить цели, распределить кадры, запастись оружием, обучить бойцов, наладить связи, найти деньги, провести собрания и принять решения. Всем этим занимался Свердлов с помощью нескольких женщин. Одна из них, Полина Виноградская, вспоминала его записную книжку с «иероглифами, которые понять мог он один».

Это была волшебная книжечка! Заглянув в нее, Свердлов мог тотчас же сказать про любого товарища, где он в данный момент работает, что собой представляет, на что гожд, на какую работу его направить с наибольшей пользой для дела и для него самого. Более того, Свердлов имел о товарищах совершенно конкретное представление: они запечатлевались в его памяти так образно, что он мог рассказать даже про ближайшее окружение каждого из них. Это звучит неправдоподобно, но это так²⁸⁶.

Свердлов снова поселился у Эгон-Бессеров. Он устроил Киру в редакцию газеты «Солдатская правда» недалеко от своего секретариата в Смольном (новом «Доме революции»), но несколько недель спустя родители отправили ее в деревню, а в начале июля из Сибири приехали жена и дети Свердлова. Новгородцева вошла в Секретариат ЦК, а детей отправили к деду в Нижний Новгород. Часть секретариата и большевистское издательство «Прибой» переехали в помещение женской православной общины с двумя большими крестами над входом²⁸⁷.

Большевики всегда всерьез относились к административной и «технической» работе. Их задачей было «бороться с врагами, а не оступаться в соседнее болото»; их образцом – «борющаяся армия, а не клуб для собеседований»; их организационным принципом – «демократический централизм», а не наоборот. В канун настоящего дня они сплотились под руководством Свердлова и удвоили свои усилия. «По мере того как темп митингования Совета уменьшался, – писал Аросев, – в деятельности обоих Советов все большее и большее значение приобретали их исполнительные комитеты, а вместе с ними, совершенно естественно, и управление делами, т. е. делопроизводство исполнительных комитетов». В деле управления делами большевикам не было равных. «В самые романтические времена революции [они] проявили себя как «аппаратчики». Московским Советом рабочих депутатов управлял его секретарь, большевик Аркадий Розенгольц, а единственной комнатой, предоставленной Солдатскому совету, завладела его большевистская фракция. «В то время всякий занимал работу явочным порядком, в меру своей активности. Большевики, как наиболее активный элемент, и оказались почти на всех постах аппаратной работы»²⁸⁸.

Второй задачей партии была «агитация» на митингах и в газетах. Речи строились вокруг четких лозунгов; статьи объясняли связь между меняющимися лозунгами и вселенским пророчеством. Самым искусным и плодовитым диалектиком был Бухарин, который специализировался на мгновенном социологическом анализе в свете марксистской теории. «Пролетарские массы оказались не настолько сознательны и организованы, – писал он в мае 1917 года, – чтобы приступить к немедленному упрочению государственной власти революционных низов». Но ждать осталось недолго. Усилия врагов обречены, но опасны: «нужна лихорадочная повсеместная работа»²⁸⁹.

«Мы стоим на пороге, – сказал Кромвель, – и потому должны поднять головы и укрепиться в вере... Наш долг – делать все возможное, а не только читать пророчество Даниила, смиренно ожидая». Главное – не пропустить знаки исполнения обещанного и лихорадочно повсеместно работать. «В глубине народных масс происходит процесс непрерывного

²⁸⁶ Виноградская, *События*, с. 169–170.

²⁸⁷ Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 223–246; Эгон-Бессер, «Воля к жизни», с. 104–105.

²⁸⁸ Аросев, *Московский совет*, с. 8–9, 14–15, 17–18.

²⁸⁹ Н. Бухарин, *На подступах к Октябрю. Статьи и речи май – декабрь 1917* (М.: Госиздат, 1926), с. 25, 28, 33–34.

брожения, который рано или поздно даст о себе знать», – писал Бухарин 6 июня. Вернейший признак наступающего конца – появление двух армий с печатями на лбах. «Буржуазия выступает как сила, несущая смерть и разложение. Пролетариат, как носитель животворящей энергии, идет вперед». 30 июля, на VI съезде партии, Бухарин выступил с заявлением, что крестьянин «как собственник» заключил временный союз с буржуазией. Осинский (который во время съезда ночевал на полу рядом с Бухариным на квартире их общего знакомого) возразил, что Манифест коммунистической партии утверждает обратное. Сталин объяснил, что «есть разные мужики» и что беднейшие слои идут за буржуазией «по бессознательности». 17 октября, через неделю после того, как большевистский ЦК под председательством Свердлова принял решение о вооруженном восстании, Бухарин написал, что общество «все резче и резче расслаивается... на два враждебных лагеря. Промежуточные группы быстро тают». Наступала последняя фаза повсеместной лихорадочной работы²⁹⁰.

«В эпоху последней коалиции, – писал меньшевик Н. Н. Суханов, – большевики развернули лихорадочную деятельность по всей стране» (в том числе в его собственной квартире, которую его жена-большевичка по просьбе Свердлова предоставила для проведения заседания ЦК о вооруженном восстании). 21 октября Суханов присутствовал на выступлении Троцкого о мире, земле и хлебе²⁹¹.

Вокруг меня было настроение, близкое экстазу. Казалось, толпа запоет сейчас без всякого стовора и указания какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию или провозгласил какую-то общую формулу, вроде того, что «будем стоять за рабоче-крестьянское дело до последней капли крови».

Кто – за?.. Тысячная толпа, как один человек, подняла руки. Я видел поднятые руки и горевшие глаза мужчин, женщин, подростков, рабочих, солдат, мужиков и типично мещанских фигур. Были ли они в душевном порыве? Видели ли они сквозь приподнятую завесу уголок какой-то «праведной земли», по которой они томились?²⁹²

Двумя днями ранее, после другой речи Троцкого, Суханов с женой опоздали на трамвай. Была глубокая ночь, шел проливной дождь. Суханов был в плохом настроении – из-за трамвая, из-за дождя, а также из-за слов Троцкого, что слухи о восстании верны и неверны одновременно. Они сели на трамвай, который сворачивал в пяти верстах от их дома.

Стоя на площадке трамвая, я был зол и мрачен чрезвычайно. Около нас стоял какой-то небольшой человек скромного вида, в пенсне, с черной клинышком бородкой и с лучистыми еврейскими глазами. Видя мою злость и мрачность, он пытался было меня ободрить, утешить или рассеять каким-то советом насчет дороги. Но я односложно и нелюбезно отвечал ему.

– Кто это? – спросил я, когда мы сошли с трамвая.

– Это наш старый партийный работник, гласный Думы – Свердлов.

В моем дурном настроении я бы непременно развеселился и много бы смеялся, если бы кто-нибудь сказал мне, что этот человек через две недели будет формальным главой Российской Республики²⁹³.

²⁹⁰ Там же, с. 47, 50–1, 132; *Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы* (М.: Госполитиздат, 1958), с. 104, 107–108, 142; Кун, *Бухарин*, с. 69–70;

²⁹¹ Н. Суханов, *Записки о революции*, т. 3 (М.: Республика, 1992), с. 267; *Протоколы центрального комитета РСДРП(б), август 1917 – февраль 1918* (М.: Госполитиздат, 1958), с. 83.

²⁹² Там же, с. 292–293.

²⁹³ Там же, с. 289–290.

* * *

Большинство описаний октябрьского переворота начинаются в Смольном, где с августа размещался Петроградский совет и штаб-квартира большевиков. «Вся революция была в Смольном – писал Суханов. – Всюду сновали вооруженные группы матросов, солдат и рабочих. Непрерывной чередой тянулись всякие ходоки и делегаты частей по лестнице в третий этаж, где пребывал военно-революционный комитет»²⁹⁴.

«Весь Смольный ярко освещен», – писал друг Суханова Луначарский.

Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех комнатах, но наибольший человеческий прилив, настоящий страстный буран – в углу верхнего коридора: там, в самой задней комнате, заседал военно-революционный комитет. Несколько девушек, совершенно измученных, тем не менее героически справляются с неимоверным натиском приходящих за разъяснениями, указаниями и с различными просьбами и жалобами лиц. Когда попадаешь в этот водоворот, то со всех сторон видишь разгоряченные лица и руки, тянущиеся за той или другой директивой или за тем или другим мандатом²⁹⁵.

«Октябрь» Кольцова – переработанное издание его «Февральского марта».

В сумраке вечера тяжелое здание Смольного с тремя рядами освещенных окон видно далеко.

По широкой, твердой, чуть оснеженной дороге, ныряя в ухабах, спешат к каменной дыре подъезда солдаты, матросы, скрипят галошами штатские с поднятыми воротниками, шуршат автомобили и мотоциклы...

Они спешат, стремятся всклоченной нервной толпой, не могут втиснуться в рамки стен, переливаются через край, зловеще и нескладно бурлят.

Здесь было тихо. Степенно шли классные дамы в козловых башмаках, резвыми ногами обегали лестницы дочери тех, чье царство повергнуто во прах, изредка проплывали в облаках благоговейного шепота расшитые золотом старички с оловянным взглядом пустых глаз.

А теперь шум. Под черными сводами гулко, как в бане, отдаются приказания, грохочут десятки ног сменяющейся охраны. По коридорам густыми серыми струями текут патрули, команды, пикеты...

– Товарищи! К Зимнему!²⁹⁶

В соответствии с французскими и февральскими образцами, канонические воспоминания об Октябрьской революции описывают перемещения из одного здания в другое (до тех пор, пока не будет построена улица из «чистого золота, как прозрачное стекло»). В этот раз наводнение затопило Смольный, поднялось до третьего этажа, вспенилось у входа в военно-революционный комитет и стройными потоками устремилось к Зимнему, где сидели расшитые золотом старички с пустыми глазами. Член бюро военно-революционного комитета Николай Подвойский направлял «стремительный, подобный урагану поток» и наблюдал, как тот «заливал крыльцо, входы, лестницы дворца». Отправив арестованных министров в Петропавловскую крепость, он вернулся в штаб. Ленин сидел за столом и писал декрет о земле. «В то время

²⁹⁴ Там же, с. 260, 299.

²⁹⁵ А. Луначарский, *Воспоминания и впечатления* (М.: Советская Россия, 1968), с. 171.

²⁹⁶ Кольцов, *Фельетоны и очерки*, с. 74–75.

как в Зимнем дворце закончилось владычество буржуазии, низвергнутой вооруженным народом, в Смольном Ленин открывал первую страницу нарождающегося нового мира»²⁹⁷.

Николай Подвойский

По свидетельству Троцкого, примерно тогда же или чуть позже Ленин посмотрел на него «дружественно, мягко, с угловатой застенчивостью, выражая внутреннюю близость. «Знаете, – говорит нерешительно, – сразу после преследований и подполья к власти... – он ищет выражения, – *es schwindelt* [голова идет кругом]», – переходит он неожиданно на немецкий язык и показывает рукой вокруг головы»²⁹⁸.

Согласно Луначарскому, который тоже был в Смольном, некоторые большевики опасались, что «крестьянское море разверзнется перед нами и поглотит нас», но «Ленин с изуми-

²⁹⁷ Подвойский, *Год 1917*, с. 144–146. О формировании канона воспоминаний об Октябре (и эволюции воспоминаний Подвойского) см.: Frederick Corney, *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution* (Ithaca: Cornell, 2004), особ. с. 90.

²⁹⁸ Троцкий, *Моя жизнь*, т. 2, с. 59

тельным равновесием душевным всматривался в исполинские задачи и брался за них руками так, как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гиганта-парохода». Луначарский написал это в 1918 году, через год после переворота и в полной уверенности, что Смольный «будет считаться храмом нашего духа». Но и 25 октября 1917 года, когда он не знал, что происходит вокруг Зимнего, предпочитал «демократическую коалицию» захвату власти и думал, что шансы на успех «слабы и бледны», он писал жене²⁹⁹:

Страшные, страшные времена, на кончике остря. Много страданий, волнений, может быть, преждевременной гибелью они грозят нам. Но все-таки счастье жить в эпоху великих событий, когда история не трусит лениво и сонно, а птицей летит по бездорожью. Жаль, что вы не со мною, но и слава богу³⁰⁰.

Ничего страшного не случилось («переворот был сюрпризом и со стороны легкости, с которой он был произведен», – писал Луначарский спустя два дня). Судьба революции решалась в Москве, где правительственные войска оказали сопротивление восставшим. По рассказу Аросева, который, будучи одним из немногих большевиков с военным образованием, возглавил военно-революционный штаб, «это великое восстание человеческой массы во имя человечества началось просто, без колебаний, совершенно так же, как в старых книгах рассказывается про сотворение мира». Оно началось в небольшой комнате на третьем этаже дома генерал-губернатора. «Можно было подумать, что это не комната, а сцена, изображающая комнату, в которой происходила серьезная и ожесточенная перестрелка окурками папирос. Перестрелка, длившаяся целую ночь». Секретарь военно-революционного комитета Аркадий Розенгольц, который «может творить революцию так же вдохновенно-спокойно, как поэт пишет стихи», приказал Аросеву захватить телеграф, телефон и почту и тихо скрылся. «Казалось, он сотни лет, как вечный дух, прожил в этих комнатах, ибо знал, где что находится и проникал из комнаты в комнату, будто сквозь стены»³⁰¹.

²⁹⁹ Луначарский, *Воспоминания*, с. 173.

³⁰⁰ Г. Бордюгов, Е. Котеленец, ред., *Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова* (М.: АИРО-XXI, 2007), с. 288–290.

³⁰¹ Г. Бордюгов, Е. Котеленец, ред., *Революционная Россия*, с. 289; Аросев, *Как это произошло*, с. 7, 17–18; Москва. Октябрь. Революция. Документы и воспоминания (М.: Московский рабочий, 1987), с. 187.

Аркадий Розенголыц

Аросев нашел командира московских красногвардейцев А. С. Ведерникова, и они отправились выполнять приказ.

Вышли мы с товарищем Ведерниковым из дверей Совета на Скобелевскую площадь. И как-то странно: тут на площади все побудничному суетится, все спешит, все хлопочет так же, как это было вчера, третьего дня, четвертого дня. Возле памятника Скобелева плетутся два мальчишки-газетчика. Барышня торгуется с извозчиком на углу. Все как было.

– У вас есть револьвер? – спрашивает Ведерников.

– Нет.

– И у меня нет. Надо достать. Зайдем в «Дрезден», может быть, у кого-нибудь из товарищей добуду.

Кругом так мирно, никто на нас не нападает. Переворот в Питере уже совершен. Половина министров в тюрьме. Зачем же револьвер?

И то, что товарищ Ведерников пошел вооружаться, казалось ненужной комедией, в которой персонажи придают сами себе гораздо больше значения, чем они имеют на самом деле³⁰².

Ведерников добыл пистолет, и они пошли в Покровские казармы. Аросев произнес короткую речь, и одна из рот согласилась помочь. Спустя два часа телефон, телеграф и почта были захвачены. Великое восстание человеческой массы во имя человечества началось.

Старый мир защищали юнкера московских военных училищ, которые остались верны присяге, но не имели единого командования и – самое главное с точки зрения Аросева – собственного адреса. «В то время как у большевиков была одна организация, которая готовилась к власти, – это совет депутатов от рабочих и солдат с тем его аппаратом, который помещался в правой половине здания Московского совета, – у власти, которая боролась за свое существование, было несколько организованных центров, [которые] взаимно конкурировали в вопросе о руководстве антибольшевистской борьбой». Когда большевики сформировали военно-революционный комитет и потребовали всю полноту власти, другие члены совета ушли из здания. Великое восстание человеческой массы обрело адрес. «Его должны были точно знать и районы, и командиры на местах, и разведчики»³⁰³.

Военный штаб, возглавляемый Аросевым, переехал в небольшое помещение на первом этаже, окна которого выходили на Вознесенский (Б. Чернышевский) переулок; военно-революционный комитет перебрался в соседнюю комнату, а смежный кабинет стал секретариатом, где девушки принимали посетителей и где, по воспоминаниям одной из них, «весь день стояла толчея непротолченная». Все остальное здание «было превращено в одну сплошную казарму» или «солдатский муравейник» с «циркулирующей все время массой: то на позиции, к местам боя из Совета, то с позиции на отдых в Совет»³⁰⁴.

Московского Зимнего не существовало. Кремль дважды менял хозяев, но представителей власти там не было. Не было и «правительственных войск»: отряды юнкеров окружали и защищали отдельные здания в попытке получить тактическое преимущество, но не имели общего плана действий. Время от времени, писал Аросев, «мы, сидящие в Совете и стиснутые кольцом юнкеров, чувствовали под собой колебание почвы, чувствовали, как слабеют руки, чувствовали, что мы как будто вместе со всеми отрядами наших товарищей солдат скользим по роковому краю, на страшном острие, по одну сторону которого победа, по другую – смерть». Но главные боевые действия происходили вдалеке от здания Совета, ближе к реке и особенно у мостов, соединявших центр города с Замоскворечьем³⁰⁵.

Болото поддержало большевиков. Солдаты, охранявшие трамвайную электростанцию, передали оружие местным красногвардейцам, которые разместили людей на башнях станции, в Соляном дворе и у Большого Каменного моста. Солдаты, расквартированные на фабриках Эйнема и Смирнова, дали им пулемет, который они установили на колокольне Св. Николая. Полевой телефон связал электростанцию с заводом Листа, где располагался большой отряд красногвардейцев (от сорока до ста человек). Некоторые из них отправились защищать мосты, другие превратили баню на берегу реки в укрепленный пункт. «Через бойницы, проделанные в каменной стене, кто стоя, кто лежа стрелял по Кремлю, иногда по очереди, так как ружей не хватало, – вспоминал один из них. – Ночью было особенно удобно целиться по мелькающим разноцветными точками фонарям, которыми перебегающие по кремлевской стене юнкера давали, очевидно, какие-то сигналы своим цепям»³⁰⁶.

³⁰² Там же, с. 7.

³⁰³ Аросев, *Московский совет*, с. 16–7, 23, 27–8.

³⁰⁴ Виноградская, *События*, с. 49; Аросев, *Московский совет*, с. 32.

³⁰⁵ Аросев, *Как это произошло*, с. 12.

³⁰⁶ К. Островитянов, ред., *Октябрь в Замоскворечье* (М.: Гослесбумиздат, 1957), с. 41, 112–120 (цитата по с. 117).

После недели боев последний бастион лоялистов, Александровское военное училище на Знаменке (в трех кварталах от Большого Каменного моста), сложил оружие. В комнате военно-революционного комитета Розенгольц попросил Аросева, сидевшего подле него на диване, написать приказ о назначении Николая Муралова комиссаром Московского военного округа.

– Комиссаром или командующим? – спросил я.

– Комиссаром округа, но это и значит командующим.

«Командующим», «комиссаром», думал я и ничего не понимал, потому что большое дело делалось так просто. Напишу я своими каракулями: «сдать», «назначается», будет это голосоваться – и вот вам новая власть. Не верилось... Возьму и напишу. Написал. Барышня на машинке отхлопала этот приказ. Потом его голосовали, и товарищ Муралов стал не просто Мураловым, а командующий округом... Так была создана новая военная власть. Создана была просто, естественно, даже не создана, а рождена движением и, как всякое естественное рождение, омыта кровью³⁰⁷.

Аросев вспоминал этот день всю оставшуюся жизнь. В одной из версий своих мемуаров, изданной в 1932 году, он писал:

Тогда, в эти ночи, когда никто не спал, каждый из нас думал, может быть, мы завтра будем победителями, а может быть, будем заколоты, я подумал, что бы в литературе ни писалось, что бы фантазия автора ни создавала – все будет не так сильно, как эта простая, суровая действительность. Люди физически дерутся за социализм. Вот он, о чем мы когда-то мечтали и спорили, грядет, вот он отсвечивает в блеске солдатских штыков, вот он в приподнятых ненастьем воротниках рабочих, которые жмутся на улицах Тверской, Арбата, по Лубянке, сжимая маузеры и парабеллумы в руках, наступая все дальше, все глубже на грудь развалившейся зловонной буржуазии, немножко заражающей слабых запахом своего разложения. Я перечитал почти все, что есть патетического в нашей новой и старой литературе, я хотел найти что-нибудь подобное тому чувству, какое испытали мы в ненастное утро, когда... в шинелях, пахнувших дождем и порохом, садились в раздрызганный старый военный автомобиль, чтобы ехать в штаб, как власть³⁰⁸.

Рахманинов сидел в своей квартире на Страстном бульваре, в пяти минутах ходьбы от Скобелевской площади. По воспоминаниям его жены, «он был занят переработкой своего Первого фортепианного концерта и очень увлекся этим. Так как было опасно зажигать в квартире свет, то в его кабинете, выходявшем во двор, портьеры были задернуты, и он работал при свете одной стеариновой свечи». В 1933 году он рассказал своему биографу: «Я весь день сидел за письменным столом и за пианино, не обращая внимания на треск пулеметов и винтовок. Любого пришельца я встретил бы словами, которые Архимед обратил к завоевателям Сиракуз». Многие в его окружении «надеялись, что новый день принесет обещанное Царство божие на земле», но он был не из их числа. «Я видел с ужасающей ясностью, что это было начало конца – конца, полного ужасов, наступление которых было делом времени». Через три недели он уехал в Петроград, а 20 декабря пришел в Смольный за выездными визами. 23 декабря он, его жена и две дочери приехали на Финляндский вокзал и сели в стокгольмский поезд (видимо, тот самый, который доставил Ленина в Россию). Он умер в Беверли-Хиллз 28 марта 1943 года. Его желание, чтобы на его похоронах хор спел *Nunc Dimittis* («Ныне отпу-

³⁰⁷ Аросев, *Как это произошло*, с. 14–15.

³⁰⁸ «Александр Яковлевич Аросев», *История СССР*, № 4 (1967), с. 116; Чернобаев, *В вихре века*, с. 108.

щаеши», *ор.* 37, № 5), не было исполнено. Согласно его биографу, который цитирует письмо от сестры его жены, «хору это было не по силам, и в любом случае нот в то время было не найти»³⁰⁹.

* * *

Через несколько дней после отъезда Рахманинова делегаты Всероссийского учредительного собрания съехались в Таврический дворец в Петрограде. По словам Троцкого, Ленин выступал за отсрочку выборов на неопределенное время, но Свердлов, «более нас связанный с провинцией, особенно энергично выступал против отсрочки». Слишком много было связано с идеей общенародного парламента и слишком много обещано от его имени (самими большевиками среди прочих). Выборы состоялись, большинство мест получили эсеры, и Ленин назвал парламентаризм предательством революции. Большевики объявили военное положение. Лидеры кадетов были арестованы, демонстрация в поддержку Учредительного собрания расстреляна. Вечером 5 ноября в Таврическом дворце начались прения³¹⁰.

Член Учредительного собрания Лордкипанидзе (*фракция с.-р.*) с места: Товарищи, теперь 4 часа, предлагаем старейшему из членов Учредительного собрания открыть заседание Учредительного собрания. Старейший из членов фракции с.-р. – Сергей Петрович Швецов... (*Сильный шум слева, рукоплескания в центре и справа, свист слева... не слышно... сильный шум и свист слева; рукоплескания центра. На кафедру поднимается старейший из членов Учредительного собрания С. П. Швецов.*)

Швецов (*звонит*): Объявляю заседание Учредительного собрания открытым. (*Шум слева. Голоса: долой, самозванец. Продолжительный шум и свист слева; рукоплескания справа.*) Я объявляю перерыв. (*На кафедру поднимается Свердлов от фракции большевиков, председатель Ц. И. К.*)

Свердлов: Исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания. (*Голоса справа и в центре: руки в крови! довольно крови! Бурные рукоплескания слева.*) Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... (*голос справа: фальсифицированный*) выражает надежду на полное признание Учредительным собранием всех декретов и постановлений Совета народных комиссаров. Октябрьская революция зажгла пожар социалистической революции не только в России, но и во всех странах... (*смех справа и шум*)... Мы не сомневаемся, что искры нашего пожара разлетятся по всему миру... (*шум*)... И не далек тот день, когда трудящиеся классы всех стран восстанут против своих эксплуататоров так же, как в октябре восстал российский рабочий класс и следом за ним российское крестьянство... (*бурные рукоплескания слева.*)³¹¹

Большевики окончательно порвали с книжниками и фарисеями. По словам Луначарского, всем великим революционерам свойственны «спокойствие и безусловная уравновешен-

³⁰⁹ Е. Дмитриевская, В. Дмитриевский, *Рахманинов в Москве*, с. 137–139; Oskar von Rieseemann, *Rachmaninoff's Recollections* (New York: Macmillan, 1934), с. 185–187; Martyn, *Rachmaninoff*, с. 257, 289 (прим. 66).

³¹⁰ Л. Троцкий, О Ленине (М.: Госиздат, 1924), 92; В. Ленин, *Полное собрание сочинений (ПСС)* (М.: Издательство политической литературы, 1967–70), т. 35, с. 162–166; Л. Протасов, *Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели* (М.: Росспен, 1997), с. 263–307; *Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы* (М.: Недра, 1991), с. 54–64.

³¹¹ *Учредительное собрание*, с. 68.

ность в моменты, когда, казалось, нервы должны были бы быть перенапряжены, когда, казалось, невозможно не выйти из равновесия». Но даже самые великие революционеры не могли сравниться с «бесконечно внутренне уверенным Свердловым», чьи спокойствие и уравновешенность производили впечатление «чего-то монументального и вместе с тем необыкновенно естественного». В момент открытия собрания, когда «напряжение достигло высшей точки», «как из-под земли вынырнула фигура Свердлова, не торопившегося сделать ни одного ускоренного шага. Обычной своей размеренной походкой направился он к кафедре, словно не замечая почтенного эсеровского старца, убрал его, позвонил и голосом, в котором не было заметно ни малейшего напряжения, громко, с ледяным спокойствием объявил первое заседание Учредительного собрания открытым». По словам помощницы Свердлова Елизаветы Драбкиной (которой тогда было шестнадцать лет), «он поднимался таким ровным, будничным шагом, как будто за его спиной не бесновалась тысячная толпа, готовая его растерзать». А по рассказу самого Свердлова, в пересказе другой юной помощницы:

Недолго думая, я вскочил на трибуну, стал позади старца и выхватил из его дрожащей руки звонок. Резко зазвонил и на басовых нотах призвал к тишине и порядку. Швецов опешил... Он так и застыл с рукой, повисшей в воздухе, и раскрытым от удивления ртом. Вся его немощная фигура смахивала на вопросительный знак. Наконец он сполз с трибуны. В зале сразу воцарились тишина и порядок. Многие присутствующие при этом были так ошарашены, что потеряли дар речи. И мне удалось тут же огласить Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, предложенную нашей большевистской фракцией³¹².

Декларация провозгласила Учредительное собрание незаконным. В дебатах главную речь от большевиков произнес Бухарин, который заявил, что революционные перемены невозможны, пока в правительстве сидят соглашатели, являющиеся «верными лакеями и сторожевыми псами наших гонителей и эксплуататоров рабочих масс». Время исполнилось, настоящий день пришел, и не прейдет род сей, как все это будет.

Товарищи! Перед нами, действительно, величайший момент и тот водораздел, который сейчас делит все это собрание на непримиримых – не будем играть в прятки и замазывать это какими бы то ни было словами – на два непримиримых лагеря. Этот водораздел проходит по линии – за социализм или против социализма. Гражданин Чернов здесь говорил: мы должны обнаружить волю к социализму, но о каком социализме говорил гражданин Чернов? О том, который будет лет через двести, который будет делаться нашими внуками, об этом социализме он говорил? Мы говорим о живом, активном, творческом социализме, о котором мы хотим не только говорить, но который хотим осуществлять. (*Рукоплескания слева.*)

Мы скажем, товарищи, в этот момент, когда заревом революционного пожара загорится если не сегодня, то завтра весь мир, мы с этой кафедры провозглашаем смертельную войну буржуазно-парламентарной республике... (*шумные рукоплескания слева, переходящие в овацию*). Мы, коммунисты, мы, рабочая партия, стремимся к созданию в первую голову в России великой Советской республики трудящихся, мы провозглашаем тот лозунг, который был выдвинут еще столетия тому назад Марксом, пускай господствующие классы и их прихлебатели вместе с ними дрожат перед

³¹² Луначарский, *Воспоминания*, с. 214–216; Елизавета Драбкина, *Черные сухари* (М.: Советский писатель, 1963), с. 97; Виноградская, *События*, с. 176–177.

коммунистической революцией. Пролетариям в ней терять нечего, кроме своих цепей, приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! (*Овация слева. Голоса: да здравствует советская власть!*)³¹³

Объявив гражданскую войну, большевики покинули зал. В 4:40 утра оставшихся депутатов вытолкали из здания. Когда они вернулись на следующий день, дверь была заперта³¹⁴.

Троцкий утверждает, что Ленин однажды спросил его: «А что, если нас с вами бело-гвардейцы убьют, смогут Бухарин со Свердловым справиться?» На заседании Учредительного собрания, когда Ленин сидел в зале, а Троцкий был в Брест-Литовске, они справились отлично. Бухарин оказался одним из самых красноречивых пророков мирового пожара; Свердлов, по словам Луначарского, служил образцом «большевика-подпольщика»: «внутреннего огня в нем, конечно, было очень много, но внешне этот человек был абсолютно ледяной». В ноябре 1917 года Свердлов стал одновременно секретарем ЦК партии и председателем ВЦИК³¹⁵.

Через два дня после разгона Учредительного собрания Свердлов и Новгородцева перебрались в Таврический дворец. Их соседями по квартире были Варлам Аванесов (Сурен Мартиросян), бывший член армянской партии «Дашнак», а ныне правая рука Свердлова во ВЦИКе, и Владимир Володарский (Моисей Гольдштейн), бывший член еврейского Бунда, а ныне комиссар печати, пропаганды и агитации. Они жили коммуной, как когда-то в ссылке. «Все обитатели квартиры, – вспоминала Новгородцева, – вставали около восьми утра, собирались к столу и около девяти разъезжались. Порядок был установлен строгий: никто не должен был опаздывать к завтраку и никто никогда не ел в одиночку, отдельно от других. Завтракали мы быстро, перебрасываясь шутками, длительные же разговоры откладывались на вечер, на ночь». Володарский возвращался домой к полуночи, Свердлов и Аванесов – к часу или двум ночи, обычно в чьей-то компании. Новгородцева, как единственная женщина, разливала чай. «За столом обсуждали события минувшего дня, вспоминали забавные эпизоды, обменивались планами на завтра». Гости оставались ночевать³¹⁶.

Дом Февральской революции превратился в общежитие. Домом Октябрьской революции стал «храм большевистского духа». По словам коменданта Смольного, «удалось наконец, хоть и не сразу, хоть и не без труда, очистить Смольный от посторонних жильцов, от всех этих классных дам, воспитательниц, институток, прислуги и прочей публики». ВЦИК, Совнарком и ЦК получили собственные комнаты, пропуска и охрану. Появилась столовая (где кормили в основном пшенкой), тюрьма в подвале, комендант, подчинявшийся непосредственно Подвойскому (который стал комиссаром по военным делам), и около 500 латышских стрелков, сочетавших боевую дисциплину с «пролетарским духом»³¹⁷.

³¹³ Учредительное собрание, с. 70, 87, 89, 91.

³¹⁴ Протасов, *Всероссийское учредительное собрание*, с. 318–319.

³¹⁵ Троцкий, *О Ленине*, с. 106; Луначарский, *Воспоминания*, с. 214–215.

³¹⁶ Свердлов, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 305.

³¹⁷ П. Мальков, *Записки коменданта московского кремля* (М.: Молодая гвардия, 1961), с. 52–67 (цитаты по с. 52, 60); Andrew Ezergailis, *The Latvian Impact on the Bolshevik Revolution* (Boulder; East European Monographs, distributed by Columbia University Press, 1983).

Николай Бухарин

Но революция еще не кончилась. В марте 1918 года, когда германские войска подошли к Петрограду, новое правительство перебралось в Москву, оставив на месте Володарского (холостого, двадцатисемилетнего и, по словам Новгородцевой, безутешного). Большинство учреждений и чиновников разместились в Кремле. Тех, кому не хватило места, расселили по центральным гостиницам, переименованным в «Дома Советов» («Националь» стал Первым Домом Советов, «Метрополь» – Вторым и так далее). Снова пришлось выносить иконы, открывать столовую, распределять помещения, размещать латышских стрелков и избавляться от людей, чье «пребывание необходимо не вызывалось» (в случае Кремля в основном монахи и монахини). Свердлов снова назначал чиновников, способных назначать других чиновников. «Десятки тысяч людей, которые составляли эту партию, казалось, были насквозь им изучены, – писал Луначарский. – Какой-то биографический словарь коммунистов носил он в своей памяти». По словам Елизаветы Драбкиной, работавшей с ним в Кремле, «о каждом сколько-нибудь значительном работнике партии он мог сказать: «Вот этот – хороший органи-

зитор, в пятом году работал в Туле, потом в Москве, сидел в Орловском каторжном центре, ссылку отбывал в Якутии. А этот как оратор слабоват, зато агитатор отличный...»

Почти все партийные функционеры – от Троцкого и Бухарина до шестнадцатилетней Драбкиной – были обязаны своими должностями Свердлову. Борис Иванов, «малограмотный и политически недостаточно развитый» пекарь, которому Свердлов давал уроки в сибирской ссылке, стал председателем Главного управления мукомольной промышленности. Иванов пытался отказаться, ссылаясь на то, что он не мельник и уж точно не управленец, но Свердлов ответил: «Ты пекарь, я аптекарь, да к тому же малоопытный. И вот я тоже поставлен партией на такую работу, которая мне и во сне не снилась». По воспоминаниям одной из его помощниц, Свердлов рассматривал «каждое большое или маленькое дело прежде всего сквозь призму людей», а людей – как грешных, но не безнадежных³¹⁸.

– Ведь и на солнце есть пятна, – говорил Свердлов [в марте 1919-го]. – Люди, даже лучшие из них – большевики, пока сделаны из старого материала, выросли в условиях «старого свинства». Только следующие поколения будут без этих родимых пятен капитализма. Важно вытянуть человека, играя на его лучших струнах³¹⁹.

В марте 1916 года Свердлов писал Кире Эгон-Бессер, что при капитализме не может быть совершенных людей. «Но уже в настоящее время у ряда людей можно найти отдельные черты, которые переживут современную антагонистическую жизнь. Будущий гармоничный человек как тип может быть провиден из этих черт отдельных людей. Изучение истории развития человечества порождает уверенность в пришествии царства этого человека». Оказавшись во главе строительства этого царства, он последовал собственному совету. Задачей негармоничных людей настоящего было построить коммунизм для гармоничных людей будущего (при жизни нынешнего поколения). По воспоминаниям Драбкиной, Свердлов очень любил Гейне и часто повторял строфы из «Германии»:

Я новую песнь, я лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаю:
Мы здесь, на земле, устроим жизнь
На зависть небу и раю³²⁰.

Тем временем бывшие подпольщики въезжали в новые квартиры и налаживали привычный быт: пользовались общими кухнями и туалетами, оставляли двери незапертыми и засиживались до глубокой ночи за чаем, который разливали женщины. Осинский ушел от жены и сына и съехал с Анной Шатерниковой, которой было адресовано его пророческое письмо о светлой вере. Свердловы привезли сына Андрея и дочь Веру из Нижнего Новгорода и переехали на новую квартиру в Кремле. Их часто навещал сибирский друг и сосед Свердлова Филипп (Жорж) Голощекин, он же Дон Кихот. Приходили и другие бывшие подпольщики и сокамерники: пели революционные песни и, вспоминая время невинности, варили пельмени и боролись на ковре³²¹.

³¹⁸ Там же, с. 104–139; Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 321–31; Б. Станкина, «О работе Секретариата ЦК РКП(б) (апрель 1918 – март 1919)» в: *О Якове Свердлове*, с. 165–170; Л. Фотиева, «Из воспоминаний о Я. М. Свердлове» в: *О Якове Свердлове*, с. 180–182; Луначарский, *Воспоминания*, с. 213; Драбкина, *Черные сухари*, с. 162; Троцкий, *Моя жизнь*, т. 2, с. 63, 75–78; Б. Иванов, «Я. М. Свердлов в туруханской ссылке» в: *О Якове Свердлове*, с. 115; Виноградская, *События*, с. 171.

³¹⁹ Виноградская, *События*, с. 171.

³²⁰ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 1, с. 335; Драбкина, *Черные сухари*, с. 249; Немецкий оригинал, цитируемый Свердловым: *Ein neues Lied, ein besseres Lied, O Freunde, will ich euch dichten! Wir wollen hier auf Erden schon Das Himmelreich errichten*.

³²¹ Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 331–348; интервью автора со Светланой Валериановной Оболенской 20

Единственными беспартийными гостями были члены семьи. Часто приезжал отец Свердлова – обычно с двумя сыновьями от второй жены, а один раз со старшей дочерью Якова, которая жила с матерью в Екатеринбурге. Обе сестры Свердлова стали врачами. У Софьи и ее мужа, бывшего предпринимателя Леонида Авербаха, было двое детей – Ида и Леопольд. Сара какое-то время работала с Новгородцевой в секретариате ЦК. Брат Свердлова Вениамин эмигрировал в Америку и стал банкиром, но вернулся по приглашению брата, был назначен комиссаром транспорта и женился на бывшей возлюбленной Якова, Вере Дилевской. Семья, по словам Новгородцевой, «получалась большая, веселая, дружная». Только старший брат Свердлова, Зиновий, ушел навсегда. Крестный сын Максима Горького, он принял фамилию Пешков, учился в театральном училище МХАТа, работал в США, Канаде и Новой Зеландии, служил переводчиком при Горьком во время его турне по США в 1906 году (в том числе на встречах с Марком Твенем и Джоном Дьюи), жил с ним на Капри (где познакомился с Лениным, Буниным и Луначарским), вступил во Французский иностранный легион, потерял правую руку на войне, вернулся в Россию в 1917 году в составе французской военной миссии и уехал, не сумев убедить большевиков продолжать войну. Зиновий и остальные Свердловы не признавали существования друг друга³²².

Главными Свердловыми были дети. Родители жертвовали собой ради внуков, внуки должны были родиться при коммунизме. Войти в царство свободы и «выкинуть вон весь хлам государственности» (как Ленин, цитируя Энгельса, писал в статье «Государство и революция») предстояло детям, «выросшим в новых, свободных общественных условиях». По рассказу Новгородцевой, когда восьмилетний Андрей услышал об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, он спросил:

- Папа, Либкнехт был революционер, большевик?
- Да, – ответил Яков Михайлович, – настоящий революционер.
- А его убили буржуи?
- Ну конечно, буржуи.
- Но ведь и ты, папа, тоже революционер. Значит, тебя буржуи тоже могут убить?

Яков Михайлович пристально посмотрел на мальчика, ласково потрепал его по голове и очень серьезно, очень спокойно сказал:

- Конечно, сына, могут убить, но тебе не надо этого бояться. Когда я умру, я оставлю тебе наследство, лучше которого нет ничего на свете. Я оставлю тебе ничем не запятнанную честь и имя революционера³²³.

* * *

Истинный революционер должен быть провозвестником и одновременно творцом наступающего преобразования. Воронский был переведен с Западного фронта на Румынский, возглавил большевистскую печать в Одессе и предрек исполнение пророчества за две недели до переворота. «Надвигается новый девятый вал революции, мы – на грани новой революционной

октября 2009 г.

³²² Там же, с. 334; В. Свердлова, «Всегда с товарищами» в: О Якове Свердлове, с. 211–215; М. Пахомовский, *Книга об удивительной жизни Еиша Соломона Мовиева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался* (Иерусалим: не опубликовано, 1999); Б. Бажанов, *Воспоминания бывшего секретаря Сталина* (М.: III Тысячелетие, 2002), с. 93–99; Е. Свердлова, «Слово об отце», *Советская Россия*, 2 июня 1985, с. 4; Р. Медведев, «Слава и трагедия одной семьи» *Каретный ряд* № 5 (ноябрь 1985); Zinovy Pechkoff, *La légion étrangère au Maroc* (Paris: Marcelle Lesage éditeur, 1929).

³²³ Свердлова, Яков Михайлович Свердлов, с. 333–334; В. Ленин, *Государство и революция*, гл. 4, <http://www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/staterev/ch04.htm#s6>

эпохи, когда в революцию впервые вольется широкой волной социальный элемент». Водные образы одинаково хорошо сочетались с марксистскими и христианскими формулами (которые часто совпадали). «Пролетарская русская революция, – писал он, когда час настал, – какая бы превратность ее ни ожидала, победит как международная революция, ибо для капиталистического общества «исполнились все времена и заветы». Апокалипсис – время смешанных метафор³²⁴.

Русское рабоче-крестьянское правительство – это первые почки, появившиеся в результате наступающей пролетарской социалистической весны. У русской революции много врагов. Трудны и тернисты ее пути... Морозы могут побить первые почки, но никогда не смогут остановить торжествующее шествие весны...

В новый год дряхлеющее, разлагающееся общество буржуазии вступает, имея в одной из самых обширных стран рабочее социалистическое правительство, основанное на союзе с беднейшим крестьянством, правительство, каждое слово которого звучит как грозный набат, несущий весть о всемирном революционном пожаре³²⁵.

Враги готовились к последнему бою и плели «международную паутину», но «перед армией, горящей энтузиазмом мирового освобождения, умолкнут пушки». Третий съезд Советов, одобливший разгон Учредительного собрания, стал центром «волнующейся и бурлящей подлинно революционной гущи жизни, способной разжигать миры и творить чудеса»³²⁶.

Придя к власти, большевики не изменили главному миллениаристскому правилу: ожидать неизбежного и делать все для его приближения. Марксистский сценарий был не детальнее любого другого, но общая цель превращения общества в секту не вызывала сомнений. Средствами ее достижения были – как обычно – нападки на «богатых и пресыщенных», частную собственность, торговлю, деньги и семью (особенно на права наследования, но в конечном счете на все виды родственной солидарности). Основные принципы были заложены в большевистской версии марксизма; разногласия о масштабах, сроках и этапах сводились к главному вопросу любого апокалиптического пророчества: услышат ли имеющие уши?

В день, когда новость о восстании в Петрограде дошла до Одессы, Воронский писал: «Только при содействии и помощи самих масс в самостоятельной творческой работе возможно... достижение заветных целей революции». Революция не была воплощением самостоятельной творческой работы масс – она была трансцендентным событием, требовавшим их содействия и помощи. «Все, как один человек, в этот страшный судный час, когда решаются судьбы страны, дадим себе торжественную клятву в верности новой революционной власти»³²⁷.

Власть равна революции в том же смысле, в каком Моисей равен Исходу. Преданность пророку – условие исполнения пророчества. Большевистская эсхатология предполагала, что, когда час пробьет, массы потекут в нужную комнату нужного здания. В октябре 1917 года массы повели себя правильно; вопрос заключался в том, смогут ли они продолжить начатое.

Ответом было «не всегда» или «вряд ли». Когда во время немецкого наступления весной 1918 года пришло время создать «армию, горящую энтузиазмом мирового освобождения», пушки не умолкли. А когда власти понадобилось «все народное хозяйство организовать

³²⁴ В. Воробченко, *Публицист-ленинец. Революционно-публицистическая деятельность А. К. Воронского (1911–1918)* (Кишинев: Станица, 1986), с. 112, 131.

³²⁵ Там же, с. 131.

³²⁶ Там же, с. 132–134.

³²⁷ Там же, с. 115.

как почту» (как писал Ленин в «Государстве и революции»), море вновь превратилось в болото. На фабрике Эйнема, по рассказу советского историка³²⁸:

Отношение малосознательной части рабочих – а они составляли большинство, – настолько было недоверчиво к фабкому, что некоторые рабочие и работницы приходили в фабком во время работы и по пустякам спорили, ругались, бросали по адресу фабкома и его членов оскорбления и угрозы... Членам фабкома в период самой горячей и напряженной работы приходилось тратить время на объяснения, доказательства и споры, тем более что каждый считал себя вправе ругать фабкомцев, ссылаясь на «равноправие», «свободу слова» и т. д.³²⁹

В то время как сырье исчезало, производство падало, а магазины закрывались, фабричный комитет сражался с владельцем, правлением и рабочими.

На фоне общих тяжелых экономических условий росло недовольство малосознательных рабочих, трудовая дисциплина падала: некоторые рабочие приходили на фабрику утром лишь за тем, чтобы повесить табельный номер, а вечером – снять его. Развилось пьянство. В это же время широкие размеры принимают хищения сырья и готовых изделий³³⁰.

С введением карточек сахар, оставшийся в обороте, попал в руки частных кондитеров и торговцев, и большинство механизированных фабрик обанкротилось. Менялы ушли в глубокое подполье, часть оборудования Эйнема вышла из строя, а большинство трезвых рабочих разъехались по деревням. 4 декабря 1918 года кондитерская промышленность была национализирована. Фабрика Эйнема стала 1-й Государственной кондитерской фабрикой (в ведении Главкондитера), бывший владелец, Владимир Гейсс, переквалифицировался в «буржуазного специалиста», а председатель правления, Адольф Отто, уехал в Финляндию. Борис Иванов, поставленный Свердловым во главе мукомольной промышленности, был отправлен в астраханское рыболовство в качестве агитатора³³¹.

Все внутрипартийные дискуссии и «оппозиции» сводились к вопросу, является ли «волнующаяся и бурлящая гуща жизни» болотом или морем. Наиболее последовательными оптимистами были руководители московской партийной организации (и выпускники Московского университета) – Бухарин, Осинский и зять Осинского Владимир Смирнов. Назвавшись «левыми коммунистами», они проиграли ленинским соглашателям по вопросу о Брестском мире, но выиграли спор о фабричных комитетах (Осинский был первым председателем ВСНХ, а Бухарин и Смирнов – членами правления). В 1919 году, когда «самостоятельная творческая работа масс» разошлась с «целями революции», Осинский и Смирнов возглавили борьбу «демократических централистов» (децистов) с «принципом единоначалия». Поскольку коммунизм основан на спонтанном желании неизбежного, то вера в самостоятельную творческую работу масс равна вере в неминувность конца. Как Осинский писал Шатерниковой в день Февральской революции, кратчайший путь к «ненасытной утопии» проходит через «священную ярость» масс. Во время революции большевики (переименованные в коммунистов) исходили из того, что коммунизм наступит очень скоро. Левые коммунисты исходили из того, что он наступит еще скорее.

³²⁸ В. Ленин, *Государство и революция*, гл. 3, <http://www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/staterev/ch03.htm>

³²⁹ Евсенин, *От фабриканта к Красному Октябрю*, с. 54.

³³⁰ Там же, с. 63.

³³¹ Там же, с. 63–73. Общий контекст см. особ.: Silvana Malle, *The Economic Organization of War Communism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985).

Седьмого января 1918 года Ленин написал, что триумф социалистической революции – начиная с «периода острой разрухи и хаоса» вплоть до решительной победы над буржуазией – вопрос «нескольких месяцев». Весной 1919 года он пообещал, что «первое поколение коммунистов без пятна и упрека» появится лет через двадцать (а до тех пор буржуазные специалисты будут продолжать работать, нравится это Осинскому или нет). Осенью 1919-го Бухарин заявил, что потребуется «два-три поколения, выросших в совсем новых условиях», чтобы коммунизм полностью окреп, а «необходимость в законах и наказаниях» отмерла вместе с государством. Пока шли споры о том, что такое решительная победа над буржуазией и как выглядит коммунист без пятна и упрека, «очень скоро» продолжало откладываться, а «левые» продолжали проигрывать. От соглашательства с ходом времени спасения не было³³².

Из-за самого большого отряда «трудящихся» – русских крестьян – чрезмерное отождествление с самостоятельной творческой работой масс было идеологически подозрительным, а после Октября практически невозможным. Левый коммунизм Осинского сошел на нет из-за нежелания крестьян делиться плодами своего труда (как того требовала классовая солидарность). В сельском хозяйстве, писал он в 1920 году, «центр работы социалистического строительства – в массовом принудительном вмешательстве государства». Крестьянам нужно объяснять, что, где и когда сеять. Крестьяне должны работать в соответствии с нуждами государства. «Милитаризация хозяйства и проведение всеобщей трудовой повинности должны найти первое свое приложение именно в сельском хозяйстве». Попытки уклониться от трудовой повинности должны караться «мерами репрессии» от «штрафных нарядов» до революционных трибуналов. Как писал Бухарин, насилие против крестьян теоретически оправдано, так как оно представляет собой «борьбу между государственным планом пролетариата, воплощающего обобществленный труд, и товарной анархией, спекулятивной разнузданностью крестьянства, воплощающего раздробленную собственность и рыночную стихию»³³³.

³³² В. Ленин, «К истории вопроса о несчастном мире», *ПСС*, т. 35, с. 243–244, <http://www.leninism.ru/works/tom-35/k-istorii-voprosa-o-neschastnom-mire.html>; В. Ленин, «Успехи и трудности советской власти», *ПСС*, т. 38, с. 55, <http://www.leninism.ru/works/tom-38/uspexi-i-trudnosti-sovetskoj-vlasti.html>; Н. Бухарин, Е. Преображенский, *Азбука коммунизма* (Изд. Объединенной Компартии Америки, 1921), с. 49–50.

³³³ Н. Осинский, *Государственное регулирование крестьянского хозяйства* (М.: Госиздат, 1920), с. 9–11, 24; Н. Бухарин, «Экономика переходного периода» в: Н. Бухарин, *Проблемы теории и практики социализма* (М.: Политиздат, 1989), с. 122.

Свердлов в 1918 г.

Партия большевиков исходила из того, что насилие теоретически оправдано. Никто не сомневался, что оно является неотъемлемой частью революции, и никто не возражал против него в принципе. Все марксисты ожидали великой скорби накануне тысячелетнего цар-

ства; большевики отличались от остальных марксистов непримиримостью к соглашателям. Как писал Маркс во фрагменте, который Бухарин сделал знаменитым: «Мы говорим рабочим: вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя». И, как писал Бухарин после двух с половиной лет гражданских войн и международных столкновений, «только такой класс, как пролетариат, класс – Прометей, сможет вынести на своих плечах неизбывные муки переходного периода, чтобы в конце концов зажечь светильник коммунистического общества». Ленин обещал гражданскую войну задолго до Октября, предупреждал о «периоде острой разрухи и хаоса, связанных с гражданской войной», сразу после Октября, а в июне 1918 года призвал рабочих начать ту «единственную войну, которая сопровождает всегда в истории не только великие, но и сколько-нибудь значительные революции, единственную войну, которая является одна только законной и справедливой, священной войной с точки зрения интересов трудящихся, угнетенных, эксплуатируемых масс». В июле 1918 года он процитировал «пророческие слова» Энгельса о «всемирной войне невиданных раньше размеров, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи»³³⁴.

Марксистская версия «железного жезла» называлась «диктатурой пролетариата» и являлась, по выражению Ленина, итогом «исторического опыта всех революций» в деле «полного подавления всех эксплуататоров и элементов разложения». Всякий большевик знал о необходимости диктатуры, но, как писал Ленин в апреле 1918 года, «диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер. Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть – непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо»³³⁵.

Противопоставление железной твердости чему-то похожему на кисель – центральная тема большевизма. Болото принимает множество форм и просачивается во множество мест. Чтобы победить во всемирной войне невиданных раньше размеров, правители нового мира должны преодолеть «всякую слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье». Друг Аросева по реальному училищу стал Молотовым, сосед Свердлова по ссылке стал Сталиным, а сам Свердлов, по словам Луначарского, «подобрал себе и какой-то всей его наружности и внутреннему строю соответствующий костюм. Он стал ходить с ног до головы одетый в кожу». По словам Троцкого, «от него, как от центральной организационной фигуры, эта одежда, как-то отвечавшая характеру того времени, широко распространилась. Товарищи, знавшие Свердлова по подполью, помнят его другим. Но в моей памяти фигура Свердлова осталась в облачении черной кожаной брони»³³⁶.

В памяти Киры Эгон-Бессер остались его «мягкий юмор», «вера в людей» и поцелуй после возвращения из ссылки. С тех пор прошел год.

³³⁴ К. Маркс, «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», МЭ соч., т. 8, с. 431; Бухарин, *Экономика переходного периода*, с. 95; В. Ленин, «К истории вопроса о несчастном мире», ПСС, т. 35, с. 243–244, <http://www.leninism.su/works/tom-35/k-istorii-voprosa-o-neschastnom-mire.html>; В. Ленин, «IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы», ПСС, т. 36, с. 439, <http://www.leninism.su/works/tom-36/iv-konferenciya-professionalnyx-soyuzov-i-fabrichno-zavodskix-komitetov-moskvy.html>; В. Ленин, «Пророческие слова», ПСС, т. 36, с. 472–473, <http://www.leninism.su/works/tom-36/prorocheskie-slova-36.html>; Frederick Engels, *Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806–1807*. О месте насилия в большевистской мысли см.: James Ryan, *Lenin's terror: The ideological origins of Early Soviet State Violence* (London: Routledge, 2012).

³³⁵ В. Ленин, «Очередные задачи советской власти», ПСС, т. 36, с. 196, <http://www.leninism.su/works/tom-36/ocherednye-zadachi-sovetskoj-vlasti.html>

³³⁶ В. Ленин, «Как организовать соревнование», ПСС, т. 35, с. 201, <http://www.leninism.su/works/tom-35/kak-organizovat-sorevnovanie.html>; Луначарский, *Воспоминания*, с. 216; Л. Троцкий, «Памяти Свердлова» в: Яков Михайлович Свердлов. *Сборник воспоминаний и статей* (М.: ГИЗ, 1926), <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm207.htm>

Как-то зимой, в мрачный, туманный петербургский день Яков Михайлович зашел попрощаться перед отъездом в Москву. Мы с мамой были дома вдвоем. Мне показался Яков Михайлович уставшим и похудевшим. Я впервые заметила какую-то перемену в его лице. Потом, когда я смотрела на его последние портреты (все фотографии искажают его неповторимое лицо, часто озарявшееся чудесной улыбкой), поняла: перемена заключалась в губах Якова Михайловича. Они как-то сжались, и выражение лица изменилось, стало озабоченно-суровое. Кожанка, в которую он был одет, придавала непривычную жесткость его облику. Это была наша последняя встреча³³⁷.

Петроградский сосед Свердлова, Варлам Аванесов, переехал с ним в Москву и стал видным чекистом. Другой их сосед, юный Владимир Володарский, заслужил, по свидетельству Луначарского, репутацию самого ненавистного большевика Петрограда – не потому, что был главным цензором нового режима, а потому, что

был беспощаден. Он был весь пронизан не только грозой Октября, но и пришедшими уже после его смерти грозами взрывов красного террора. Этого скрывать мы не будем: Володарский был террорист. Он до глубины души был убежден, что, если мы промедлим со стальными ударами на голову контрреволюционной гидры, она не только пожрет нас, но вместе с нами и проснувшиеся в октябре мировые надежды. Он был борец абсолютно восторженный, готовый идти на какую угодно опасность. Он был вместе с тем и беспощаден. В нем было что-то от Марата в этом смысле³³⁸.

Володарский был убит 20 июня 1918 года. Свердлов прибыл в Москву в марте, вскоре после прощания с Кирой. В один из первых вечеров он пришел в Моссовет, который по-прежнему считал себя городским домом революции.

Уже кончилось заседание президиума, многие работники разошлись, но в Совете царила обычная ночная атмосфера; звонили телефоны, стучали машинки, дежурные члены исполкома, как всегда, – на своих местах, сновали красноармейцы из караульной команды.

И вдруг появился человек, весь словно в панцире из черной кожи – от фуражки до сапог. Что-то очень деятельное, стремительное было в складной фигуре Свердлова. Невысокого роста, худощавый, он выглядел совсем молодым. От его жестов, движений веяло энергией, бодростью. А голос звучал внушительным басом.

Правда, первая встреча была не очень приветливая. Едва поздоровавшись, Яков Михайлович с места в карьер начал отчитывать всех, кого застал в Совете, за недостаточную заботу о прибывших, за неудачный выбор и плохую подготовку помещений. А ведь эти товарищи, кого поругивал Свердлов, были хорошо ему знакомы по ссылке, он поддерживал с ними дружбу и после победы Октября. Но таков уж Свердлов: дело всегда на первом месте³³⁹.

«Этот человек, – писал Луначарский, – казался тем алмазом, который должен быть исключительно тверд, потому что в него упирается ось какого-то тонкого и постоянно вращающегося механизма». Механизмом этим была диктатура пролетариата, а диктатура про-

³³⁷ Эгон-Бессер, *Воля к жизни*, с. 99–106 (длинная цитата на с. 106).

³³⁸ Луначарский, *Воспоминания*, с. 226.

³³⁹ Виноградская, *События*, с. 153–154.

летариата «есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов». Эксплуататоры (и часть хулиганов) были чем-то вроде киселя: пузатые буржуи, шаркающие старички, колеблющиеся соглашатели и мягкотелые интеллигенты. Как писал Ленин через два месяца после октябрьского переворота, «это разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу – разговорами, склонность за все на свете братья и ничего не доводить до конца есть одно из свойств «образованных людей», большинство которых – «вчерашние рабовладельцы и их приказчики из интеллигенции»³⁴⁰.

Все эти люди – нелюди, антилюди, враги народа – были тварями из-под «мутной, мертвой пленки» болота, где Воронский любил гулять в детстве. В одном из самых пуританских своих высказываний Ленин назвал их «этими отбросами человечества, этими безнадежно гнилыми и омертвевшими членами, этой заразой, чумой, язвой, оставленной социализму по наследству от капитализма». Целью революции было очистить землю «от всяких вредных насекомых, от блох – жуликов, от клопов – богатых и прочее и прочее»³⁴¹.

Но сначала нужно было создать две армии Армагеддона. Выступая во ВЦИКе 20 мая 1918 года, Свердлов говорил:

Если мы в городах можем сказать, что революционная советская власть в достаточной степени сильна, чтобы противостоять всяким нападениям со стороны буржуазии, то относительно деревни этого сказать ни в коем случае нельзя. Поэтому мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах... только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов³⁴².

Следующим шагом было наложение печатей. В «Экономике переходного периода» Бухарин назвал девять категорий граждан, подлежащих «концентрированному насилию»:

1 паразитические слои (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуа-предприниматели, имевшие мало отношения к производственному процессу); торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры;

2 вербовавшаяся из тех же слоев непроизводительная административная аристократия (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и проч.);

3 буржуазные предприниматели-организаторы и директора (организаторы трестов и синдикатов, «деляги» промышленного мира, крупные инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром, изобретатели и проч.);

4 квалифицированная бюрократия – штатская, военная и духовная;

³⁴⁰ Луначарский, *Воспоминания*, с. 216–217; Ленин, «Как организовать соревнование», с. 201. См.: Victoria E. Bonnell, *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin* (Berkeley: University of California Press, 1998), с. 187–204, особ. с. 202–204.

³⁴¹ Там же, с. 200, 204.

³⁴² Я. Свердлов «Речь на заседании ВЦИК IV созыва» в: Я. Свердлов, *Избранные статьи и речи* (Л.: Гос. изд-во политической литературы, 1939), <http://www.biografia.ru/about/sverdlov27.html>

5 техническая интеллигенция и интеллигенция вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессура, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.);

6 офицерство;

7 крупное зажиточное крестьянство;

8 средняя, а отчасти и мелкая городская буржуазия;

9 духовенство, даже неквалифицированное³⁴³.

«Концентрированное насилие» предполагало аресты, обыски, убийства, цензуру, принудительный труд, подавление забастовок, конфискацию собственности и заключение в концлагеря. Жертвы опознавались по формальным и неформальным признакам социального статуса и классифицировались в соответствии с гибкой классовой номенклатурой, восходившей к царям, которые любодействовали с вавилонской блудницей, и купцам, которые богатели от великой роскоши ее³⁴⁴.

Одной из первых массовых казней было убийство царской семьи. Приказ о расстреле отдал Свердлов (видимо, после разговора с Лениным), а самой операцией руководил Голощекин, который несколькими днями ранее ночевал у Свердловых. По свидетельству командира расстрельной команды Михаила Юровского:

Пальба длилась очень долго, и, несмотря на мои надежды, что деревянная стенка не даст рикошета, пули от нее отскакивали. Мне долго не удавалось остановить эту стрельбу, принявшую безалаберный характер. Но когда наконец мне удалось остановить, я увидел, что многие еще живы. Например, доктор Боткин лежал, опершись локтем правой руки, как бы в позе отдыхающего, револьверным выстрелом с ним покончил. Алексей, Татьяна, Анастасия и Ольга тоже были живы. Жива была еще и Демидова. Товарищ Ермаков хотел окончить дело штыком. Но, однако, это не удавалось. Причина выяснилась только позднее (на дочерях были бриллиантовые панцири вроде лифчиков). Я вынужден был по очереди расстреливать каждого³⁴⁵.

Другой участник вспоминал:

Последней пала [Демидова], которая защищалась подушечкой, находящейся у нее в руках. Но очень долго были признаки жизни у бывшего наследника, несмотря на то что он получил много выстрелов. Младшая дочь бывшего царя упала на спину и притаилась убитой. Замеченная товарищем Ермаковым, она была им убита выстрелом в грудь. Он, встав на обе руки, выстрелил ей в грудь³⁴⁶.

Третий член расстрельной команды поднялся на чердак, чтобы посмотреть в окно. «Я сошел с чердака к месту казни и сказал, что в городе хорошо слышны выстрелы, вой собак и что в Горном институте и в домике рядом с ним зажглись огни, что стрельбу необходимо прекратить, собак перебить. После этого стрельба была прекращена, три собаки повешены, а четвертая собака Джек молчала, поэтому ее не тронули»³⁴⁷.

Голощекин ждал снаружи. По свидетельству другого участника расстрела, когда тело царя вынесли на одеяле, он нагнулся и взглянул на него. «Красноармеец принес на штыке ком-

³⁴³ Бухарин, *Экономика переходного периода*, с. 163.

³⁴⁴ Откр. 18.

³⁴⁵ И. Плотников, *Правда истории. Гибель царской семьи* (Е.: За духовность и нравственность, 2003), с. 238.

³⁴⁶ Там же, с. 227.

³⁴⁷ Там же, с. 226.

натную собачонку Анастасии... Труп песика бросили рядом с царским. «Собакам – собачья смерть», – презрительно сказал Голощекин»³⁴⁸.

Следователи Белой армии, прибывшие на место через несколько дней, обнаружили на забрызганных кровью обоях надпись:

*Belsazar ward in selbiger nacht
Von seinen Knechten umgebracht.*

[В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы зарезали царя.]

Строки взяты из стихотворения Гейне «Валтасар» (*Belsazar ward aber in selbiger nacht/ Von seinen Knechten umbebracht*). Сделавший надпись опустил *aber* («но»), вероятно для того, чтобы текст выглядел законченным, и добавил *t* в имени *Belsazar* – либо для того, чтобы привлечь внимание к каламбуру («Валтацарь»), либо потому, что немецкий не был его родным языком. Не исключено, что Голощекин, самый начитанный из участников расстрела, любил Гейне так же сильно, как Свердлов. Стихотворение основано на библейской истории вавилонского царя Валтасара, который совершил святотатство, испив из золотых и серебряных кубков, вывезенных из иерусалимского храма. Таинственная рука положила конец пиру, написав на стене предсказание о скорой гибели царя и его царства. Той же ночью Валтасар был убит³⁴⁹.

Троцкий в своем дневнике утверждает, что узнал о казни после падения Екатеринбурга.

В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:
– Да, а где царь?
– Кончено, – ответил он, – расстрелян.
– А семья где?
– И семья с ним.
– Все? – спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.
– Все! – ответил Свердлов. – А что?³⁵⁰

Статья Михаила Кольцова о судьбе царя начинается со ссылки на его статью о падении царизма.

Половодье громадное. Грозит затопить целую окраину Москвы. Реки могуче подымутся, понесут усталую зимнюю грязь в моря. Россия в истоме потягивается, после многих зим отдохнувшая, отоспавшаяся, расправившая тело... И пред такой же бурной и могучей весной растаяли однажды в Петербурге снега, растворив без остатка, без осадка самодержавнейших царей всея Руси.

Впрочем, продолжал Кольцов, растворять было нечего. Низвергнутое зло было повсюду и нигде.

Был режим. А кроме режима? Ничего. Прямо ничего. Нуль. Как у Гоголя в «Носе» – «пустое, гладкое место». Ведь недаром же покойный

³⁴⁸ В. Алексеев, *Гибель царской семьи: мифы и реальность (новые документы о трагедии на Урале)* (Екатеринбург, не опубл. 1993), с. 126–127.

³⁴⁹ Фотографии (№ 53 и 54) и обсуждение надписи см.: Н. Соколов, *Убийство царской семьи* (Берлин: Слово, 1925), с. 171–172. См. также: Плотников, *Правда истории*, с. 235. Полезное исследование источников см.: Л. Лыкова, *Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи* (М.: Росспен, 2007). Отрывок из стихотворения Гейне приводится в переводе с нем. М. Михайлова.

³⁵⁰ Л. Троцкий, *Дневники и письма*, под ред. Ю. Фельштинского (М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994), <http://lib.ru/TROCKIJ/dnewniki.txt>

М. Н. Покровский писал фамилию «Романовы» в кавычках... Кавычки. В кавычках ничего. Пустые кавычки. Как шуба без человека.

Царь – одновременно зимняя грязь и прямо ничего, кровавый тиран и пустое, гладкое место. Торжество победителя уживается с иронической улыбкой фельетониста.

Министр юстиции колчаковского правительства С. Старынкевич телеграфирует союзному совету в Париж результаты обследования гибели Николая и местонахождение его останков:

«В 18 верстах от Екатеринбурга крестьяне раскопали кучу пепла, в которой оказалось: пряжка от подтяжек, 4 корсетных планшетки и палец, относительно которого доктора указали на особенную холеность ногтя и принадлежность его породистой руке».

Это все. От Николая. От Романовых. От символа, которым увенчался трехсотлетний порядок невыносимого угнетения в великой стране.

В раннюю, мощную, пылкую весну – кто в России вспомнит о кучке пепла под Екатеринбургом? Кто задумается о Николае?

Никто. О ком вспоминать? О том, кого не было?³⁵¹

Юровский доставил в Кремль 42 изделия из золота, 107 из серебра, 34 из меха и 65 прочих «ценностей». Часть имущества царской семьи была вывезена поездом, в двух специальных вагонах. Белые обнаружили 88 предметов, в том числе дневник и крестик царевича Алексея, в квартире одного из членов расстрельной команды. Его нашли, когда кто-то опознал в его собаке спаниеля по кличке Джой (а не Джек) – собаку, которая не лаяла.

Около 140 предметов были обнаружены в других частных квартирах. В списке семейных вещей, которые никто не забрал, значились шестьдесят икон и около пятидесяти книг, в основном духовного содержания (в том числе принадлежавшая императрице «О терпении скорбей» с многочисленными «карандашными отметками и подчеркнутыми тезисами»). Палец, найденный следователями, принадлежал женщине средних лет и был отсечен острым режущим предметом³⁵².

5. Последний бой

Тридцатого августа 1918 года был убит глава петроградского ЧК Моисей Урицкий. Через несколько часов на митинге в Замосворечье был ранен Ленин. В тот же вечер Свердлов составил «Воззвание всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем». «Мы не сомневаемся в том, – писал он, – что и здесь будут найдены следы правых эсэров, следы наймитов англичан и французов... На покушение, направленное против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции». 2 сентября ВЦИК принял резолюцию о «красном терроре против буржуазии и ее агентов»³⁵³.

По воспоминаниям Новгородцевой, Свердлов выглядел «необычно суровым» и «казался еще тверже, еще решительнее и собраннее, чем всегда». Он переехал в кабинет Ленина в Кремле, взял на себя обязанности председателя Совнаркома (оставаясь главой ВЦИК и секретариата ЦК) и присутствовал на первых допросах Фанни Каплан (которые проводил Юров-

³⁵¹ Кольцов, *Фельетоны и очерки*, с. 24–42.

³⁵² Соколов, *Убийство царской семьи*, с. 192–218 (о лезвии см. с. 216); Алексеев, *Гибель царской семьи*, с. 139–159; Плотноков, *Правда истории*, с. 355–373. См. также: *Сборник документов, относящихся к убийству императора Николая II и его семьи* <http://rus-sky.com/history/library/docs.htm#1-10>; *Собаки в императорской семье*, <http://www.google.com/search?client=safari&rls=en&q=собаки+царская+семья+джой+джемми&ie=UTF-8&oe=UTF-8>

³⁵³ Свердлов, *Избранные произведения*, т. 3, с. 5–8.

ский, среди прочих). На следующий день Каплан перевели из штаба ЧК в подвал под квартирой Свердлова в Кремле. Дети были на даче в Кунцеве. 3 сентября заместитель Свердлова Варлам Аванесов вызвал коменданта Кремля П. Д. Малькова и приказал ему расстрелять Каплан³⁵⁴.

– Когда? – коротко спросил я Аванесова.

У Варлама Александровича, всегда такого доброго, отзывчивого, не дрогнул на лице ни один мускул.

– Сегодня. Немедленно.

И, минуту помолчав:

– Где, думаешь, лучше?

Мгновение поразмыслив, я ответил:

– Пожалуй, во дворе Автобоевого отряда, в тупике.

– Согласен.

– Где закопаем?

Аванесов задумался.

– Этого мы не предусмотрели. Надо спросить Якова Михайловича.

Мальков с Аванесовым отправились в кабинет Свердлова и задали ему тот же вопрос.

Яков Михайлович глянул на Аванесова, на меня. Медленно поднялся и, тяжело опустив руки на стол, будто придавив что-то, чуть подавшись вперед, жестко, раздельно произнес:

– Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа.

Мальков вызвал несколько «коммунистов-латышей».

Я велел начальнику Автобоевого отряда выкатить из боксов несколько грузовых автомобилей и запустить моторы, а в тупик загнать легковую машину, повернув ее радиатором к воротам. Поставив в воротах двух латышей и не велев им никого впускать, я отправился за Каплан. Через несколько минут я уже вводил ее во двор Автобоевого отряда.

– К машине! – подал я отрывистую команду, указав на стоящий в тупике автомобиль.

Судорожно передернув плечами, Фанни Каплан сделала один шаг, другой... Я поднял пистолет...³⁵⁵

* * *

Убийство Каплан (объявленное как «расстрел по постановлению ВЧК») положило начало «красному террору против буржуазии и ее агентов». Выйдя из кабинета Аванесова, Мальков (если верить его воспоминаниям) подумал: «Красный террор не пустые слова, не только угроза – да, врагам революции пощады не будет!» Главной формой «социальной защиты» были массовые расстрелы заложников. Главным критерием при аресте была классовая принадлежность, выражавшаяся (или не выражавшаяся) в контрреволюционных словах и действиях. Главные признаки классовой принадлежности оставались на усмотрение чекистов. Бухарин выделил девять групп классовых врагов (в том числе «интеллигенцию вообще») и некото-

³⁵⁴ Semion Lyandres, «The 1918 Attempt on the Life of Lenin: A New Look at the Evidence», *Slavic Review*, т. 48, № 3 (Autumn, 1989), с. 432–448; Свердлова, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 372–373; Мальков, *Записки*, с. 159–162 (о суровости на с. 160); П. Мальков, «Записки коменданта Кремля», *Москва* № 11 (1958), с. 136. Это первая редакция мемуаров Малькова. В других изданиях предложение о квартире Свердлова отсутствует.

³⁵⁵ Мальков, *Записки* [1959], с. 159–160. Эпизод присутствует только в издании 1959 года. См. также: Richard Pipes, *The Russian Revolution* (New York: Vintage Books, 1990), с. 806–809.

рое количество пролетариев, нуждавшихся в «принудительной дисциплине» в силу отсутствия у них «принудительной самодисциплины»³⁵⁶.

В России не было ни людей, которые считали себя «буржуазией и ее агентами», ни армий, которые шли в бой под ее знаменами, но существовала особая каста, сочетавшая социальные привилегии с боевыми навыками и знаками отличия. «Кто же другой, – писал Сталин в 1919 году, – мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие – казачество, издавна эксплуатирующее нерусские народы на окраинах?»³⁵⁷

Не все казаки были согласны. Одно из первых антибольшевистских выступлений, организованное атаманом Войска Донского генералом Калединым, провалилось из-за отсутствия массовой поддержки. Как писал 27 января 1918 года генерал Михаил Алексеев, «казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достоинства. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов, буржуазии и интеллигенции, а не против области». Двумя днями ранее один из лидеров фронтовых казаков, подъесаул Филипп Миронов, написал воззвание «Хватит гражданской войны на донских берегах»³⁵⁸.

Социализм считает, что только благодаря частной собственности являются люди, обладающие большими капиталами. Поэтому, чтобы устранить это явление, социализм и требует отмены частной собственности...

Граждане казаки! Мы все – социалисты, но лишь не понимаем этого, не хотим, по упорству, понять; разве Христос, учение которого мы исповедуем, не думал о счастье человечества? Не за это ли счастье он умер на Кресте?..

Социалисты, как и верующие во Христа, разделяются на много толков или партий... Помните одно: *конечною целью всех этих партий является переустройство общества на таких началах, каких требует социализм.*

Вот к этой-то конечной цели партии идут различными дорогами.

Например. Партия народных социалистов говорит, что и землю, и волю, и права народу окончательно мы дадим через 50 лет.

Партия правых социалистов-революционеров говорит: а мы все это дадим народу через 35 лет.

Партия левых социалистов-революционеров говорит: а мы все это дадим народу через 20 лет.

Партия социал-демократов-меньшевиков говорит: а мы дадим народу все это через 10 лет.

А партия социал-демократов-*большевиков* говорит: убирайтесь все вы со своими посулами ко всем чертям. И земля, и воля, и права, и власть народу – ныне же, но не завтра и не через 10, 20, 35 и 50 лет!..

*Все – трудовому народу, и все теперь же!*³⁵⁹

После нескольких месяцев социализма казаки снова восстали. На этот раз (весной и летом 1918 года) казацкая элита была более сплоченной, помощь извне (со стороны наступающих немцев) – более эффективной, а всеобщая мобилизация – более успешной. Лозун-

³⁵⁶ Мальков, *Записки* [1961], с. 162; Бухарин, *Экономика переходного периода*, с. 165–166.

³⁵⁷ Peter Holquist, *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921* (Cambridge: Harvard University Press, 2002), с. 7–11, 174–175 и в других местах; И. Сталин, «К военному положению на юге», *Сочинения*, т. 4, <http://petrograd.biz/stalin/4-14.php>

³⁵⁸ Р. Медведев, С. Стариков, *Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова* (М.: Патриот, 1989), с. 61 (цитата Алексеева).

³⁵⁹ В. Данилов, Т. Шанин, ред., *Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.* (М.: Демократия, 1997), с. 35–36.

гом Всевеликого войска Донского был «Дон для Донцов». «Иногородних» считали большевиками, а казаков, сочувствовавших большевикам (около пятой части всех казаков под ружьем), не считали казаками. Обыски, казни и депортации проводились в соответствии с этим принципом. Террор был разных цветов³⁶⁰.

Большинство участников гражданской войны считали политические взгляды выражением социальных интересов, связывали социальные интересы с «классовой» принадлежностью, отправляли враждебные классы на свалку истории и рассматривали местные конфликты как фронты единой войны. Большевики победили, потому что их социология была всеобъемлющей, апокалипсис – неизбежным, «адрес» – бесспорным, «делопроизводство» – непревзойденным, а преданность классовому террору – абсолютной. И делопроизводством, и насилием заведовал человек, вокруг которого вращался «тонкий механизм» диктатуры пролетариата.

Двадцать шестого ноября 1918 года Свердлов разослал всем членам партии («комиссарам, командирам и красноармейцам») письмо от имени ЦК: «Красный террор сейчас обязательнее, чем где бы то ни было и когда бы то ни было на Южном фронте – не только против прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей. Ни одно преступление против революционного воинского духа и дисциплины не должно оставаться безнаказанным». Укрепление дисциплины в Красной армии совпало с отступлением немцев и крахом Всевеликого войска Донского. Узнав, что казаки сдаются целыми подразделениями, Свердлов написал начальнику политуправления Южного фронта Иосифу Ходоровскому, что освобождение пленных «абсолютно недопустимо». «Немедленно организуйте концентрационные лагеря. Приспособьте какие-либо шахты, копи для работы в них пленных с содержанием их в качестве таковых». Оставалось решить, как быть с остальными казаками. 24 января 1919 года Оргбюро ЦК выпустило секретную директиву за подписью Свердлова³⁶¹.

Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо принять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти³⁶².

Кроме того, предусматривалась конфискация хлеба и «всех других сельскохозяйственных продуктов», массовое переселение иногородних на казачьи земли и расстрелы всех казаков, «у которых будет обнаружено оружие после срока сдачи».

Смысл директивы толковался по-разному. Поскольку Всевеликое войско Донское практиковало всеобщую мобилизацию и поголовные продовольственные реквизиции, прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью принимало все казачье население. Масштаб истребления определялся местными властями³⁶³.

Реввоенсовет Южного фронта во главе с Ходоровским приказал немедленно расстрелять:

³⁶⁰ Holquist, *Making War*, с. 143–165.

³⁶¹ Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 112; В. Генис, «Расказачивание в Советской России», *Вопросы истории* № 1 (1994), с. 43.

³⁶² Филипп Миронов, с. 137–138.

³⁶³ Holquist, *Making War*, с. 180–184; Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 154–158.

- а. всех без исключения казаков, занимавших служебные должности по выборам или по назначению: окружных и станичных атаманов, их помощников, урядников, судей и проч.;
- б. всех без исключения офицеров красновской армии;
- в. вообще всех активных деятелей красновской контрреволюции;
- г. всех без исключения агентов самодержавия, приютившихся на Дону, начиная с министров и кончая полицейскими;
- д. активных представителей российской контрреволюции, собравшихся на Дону;
- е. всех без исключения богатых казаков³⁶⁴.

Расстрелы должны были сопровождаться «интенсивной политической работой среди среднего казачества» с целью «расколоть эту социальную группу и часть ее определенно привлечь на сторону советской власти». Менее склонное к соглашательству Донбюро ЦК рекомендовало массовые расстрелы заложников и владельцев спрятанного оружия. Член реввоенсовета Восьмой армии Иона Якир распорядился о «процентном уничтожении всего мужского населения»³⁶⁵.

Большинство местных властей предпочитали решительные действия. По свидетельству замоскворецкого большевика, направленного в Хоперский район для организации совнархозов, «ревтрибунал расстреливал стариков казаков, иногда без суда, по донесению местного комиссара или по наговору соседки. Расстреливались безграмотные старухи и старики, которые еле волочили ноги, расстреливались казачьи урядники, не говоря уже, конечно, об офицерстве, все это, по словам местных властей, – по инструкции центра. Иногда в день расстреливали партиями по 50–60 человек». Председатель Морозовского ревкома позднее вспоминал, что, получив телеграмму с приказом «более энергично проводить диктатуру пролетариата», он «с горя выпил, пошел в тюрьму, взял список арестованных, вызвал по порядку номеров и 64 человека расстрелял». По рассказу другого московского большевика, командированного в Хоперский округ:

Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы, по 30–40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, с гиканьем, криками вели к месту расстрела. На месте расстрела осужденных раздевали догола и все это на глазах у жителей. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать. Всех расстрелянных слегка закапывали близ мельницы, невдалеке от станицы. Результатом этого – около мельницы развелась стая собак, злобно кидавшихся на проходящих жителей и растаскивавших руки и ноги казненных по станице³⁶⁶.

В середине марта казаки Верхнего Дона снова восстали. Согласно докладу, направленному во ВЦИК, «начало восстаний было положено одним из хуторов, в который ревтрибунал в составе Марчевского, пулемета и 25 вооруженных людей выехал для того, чтобы, по образному выражению Марчевского, «пройти Карфагеном по этому хутору». 16 марта, столкнувшись с серьезной угрозой тылу Южного фронта, ЦК принял резолюцию о приостановке политики истребления. «Ввиду явного раскола между северным и южным казачеством на Дону,

³⁶⁴ Филипп Миронов, с. 145–146.

³⁶⁵ Там же; Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 158–159 (цитата Донбюро); А. Козлов, «Трагедия донского казачества в XX веке», *История Донского края* № 1 (31), 20 января 2000, <http://www.relga.rsu.ru/n31/don31.htm> (цитата Якира).

³⁶⁶ Филипп Миронов, с. 224.

и поскольку северное казачество может содействовать нам, мы приостанавливаем применение мер против казачества и не препятствуем их расслоению»³⁶⁷.

* * *

Решение приостановить «рассказывание» было принято в отсутствие его инициатора. В первых числах марта Свердлов выехал в Харьков, чтобы проследить за выборами в ЦК компартии Украины. Как писала одна из его помощниц, «непрестанно перегруппировывая, как на шахматной доске, «левых» и «правых», Свердлов стремился сохранить единство партии». По дороге в Москву он плохо себя почувствовал. Жена, дети и брат Вениамин встретили его на вокзале и отвезли домой. Кремлевские врачи нашли у него «испанку». Он продолжал работать над материалами VIII съезда партии, но жар усиливался, и 14 марта он потерял сознание. «В бреду, – писала Новгородцева, – он все время говорил о VIII съезде партии, пытался вскочить с кровати, искал какие-то резолюции. Ему казалось, что резолюции украли «левые коммунисты», он просил не пускать их, отобрать резолюции, прогнать их прочь. Он звал сына, хотел ему что-то сказать». Свердлов умер 16 марта, в день отмены директивы о «рассказывании». Ему было 34 года³⁶⁸.

Восемнадцатого марта Ленин произнес речь на экстренном заседании ВЦИК. «Товарищу Свердлову, – сказал он, – довелось в ходе нашей революции, в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции». Наиболее заметной из этих черт была «решительная, беспощадно твердая расправа с эксплуататорами и врагами трудового народа», но наиболее «глубокой и постоянной» – «организация пролетарских масс» и преданность делу партии.

Перед нами был тов. Свердлов как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера – человека, целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества, человека, который целиком и беззаветно отдался революции... Через нелегальные кружки, через революционную подпольную работу, через нелегальную партию, которую никто не воплощал и не выражал так цельно, как Я. М. Свердлов, – только через эту практическую школу, только таким путем мог он прийти к посту первого человека в первой социалистической Советской республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс³⁶⁹.

В «кипучей борьбе» революции ничто не ценится так высоко, как «бесспорно непререкаемый моральный авторитет, авторитет, почерпающий свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца». Такой авторитет был у Свердлова. «Достаточно было одного его слова, чтобы непререкаемым образом, без всяких совещаний, без всяких формальных голосований, вопрос был решен раз навсегда» (или, как сказал Осинский два дня спустя в речи о «бюрократизме», «сам ЦК как коллегиальный орган, в сущности говоря, не существовал... Товарищи Ленин и Свердлов решали очередные вопросы путем разговоров друг с другом и с теми отдельными товарищами, которые опять-таки стояли во главе какой-нибудь одной отрасли советской работы»). Великие революции, продолжал Ленин, «развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными».

³⁶⁷ Там же, с. 164, 224.

³⁶⁸ Виноградская, *События*, с. 180–187 (цитата на с. 183); Свердлов, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 390–395 (цитата на с. 393).

³⁶⁹ В. Ленин, «Речь памяти Свердлова на экстренном заседании ВЦИК», *ПСС*, т. 38, с. 74–79, <http://www.leninism.su/works/tom-38/rech-pamyati-ya-m-sverdlova-na-ekstrennom-zasedanii-vczik.html>

Никто не поверил бы, что из школы нелегального кружка и подпольной работы, из школы маленькой гонимой партии и Туруханской тюрьмы мог выйти такой организатор, который завоевал себе абсолютно непререкаемый авторитет, организатор всей Советской власти в России и единственный, по своим знаниям, организатор работы партии, которая создавала эти Советы и практически осуществляла Советскую власть, совершающую теперь свое тяжелое, мучительное, кровью залитое, но победоносное шествие ко всем народам, по странам всего мира³⁷⁰.

Спустя год Кира Эгон-Бессер и ее родители навестили Новгородцеву в Кремле. «Увидев нас, Клавдия Тимофеевна, человек очень спокойный и сдержанный, заплакала. Несколько минут мы постояли в молчании в той комнате, в которой умер Яков Михайлович, но в нашей памяти он навсегда остался живым»³⁷¹.

Наследие Свердлова в «русской Вандее» оставалось под вопросом. В день отмены директивы о расказачивании реввоенсовет Южного фронта отдал приказ о «а) сожжении восставших хуторов; б) беспощадных расстрелах всех без исключения лиц, принимавших прямое или косвенное участие в восстании; в) расстрелах через 5 или 10 человек взрослого мужского населения восставших хуторов; г) массовом взятии заложников из соседних к восставшим хуторам». На следующий день реввоенсовет Восьмой армии в лице Ионы Якира и Якова Весника отдал приказ о «поголовном уничтожении всех тех, кто имеет какое-либо отношение к восстанию и к противосоветской агитации, не останавливаясь перед процентным уничтожением населения станиц». 25 мая Троцкий издал приказ о контрнаступлении. «Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены, – писал он. – Каины должны быть истреблены»³⁷².

Но все ли казаки Каины? Глава Донбюро Сергей Сырцов выступал за «решительную расправу» (как он выразился в разговоре с Якиром) с последующим решением вопроса «о полном, быстром и решительном уничтожении казачества как особой бытовой экономической группы, разрушении его хозяйственно-экономических устоев, физическом уничтожении казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, активно контрреволюционных, распылении и обезвреживании рядового казачества и о формальной ликвидации казачества»³⁷³.

Другой член Донбюро, Арон Френкель, выступал за смену тактики.

Одним террористическим методом физического уничтожения наибольшего количества казаков, когда нет на Дону еще железной Советской власти, не пособить, так как всех казаков не уничтожить, а при таких условиях восстания будут продолжаться. Остается рядом с этим методом широко применять более радикальные террористические методы, указанные в той же инструкции ЦК, но еще не применяющиеся, а именно: экспроприация казачества (расказачивание) и массовое переселение их в глубь России с вселением на их место пришлых трудовых элементов³⁷⁴.

К августу 1919 года, когда большая часть Донской области оказалась под властью белых, Френкель окончательно отказался от идеи физического уничтожения. «Я признаю правильной перемену ЦК РКП донской политики в этом духе... Сословную борьбу между казачеством

³⁷⁰ Там же; *Восьмой съезд РКП(б), март 1919: протоколы* (М.: Политиздат, 1959), с. 164 (цитата Осинского).

³⁷¹ Эгон-Бессер, «Воля к жизни», с. 106.

³⁷² Филипп Миронов, с. 163, 164–165; Козлов, «Трагедия», <http://www.relga.rsu.ru/n31/don31.htm>

³⁷³ Филипп Миронов, с. 165, 185.

³⁷⁴ Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 173.

и крестьянством (иногородними) на Дону надо вести, по-моему, в рамках классовой борьбы, а не превращать в аморфную зоологическую борьбу»³⁷⁵.

Никто не возражал против террора. Нельзя было быть большевиком и возражать против террора. Споры шли о масштабах истребления и социальной природе казачества. Член РВС Особого экспедиционного корпуса Валентин Трифонов назвал политику поголовного террора «вопиюще-небрежной и преступно-легкомысленной». Всякий марксист, писал он, знает, что бытие определяет сознание. Бытие северян сильно отличается от бытия южан; следовательно, «материала для того, чтобы расколоть казаков, подогреть исстари существующую вражду севера к господствующему югу, было более чем достаточно». Для того «чтобы казаки перестали быть казаками», нужно «умелой пропагандой и агитацией вскрыть все темные стороны бывшего казачества (их очень много) и практикой советского строительства показать светлые стороны новой жизни». И наконец, «совершенно необходимо, чтобы организацию возглавляли товарищи с русскими фамилиями»³⁷⁶.

Трифонову был тридцать один год. Казак из северной станицы Новочеркасской, он в семь лет остался сиротой, работал слесарем в железнодорожных мастерских в Майкопе, вступил там в РСДРП и в 1905 году командовал боевой дружиной в Ростове. Большая часть его дореволюционной жизни прошла в тюрьмах и ссылках (в том числе три года в Туруханском крае). Его ближайшим другом и наставником был виленский большевик Арон Сольц, с которым он познакомился в ссылке, когда ему было девятнадцать лет, а Сольцу тридцать пять. После освобождения Трифонов поселился в петроградской квартире Татьяны Словатинской, где перед ссылкой в Туруханск жил Сталин. Словатинская выросла в Вильне и вступила в РСДРП, когда училась в петербургской консерватории. Ее партийным наставником был Сольц, а первым мужем (и отцом ее детей, Павла и Евгении) – двоюродный брат Сольца, Абрам Лурье. Трифонов, ставший ее гражданским мужем, был на девять лет младше. В феврале 1917 года он, по словам его сына, оказался «в водовороте Таврического дворца». Во время Октябрьского восстания он стал одним из организаторов Красной гвардии в Петрограде³⁷⁷.

³⁷⁵ Филипп Миронов, с. 310–311.

³⁷⁶ Филипп Миронов, с. 204–208.

³⁷⁷ Ю. Трифонов, «Отблеск костра», *Собрание сочинений* (М.: Художественная литература, 1987), с. 9–73 (цитата на с. 46); Трифонов, «Из дневников и рабочих тетрадей», с. 114; О. Трифонова-Мирошниченко, «Женщина из дома на набережной», *Комсомольская правда*, 3 июля 1988.

Валентин Трифонов
Предоставлено Ольгой Трифоновой

Филипп Миронов

Последнее предложение в докладе Трифонова (о товарищах с русскими фамилиями) относилось к попыткам мятежников отождествить «советскую власть» с «еврейскими коммунистами». Речь шла о племенной (библейской) версии принципа «враждебных лагерей» и о новой власти, во главе которой, по выражению казака-социалиста Филиппа Миронова, «стоят юноши от 18 до 20 лет, не умеющие даже правильно говорить по-русски». Миронов преувеличивал (главой Донбюро и наиболее последовательным сторонником поголовного террора был Сергей Сырцов, который вырос в соседнем Славгороде), но нет сомнения, что среди красных командиров в «Русской Вандее» было много юношей из черты оседлости. Арону Френкелю и Якову Веснику исполнилось по двадцать пять, а Ионе Якиру – двадцать три. Тридцатипятилетний Иосиф Ходоровский принадлежал к поколению Свердлова и Григория Сокольников-Бриллианта (самого последовательного противника поголовного террора на Дону)³⁷⁸.

³⁷⁸ Филипп Миронов, с. 152 (цитата Миронова), с. 737, 741–742.

Кремлевские вожди не знали, чьему совету следовать. Совнарком издал указ о массовом переселении крестьян в Донскую область, но наступление белых продолжалось, и большинство переселенцев не доехали до места назначения. В начале июня 1919 года, когда положение на фронте стало отчаянным, Троцкий вызвал Филиппа Миронова из почетной ссылки в Серпухове (куда его отправили по требованию Донбюро во время массовых расстрелов) и назначил его командующим Донским экспедиционным корпусом, с Трифоновым в качестве комиссара. Миронов выпустил несколько воззваний («Возможны ли в свободной стране, первой в мире социалистической республике антисемитские и погромные агитации?», «Допустимо ли, чтобы красноармеец, солдат народной армии, отказывался идти на позицию и самовольно ее оставлял?»), но вскоре Донская область была потеряна, экспедиционный корпус – распущен, а Миронов отправлен в Саранск для формирования регулярного казачьего корпуса. Трифонов отказался «принимать участие в создании войск, которые завоюют Дон для того, чтобы потом защищать его от Советской России». В письме Сольцу он назвал Троцкого «бездарнейшим организатором», а Миронова – «авантюристом»³⁷⁹.

* * *

Пророк чужого откровения – всегда авантюрист. Потоп и болото породили многих, «кто, в храмах или вне их, жестами и поступками изображают божественное вдохновение». Когда один из них доказал свою истинность, оказавшись в Доме революции, все остальные превратились в авантюристов. Оставалось три пути: изгнать Ленина из Кремля, построить свой собственный дом правительства или принять правду большевизма и отказаться от права на отдельное пророчество.

Миронов попробовал все три. Сорокасемилетний уроженец станицы Усть-Медведицкой и орденоносный ветеран Русско-Японской и «Империалистической» войн, он считал себя голосом и совестью «трудового казачества». Большевики считали так же – и относились к нему в соответствии с тем, что они думали о трудовом казачестве. Одни поддерживали создание советского казачьего корпуса, другие видели в этом акт предательства или преступной доверчивости. Тем временем Миронов сидел в Саранске, ждал людей и оружия, конфликтовал с местными комиссарами (которые писали жалобы на него в Москву) и пытался выяснить, что произошло на Дону в его отсутствие. Узнав о «каиновом деле именем власти», он написал Ленину.

Не могу больше молчать, ибо нет сил выносить народные страдания во имя чего-то абстрактного, отдаленного... Вся деятельность Коммунистической партии, Вами возглавляемой, направлена на истребление казачества, на истребление человечества вообще.

Он оставался верен «социальной революции» (понимаемой как «переход власти от одного класса к другому») и ждал прихода «апостолов коммунизма» с дарами «средств производства». Но коммунисты начали с конца.

Фундамента мы еще не построили... а уже бросились строить дом (коммуну). Постройка наша похожа на ту постройку, о которой *Христос* сказал, что подули ветры, раздули песок, сваи-столбы упали – и дом рухнул. Он рухнул потому, что не было фундамента, были лишь подведены столбы.

На строительство настоящего дома коммунизма уйдет «не один десяток лет долгого, терпеливого и упорного показа».

³⁷⁹ Holquist, *Making War*, с. 193–194; Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 174–175, 194–206; Филипп Миронов, с. 210; Генис, «Рассказывание», с. 50; Трифонов, «Отблеск костра», с. 111–117.

На безумие, которое раскрылось только теперь перед моими глазами, я не пойду и всеми силами, что еще остались во мне, буду бороться против уничтожения казачества и среднего крестьянства. Только теперь стал понятен мне дьявольский план коммунистов, и я проклинаю минуты, когда по наивности укреплял их позицию³⁸⁰.

На следующий день, 1 августа 1919 года, Миронов провозгласил новые лозунги – «Долой самодержавие комиссаров и бюрократизм коммунистов!» и «Долой беспощадное истребление казачества, объявленное евреем Троцким-Бронштейном!». Неделью спустя он подал заявление в Коммунистическую партию, в котором подтверждал свою веру в советскую власть и жаловался на сложившуюся вокруг него «клеветническую атмосферу, дышать в которой становится трудно». Через несколько дней после того, как его заявление было отклонено политотделом, Миронов написал программу новой Рабоче-крестьянско-казацкой партии³⁸¹.

Слушай, трудовой русский народ, разбуди свою совесть, и пусть она тебе скажет: нужно ли дальше поддерживать кровавых коммунистов, которые, покончив с казаками, возьмутся за середняка-крестьянина, ибо они настоящее человечество рассматривают как средство для своей программы. У них нет личности, а есть класс; нет человека, а есть человечество, а потому – строй коммуны «за счет любви к ближнему» во имя «любви к дальнему». Короче, истреби человечество настоящего для счастья человечества будущего...

О, если такой социализм, то все, что еще не потеряло совести, должно отвернуться от такого ужаса.

Искусственно вызывая казаков произволом и насилиями на контрреволюцию, не считаясь с его невежеством, а питаюсь только злобою – коммунистическая партия, или, вернее, ее некоторые главари – поставили себе цель – истребление казачества.

Стравив два разряда людей, они хохочут над русским человеком, над «гоем», захлебывающимся в собственной крови. Не за это ли самое коммунистов возненавидела русская деревня? Не поэтому ли самому так много дезертиров?

*Замерло по всей Руси свободное слово*³⁸².

Пятнадцатого августа один из мироновских комиссаров написал в ЦК и в РВС Южного фронта, что «политическая отсталость и темнота сознания» казачества, его «кастовая подозрительность ко всему неказачьему» и «лучшее экономическое положение казачества в довоенно-революционное время сравнительно с другими группами трудящихся России» делают казаков невосприимчивыми к идеалам коммунизма. В этих условиях «несдержанная агитация Миронова лично на митингах и через своих последователей оставляет большой след в умах казаков». «Вывод – Особый Донской казачий корпус не формировать», а казаков Миронова «распылить по дивизиям»³⁸³.

В тот же день Миронов написал письмо двум друзьям-красноармейцам.

Что делать, не знаю. Душа не мирится с мыслью, что если теперь будем завоевывать Дон и смотреть, как начнут истреблять наше бедное, темное казачество, а оно вынужденное свирепостью и жестокостью новых вандалов, новых опричников будет сжигать свои хутора и станицы. И неужели сердце

³⁸⁰ Филипп Миронов, с. 255–271.

³⁸¹ Там же, с. 272, 277.

³⁸² Там же, с. 280–282.

³⁸³ Там же, с. 294–295.

при виде этой адской картины не содрогнется и посылаемые несчастными людьми проклятия пройдут мимо нас.

С другой стороны – Деникин и контрреволюция. Здесь рабство трудовому народу, против которого мы год поборолись и должны бороться до уничтожения.

И вот стоишь, как древний русский богатырь, на распутье: направо поедешь – будешь убит, налево поедешь – конь погибнет, прямо поедешь – и сам, и конь погибнете...³⁸⁴

В русского богатыря верила двадцатилетняя деревенская учительница Надежда Суетенкова. Она ждала его ребенка и посвящала ему стихи.

Я люблю тебя, как солнце,
Что в раскрытое оконце
Смотрит ярко нам в лицо.
Я люблю тебя, как ветер,
Что в степи траву колышет,
И в лицо нам светло дышит.
Я люблю тебя, как волны,
Что в реке всегда гуляют,
И сверкая, и журча,
Наши ноги омывают.
Я люблю тебя, как любят
Свои светлые мечты:
Больше счастья, больше жизни,

Ярче, чем в лесу цветы³⁸⁵.

Она писала об их любви, о другом распутье, на котором он стоял – между ней и матерью его взрослых детей, – и о кресте былинного богатыря и пророка. «Верь твердо в свое назначение и жди терпеливо свой час. А он пробьет»³⁸⁶.

Пусть будет тяжек этот путь,
Но для тебя он есть отрада:
Измучен ты, устала грудь,
Но счастье людей не есть ли высшая награда?³⁸⁷

Девятнадцатого августа уполномоченный Казачьего отдела ВЦИК писал из Саранска в Москву:

За Мироновым идут и могут пойти массы трудящегося народа, потому что Миронов впитал в себя все мысли, настроения и желания народной и крестьянской массы в текущий момент революции и потому что в его открытых требованиях и желаниях невольно чувствуется, что Миронов есть тревожно мятущаяся душа огромной численности среднего крестьянства и казачества и, как человек преданный социальной революции, может

³⁸⁴ Там же, с. 298–299.

³⁸⁵ Там же, с. 661.

³⁸⁶ Там же, с. 660–666.

³⁸⁷ Там же, с. 666.

и способен всю колеблющуюся крестьянскую массу и казачество увлечь в последний опасный момент на беспощадную борьбу с контрреволюцией...

С другой стороны... вид т. Миронова производит впечатление затравленного и отчаявшегося человека. В последнее время т. Миронов, боясь ареста или покушения, держит около себя непосредственную охрану. Политработники боятся Миронова. Красноармейцы в возбужденном состоянии и каждую минуту готовы к вооруженному выступлению на защиту Миронова от покушения на него политработников³⁸⁸.

Спустя два дня, 21 августа, один из соратников Миронова, Константин Булаткин, написал своему бывшему командиру Семену Буденному:

Товарищ Миронов... это не только великий стратег и полководец, но и великий пророк... Он находится в опале, потому что любит правду... Если бы ему дали возможность сформировать корпус, тебе голову на отрез даю, что, появившись с ним на фронте, дух морально в два счета бы повысился и перевес бы был сразу на нашей стороне³⁸⁹.

Двадцать второго августа Миронов приказал своим бойцам готовиться к выступлению. «Помните, вы не одиноки. С вами подлинная душа измученного народа. Если и погибнете в боях, то погибнете за правду. Любить же правду и умирать за нее завещал Христос»³⁹⁰.

На следующий день Миронову позвонил член ЦК и начальник Политуправления Реввоенсовета Республики, двадцатилетний Ивар Смилга. Ведущий комиссар Красной армии, Смилга родился и вырос в Лифляндской губернии, вступил в партию в возрасте четырнадцати лет (после того как его отца, участника революции 1905 года, расстреляли правительственные войска), пять лет изучал философию и политэкономию в сибирской ссылке и в 1917 году возглавил октябрьское вооруженное восстание в Финляндии. Сохранился текст его «прямой линии» с Мироновым³⁹¹.

Смилга. Я категорически настаиваю, чтобы вы своими несогласованными действиями не затрудняли бы положение наших армий...

Миронов. Если вы, т. Смилга, имеете чутье государственного человека, то я тоже категорически настаиваю не препятствовать мне уйти на фронт. Только там я буду чувствовать себя удовлетворенным. Прошу не создавать атмосферы сгущения, я это решил положительно, видя гибель революции, и меня остановит только смерть. А я хотел, чтобы взяли мою жизнь на спасение революции, в которой она сейчас нуждается. Повторяю, если мне в этом будет отказано, я утратил всякую веру в людей, стоящих у власти.

Смилга. Тов. Миронов, никто не думает лишать вас... (*Миронов прерывает*)

Миронов. И вынужден не утрачивать веры в идею народных масс. Я меньше всего хотел того, что создалось вокруг меня, и вдобавок нахожусь под тяжким впечатлением зверств, учиненных над уральскими казаками коммунистом Ермоленко и над донскими – Донским бюро, создавшими этот страшный фронт для революции. Над моей докладной запиской от 16 марта

³⁸⁸ Там же, с. 303–304.

³⁸⁹ Там же, с. 313–314.

³⁹⁰ Там же, с. 320.

³⁹¹ *Деятели СССР*, с. 675–676; С. Бурин, «Судьбы безвестные», *Наука и жизнь* № 12 (1989), с. 57–64; А. Ненароков, «И. Т. Смилга» *Реввоенсовет Республики* (М.: Политиздат, 1991), с. 350–359; интервью автора с Татьяной Иваровной Смилгой 19 января 1998 г.

в Реввоенсовете Республики, видимо, посмеялись, а если бы она была принята во внимание, не было бы теперь местного фронта т. Миронова.

Смилга. Меня зовет Москва к проводу по поводу вашего выступления. От имени Революционного военного совета Республики приказываю вам не отправлять ни одной части без разрешения на фронт.

Миронов. Я уезжаю один, но жить здесь не могу, меня жестоко оскорбляют.

Смилга. Приезжайте в Пензу, здесь сейчас командующий Особой группой Шорин и Трифонов, сообща решим план действий. Не создавайте сумятицы.

Миронов. Выхать в Пензу не могу, ибо не верю в безопасность. Могу подойти с дивизией.

Смилга. Вашей безопасности ничто не угрожает. Это я вам заявляю официально.

Миронов. Прошу разрешить конвой в 150 человек.

Смилга. Хорошо, возьмите 150 человек и приезжайте немедленно сюда.

Миронов. Прошу поставить в известность 23-ю дивизию, что я вызываюсь в Пензу, чтобы она знала, что со мной случилось, и только вам, т. Смилга, как человеку, которому я глубоко верю, я поручаю себя.

Смилга. Выезжайте немедленно. Вполне уверен, что все недоразумения разрешим. Спешу на аппарат, до свидания³⁹².

Позже Миронов утверждал, что был готов немедленно выехать, но кто-то предупредил его о готовящемся аресте. 24 августа он отбыл на фронт во главе нескольких тысяч человек. «Все так называемые дезертиры присоединятся ко мне и составят ту грозную силу, перед которой дрогнет Деникин и склонятся коммунисты». Смилга объявил Миронова предателем и «лакеем Деникина». Троцкий призвал всех «честных граждан» пристрелить его «как бешеную собаку» и обвинил его в распространении «подлого слуха, будто советская власть хочет истребить казачество». После трех недель странствий по степи Миронов и около пятисот оставшихся с ним казаков были окружены войсками Красной армии. 13 сентября Булаткин написал Буденному, что Миронов – «истинный вождь революции» и что «за ним идет вся истрадавшаяся, измученная душа народа». На следующий день Миронов, Булаткин и их бойцы сдались Буденному без боя. Буденный приказал расстрелять Миронова, но Троцкий настоял на показательном суде в «воспитательных» целях. В специальной статье в «Правде» он согласился с характеристикой Булаткина, но раскрыл ее подлинное социологическое содержание. «Есть казачья беднота, пролетарская и полупролетарская часть казачества, которая сейчас уже всей душой своей тянет к нам. Есть верхи казаческие, непримиримо враждебные пролетариату и Советской власти. И есть широкий промежуточный слой казаков-середняков, в политическом отношении еще очень отсталых». Миронов отражает «путанность и переметчивость отсталого казака-середняка»³⁹³.

Сразу после ареста Миронов попросил Чрезвычайную следственную комиссию узаконить его гражданский брак с Надеждой Суетенковой, «чтобы дать имя ожидаемому ребенку». И записал в дневнике: «Дух свободно парит в пространстве; с ним вольный дух Нади»³⁹⁴.

Булаткин отрекся от пророка. В письме Ленину и Троцкому он писал³⁹⁵:

³⁹² Филипп Миронов, с. 321–322.

³⁹³ Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 229–236; Филипп Миронов, с. 323–325, 327, 374–375, 382, 390, 392.

³⁹⁴ Филипп Миронов, с. 434.

³⁹⁵ Там же, с. 660.

Великие Вожди пролетариата и Апостолы мировой Коммуны, я – не мироновец, я – то колено, о которое споткнулся и пал Миронов, что он утвердит сам. Прочитайте мою исповедь, сданную т. Полуяну, начальнику политотдела 9-ой армии. Я уже двухлетний, с оружием в руках, слуга Коммуны и Ваш. Я безбрежно предан ей и во имя ее молю Вас не допустить роковой для моей жизни ошибки³⁹⁶.

На суде Булаткин, согласно газетному отчету, «старался всю вину свалить на Миронова, с которым он, Булаткин, пошел лишь для того, чтобы убить изменника Миронова». Миронов «держал себя спокойно, с достоинством»³⁹⁷.

По предложению Троцкого обвинителем был назначен Смилга, а председателем суда – зять Смилги, кубанский казак Дмитрий Полуян. Миронов признал себя виновным и сослался на свое душевное состояние.

Миронов. Когда после октябрьского переворота я стал на сторону Советской власти, Краснов меня называл все время предателем; я же, будучи на Дону, все время разъяснял казакам о значении нового строя, говорил о Советской власти, о новой форме правления, в которой будут участвовать все трудящиеся, и казаки, слушая меня, соглашались со мной и охотно шли на сторону Советской власти. Когда же увидел те безобразия и бесчинства, которые творились коммунистами на Дону, я почувствовал себя предателем по отношению к тем, которым я говорил про Советскую власть и призывал служить ей. Я считал, что Троцкий является руководителем такой политики на Дону, и мне стало больно, что в центре так относятся к казачьему вопросу, и, называя Троцкого Бронштейном, я не имел в виду разжечь национальную рознь.

Председатель. Что же, вы приписывали такую политику Троцкому как политическому вождю или как еврею?

Миронов. Как еврею, я признаю свою ошибку.

³⁹⁶ Там же, с. 398.

³⁹⁷ Там же, с. 437, 441.

Ивар Смилга

Большинство обвиняемых утверждали, что следовали за Мироновым. Сам Миронов утверждал, что следовал инстинкту. «Конечно, я действовал нелогично, я признаю себя виновным, но поймите мое душевное состояние, поймите ту атмосферу, которая окружала меня в течение семи месяцев. Мне крайне больно, что я не исполнил вашего приказа и выступил на фронт, но поверьте, что злого умысла в этом не было и что все, что я делал, я делал для укрепления Советской власти»³⁹⁸.

В своей обвинительной речи Смилга сказал, что Миронов – не орел и не народный герой, а «всего лишь селезень». «Истинные вожди характеризуются правильным пониманием обстановки, задач своего класса и бесстрашным проведением своих планов в жизнь. У Миронова же не было ни этого понимания, ни нужного бесстрашия». Он – «политический недоносок», создавший самую «путаную и туманную идеологию» за всю историю революции. Отрицая, что «путь к социализму лежит через диктатуру угнетенных над угнетателями», он не выходит за рамки «полутолстовской, полусентиментальной мелодрамы». Смысл революции заключа-

³⁹⁸ Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 246–247.

ется в «борьбе крайностей – рабочего класса, партии коммунистов и Советской власти, с одной стороны, и буржуазной контрреволюции... с другой». По «неумолимой логике вещей» всякое соглашательство ведет к Деникину и контрреволюции. Лишь одна сила «выйдет победителем из этой страшной колоссальной борьбы». Что до зверств, о которых говорил Миронов, то «главные виновники уже наказаны» и в любом случае дело не в зверствах как таковых.

Вспомните Французскую революцию и борьбу Вандеи с Конвентом. Вы увидите, что войска Конвента совершали ужасные поступки, ужасные с точки зрения индивидуального человека. Поступки войск Конвента понятны лишь при свете классового анализа. Они оправданы историей, потому что их совершил новый прогрессивный класс, сметающий со своего пути пережитки феодализма и народного невежества. То же самое и теперь. Вы это также должны были понять. Вы говорите о Марксе, но смею вас уверить, что вы ни одной его строчки не читали. Приводимые вами из него цитаты чести вам не делают. Вам надлежало бы быть более скромным с цитированием авторов, которые вам незнакомы.

Заклучив, что «сор мелкобуржуазной идеологии должен быть сметен с пути революции», Смилга потребовал расстрела для Миронова и его командиров, а также для каждого десятого члена его конвоя и каждого двадцатого красноармейца («по списку»)³⁹⁹.

В своем последнем слове Миронов принял предложенный Смилгой тон диалога между «студентом» и рабочим и признал, что является «опытным бойцом, но политически отсталым человеком». Маркса он действительно не читал, но в камере прочел книгу о «социальном движении во Франции» и нашел в ней точное определение таких людей, как он. «Люди, лишенные научных знаний, ищущие и стремящиеся к справедливости чувством и сердцем, называются социалистами-эмпириками: таким как раз являюсь я, в этом мое несчастье, и я прошу революционный трибунал прислушаться к этому».

Я уже не говорю о том, как я рос, в каких условиях протекали мои детские годы. Мундир с чужого плеча, обед с чужой кухни, и я рано начал понимать всю тяжесть и гнет бедноты. Итак, вы видите, что я всю жизнь провел в желании помочь народу, облегчить его страдания. Сам вышел из народа и отлично понимаю его нужды, и с первых дней революции и до сих пор не ухожу от народа.

«Моя жизнь была крест, – сказал он в заключение, – и если нужно его нести на Голгофу – я понесу, и, хотите верьте, хотите нет, я крикну: «Да здравствует социальная революция, да здравствует коммуна и коммунизм!»⁴⁰⁰

Суд в лице Полуяна и двух помощников приговорил Миронова и десятиерых его командиров к расстрелу. Миронов попросил суд разрешить приговоренным провести последнюю ночь вместе. Для себя он попросил бумагу и чернила. Обе просьбы были удовлетворены⁴⁰¹.

В тюрьме Миронов написал письмо бывшей жене, в котором просил у нее прощения и благословлял детей «на тяжелую жизнь», и длинное письмо «милой, родной, бесконечно любимой Нодюрочке», в котором уверял ее, что по-прежнему верит в коммуны и коммунистов («но не таких, что разливают желчь по народному телу, а такую коммуны и коммунистов, к которым, как к источнику в пустыне, будет тянуться усталый душой народ»), что она сделала

³⁹⁹ Филипп Миронов, с. 415–423.

⁴⁰⁰ Там же, с. 423–427.

⁴⁰¹ Там же, с. 427–430; Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 260.

его «самым счастливейшим смертным, даже и в минуты смерти» и что единственное, о чем он жалеет, – это что не увидит «милого сына или милую дочь»⁴⁰².

В ту ночь он сделал запись в дневнике:

Всех свели по просьбе в общую камеру, в ту комнату, где велся допрос. Смертники собрались вместе... Психология обреченных в рассказе о семи повешенных Андреева... Но у нас были люди и другие – сильнее...

Каждый старался забыть чем бы то ни было, чем бы то ни было прогнать мысль о близком, бесславном, с точки зрения толпы, конце. Пели, один плясал и т. д., а больше все стены отдувались: здесь было усилие оправдаться в глазах неизбежного...

«Сейчас я кончил беседу с Богом...» – «Человек, приготовься к смерти: через несколько часов ты должен умереть. Очисти свою душу и совесть, и приди ко Мне, чтобы я мог тебя спросить – исполнил ли ты назначение, которое я дал тебе, посылая на землю». 7/X-1919 г. (восемь часов до расстрела), Ф. Миронов

Позже он записал:

Это не тот страх смерти, когда в пылу сражения, среди треска пулеметов, свиста пуль и скрежета снарядов человек играет опасностью, так как знает, что смерть его – дело случая. Он предполагает свою смерть. Смерть в бою не страшна: один момент – и все кончено. Но ужасно для человеческой души сознание близкой, неотвратимой смерти, когда нет надежды на случай, когда знаешь, что ничто в мире не может остановить приближающейся могилы, когда до страшного момента остается времени все меньше и меньше и когда наконец тебе говорят: «Яма для тебя готова»⁴⁰³.

Смилга и Трифонов. Предоставлено Ольгой Трифоновой

⁴⁰² Филипп Миронов, с. 674, 677.

⁴⁰³ Там же, с. 433–434, 449.

Приговор был оглашен 7 октября в три часа утра. Через несколько часов Троцкий написал Смилга, что, учитывая поведение Миронова на суде, «было бы целесообразно» его помиловать. «Медленность нашего наступления на Дон требует усиленного политического воздействия на казачество в целях его раскола. Для этой миссии можно, может быть, воспользоваться Мироновым, вызвав его в Москву после приговора и помиловав его через ЦИК при его обязательстве направиться в тыл и поднять там восстание». Троцкий начал сомневаться в верности политики партии на Дону в середине сентября, когда Миронов был арестован. Не исключено, что весь суд со смертным приговором и последующим помилованием был представлением, организованным «в воспитательных целях»⁴⁰⁴.

Смилга был, похоже, только рад. В тот же день в разговоре с Трифоновым он сказал, что «не считает полезным убивать Миронова и его товарищей». Как он объяснил впоследствии, «помилование середняка-крестьянина – вот политическое значение этого процесса». Политбюро проголосовало за отмену приговора. В ночь на 8 октября Смилга вошел в камеру осужденных и сообщил им о правительственном решении. По его воспоминаниям, «поседевший за одну ночь Миронов... зарыдал, как ребенок, и дал торжественное обещание отдать остаток своих сил борьбе за Советскую власть». 11 октября, не выходя из тюрьмы, Миронов написал обращение к донским казакам⁴⁰⁵.

Страшные ужасы пережил наш старый, седой Дон Иванович.

В пустыню он обращается по темноте и невежеству сынов своих.

Братья станичники! Убитых, расстрелянных и замученных людей не воскресить как с той, так и с другой стороны. Не в силах это человеческих, но остановить дальнейшие убийства и расстрелы – в руках человеческих, в наших руках. Это мы должны сделать во что бы то ни стало. Это в наших руках, это вполне зависит от нас.

Я обращаюсь к вам, донские казаки, как бы пришедший с того света.

Я говорю вам голосом из-за могилы, которая пустою только что засыпана за мною:

«Остановитесь, остановитесь. Опомнитесь, задумайтесь, пока не поздно, пока не все еще потеряно, пока можно еще найти путь к миру с трудящимися массами русского народа...»

Я говорю это пророчески...

Идея коммунизма – святая⁴⁰⁶.

Спустя два дня Оргбюро ЦК приказало Нижегородскому губкому освободить Надежду Суетенкову из тюрьмы, где она содержалась в качестве заложницы. Через две недели, 26 октября 1919 года, Политбюро постановило ввести Миронова в Донисполком, дать ему командное назначение на Юго-Восточный фронт, опубликовать его обращение к донским казакам и позволить ему выехать «к семье» в Нижний Новгород. В январе 1920 года его приняли в Коммунистическую партию⁴⁰⁷.

В конце августа 1920 года Троцкий назначил Миронова командующим Второй конной армией, а его бывшего судью Дмитрия Полуяна – членом реввоенсовета («Кто старое помянет, тому глаз вон», – писал он). Вторая конная отличилась в боях с Врангелем и сыграла важную роль в захвате Крыма. Миронов был награжден Орденом Красного Знамени и в январе 1921-

⁴⁰⁴ Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 271–280.

⁴⁰⁵ Филипп Миронов, с. 430, 433; Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 266.

⁴⁰⁶ Филипп Миронов, с. 447–452.

⁴⁰⁷ Там же, с. 452, 460, 628, 651; Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 289.

го отозван в Москву. Гражданская война закончилась. Началась эра «принудительной самодисциплины»⁴⁰⁸.

Миронов с Надеждой ехали специальным поездом. Их дочь умерла, и Надежда снова была беременна. На станциях Миронова встречали митингами и, как он выразился, «паломничеством масс». В Ростове с ним встретился Смилга, который командовал Кавказским фронтом (оставаясь главой Политуправления Реввоенсовета). Перед отъездом в Москву Миронов остановился в Усть-Медведицкой, где ему рассказали об обысках, арестах, продразверстке и вооруженном восстании, поднятом одним из его бывших командиров. Как он писал позднее, «находясь на фронте, вечно в боях, я не имел представления о том, в каком тяжелом состоянии находилась наша страна, и, оторвавшись от армии и попав в среду крестьянства, мне душой стало жаль их состояние, так как каждый на что-нибудь да жаловался». Он произнес несколько речей против «лжекоммунистов» и запрета на торговлю хлебом. На собрании в доме Миронова несколько его старых друзей и один новый знакомый основали тайную ячейку и договорились об обмене шифрованными посланиями. Новый знакомый оказался агентом ВЧК. 12 февраля 1921 года Миронова и Надежду арестовали и отправили в Бутырскую тюрьму⁴⁰⁹.

По словам Надежды, мужчины и женщины гуляли в одном и том же тюремном дворе.

И вдруг в одну из прогулок я увидела его. Мы подбежали друг к другу и обнялись. Я успела сказать ему о своем положении, спросила, что мне делать. Он был бледен, взволнован, но сказал мне, чтобы я не волновалась и берегла себя и ребенка, что бы с ним ни случилось. На нас закричали конвоиры, велели разойтись. Меня сильно потрясла эта встреча, и самые черные мысли лезли в голову⁴¹⁰.

Они виделись еще несколько раз. 31 марта Миронов передал Надежде копию письма Калинину, в котором он писал, что его Бог – его совесть, что совесть его чиста и что переход от продразверстки к продналогу – доказательство его правоты.

Помню, что он просил, чтобы я пришла на прогулку 2 апреля обязательно, так как он надеялся получить ответ на свое письмо. Но, как я вспоминаю, 2 апреля прогулка для арестованных была отменена⁴¹¹.

Второго апреля президиум ВЧК издал постановление о расстреле Миронова. Он был убит в тот же вечер во время прогулки, в которой никто больше не участвовал. Не было ни суда, ни предупреждения, ни «сознания близкой, неотвратимой смерти, когда нет надежды на случай, когда знаешь, что ничто в мире не может остановить приближающейся могилы»⁴¹².

Надежда провела в тюрьме еще четыре месяца. Как писал один из следователей, «Миронова виновата постольку, поскольку отрицает виновность своего мужа, считая его действия справедливыми со своей точки зрения». О судьбе Миронова ей не сообщили. Ее письма в президиум ВЧК оставались без ответа. Дважды она писала в тюремную администрацию о начале голодовки, потому что «лучше умереть, нежели так страдать, не зная за что». В конце августа или начале сентября она родила мальчика, который через несколько лет умер⁴¹³.

⁴⁰⁸ Бухарин, *Экономика переходного периода*, с. 165–166.

⁴⁰⁹ Филипп Миронов, с. 498, 504, 588–620, 622 (о слухах), 651 (о паломничествах); Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 300–348; В. Яценко, *Большевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону* (М.: Либроком, 2008), с. 31–46.

⁴¹⁰ Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 348; Филипп Миронов, с. 640–649.

⁴¹¹ Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 348.

⁴¹² Медведев, Стариков, *Жизнь и гибель*, с. 360; Филипп Миронов, с. 681–684.

⁴¹³ Филипп Миронов, с. 657–659, 734.

6. Новый град

Большинство милленаристских сект умирают вместе со своим пророком. Некоторые живут дольше, но перестают быть милленаристскими. Некоторые остаются милленаристскими до конца, потому что конец наступает до построения стабильного государства. Христианство выжило как секта, перестало быть милленаристским и воцарилось в Вавилоне в качестве официальной идеологии. Израильтяне и мормоны пересекли пустыню, обменяли молоко и мед на стабильные государства и вошли в состав более крупных империй. Мусульмане создали свои собственные империи, периодически сотрясаемые «фундаменталистскими» реформациями. Анабаптисты и якобинцы захватили существующие политические институты, перестроили их по образу будущего совершенства, но проиграли более умеренным реформаторам. Только большевики разрушили «тюрьму народов», истребили соглашателей, реформировали семью, отменили частную собственность и утвердились во главе Вавилона, не переставая ожидать тысячелетнего царства при жизни нынешнего поколения. Впервые в истории секте на пике милленаристского энтузиазма удалось захватить власть в действующей империи (если не считать Сефевидов, чей милленаризм был менее радикальным). Это как если бы Пятые монархисты победили в Гражданской войне в Англии, реформировали все места и ремесла и взялись за искоренение растений, не насаженных небесным отцом. То, что Россия не остров, делало задачу еще более сложной.

Существует два основных типа отношений между государствами и специалистами по спасению заблудших. В первом государство занимает нейтральную позицию и относится ко всем кандидатам на духовную монополию одинаково снисходительно. Это характерно для многих традиционных империй (в том числе основанных воинами-кочевниками) и постхристианских либеральных государств, «отделенных от церкви». Как писал Гиббон о «различных верованиях», практиковавшихся в Риме при Антонинах, «простолюдины считали их одинаково истинными, философы – одинаково ложными, а чиновники – одинаково полезными». Это не означает, что подобные государства являются «светскими» в смысле безразличия к сакральной легитимности, – это означает, что они настолько уверены в собственной сакральной легитимности, что не нуждаются в поддержке пророков, не имеющих отношения к божественной природе правящего режима. Западные либеральные государства не являются исключением: называя других претендентов на духовную монополию «религиями» и никак не называя свою собственную, они демонстрируют нерелексивную мощь официальной веры⁴¹⁴.

«Расколдованных» миров и абсолютно светских обществ не существует. Ни одно государство, даже самое рутинизированное, не теряет связь со своими священными истоками, и никакая власть не опирается на чисто рациональную легитимность. Отдельные правительства могут описывать свое право на правление в терминах юридической процедуры, но государства, которые они представляют, этим не ограничиваются. Некоторые законы «фундаментальнее» других, и некоторые фундаментальные законы подлежат толкованию жрецов или Верховных судов, чья миссия заключается в освящении меняющихся норм в свете этих законов, но такого рода конституционные традиции более уязвимы, чем их талмудические предшественники, из-за очевидной порочности логического круга (все законодотворчество ограничено конституцией, которая является результатом законодотворчества). Проблема решается укреплением легально-рациональных каркасов священными атрибутами бессмертных народов или привязкой кон-

⁴¹⁴ Edward Gibbon, *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, т. 1 (Philadelphia: Claxton, Remsen & Haffelfinger, 1875), с. 34, http://books.google.com/books?id=V6ELAAAYAAJ&pg=PA34&lpg=PA34&dq=gibbon+decline+and+fall+were+all+considered+by+the+people+as+equally+true&source=bl&ots=xwI3DNxAX2&sig=gRuocgkDTiV77tk8zliBlv-Da-Y&hl=en&ei=njw_TPrdC4b0swOnvux1CA&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=11&ved=0CDwQ6AEwCg#v=onepage&q&f=false; Lewy, *Religion and Revolution*, с. 23.

ституционных режимов к «естественному праву» (и выведением прав гражданина из «прав человека»). Моноэтнические либеральные государства, полагающиеся на племенные мифы, много делают для их развития и национализации; «гражданские нации» приравнивают народ к государству и поклоняются политическим институтам. В США культ национальных святынь, повсеместное присутствие флага и гимна и ритуализованное преклонение перед «мужчинами и женщинами в военной форме» замечательны своей необсуждаемой демонстративностью. Государству, защищенному собственной сакральностью, нет нужды беспокоиться из-за шаткости его легально-рациональных опор и притязаний со стороны нескольких неуверенных в себе «деноминаций» (монополий на спасение, потерявших веру в свое право на монополию). Столкнувшись с серьезной угрозой священному центру своей легитимности и фактом массового перехода части элиты в другую веру, американское государство середины XX века объявило своих подданных-коммунистов «неамериканцами» и энергично защищалось, пока опасность не миновала. «Терпимость» – удел побежденных и никому не нужных⁴¹⁵.

Второй тип отношений между государством и организациями, дарующими спасение, – отождествление государства с одной из них. Такого рода моногамные режимы принято классифицировать по характеру отношений между их политическими и жреческими институтами. На одном конце спектра – государства, в которых духовная бюрократия безусловно подчинена политической (как в Российской империи). На другом – «иерократии» («теократии», «идеократии»), где доминируют специалисты в области спасения (как в некоторых тибетских, древнееврейских и позднеегипетских государствах, а также в кальвинистской Женеве, пуританском Массачусетсе и Исламской Республике Иран).

Государства, привязанные к определенной священной монополии, по-разному относятся к альтернативным (неофициальным) поставщикам спасения на своей территории. На одном конце – унитарные государства (по большей части иерократии на пике душеспасительного энтузиазма и строго моногамные режимы, подобные католической Испании времен Фердинанда и Изабеллы), пытающиеся внедрить тотальное единообразие при помощи изгнаний, инквизиций, массовых убийств и насильственных обращений в официальную веру. По мере удаления от полюса унитарности растет готовность к компромиссу и различным видам терпимости⁴¹⁶.

Государство, которым управляли большевики в конце Гражданской войны, было незрелой иерократией с серьезными унитарными амбициями. Все ветви власти – административная, судебная, экономическая и военная – контролировались сообществом единоверцев, прошедших процесс личного обращения. Коммунистическая партия оставалась сектой (единственными требованиями для новых членов были знание писания и личная добродетель, гарантируемые старейшинами), но не вполне сложилась в жреческую касту во главе полнокровной иерократии, поскольку большинство подданных оставались необращенными язычниками. Глава партии являлся главой государства независимо от официального титула. Государство было диктатурой святых на территории бывшей Российской империи.

В отношении альтернативных откровений большевики были менее тоталитарными, чем некоторые из их предшественников: нападая на христианство, ислам и другие неистинные сосуды сакральности, они не запрещали их деятельность – отчасти из-за огромного количества необращенных, но в первую очередь потому, что не считали верования, не пользующиеся языком социологии, достойными конкурентами. Они смотрели на «религию» так же, как правящие христианские церкви смотрели на «язычников»: с презрением, но без страха и ненави-

⁴¹⁵ Ср.: Weber, *Economy and Society*, т. 1, с. 216, 241; Edward Shils, *Center and Periphery* (Chicago: The University of Chicago Press, 1975), с. 256–275; Gianfranco Poggi, *Forms of Power* (Cambridge: Polity, 2001), с. 89.

⁴¹⁶ Об «иерократиях» см.: Weber, *Economy and Society*, т. 2, с. 1159–1163.

сти. Подобная толерантность не распространялась на слуг капитала и соглашателей из числа членов секты.

Все враги большевизма делились на защитников старого мира и лжепророков нового. К последним относились псевдомарксисты, которые группировались по типу соглашательства, социалисты-немарксисты, которые классифицировались по степени удаленности от марксизма, и интегральные националисты, которые считались более или менее сознательными представителями буржуазии (все меньшевики считались более или менее сознательными представителями буржуазии, но фашистам и их идейным родственникам отводилась особая роль в эпоху агонии старого мира).

Все революционеры начала XX века, где бы они ни находились на шкале класс-племя, презирали эгоизм, индивидуализм, дряхлость, изнеженность, испорченность, искусственность, иронию, загнивание и трусливый компромисс (под личиной либерализма, парламентаризма и демократии). Старому миру противостояли идеалы возмездия, насилия, искренности, мужества, решимости, жертвенности, братства и веры в грядущее обновление и осознанную необходимость. Коммунисты и интегральные националисты были законными наследниками французской и английской революций в том смысле, в каком протестантские реформаторы были законными наследниками раннего христианства: и те и другие восстали против рутинизации во имя первоначального пророчества. Некоторые стали милленаристами. Но только большевики захватили государственную власть.

* * *

Советское государство покоилось на двух столпах: специализированных министерствах, унаследованных от старого режима под именем «народных комиссариатов», и сети региональных партийных комитетов во главе с ЦК. Региональные комитеты контролировали все стороны жизни на своей территории, ЦК контролировал всё без исключения. Партийные функционеры, включая наркомов и их заместителей, принадлежали к единой системе назначений, исходящей из Секретариата ЦК и распространявшейся на все уровни партийной иерархии. Чем ближе к вершине, тем выше доля бывших студентов и шире сфера административной и идеологической компетенции. Человек, занимавший высшую должность, был незаменим и всеведущ. Свердлов, который «носил в памяти биографический словарь коммунистов», сменил административный аппарат и формальная субординация, но ключевые назначения по-прежнему производились на почве личного знакомства времен дореволюционного подполья и фронтовых ревкомов. Трехгодичное междуцарствие в Секретариате ЦК (заполненное по мере сил Крестинским и Молотовым) закончилось в мае 1922 года назначением Сталина генеральным секретарем. У Ленина был Свердлов, у Свердлова была волшебная записная книжка. Сталин стал идеальным сочетанием Ленина и Свердлова⁴¹⁷.

Партию окружали миллионы «беспартийных», внезапно оказавшиеся в ее ведении. Как говорит злодей в «Городе Градов» Платонова (1926):

Так вот, я и говорю, что такое губком? А я вам скажу: секретарь – это архиерей, а губком – епархия! Верно ведь? И епархия мудрая и серьезная, потому что религия пошла новая и посерьезней православной. Теперь на собрание – ко всеобщей – попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш

⁴¹⁷ См., в частности: Gerald M. Easter, *Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia* (Cambridge: Cambridge University Press).

билетик, мы отметочку там сделаем! Отметочки четыре будут, тебя в язычники зачислят. А язычник у нас хлеба не найдет! Так-то!⁴¹⁸

Главное отличие заключалось в том, что выше партийного секретаря в губернии никого не было, генеральный секретарь являлся фактическим главой государства, последний деревенский священник мог быть судьей и палачом, и ни у одного попа не было постоянного прихода.

Никто, кроме Вождя, не имел постоянной должности (или адреса). Партийные функционеры переводились с места на место в рамках теории, согласно которой любой аптекарь, даже «малоопытный», может управлять государством. Бывший пастух Василий Орехов, который в 1908 году «надел Куделькину на голову чашку со щами и обварил всю голову», воевал на Дону, где получил «сразу семь ран, три из коих тяжелы», и стал сначала членом коллегии ревтрибунала, а потом помощником прокурора Московской губернии. Донбасский шахтер Роман Терехов, начавший вооруженную борьбу с попытки убить цехового механика, организовывал большевистские ячейки в тылу белых, служил агитатором в Красной армии и сменил несколько партийных должностей в родной Юзовке, пока не стал секретарем ЦКК Компартии Украины. Ивановский ситцепечатник Павел Постышев остался в Сибири после Февральской революции, стал одним из главных красных командиров на Дальнем Востоке и, прослужив несколько лет в Киевском губкоме, получил должность секретаря ЦК Компартии Украины. «Политически недостаточно развитый» пекарь Борис Иванов национализировал по заданию Свердлова мукомольную промышленность, поработал «как огитатор на пароходе ВЦИК «Красной звезде» на Астраханских рыбных промыслах», был избран депутатом Моссовета в 1919 году и провел большую часть 1920-х годов на руководящих должностях в профсоюзе пищевиков. Бывший зубной врач и верховный царевый Филипп Голощекин служил начальником Главруды, председателем костромского и самарского губисполкомов и, с 1924 года, секретарем Крайкома Казахстана. Бывший рабочий Семен Канатчиков (они с Ивановым вместе работали пропагандистами в петербургской «женской взаимопомощи» в 1908 году, вскоре после отъезда Канатчикова из Болота) служил на партийных постах в Сибири, Казани и на Урале, после чего был направлен на «культурный фронт» и стал одним из основателей Коммунистического университета им. Свердлова в Москве, ректором Коммунистического университета им. Зиновьева в Петрограде, заведующим отделом печати ЦК, корреспондентом ТАСС в Праге, а после 1928-го – членом редколлегий нескольких журналов и издательств⁴¹⁹.

Главным соперником Канатчикова на литературном фронте был бывший семинарист Александр Воронский, которого перевели из Одессы в Иваново на работу секретарем горкома и главным редактором газеты «Рабочий путь», оттуда в Харьков заведующим политотделом Донецкой железной дороги, а в феврале 1921 года – в Москву, где Крупская поставила его во главе редакционно-издательского подотдела Главполитпросвета. Спустя несколько недель он стал заведующим отделом современной литературы Госиздата, главным редактором литературного журнала «Красная новь» и верховным судьей, пропагандистом и идеологом новой советской литературы⁴²⁰.

Одним из литературных протеже Воронского был Александр Аросев, «мемуарист внутрипартийных душевных состояний», а также помощник командующего Московским военным округом, комиссар штаба 10-й армии, председатель верховного революционного трибунала Украины, заместитель директора Института Ленина в Москве, секретарь советских полпредств

⁴¹⁸ А. Платонов, *Город Градов*, <http://emsu.ru/lm/cc/platonov.htm>

⁴¹⁹ РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1429, 1919, 745, 484; Reginald E. Zelnik, «The Fate of a Russian Bebel: Semen Ivanovich Kanatchikov, 1905–1940», *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies* № 1105 (August, 1995). См. также: БСЭ и К. Залесский, *Империя Сталина* (М.: Вече, 2000).

⁴²⁰ Е. Динерштейн, *Воронский*, с. 41–94.

в Латвии, Франции и Швеции и, наконец, полпред в Литве и Чехословакии. Бывший командир Аросева, Аркадий Розенгольц, переходил с должности на должность с такой же легкостью, с какой в октябре 1917-го «проникал из комнаты в комнату, будто сквозь стены»: член Реввоенсовета Республики, начальник Главного политуправления на железных дорогах (когда он и отправил Воронского в Харьков), член коллегии наркомата финансов РСФСР, комиссар Главного управления ВВС РККА, полпред в Великобритании и нарком внешней торговли. Другой участник московского восстания, Осип Пятницкий, перешел из бюро МК на должность главы профсоюза железнодорожников, а в 1921 году стал членом Исполкома Коминтерна и одним из руководителей международного коммунистического движения. Командир штурма Зимнего, бывший семинарист Николай Подвойский, стал председателем Высшей военной инспекции РККА и собирался сделаться «железной рукой революции во всем мире», но Ленин остался недоволен его работой на посту наркома военных и морских дел Украины и отправил его в Спортинтерн и Высший совет физической культуры⁴²¹.

Обвинитель Филиппа Миронова Ивар Смилга стал начальником Главного управления по топливу, заместителем председателя ВСНХ, заместителем председателя Госплана и ректором Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Сподвижник Смилга и бывший комиссар Филиппа Миронова, Валентин Трифонов, работал председателем правления Всероссийского нефтяного синдиката, заместителем начальника Главного топливного управления и председателем Военной коллегии Верховного суда СССР. В 1925 году его сменил Василий Ульрих, а он отправился за границу – сначала помощником военного атташе в Китай, а потом торгпредом в Финляндию. Одним из преемников Трифонова на Дону был сын латышских батраков и бывший духобор Карл Ландер. В качестве особоуполномоченного ВЧК по Северному Кавказу и Донской области он руководил массовыми расстрелами казаков осенью 1920 года, а после войны работал заведующим агитпропотделом МК, уполномоченным при иностранных миссиях помощи голодающим в 1922–1923 году и членом коллегии Наркомвнешторга⁴²².

Бывший студент Московского университета и главный идеолог «военного коммунизма» Валериан Осинский работал управляющим Госбанком, председателем ВСНХ, председателем Тульского губисполкома, заместителем наркома земледелия, заместителем председателя ВСНХ, членом президиума Госплана и Коммунистической академии, полпредом в Швеции и начальником Центрального статистического управления. Его заместителем в ЦСУ (и преемником на посту полпреда в Швеции) был Платон Керженцев, который обратил его в большевизм, победив в гимназических дебатах о декабристах. Керженцев был, среди прочего, руководителем РОСТА (Российского телеграфного агентства), председателем секции научной организации труда при наркомате рабоче-крестьянской инспекции и полпредом в Италии. Прослужив два года в Центральном статистическом управлении, он стал заместителем заведующего агитпропотделом ЦК и директором Института литературы, искусства и языка. Ближе всех к вершине пирамиды оказался младший товарищ Осинского и Керженцева по московской парторганизации, Николай Бухарин. Как он писал в автобиографии 1925 года, «в настоящее время работаю как член ЦК и Политбюро, как член президиума Исполкома Коминтерна и как редактор «Правды», а равно как литератор, лектор, партийный агитатор, пропагандист и т. д.»⁴²³.

⁴²¹ А. Воронский, *Литературные портреты* (М.: Федерация, 1929), с. 239; *Деятели СССР*, с. 355–356; РГАСПИ ф. 124, оп. 1, д. 80, 1582, 1526; *Реввоенсовет Республики*, с. 276–296, 318–325 (цитата о железной руке из письма Подвойского Ленину 7 декабря 1918 на с. 285); Динерштейн, А. К. *Воронский*, с. 44. См. также: Залесский, *Империя Сталина*.

⁴²² *Реввоенсовет Республики*, с. 356–359; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1946; оп. 2, д. 345; Nicolas Werth, «A State against Its People: Violence, Repression, and Terror in the Soviet Union» в: StÉphane Courtois et al., ed., *Black Book of Communism* (Cambridge: Harvard University Press, 1999), с. 100.

⁴²³ *Деятели СССР*, с. 374 (цитата), 439, 573; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 854, л. 3–4.

* * *

Большинство членов партийной элиты жили в Кремле или в одной из центральных гостиниц, переименованных в Дома Советов. Прежних жильцов изгнали с конфискацией имущества, или, как выразился Аросев, «вытряхнули оттуда весь старый мусор». Ленин приказал вынести из Кремля все иконы и царские статуи. По словам коменданта Кремля Малькова, «Владимир Ильич вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, всяким прославленным при царе генералам. Он не раз говорил, что победивший народ должен снести всю эту мерзость, напоминающую о самодержавии, оставив в виде исключения лишь подлинные произведения искусства вроде памятника Петру в Петрограде». Полудержавный властелин остался в седле. Главного московского всадника, генерала Скобелева, сменил Обелиск Свободы. Здание, где призренный Розенгольц велел Аросеву покорить Москву, так и не оправились после визита человека в «панцире из черной кожи». Штаб революции переехал туда, где жил и работал Ленин. По словам Аросева, «отныне и вовеки Кремль перестал быть короной на голове «всёя Руси» и сделался каменным обручальным кольцом, которым венчаются и обручаются «все языки всей земли во имя мира, труда и правды»⁴²⁴.

Два кремлевских швейцара лишились ливрей, но продолжали нести службу. По словам Малькова и Новгородцевой (которая стала называть себя Свердловой), старики поначалу с неодобрением отнеслись к новым господам, но вскоре убедились, что за их простотой скрывается железный жезл, и «горячо, искренне привязались» к ним. В 1918 году Аросев написал рассказ о «старом слуге старых отживших господ», забытом в опустевшем дворце. Однажды старик восстал против бронзовых статуй царей и генералов и обвинил Петра «в ботфортах и со шпагой» в том, что он завел страну в болото. Испугавшись собственной смелости, он «встряхнулся, зашатался, схватился за перила лестницы, сплюнул и быстро-быстро сбежал вниз в швейцарскую, ощущая за спиной легкий холодок, будто кто-то мертвый гнался за ним»⁴²⁵.

Мальков статуи не боялся. За год НЭПа его хозяйство превратилось в обширную империю, в которую входил Кремль и восемнадцать Домов Советов с 5600 постоянными жителями и общежитиями на 1200 мест. Только в 1922 году жилищный отдел Управления Кремлем и домами ВЦИК предоставил жилплощадь 28 843 лицам, из них 2 441 на постоянной основе. Иерархия зданий соответствовала иерархии чиновников. Кремль предназначался для высших партийных вождей и их семей. В Первом Доме Советов (бывшем «Национале») жили члены ЦК, ВЦИК, ЦКК и коллегий наркоматов. Во Втором (бывшем «Метрополе») поселились те, кому не хватило места в Первом, а также заведующие отделами ЦК и ВЦИК и «ответственные работники», связанные с ВЦИК. Третий Дом Советов (бывшая семинария на углу Садовой-Каретной и Божedomского переулка) служил общежитием для делегатов съездов и заезжих чиновников. В Четвертом (бывшая гостиница «Петергоф» на углу Воздвиженки и Моховой) размещались конторы и сотрудники ВЦИК. Пятый (дом графа Шереметьева на улице Грановского) попал в список позднее других и использовался в качестве альтернативы первым двум. В менее удобных и более удаленных Домах Советов жили ответственные работники ниже рангом и технические сотрудники ВЦИК с семьями. Некоторые народные комиссариаты и другие советские учреждения имели собственную недвижимость, в том числе жилые дома⁴²⁶.

⁴²⁴ Мальков, *Записки коменданта*, с. 118–136 (цитата на с. 136); А. Аросев, *Белая лестница* (М.: Современник, 1989), с. 414, 416.

⁴²⁵ Мальков, *Записки коменданта*, с. 121–122 (см. также: Свердлов, *Яков Михайлович Свердлов*, с. 337–340); Аросев, *Белая лестница*, с. 376–379.

⁴²⁶ ГАРФ 551, оп. 1, д. 39, л 59–108.

В течение 1920-х годов количество Домов Советов постоянно менялось (29 в начале 1924-го, 18 в 1925-м). Жилищный отдел делал что мог, чтобы уследить за служебными перемещениями чиновников – выселял одних, заселял других, перемещал третьих. Правилам, связывавшим жилплощадь с должностью, противоречили бесчисленные жалобы и апелляции к льготам и связям. Как писал глава жилищного отдела летом 1921 года, «приходилось делать отступления по требованиям и предписаниям высшей власти, подчиняться которым я был обязан». Большинство жалобщиков были представителями высшей власти. Начальник следственного отдела ВЧК Григорий Мороз, который хотел переехать на более низкий этаж в Первом Доме Советов из-за туберкулеза, малого ребенка, капризной няни и круглосуточной работы, приложил список менее достойных соседей (его просьба была удовлетворена). Начальник Главархива Давид Рязанов писал, что некий товарищ – «из пролетариев и, следовательно, имеет право на комнату» (в просьбе отказано). Жильцы Девятого, Десятого и Одиннадцатого Дома Советов утверждали, что то обстоятельство, что они – обслуживающий персонал, то есть пролетариат, не должно служить основанием снятия их зданий с бюджета (просьба признана законной, но оставлена без последствий)⁴²⁷.

Жители Домов Советов были не только чиновниками, но и млекопитающими, которые ели, пили, спали, болели, размножались, обрастали шерстью, производили отходы и нуждались в тепле и свете. Все это требовало разветвленной инфраструктуры и большого штата сотрудников (около 2000 в 1922–1923 году). Жилищный отдел стремился к максимальной централизации, симметрии, прозрачности и отчетности. Все люди и вещи должны были быть учтены и по возможности соотнесены друг с другом. «Все помещения швейцарской, раздевальной, приемной комнаты (если таковая имеется) должны содержаться в абсолютной чистоте, недопуская при этом сора, окурков и плевков». Коменданты, коридорные, швейцары, курьеры, вахтеры, сторожа, дворники, истопники, уборщицы, чернорабочие, «телефонные мальчики» и сотрудники канцелярии должны «являться на службу в опрятном виде» и, среди прочего: «наблюдать за тишиной, спокойствием и нравственным поведением» жильцов; «задерживать и передавать в распоряжение администрации дома подозрительных лиц, появляющихся в корридорах»; «пропуская ночью лиц опрашивать и не знающих в лицо провожать их до квартиры и убедившись оставлять в квартире»; и, «в целях сбережения рабочего времени, чай пить за своими столами, не отлучаясь в чайную, для чего чай будет разноситься курьерами по столам». Запрещалось спать в обуви и есть на подоконниках. Не допускалась «носка по парадной лестнице обедов, кипятку и пр.». О любых нарушениях следовало сообщать по инстанциям в строгом соответствии с инструкциями⁴²⁸.

⁴²⁷ См., например: ГАРФ 551, оп. 1, 8, 17, 20, 28, 39, 43, 46, 48, 81–84, 101, а также ГАРФ 1235, оп. 70, д. 13; оп. 133, д. 10, 174, 175, 215, 375, 420. Цитаты по: ГАРФ 551, оп. 1, д. 83, л. 2; д. 101, л. 149–149 об. и л. 139; д. 84, л. 1–3 об.

⁴²⁸ ГАРФ ф. 551, оп. 1, д. 1, л. 7; д. 17, л. 42, д. 50, л. 4, 10–20.

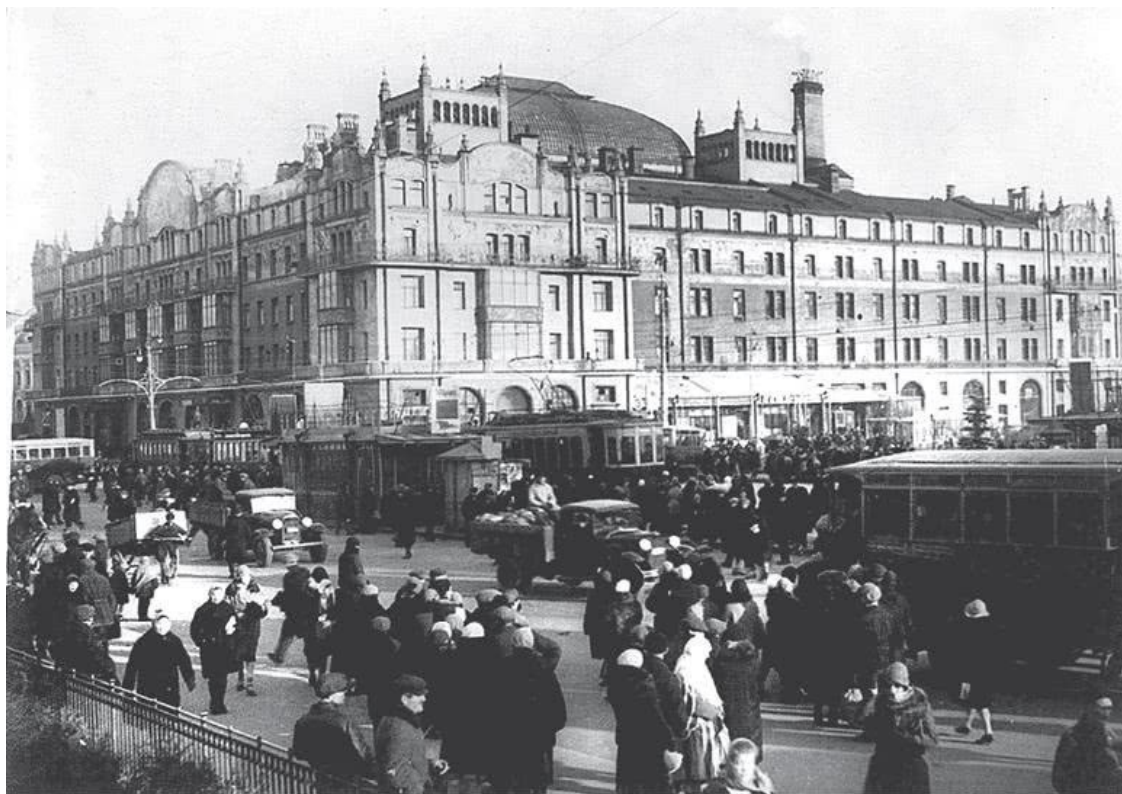
Первый Дом Советов («Националь»)

До 1921 года все услуги и предметы домашнего обихода предоставлялись бесплатно; после введения НЭПа цены устанавливались администрацией Домов Советов. В январе 1923 года начальник Управления Кремлем и Домами Советов утвердил «таксу взимания платы на парикмахерские работы», согласно которой «стрижка [мужской] головы» стоила 3 рубля, стрижка бобриком – 3 р. 75 к., стрижка бороды – 2 р. 25 к., бритье головы – 3 р. 75 к., бритье бороды – 3 р. 75 к., стрижка [женской] головы – 3 р. 75к., завивка – 6 р. В августе, после денежной реформы, цены резко возросли, но не в равной мере (бритье головы вышло вперед со значительным отрывом). То же относилось к ценам на дрова, стирку и питание в столовой. Стремление к последовательности (квартплата варьировалась в зависимости от здания, этажа, площади, удобств и вида из окна) сталкивалось с «требованиями и предписаниями высшей власти». Список ответственных работников ВЦИК, «имеющих право вызова машин для личного пользования», состоял из лиц с правом передачи этого права другим, лиц без права передачи этого права другим и лиц, которые не являлись ответственными работниками ВЦИК, но имели право вызова машин для личного пользования. Жена Сталина была включена в список «по распоряжению товарища Сталина»; вдова Свердлова – «по распоряжению товарища Енукидзе». Сталин и другие высшие руководители получали товары и услуги в результате «местной инициативы» и редко вмешивались лично. Секретарь ВЦИК и один из официальных преемников Свердлова, Амель Енукидзе, распределял блага в соответствии со сложной системой формальных обязательств и личных связей. Различные категории функционеров имели право на различные категории льгот⁴²⁹.

Самой неординарной особенностью быта советских руководителей была его неординарность по общесоветским меркам. Как писал заведующий продовольственной частью Управления Кремлем и Домами ВЦИК в 1920 году, работа учреждения, «обслуживающего нужды Кремля, являющегося центром политической жизни страны, а также нужды общежитий Домов

⁴²⁹ ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 39, л. 75; д. 48, л. 139; д. 67, л. 1, 25–26; д. 48, л. 33, 74, 93–100; ф. 1235, оп. 72, д. 63, л. 7–8.

Советов, где проживают ответственные работники, составляющие цвет не только российской, но и всемирной революции, – должна быть признана ударной со всеми вытекающими отсюда последствиями». Особого распоряжения не требовалось: все учреждения, работавшие на удовлетворение нужд цвета мировой революции, считались ударными со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴³⁰.

Второй Дом Советов («Метрополь»)

В принципе миллениаристские секты эгалитарны. На деле они иерархичны. Одни состоят из учителя и нескольких учеников-мужчин, другие – из учителя и коммуны с женщинами и детьми (часто принадлежащими учителю), третьи достаточно велики, чтобы нуждаться в услугах профессиональных чиновников. В Кремле и главных Домах Советов были свои столовые, пекарни и «заводы по выработке кваса». Во время голода 1921–1923 года одиннадцать спецуполномоченных работали на заготовках риса в Туркестане, муки и крупы на Украине, овощей в Московской и Владимирской губерниях и мяса на Северном Кавказе и в Пензенской и Саратовской губерниях. «В целях улучшения качества пищи в столовых был организован особый кулинарный стол, для заведования которым приглашен ученый кулинар, работавший ранее за границей; вместе с тем и на местах в столовых почти весь штат продработников был составлен из лиц, имевших специальную подготовку и хорошо знакомых с делом кулинарии и народного питания». Нетрудоспособным членам семей членов ВЦИК «отпуск обедов производился по уменьшенной цене» независимо от их места проживания; нетрудоспособным членам семей рабочих и служащих ВЦИК скидка предоставлялась «при условии совместного проживания». Вселение рабочих и служащих в первые пять Домов Советов осуществлялось в виде исключения⁴³¹.

⁴³⁰ ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 20, л. 6.

⁴³¹ ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 39, л. 68, 67; д. 20, л. 2; д. 48, л. 139.

У жителей первых пяти Домов Советов были собственные механические прачечные и телефонные станции, клуб со спортивными, музыкальными, танцевальными и театральными кружками и «кремлевская» больница с амбулаториями в Первом, Третьем и Пятом Домах и правом вызова врача на дом. У них была своя школа, ясли, детские сады и летние «колонии» на 850 детей (с К. Т. Свердловой в роли «заведующей детскими учреждениями»). Они имели «право бесплатного проезда по всем железным дорогам и водным путям сообщения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (а после 1922 года – Союза Советских Социалистических Республик). Те, у кого такого права не было, получали бесплатные билеты по особым заявлениям, как в случае К. Т. Свердловой, которой в 1924 году выделили «четыре мягких места в Крым»⁴³².

Все московские театры, цирк и Госкино № 1 (Художественный) должны были сохранять лучшие места для гостей из Кремля и Первого, Второго и Пятого Домов Советов. В 1924 году на смену разовым запросам пришли формальные обязательства театров предоставлять удобные ложи чиновникам определенного уровня. «Означенные лица» имели право «провести с собой в ложу одного члена своей семьи или двух детей». Доступ в ложу ВЦИК осуществлялся «с таким расчетом, чтобы в нее могли проходить только те товарищи, которые имеют полученные из ВЦИК билеты, и не могли бы проходить лица, имеющие обыкновенные входные билеты». Енукидзе, подписавший это распоряжение, был известен как ценитель оперы и женской красоты. В 1926 году женщины из секретариата ВЦИК сменили темные робы на английские костюмы с «элегантными блузками». По словам одной из сотрудниц статистического отдела, многие обзавелись двумя юбками – «одной парадной, одной на каждый день». Рабочий день продолжался допоздна, и в театр ходили сразу после работы⁴³³.

После того как схлынула первая волна заявок на расселение, наибольшим спросом стали пользоваться дачи и места в домах отдыха и санаториях ВЦИК. В 1920 году агенты жилищного управления начали ездить по стране в поисках подходящих имений. В 1922 году Енукидзе учредил специальный отдел загородных владений. В том же году усадьба князя Барятинского в Марьине (Курской губернии) стала Первым домом отдыха ВЦИК им. Ленина. В его состав вошли трехэтажное каменное здание 1816 года «в итальянском стиле» на 150 отдыхающих, большой парк в 240 десятин, «искусственно устроенный большой пруд по течению небольшой речки», моторная и весельная лодки, гимнастические приборы, площадки для игры в лаун-теннис, крокет и городки и небольшая библиотека⁴³⁴.

К 1924 году в ведении отдела загородных владений находилась обширная сеть дач и десять домов отдыха на Северном Кавказе, на крымской и кавказской «ривьерах» и в Центральной России (в том числе несколько подмосковных домов отдыха для краткосрочных поездок на выходные). В 1925 году по предложению Рыкова (преемника Ленина на посту председателя Совнаркома) специальная комиссия под руководством Енукидзе разделила всех отдыхающих на «товарищей по особому списку в количестве ста человек» и всех остальных чиновников и их семьи. Дома отдыха делились на три категории: курортные, бальнеологические (Кисловодская и Сочинская группы), и «дома отдыха, где медработа носит характер выполнения отдельных заданий». В 1927–1928 году в Марьине, относившемся к первой категории, действовал следующий распорядок дня:

Звонок для вставания давался в 7 ч. 45 м. утра. Больные мылись, приводили себя и кровати в порядок, в 8 ч. шли на физкультуру, в 9 часов завтракали. Затем начинались лечебные процедуры – в электролечебнице до обеда, и в летние месяцы до обеда же отпускались женские водолечебные

⁴³² ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 3, л. 39, л. 76, 95; ГАРФ, ф. 1235, оп. 133, д. 7; 10; 185, л. 14; 187; 194, л. 184; 197.

⁴³³ ГАРФ, ф. 1235, оп. 133, д. 181; АОМ, ф. 2, оп. 3, д. 14 (Ирина Калистратовна Гогуга), л. 39–40.

⁴³⁴ ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 22а, 48, 55; ф. 1235, оп. 133, д. 10, л. 35; ф. 9542, оп. 1, д. 5, л. 2.

процедуры. В 1 час дня обед, с 2 ч. до 3:30 так наз. «мертвый час», в 4:30 дня чай. Затем водолечебные процедуры мужчинам; в 5:30 вечера – игры, занятия по физкультуре на воздухе, в 8 ч. вечера ужин. В 10 ч. вечера обязательная для всех, перед сном, прогулка и в 11 час. световой сигнал, призывающий всех расходиться по комнатам для сна.

Нарушения режима «носили невинный, несерьезный характер (нарушение мертвого часа, куренье в комнатах, позднее возвращение домой)»⁴³⁵.

Заместитель директора Института Ленина Владимир Адоратский провел лето 1927 года в бальнеологическом санатории в Ессентуках. Как он писал дочери, отдыхавшей в другом санатории, все процедуры были высокого качества: «соляно-щелочные ванны с пузырьками на теле, только очень мелкими и редкими», питьевая вода натошак из источников № 4 и № 20, «гальванизация позвоночника» («щипет весьма приятно, потому что по тебе бежит мелкая рябь»), электрический душ («тоже приятное невидимое поливание»), углекислые ванны («по всему телу пузырьки» и «газ прямо в нос»), «циркулярный душ» («из трубочных обручей хлещет вода, так что всего обдаёт мелкими струйками») и душ Шарко («Из пожарной кишки со свистом шпарит вода, и этой-то струей тебя бьют по ногам, по пузу, по груди, по боку, по заду снизу вверх минуты две... Это свирепое удовольствие. Тело опосля этого красное аки кумач»). Другими удовольствиями были шашки, шахматы, бильярд, домино, импровизированные любительские представления, заботливость врачей и ежевечерние концерты (с 17 до 19 часов), особенно после приезда дирижера Брауэра из студии Станиславского («длинного немца в неизбежном фраке и на длинных тонких ногах»), в руках которого «оркестр прямо преобразился». Но главное удовольствие составляла еда.

В половине девятого первый завтрак: кусок масла в квадратный вершок и в палец толщиной, такой же приблизительно кусок икры, пара яиц и салат из огурцов и помидор – сколько хочешь. Кофе в 11 часов. Второй завтрак – яичница на сковороде из четырех яиц и стакан молока или чаю. 2 часа – обед из трех блюд. 5 часов чай с булочкой (булочки свежие!!) (я не пью). Половина восьмого – ужин добрый кус шницеля (или цыпленка) с огурцами и помидорами и сладкое (компот, яблочный мус с сбитыми сливками, или просто фрукты – абрикосы, груши и т. д.). Кроме того, ко всем четырем едам горшок простокваши⁴³⁶.

⁴³⁵ ГАРФ, ф. 1235, оп. 133, д. 10; ф. 5446, оп. 55, д. 794; ф. 336, оп. 21, д. 711; ф. 9542, оп. 7, д. 3, л. 105 об. – 106.

⁴³⁶ РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 132, л. 10–14.

Владимир Адоратский

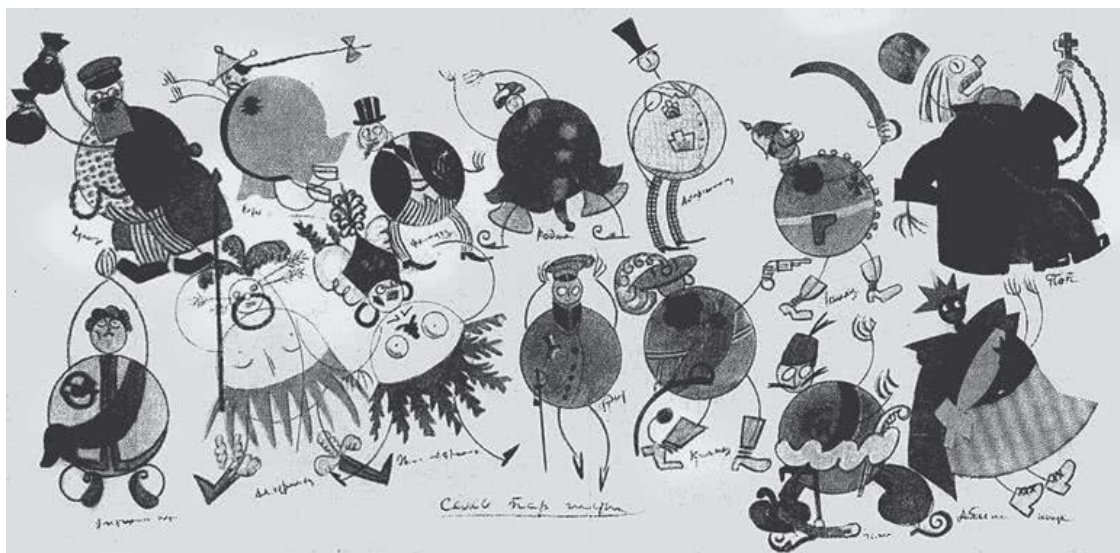
* * *

Захватив власть, выстроив административный аппарат и вознаградив себя системой привилегий и горшком простокваши, большевики принялись писать воспоминания. Некоторые делали это спонтанно, в качестве символа веры, некоторые профессионально, от имени государственных учреждений, некоторые в роли последователей вождей и свидетелей событий, некоторые (в том числе члены Общества старых большевиков) в ответ на вопросы анкет, и все без исключения – в рамках рутинного взаимодействия с государством при оформлении разнообразных документов (включая путевки в дома отдыха). Все подтверждало и воплощало историю исполненного пророчества. Некоторые эпизоды светились неземным светом.

Ритуалы, подтверждающие святость истоков, – акты поминовения и обновления. Одной из ранних форм большевистского причастия были массовые инсценировки штурма Зимнего. Главным теоретиком этих постановок (и «народного театра» в целом) стал Платон Керженцев.

Цель, писал он в 1918 году, «не играть для народной аудитории», а «помочь этой аудитории играть самой». Народ должен был играть сам, без посредничества жрецов и профессионалов, и представлять самого себя – как форму и главную тему. Образцом служили фестивали времен Французской революции, особенно Праздник федерации (*Fête de la Fédération*) 14 июля 1790 года. «Народ выражал криками и пением свой восторг», но поскольку Французская революция была буржуазной, время не могло остановиться.

От этих величественных празднеств революции во Франции ничего не осталось. Знаменитое «14 июля» представляет из себя жалкую мишурную потеху во славу виноторговцев и карусельщиков... Такие же признаки упадка и разложения носит и исторический праздник другой буржуазной революции – «Четвертое июля» в Америке – день освобождения Соединенных Штатов от ига абсолютистской Англии. «Четвертое июля» в современной Америке превратилось в скучно официальное торжество, в котором главное место занимало пускание фейерверков, ежегодно сводившее в могилу сотни детей и взрослых. Когда два года назад эта опасная забава была воспрещена, празднество сразу завяло и обесцветилось: до такой степени оно было все время внешним и искусственным⁴³⁷.

Мистерия-буфф. Чистые. Рисунок Маяковского

При социализме пропасть между сакральными событиями и их ритуальным обновлением будет преодолена. Празднества растворятся в «свободных проявлениях радости, которые станут доступны лишь в годы полного освобождения от тяжких оков экономического гнета»⁴³⁸.

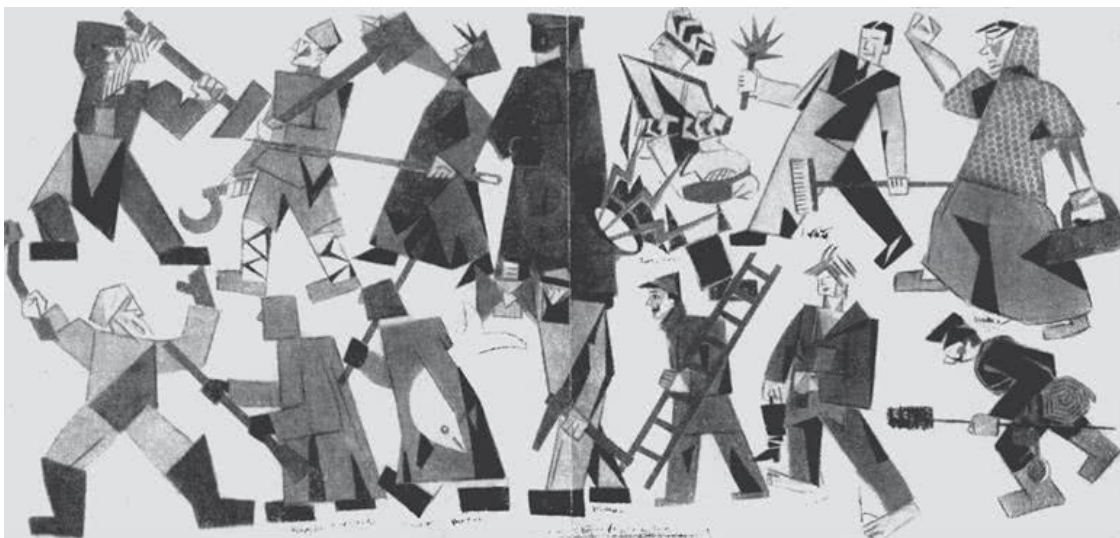
Одним из первых произведений народного театра и наиболее последовательной реализацией метафоры революционного наводнения была «Мистерия-буфф» Маяковского, приуроченная к первой годовщине Октября. («Раскрашено Малевичем. Поставлено Мейерхольдом и Маяковским. Разыграно вольными актерами».) После вселенского потопа, уничтожившего старый мир, «семь пар чистых» («абиссинский негус, индийский раджа, турецкий паша, русский купчина, китаец, упитанный перс, толстый француз, австралиец с женой, поп, офицер-немец, офицер-итальянец, американец, студент) и «семь пар нечистых» (трубочист, фонарщик, шофер, швея, рудокоп, плотник, батрак, слуга, сапожник, кузнец, булочник, прачка

⁴³⁷ В. Керженцев, *Творческий театр. Пути социалистического театра* (М.: Книга, 1918), с. 44, 80–82.

⁴³⁸ Там же, с. 56.

и эскимосы: рыбак и охотник) спасаются в ковчеге. Чистые организуют временное правительство, но оказываются за бортом в ходе пролетарской революции. Потоп сменяется исходом. Нечистые претерпевают лишения, но клянутся дойти до Земли Обетованной. Внезапно появляется Христос в облике Маяковского. Он «идет по воде, что по-суху» и предлагает «новую проповедь нагорную».

Ко мне –
кто всадил спокойно нож
и пошел от вражьего тела с песнею!
Иди, непростивший!
Ты первый вхож
в царствие мое небесное.

Мистерия-буфф. Нечистые. Рисунок Маяковского

Нечистые отправляются в ад, который кажется мишурной потехой по сравнению с земными страданиями; в рай, где царят скука и словоблудие (и Лев Толстой с Жан-Жаком Руссо); и снова на землю, которая в отсутствие чистых течет молоком, медом и «товарищами вещами», которые жаждут соития с неотчужденным трудом.

Батрак
Я бы взял пилу. Застоялся. Молод.
Пила
Бери!
Швея
А я – иглу б.
Кузнец
Рука не терпит – давайте молот!
Молот
Бери! Голубь!⁴³⁹

Карл Ландер, который заведовал московским агитпропом, счел пьесу пародией на революцию. «Мистерия-буфф, – писал он – это какой-то первобытный, неосознанный, нереальный коммунизм». Александр Воронский, который заведовал советской литературой, нашел ее

⁴³⁹ В. Маяковский, *Мистерия-Буфф*, http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0190.shtml

чуждой большевизму. «Социализм Маяковского, с возведением вещей в единственную ценность, с его отрицанием всего «духовного» – не наш социализм», – писал он. Герой Маяковского – «несмотря на голошище, ручища и т. д. – слишком отвлечен и бледен, может быть оттого, что Вавилон выпил и высосал у него слишком много крови и жизненных соков»⁴⁴⁰.

«Мистерия-буфф» опоздала. Метафора потопа исчерпала свои возможности, потому что за настоящим днем последовала Гражданская война, требовавшая более основательного (и более мифологического) изображения Вавилона. Одновременно выяснилось, что театральные представления слишком эфемерны, чтобы служить историей (и тем более мифом).

Чем дальше от священных истоков, тем очевиднее преобладание нарратива над ритуалом (включая его театральные разновидности). По мере того как тайные вечера превращаются в регулярные причастия, свидетельства о деяниях основателей застывают в евангелия, хадисы и сутры, определяющие моральный и эстетический облик священного наследия. Неосуществленное пророчество создает культуру ожидания, опирающуюся на канонические истории о прошлом и будущем. Большевики захватили власть раньше срока и провозгласили создание священного писания делом государственной важности. История как литература факта была слишком приземленной, чтобы служить этой цели. Литература как миф стала важнейшей частью «социалистического строительства». Легитимность Нового града зависела от армии писателей под командованием Воронского. Наградой победителю было бессмертие.

* * *

Главной задачей большевистских евангелистов была мифологизация Гражданской войны. Исходной темой стало противопоставление Вавилона мятежной стихии – ветру, буре, метели и людским потокам.

Вавилон бытовал в двух видах. Первый и главный – блудница из Книги Откровения, прелюбодействующая среди корицы и фимиама, мира и ладана, вина и елея и тел и душ человеческих. В «Падении Даира» Александра Малышкина (1921) «рты, раскрываясь, давили горячим небом нежную сочащуюся плоть плодов; распаленные рты втягивали хлебки тонкого, жгучего, на свету драгоценно-мерцающего вина; челюсти, сведенные судорогой похоти, всасывали, причмокивая, податливое, жирное, пряное». В «Бронепоезде 1469» Всеволода Иванова (1921) обреченные тела «исходили потом» и «липли к стенкам», а «подле рельс пахли аммиаком растоптанные испражнения»⁴⁴¹.

Второй вариант Вавилона – уездный город, где время стоит на месте, а мечты обращаются в прах. «Неделя» Юрия Либединского (1922) начинается с «тяжелого послеобеденного сна».

В каждом доме цветет на окнах герань, и на листьях ее лежат цветы, похожие на синих и розовых мух. О, как много этих серо-деревянных коробок – улица за улицей тянутся они, – как тесно и душно в каждой из них! В переднем углу тускло блестит икона, а на маленьких столиках, что накрыты нитяными скатертями, лежат бархатные альбомы. На кухнях грязно, по стенам бегают тараканы, и мухи уныло звенят на оконном стекле.

А жизнь людей, что живут в этих тесных домах, похожа на серый день сентября, когда мелкий дождь монотонно стучит по стеклу, а в окна сквозь стекла, покрытые каплями, виден серый забор и рыжий теленок, бредущий

⁴⁴⁰ К. Ландер, *Наша театральная политика* (М.: Госиздат, 1921), с. 9–10; А. Воронский, *Литературные типы* (М.: Круг, не датировано), с. 17–20, 38.

⁴⁴¹ А. Малышкин, *Падение Даира*, <http://www.magister.msk.ru/library/prose/malya001.htm>; Откр. 18:3, 18:13; Вс. Иванов, *Бронепоезд 14–69*, <http://lib.ru/IWANOWWS/bronepoezd.txt>;

по грязи. Каждый день хозяйка дома рано утром доит корову и с корзинкой идет на базар, а потом на кухне после обеда моет жирную посуду⁴⁴².

В «Городе Градове» Платонова (1926) «жилища попрличней» «имеют нужники, а с уличной стороны палисадники. У иных есть и садики, где растут вишня и яблоня. Вишня идет в настойку, а яблоко в мочку... В летние вечера город наполняется плавающим колокольным звоном и трубным дымом поставленных самоваров. Народ в городе существовал без спешки и не беспокоился о якобы лучшей жизни»⁴⁴³.

Разница между пасторалью и преисподней – вопрос жанра и полицейской бдительности. Ордынин Пильняка («Голый год», 1922) пахнет плесенью и гнилой свининой, местечко Бабеля воняет гнилой селедкой и кислыми испражнениями, а болото Воронского кишит «мирадами мошек, жирных и мягких головастика, водяных пауков, красных козявок, лягушек». Большинство болотных существ – слуги дьявола. «Погляди на него, – говорит Валентин Воронского. – С каким упоением копошится он, ворошит эти куски мяса, сала! Глаза становятся масленистыми, нижняя губа отвисает, слюна наполняет нечистые зловонные рты». Вавилон-2 сливается с Вавилоном-1. «У всех этих домишек, видных с пригорка, такой спокойный и мирный вид», – говорит повествователь Либединского. Но местный чекист знает: «Здесь, среди них, где-то прятались враги и, может, прячутся вновь»⁴⁴⁴.

История Гражданской войны между прошлым и будущим следует трем взаимосвязанным сюжетам: апокалипсис, распятие и исход.

Первый – это картина кровавой бойни: падение Вавилона, битва при Армагеддоне и апофеоз мучительной смерти. «Трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых и великих». Центральная тема апокалипсиса – наказание блудницы. «Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мучений и горестей». Такова судьба Даира⁴⁴⁵.

И брызнул огонь – с телег, страшных,двигающихся, разбегающихся, косящих невидимыми лезвиями пулеметов. В конных тучах скрещивались пулевые струи телег, секли, подрезали, подламывали на скаку, клали колоннами наземь; опустевшие лошади, визжа, крутя головами, уносились дико в муть. Распадались перебитые кости, чернели рты, исцелованные вчера любовницами, в кровавое месиво, истоптанные ногами, сваливались улицы, фонтаны светов, изящество культур, торжественные гимны владычеств...⁴⁴⁶

Остатки Вавилона превращаются в кровавое месиво. В «Цветных ветрах» Всеволода Иванова (1921) красные партизаны входят в сибирскую деревню, охраняемую слугами Зверя.

Офицер впереди, офицер впереди всегда. Топором в рот. На топоре зубы. На земле офицер.

Убивать, так убивать. Жечь, так жечь. Всех убивать, все жечь.

У каждого двора убито по бабе. У каждого ворот по бабе. Нет мужиков – бей баб. Разворочены красные мяса черев⁴⁴⁷.

Во главе небесного воинства идут апостолы – «одиннадцать» Лавренева, «двенадцать» Блока, «девятнадцать» Фадеева. Впереди – Иисус Христос. «Очи у Него как пламень огненный,

⁴⁴² Ю. Либединский, *Неделя. Комиссары* (М.: Воениздат, 1968), с. 8–9.

⁴⁴³ Платонов, *Город Градов*, <http://emsu.ru/lm/cc/platonov.htm>

⁴⁴⁴ И. Бабель, *Сочинения*, т. 2 (М.: Художественная литература, 1992), с. 43, 70, 101; Б. Пильняк, *Голый год*, http://www.belousenko.com/books/Pilnyak/pilnyak_golyy_god.htm; Либединский, *Неделя*, с. 71.

⁴⁴⁵ Откр. 18:7.

⁴⁴⁶ Малышкин, *Падение Даира*.

⁴⁴⁷ Вс. Иванов, «Цветные ветра» в: Вс. Иванов, *Сопки* (М., Л.: Госиздат, 1927), с. 300–309.

и на голове Его много диадим. Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. Он был облечен в одежду, обагренную кровью. Имя Ему: «Слово Божие». Комиссар Евсюков Лавреница одет в ярко-малиновую кожанку.

Если добавить, что росту Евсюков малого, сложения сбитого и представляет всей фигурой правильный овал, то в малиновой куртке и штанах похож – две капли воды – на пасхальное крашеное яйцо.

На спине у Евсюкова перекрещиваются ремни боевого снаряжения буквой «Х», и кажется, если повернется комиссар передом, должна появиться буква «В».

Христос воскрес!

Но этого нет. В пасху и Христа Евсюков не верит.

Верует в Совет, в Интернационал, Чеку и в тяжелый вороненый наган в узловатых и крепких пальцах⁴⁴⁸.

Большевики – спасители и одновременно мстители. «Кожаные люди» Пильняка проводят совещания исполкома в монастыре. «И то, что в кожаных куртках, – тоже хорошо: не подмочишь этих лимонадом психологии». У твердости – высокая цена, особенно среди «русской рыхлой, корявой народности». Комиссар Архип Архипов проводит ночи в исполкоме, «пишет и думает».

День встретил его с побледневшим лбом, над листом бумаги, со сдвинутыми бровями, с бородою чуть-чуть всклокоченной, – а воздух около него (не так, как всегда после ночи) был чист, ибо не курил Архипов. И когда пришли товарищи, и когда Архипов передал лист своей бумаги, среди прочих слов прочли товарищи бесстрашное слово: *расстрелять*⁴⁴⁹.

Как говорит Христос в «новой нагорной проповеди» Маяковского, «ко мне – кто всадил спокойно нож и пошел от вражьего тела с песнею». И как говорит Лютов в «Конармии» Бабеля (1924), главное – научиться «простейшему из умений – умению убить человека».

В «Записках Терентия Забытого» Аросева (1922) чекист Клейнер носит «и лето, и день, и ночь все одну и ту же кожаную куртку». Он полон «скрытого внутреннего энтузиазма» и убивает людей по зову сердца и требованию исторической необходимости. Одна из его идей – показывать казни на большом экране на здании ЧК. «Что необходимо, то не развращает, – говорит он. – Поймите это. Что необходимо, то не развращает»⁴⁵⁰.

«Глубоко прав у Аросева Клейнер, утверждающий: что необходимо, не развращает», – писал Воронский. Перебитые кости и развороченные чрева – часть плана провидения. «Никакой справедливости, никаких категорических императивов, все подчинено целесообразности, а она сейчас дает только одну заповедь: убивай!»⁴⁵¹

Большинство текстов большевистских евангелистов не уступают Откровению Иоанна Богослова в моральной ясности и риторическом пафосе. Но некоторым мешает рефлексия. Платонов и Бабель, среди прочих, пытались создать миф, но не сумели избежать иронии. Как писал Бахтин о «Мертвых душах»: «Гоголю рисовалась как форма его эпопеи «Божественная комедия», в этой форме мерещилось ему величие его труда, но выходила у него Мениппова сатира. Он не мог выйти из сферы фамильярного контакта, однажды войдя в нее, и не мог перенести в эту сферу дистанцированные положительные образы». Платонов и Бабель тоже

⁴⁴⁸ Откр. 19:11–13; Б. Лавреница, *Сорок первый*, <http://lib.ru/RUSSLIT/LAWRENEW/41.txt>

⁴⁴⁹ Пильняк, *Гольф год*.

⁴⁵⁰ А. Аросев, *Записки Терентия Забытого* (Берлин: Русское творчество, 1922), с. 102–104.

⁴⁵¹ А. Воронский, *Искусство видеть мир* (М.: Советский писатель, 1987), с. 211–212 (статья «Всеволод Иванов», впервые опубликована в 1922 г.).

воображали Дантов рай, но застряли в чистилище с видом на преисподнюю. Их герои – святые простаки: дряхлые дети (все, так или иначе, сироты) у Платонова и инфантильные воины («чудовищно огромные, тупые») у Бабеля. В «Чевенгуре» (1928) главный истребитель драконов – советский Дон Кихот по имени Степан Копенкин. Он скачет на коне по имени Пролетарская сила, хранит образ «прекрасной девушки Розы Люксембург» и сражается с призрачными врагами революции на пути к коммунизму. «Он не понимал и не имел душевных сомнений, считая их изменой революции; Роза Люксембург заранее и за всех продумала все – теперь остались одни подвиги вооруженной руки, ради сокрушения видимого и невидимого врага»⁴⁵².

Пародируя рыцарский эпос, Сервантес изобрел роман. Пародируя Сервантеса, Платонов попытался вернуться к невинности рыцарского эпоса.

Обыкновенно он убивал не так, как жил, а равнодушно, но насмерть, словно в нем действовала сила расчета и хозяйства. Копенкин видел в белогвардейцах и бандитах не очень важных врагов, недостойных его личной ярости, и убивал их с тем будничным тщательным усердием, с каким баба полет просо. Он воевал точно, но поспешно, на ходу и на коне, бессознательно храня свои чувства для дальнейшей надежды и движения.

Платонов не умел писать так, как убивал Копенкин. Главный чевенгурский большевик, товарищ Чепурный, велел чекисту Пиюсе «очистить город от гнетущего элемента». Апокалипсис запланирован на четверг, потому что в среду пост и буржуазия «тише приготовится». Когда городские богачи (которые, как сказано у Луки, 6:24, «уже утешились») собрались на соборной площади, Пиюся выстрелил из нагана в череп ближайшего эксплуататора, Завын-Дувайло. «Из головы буржуа вышел тихий пар, а затем проступило наружу волос материнское сырое вещество, похожее на свечной воск, но Дувайло не упал, а сел на свой домашний узел». Застрелив еще одного буржуа, чекист вернулся к Завын-Дувайло.

Пиюся взял шею Завына левой рукой, поудобней зажал ее и упер ниже затылка дуло нагана. Но шея у Завына все время чесалась, и он тер ее о суконный воротник пиджака.

– Да не чешись ты, дурной: обожди, я сейчас тебя царапну!

Дувайло еще жил и не боялся:

– А ты возьми-ка голову мою между ног да зажми, чтоб я криком закричал, а то там моя баба стоит и меня не слышит!

Пиюся дал ему кулаком в щеку, чтоб ощутить тело этого буржуа в последний раз, и Дувайло прокричал жалующимся голосом:

– Машенька, бьют!

Пиюся подождал, пока Дувайло растянет и полностью произнесет слова, а затем дважды прострелил его шею и разжал у себя во рту нагревшиеся сухие десны⁴⁵³.

Городской интеллигент и скрытый враг, Прокофий Дванов, протестует против измельчания апокалипсиса с точки зрения большевистской теории. «Прокофий выследил издали такое одиночное убийство и упрекнул Пиюсю: «Коммунисты сзади не убивают, товарищ Пиюся!» Ответ чекиста Прокофию – ответ Платонова его критикам:

– Коммунистам, товарищ Дванов, нужен коммунизм, а не офицерское геройство!.. Вот и помалкивай, а то я тебя тоже на небо пошлю! Всякая блядь

⁴⁵² М. Бахтин, *Эпос и роман (о методологии исследования романа)*, <http://smalt.karelia.ru/~filolog/lit/eposrom.pdf>; А. Платонов, *Чевенгур*, <http://www.infoliolib.info/rlit/platonov/chewengur1.html>

⁴⁵³ Платонов, *Чевенгур*.

хочет красным знаменем заткнуться – тогда у ней, дескать, пустое место сразу честью зарастет... Я тебя пулей сквозь знамя найду!⁴⁵⁴

Но Прокофий прав. Отделавшись от красного знамени и изобразив Армагеддон в виде одиночного убийства, Платонов принизил «подвиги вооруженной руки», изменил жанру революционного эпоса и сослал своего рассказчика в пустое место иронического отчуждения. Однажды войдя в сферу фамиллярного контакта, он не смог из нее выйти – к вящей пользе своей посмертной (постсоветской) репутации.

Бабель тоже приобрел бессмертие благодаря неудачной попытке прикоснуться к святости. Лютов из «Конармии» должен, подобно Аврааму, принести в жертву человека, но ограничивается птицей.

Строгий гусь шатался по двору и безмятежно чистил перья. Я догнал его и пригнул к земле, гусиная голова треснула под моим сапогом, треснула и потекла. Белая шея была разостлана в навозе, и крылья заходили над убитой птицей.

– Господа бога душу мать! – сказал я, копаясь в гусе саблей. – Изжарь мне его, хозяйка.

Бабелевские казаки, в отличие от его евангелистов, не признают дешевых заменителей. Они, как товарищ Пиюся, убивают с тем будничным тщательным усердием, с каким баба полет просо. Они делают с Авраамом то, чего Авраам не сделал с Исааком.

Прямо перед моими окнами несколько казаков расстреливали за шпионаж старого еврея с серебряной бородой. Старик взвизгивал и вырывался. Тогда Кудря из пулеметной команды взял его голову и спрятал ее у себя под мышкой. Еврей затих и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись. Потом он стукнул в закрытую раму.

– Если кто интересуется, – сказал он, – нехай приберет. Это свободно...

Покровитель и издатель Бабеля, Воронский, признавал, что «Конармия Бабеля нигде не дерется» и что в его рассказах «нет Конармии как массы, нет этих тысяч вооруженных людей,двигающихся лавами». Есть лишь отдельные люди и много того, «что в известных кругах принято называть зверством, хамством, животной тупостью, дикостью». Но дело не в этом. Дело в том, что почти все эти люди – «правдоискатели» и что дар Бабеля – видеть святость в дикости. Товарищ Пиюся прав: если убийство «обращено на потребу и победу коммунизма», коммунистам не зазорно убивать сзади⁴⁵⁵.

Бабель знал, что товарищ Пиюся неправ, но ничего не мог поделать. «Пошлость в наши дни, – сказал он на Первом съезде советских писателей, – это уже не дурное свойство характера, а это преступление. Больше того: пошлость – это контрреволюция». С точки зрения революции, попытка представить праведный геноцид в виде одиночного жертвоприношения – это пошлость⁴⁵⁶.

Апокалипсис – одна из версий мифа о победе над драконом. Тот же миф с точки зрения дракона есть история самопожертвования. Второй ключевой сюжет Гражданской войны – распятие. «Партизаны» Иванова, «Неделя» Либединского, «Сорок первый» Лавренева, «Разгром» Фадеева (1926), «Чапаев» Фурманова (1923) и, через «пустое место», «Чевенгур» Платонова и «Конармия» Бабеля – истории мученической смерти и возрождения. Чапаеву, как Моисею,

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ Воронский, *Литературные типы*, с. 110–115.

⁴⁵⁶ *Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934: стенографический отчет* (М.: Художественная литература, 1934), с. 279.

суждено увидеть обетованную землю, но не позволено перейти реку Урал. Он гибнет в потоке; большинство его бойцов – рядовые и Левиты – остаются на берегу.

– Жиды, комиссары и коммунисты – выходи!

И те выступали вперед, не желая подводить под расстрел красноармейцев, – только не всегда их этим спасали. Выходили перед рядами своих товарищей – такие гордые и прекрасные в своем молчаливом мужестве, с дрожащими губами, с горевшими гневными глазами и, посылая проклятия казацкой нагайке, умирали под ударами шашек, под ружейными пулями...⁴⁵⁷

Контрреволюционный мятеж в повести Либединского происходит во время Страстной недели, а об убийстве городских коммунистов возвещает пасхальный благовест. Кульминация «Недели» – обращение главной героини в большевистскую веру. «И, слушая звон колокольный, зовущий к субботней вечерне, думает Лиза о том, что не в церковь пошла она сегодня, не к вечерне, а на партийное собрание»⁴⁵⁸.

Апокалипсис и распятие – это либо два взгляда на одно и то же событие, либо один взгляд на причину и следствие. В христианском Новом Завете апокалипсис – месть за распятие. В центре Даира можно найти причину его гибели. «Никла вселенская ночь. В мутной обреченности площадей, на фонарях висели трое, с покорными понурыми головами, глядя себе в грудь черными впадинами глазниц».

Голгофа оправдывает апокалипсис. На смену распятию приходят разбегающиеся телеги с невидимыми лезвиями пулеметов, скрещивающиеся в конных тучах пулевые струи и истоптанные в кровавое месиво торжественные гимны владычеств. Но изображение незавершенного большевистского прошлого, в отличие от неизбежного христианского будущего, трудно закончить сценой низвержения безымянных полчищ в огненное озеро. Даже Малышкин, тщательно избегающий «фамильярного контакта», не может справиться с искушением взглянуть пристальнее. В финальной сцене расстрела последних защитников Вавилона массовое убийство уступает место жертвоприношению. «Молча и торопливо расставили их у каменной стены, бледных, с глазами, как застывшие свечи. За безлюдьем переулка ширился гул и крик, вещающий о рассветах; резко и жутко прогрехотал грузовик в мраке у ворот. Никем не слышимая, глухим мгновенным криком проползла смерть». За распятием следует апокалипсис, за которым следует распятие. И так до бесконечности.

Главная задача мифов спасения – избежать ловушки вечного возвращения. Коммунизм (как иудаизм, христианство, ислам и их бесчисленное потомство) – это комедия, в которой мир юных восстает против тирании косности и, после ряда испытаний и переодеваний, изгоняет неисправимых, обращает колеблющихся и празднует победу под свадебные колокола. Смысл пророчества в том, что медовый месяц никогда не кончится, юные влюбленные никогда не превратятся в старых тиранов и «ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее произошло».

В 1920-е годы самым популярным способом избежать вечного возвращения было остановить время на пути от страстей к апокалипсису. Третий и самый важный сюжет Гражданской войны – исход, или рассказ о странствии из Египта в Палестину, от страдания к искуплению, от жестокого племени к «царству священников и народу святому». В большинстве большевистских евангелий есть все три сюжета. Глава об исходе повествует не о прежнем мученичестве и предстоящем возмездии, а о превратностях пути и радости возвращения.

В «Сорок первом» Лавренева отряд красноармейцев блуждает по пустыне, пока не находит спасение в водах Аральского моря (до наступления потопа). В «Чапаеве» Фурманова

⁴⁵⁷ Д. Фурманов, *Чапаев*, <http://lib.ru/RUSSLIT/FURMANOW/chapaew.txt>

⁴⁵⁸ Либединский, *Неделя*, с. 70.

«обреченные на гибель красные полки» совершают «последний исход» к берегам Каспия. В «Падении Даира» Малышкина жаждущие «орды» идут «прорывать дорогу в кочевья, где молоко, мясо и мед» (а также «счастье, хлеб и вечера, как золотеющая рожь»). В «Цветных ветрах» Иванова партизаны спускаются с гор к весенним полям, поросшим «лилово-зелеными травами». «Крести их плугом! Блекло-золотистый ветер мечется – крови его севом! Рождение твое празднуем, земля, рождение!» В «Разгроме» Фадеева партизаны выходят из болот и видят «просторное небо и землю, сулившую хлеб и отдых».

Лес распахнулся перед ними совсем неожиданно – простором высокого голубого неба и ярко-рыжего поля, облитого солнцем и скошенного, стлавшегося на две стороны, куда хватал глаз. На той стороне, у вербняка, сквозь который синела полноводная речка, – красуясь золотистыми шапками жирных стогов и скирд, виднелся ток. Там шла своя – веселая, звучная и хлопотливая – жизнь. Как маленькие пестрые букашки, копошились люди, летали снопы, сухо и четко стучала машина, из куржавого облака блестящей половы и пыли вырывались возбужденные голоса, сыпался мелкий бисер тонкого девичьего хохота. За рекой, подпирая небо, врасая отрогами в желтокудрые забоки, синели хребты, и через их острые гребни лилась в долину прозрачная пена бело-розовых облаков, соленых от моря, пузырчатых и кипучих, как парное молоко⁴⁵⁹.

Платонов напишет свою версию исхода («Джан») в 1935 году, когда спрос на него закончится. А в 1920-е он оставался в плену у мирских двойников исхода – рыцарского и плутовского романа. Степан Копенкин был Дон Кихотом, а не Моисеем.

Хотя в Чевенгуре было тепло и пахло товарищеским духом, Копенкин, быть может от утомления, чувствовал себя печальным, и сердце его тянуло ехать куда-то дальше. Пока что он не заметил в Чевенгуре явного и очевидного социализма – той трогательной, но твердой и нравоучительной красоты среди природы, где бы могла родиться вторая маленькая Роза Люксембург либо научно воскреснуть первая, погибшая в германской буржуазной земле.

В первоначальном Исходе отсутствие молока и меда остается за рамками повествования, а роль странствующего героя играют два титана – Моисей и евреи. Избранный народ путешествует из страны рабства (вынужденного подчинения ложной преходящей власти) в страну свободы (добровольного подчинения истинной абсолютной власти). Моисей остается самим собой, представляя Бога перед избранным народом и избранный народ перед Богом. Он принадлежит обоим и должен оставаться посередине – достаточно близко к абсолютному знанию, чтобы знать, куда идти, и достаточно близко к своему народу, чтобы знать, что за ним пойдут. Простой смертный не может пройти по этой тропе, не оступившись. Моисей слышит Бога, но «тяжело говорит и косноязычен», и народ не всегда слышит его. Бог показал ему землю обетованную, но не позволил перейти Иордан, потому что он согрешил против Бога среди сынов Израилевых при водах Меривы в Кадесе, в пустыне Син.

По мнению Воронского, советской версии исхода требовался «животворный дух диалектики». Литературные большевики должны были сочетать «всесветность и интернационализм» с «нашей фабрикой, с деревней, с революционным движением прошлых эпох и десятилетий». Но проблема Моисея оставалась нерешенной. Красный командир Всеволод Иванова, Вершинин, – «камень, скала», но он русский крестьянин без видимых признаков всесветности. Кожаные люди Пильняка – «лучшие из русской рыхлой, корявой народности», но «Карл Маркса никто из них не читал». Левинсон Фадеева Карла Маркса читал, но он не из рус-

⁴⁵⁹ Малышкин, *Падение Даира*; Фурманов, *Чапаяев*; Иванов, «Цветные ветра», с. 326; А. Фадеев, *Разгром*.

ской народности, а Воронский настаивал, что большевики не должны казаться «варягами». То же справедливо в отношении малышкинского «командарма», чья каменная фигура чужда «мирным сумеркам избы», и леоновского товарища Арсена, чьи глаза, слова, вены и шрамы – голубые «от железа». Все они, по словам Воронского, – «чужие, отдельные, живущие сами по себе». Даже уездные коммунисты Либединского, идущие на смерть за косноязычным товарищем Робейко (который говорит «исход» в значении «выход»), – «замкнутая героическая каста, почти ничем не связанная с окружающим»⁴⁶⁰.

Самым популярным выходом было разделить Моисея на две части: комиссара, который говорит с Историей, и народного героя, который ведет людей через пустыню (и обретает знание). В «Цветных ветрах» Иванова крестьянин-правдоискатель Калистрат становится двойником большевика Никитина, который описывает их обязанности следующим образом:

- Кому хлеб, кому – кровь. Я даю кровь.
- А я чево? Я что должен дать?
- Ты – хлеб.
- Не дам!
- Дашь⁴⁶¹.

Дал. Его работа – крестить траву плугом.

В «Чапаеве» комиссар Клычков посвящает комдива Чапаева в таинство коммунистического пророчества. Он лепит его «как из воскового», пока Чапаев не принимает животворный дух диалектики. Смерть Чапаева в водах Урала означает, что Клычков научился лепить людей, а люди научились идти за Клычковым.

Опасность «перегиба» в ту или иную сторону демонстрируют, как обычно, Платонов и Бабель. Платоновские коммунисты неотличимы от других деревенских дурачков (замахнулся на миф, а получился фольклор). Бабелевский лирический герой, с очками на носу и осенью в душе, так и не освоил «простейшее из умений» и тихо страдает от неразделенной любви и тайного отвращения к казакам, которым читает Ленина.

Платонов, Бабель и их герои не могут «притянуть небо к земле» и страдают от своего бессилия. В руках неверующего исход превращается в вечное кружение по аду. В рассказе Льва Лунца «В пустыне» (1921) нет ни начала, ни конца. «Было страшно и скучно. Нечего было делать – только идти и идти. От палящей скуки, от голода, от пустынной тоски, лишь бы чем-нибудь занять свои волосатые руки с тупыми пальцами, – крали друг у друга утварь, шкуры, скот, женщин и укрывших убивали. А потом мстили за убийства и убивали убивших. Не было воды, и было много крови. А впереди была земля, текущая молоком и медом»⁴⁶².

* * *

Ад – это исход без земли обетованной. Ад, оправданный возвращением домой, – это «закалка стали» (исход с правильным концом). Самый канонический большевистский текст о Гражданской войне – самая полная версия мифа об исходе.

«Железный поток» Александра Серафимовича вышел в 1924 году, был немедленно признан выдающимся достижением советской литературы и оставался частью школьной программы до конца Советского Союза. В основе его сюжета – история похода Таманской армии и нескольких тысяч беженцев через Кавказский хребет в августе – октябре 1918 года. Серафи-

⁴⁶⁰ Л. Леонов, *Петушихинский пролом*, <http://www.leonid-leonov.ru/files/petushihinskiy.txt>; Воронский, *Литературные мифы*, с. 184–185, 189.

⁴⁶¹ Иванов, «Цветные ветра», с. 267. Ср. Katerina Clark, *The Soviet Novel: History as Ritual* (Chicago: University of Chicago Press, 1985).

⁴⁶² Л. Лунц, *В пустыне*, http://az.lib.ru/l/lunc_l_n/text_0010.shtml

мович, которому в январе 1924-го исполнился 61 год, был ветераном революционной публицистики и патриархом «пролетарской» литературы. Сын казачьего есаула, он вырос в станице Усть-Медведицкой (на несколько лет раньше Филиппа Миронова), вступил в революционный кружок в Петербургском университете, начал писать в ссылке (на Белом море, как Воронский и Аросев), работал корреспондентом, редактором и писателем на Дону, а в 1902 году перешел в «Московский курьер» Леонида Андреева. В октябре 1917 года Серафимович работал главным редактором «Известий Московского совета», а летом 1919-го побывал на Южном фронте и написал статью против рассказывания. «Победы заслонили [от Красной армии] и население, его чаяния, его нужды, его предрассудки, его ожидания нового, его огромную потребность узнать, что же ему несут за красными рядами, его особенный экономический и бытовой уклад». Один из двух его сыновей служил комиссаром в Особом экспедиционном корпусе на Дону (вместе с Валентином Трифоновым), погиб на фронте в 1920 году в возрасте двадцати лет и стал одним из прототипов героя песни «Орленок» (написанной для спектакля театра Моссовета по пьесе еврейского драматурга Марка Даниэля)⁴⁶³.

«Железный поток» рождается из хаоса.

Отовсюду многоголосо несется говор, гул, собачий лай, лошадиное ржанье, лязг железа, детский плач, густая матерная брань, бабы переключки, охриплые забубенные песни под пьяную гармонику. Как будто громадный невиданный улей, потерявший матку, разноголосо-растерянно гудит нестройным больным гудом⁴⁶⁴.

Лишь неподвижный командарм, олицетворяющий революционную волю, видит в толпе царство священников и народ святой.

У ветряка стоит низкий, весь тяжело сбитый, точно из свинца, со сцепленными четырехугольными челюстями. Из-под низко срезанных бровей, как два шила, посверкивают маленькие, ничего не упускающие глазки, серые глазки. Тень от него лежит короткая – голову ей оттаптывают кругом ногами⁴⁶⁵.

Его имя Кожух, и он тяжело говорит и косноязычен.

«Товарищи! Я хочу сказать... погибли наши товарищи... Да... мы должны отдать им честь... они погибли за нас... Да, я хочу сказать... С чего ж воны погибли?.. Товарищи, я хочу сказать, Советская Россия не погибла, она будет стоять до скончания века»⁴⁶⁶.

Чтобы пророчество исполнилось, избранный народ должен пересечь пустыню.

На последней станции перед горами столпотворение вавилонское. Через полчаса колонна Кожуха выступила, никто не осмелился ее задержать. И как только выступила – десятки тысяч солдат, беженцев, повозок, животных в панике кинулись следом, теснясь, загромождавая шоссе, стараясь обогнать друг

⁴⁶³ А. Серафимович, *Собрание сочинений*, т. 6 (М.: Художественная литература, 1959), с. 191; В. Чалмаев, *Александр Серафимович* (Волгоград: Нижне-волжское книжное издательство, 1986), с. 241–245; А. Волков, *Творческий путь А. Серафимовича* (М.: Художественная литература, 1963); Н. Сац, *Новеллы моей жизни*, т. 1 (М.: Искусство, 1984), с. 100–106; О. Гарбуз, «В шестнадцать мальчишеских лет», *Советская Россия*, № 142 (12753), 27 октября, 2005.

⁴⁶⁴ А. Серафимович, *Железный поток*, с. 5, 8.

⁴⁶⁵ Там же, с. 8.

⁴⁶⁶ Там же, с. 16–18.

друга, сбросить мешающих в канавы. И поползла в горы бесконечная живая змея⁴⁶⁷.

Первое чудо, представшее перед путниками на вершине, – это море, которое поднялось «такой невиданно-огромной стеной, что от ее синей густоты поголубели у всех глаза».

– О, бачь, море!
– А чого ж воно стиною стоять?
– Це придется лизти через стину.
– А чому, як на берегу стоишь, воно лежить ривно геть до самого краю?
– Хиба ж не чул, як Моисей выводив евреев с египетского рабства, от як мы теперь, море встало стиною, и воны прошли як по суху?⁴⁶⁸

Они идут аки посуху – «лохматая, оборванная, почернелая, голая, скрипучая орда, и идет за ней зной, и идут за ней голод и отчаяние». Их преследуют вражеские армии и «тысячные полчища мух», но «бесконечно извивающаяся змея, шевелясь бесчисленными звеньями», упрямо ползет «к перевалу, чтобы перегнуться и сползти снова в степи, где хлеб и корм, где ждут свои»⁴⁶⁹.

Сцены распятия и апокалипсиса выполняют свои обычные функции. Когда зной, пыль, боль и гул становятся невыносимыми, Кожух приказывает идти в обход, чтобы люди увидели алтарь жертвы, принесенной во имя их спасения, и оправдание резни, которую они собираются учинить.

Водворилось могильное молчание, полное гула шагов, и все головы повернулись, все глаза потянулись в одну сторону – в ту сторону, куда, как по нитке, уходили телеграфные столбы, становясь все меньше и меньше и пропадая в дрожащем зное тоненькими карандашами. На ближних четырех столбах неподвижно висело четыре голых человека. Черно кишели густо взлетающие мухи. Головы нагнуты, как будто молодыми подбородками прижимали прихватившую их петлю; оскаленные зубы; черные ямы выклеванных глаз. Из расклеванного живота тянулись ослизло-зеленые внутренности. Палило солнце. Кожа, черно-иссеченная шомполами, полопалась. Воронье поднялось, рассеялось по верхушкам столбов, поглядывало боком вниз.

Четверо, а пятая... а на пятом была девушка с вырезанными грудями, голая и почернелая.

– Полк, сто-ой!..⁴⁷⁰

Страдания сырых и убогих – в Египте, в пустыне, везде и всегда – вернутся сполна. И сокрушили они идумеев, васанеев и аморреев, и разрушили столбы их, и истребили их всех, так что ни одного не осталось. «Стоя по горло в воде, грузинские солдаты протягивали руки к уходящим пароходам, кричали, проклинали, заклинали жизнью детей, а им рубили шеи, головы, плечи, и по воде расходились кровавые круги». Казаки не просили пощады: «Когда солнце длинно глянуло из-за степных увалов, по бескрайной степи много черноусых казаков: ни раненых, ни пленных – все недвижимы»⁴⁷¹.

⁴⁶⁷ Там же, с. 54–55.

⁴⁶⁸ Там же, с. 56.

⁴⁶⁹ Там же, с. 40–41, 100, 102, 139, 140, 153.

⁴⁷⁰ Там же, с. 155–156.

⁴⁷¹ Там же, с. 108, 112, 164.

Прежде чем войти в город, Кожух отдает приказы двум своим командирам. Первому говорит: «Всех уничтожить!» Второму: «Всех истребить!»⁴⁷²

Улицы, площади, набережная, мол, дворы, шоссе завалены. Груды людей неподвижно лежат в разнообразных позах. Одни страшно подвернули головы, у других шея без головы. Студнем трясутся на мостовой мозги. Запекшаяся, как на бойне, кровь темно тянется вдоль домов, каменных заборов, подтекает под ворота⁴⁷³.

Большинство эпизодов кровопролития выдержаны в стиле библейской бойни, но у Серафимовича достаточно веры и мифотворческой последовательности, чтобы, не морщась, присмотреться поближе. Сцены жертвоприношений, возле которых он замедляет шаг, не подменяют собой Армагеддон, как у Платонова и Бабеля, а объясняют и иллюстрируют его с тем будничным тщательным усердием, с каким убивал Копенкин.

Из поповского дома выводили людей с пепельными лицами, в золотых погонах – захватили часть штаба. Возле поповской конюшни им рубили головы, и кровь впитывалась в навоз.

Разыскали дом станичного атамана. От чердака до подвала все обыскали – нет его. Убежал. Тогда стали кричать:

– Колы нэ вылизишь, дитэй сгубим!

Атаман не вылез.

Стали рубить детей. Атаманша на коленях волочилась с разметающимися косами, неотдираемо хватаясь за их ноги. Один укоризненно сказал:

– Чого ж кричишь, як ризаная? От у мене аккурат як твоя дочка, трехлетка... В щебень закапалы там, у горах, – та я же не кричав.

Срубил девочку, потом развалил череп хохотавшей матери⁴⁷⁴.

«Железный поток» стал канонической книгой Гражданской войны благодаря последовательному воплощению мифов о потопе и исходе и успешному решению проблемы Моисея («животворной диалектики» трансцендентного и народного, сознательного и стихийного, предопределения и свободной воли). По мере того как скрипучая орда превращается в железный поток, командир обретает меру человечности. К моменту прихода на землю обетованную они слились воедино⁴⁷⁵.

– Оте-ец наш!! Веди нас, куды знаешь... и мы свои головы сложим!

Тысячи рук протянулись к нему, стащили его, тысячи рук подняли его над плечами, над головами и понесли. И дрогнула степь на десятки верст, всколыхнутая бесчисленными человеческими голосами:

– Урра-а! урра-а! а-а-а... батькови Кожуху!..

Кожуха несли и там, где стояли стройные ряды; несли и там, где стояла артиллерия; пронесли и между лошадьми эскадронов, и всадники оборачивались на седлах и с восторженно изменившимися лицами, темнея открытыми ртами, без перерыва кричали.

Несли его среди беженцев, среди повозок, и матери протягивали к нему детей.

Принесли назад и бережно поставили опять на повозку. Кожух раскрыл рот, чтоб заговорить, и все ахнули, как будто увидели его в первый раз:

⁴⁷² Там же, с. 117.

⁴⁷³ Там же, с. 127–128.

⁴⁷⁴ Там же, с. 170.

⁴⁷⁵ Там же, с. 167.

– Та у его глаза сыни!

Нет, не закричали, потому что не умели назвать словами свои ощущения, а у него глаза действительно оказались голубые, ласковые и улыбались милой детской улыбкой...

До самой до синевы вечера, сменяя друг друга, говорили ораторы; по мере того как они рассказывали, у всех нарастало ощущение неохватимого счастья неразрывности с той громадой, которую они знают и не знают и которая зовется Советской Россией⁴⁷⁶.

* * *

К середине 1920-х годов священными основаниями советского государства стали Октябрьская революция и Гражданская война. Октябрьскую революцию представлял штурм Зимнего; Гражданская война состояла из собственно Гражданской войны (войны на поле битвы) и «военного коммунизма» (войны с рынком, деньгами, собственностью и разделением труда). Военный коммунизм был самой мутной частью «славного прошлого»: начавшись как реализация большевизма, он был отменен в 1921 году как неосуществимый и получил название, намекавшее на условность. Главный советский текст о его природе и значимости – «Героический период Великой русской революции (опыт анализа так называемого «военного коммунизма»)» – был написан в 1924 году одним из его создателей, экономистом Львом Крицманом.

Крицман вырос в семье дантиста-народовольца, окончил Одесское коммерческое училище Хаима Гохмана, вступил в революционный кружок в возрасте четырнадцати лет, был отчислен из Одесского (Новороссийского) университета за революционную деятельность, окончил химический факультет Цюрихского университета, вернулся в Россию в запечатанном вагоне, возглавил (в возрасте 27 лет) национализацию сахарной промышленности, участвовал в составлении декрета о национализации всех крупных отраслей промышленности, а в 1924 году стал членом Коммунистической академии и главным партийным специалистом по аграрной экономике и «крестьянскому вопросу»⁴⁷⁷.

Согласно Крицману, «Великая русская революция» (термин следовал французскому прецеденту) «сделала немислимое существующим». Она доказала «правильность марксизма, предсказавшего за многие десятилетия вперед неизбежность всего, что произошло в России с 1917 года: и крах капитализма, и пролетарскую революцию, и уничтожение капиталистического государства, и экспроприацию капиталистической собственности, и эпоху диктатуры пролетариата». Социально-экономический аспект революции, или «так называемый военный коммунизм», представлял собой «пролетарскую организацию производства (и воспроизводства) в условиях пролетарской революции». В конечном счете он стал «первым грандиозным опытом пролетарско-натурального хозяйства, опытом *первых шагов перехода к социализму*. Он в основе своей отнюдь не являлся заблуждением лиц или класса; это – хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями – *предвосхищение будущего*, прорыв этого будущего в настоящее (теперь уже прошлое)»⁴⁷⁸.

По версии Крицмана, «героическая» фаза революции состояла в попытке реализации пяти фундаментальных принципов. «Производственный принцип» гласил, что трудовая деятельность «не искажается никакими посторонними производству соображениями – коммер-

⁴⁷⁶ Там же, с. 206–207, 209.

⁴⁷⁷ АРАН, ф. 528, оп. 2, д. 1, л. 1–2, 16–19; С. Боровой, *Воспоминания* (Москва, Иерусалим: Гешарим, 1993), с. 46–53.

⁴⁷⁸ Л. Крицман, *Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. «военного коммунизма») (М.: Госиздат, 1924), с. 10–11, 75.*

ческими, правовыми, и т. д.». Освобожденный труд разрешил «характерную для буржуазного общества противоположность между абстрактным и потому лживым политическим строем, в котором каждый гражданин рассматривается как идеальный индивидуум, как равный другому атом, и строем экономическим, где реальный индивидуум существует в реальной связи с другими (и прежде всего в связи классового господства и классового подчинения)». Государство революционного пролетариата прозрачно и последовательно. В нем нет «политики» в вавилонском смысле этого слова.

«Классовый принцип» представлял собой «дух беспощадной классовой исключительности». Бывший эксплуататор «не только был лишен своего прежнего господского положения, но был вытолкнут из советского общества, ютился на задворках его, как едва терпимая грязь. Буржуа превратился в презренное и отверженное существо – в *пария*, лишенного не только имущества, но и чести». Свидетельство о «незапятнанном рабочем или крестьянском происхождении» сменило деньги и титулы в качестве средства социального продвижения.

Клеймо принадлежности к классу эксплуататоров могло открыть лишь дорогу в концентрационный лагерь, в тюрьму и, в лучшем случае, в лачуги, оставленные переселившимися в лучшие дома пролетариями.

Эта беспощадная классовая исключительность, социальное уничтожение класса эксплуататоров, была источником высокого нравственного подъема, *источником страстного энтузиазма* пролетариата и всех эксплуатируемых. То был могучий клич ко всем угнетенным, утверждение их внутреннего превосходства над грязным миром эксплуататоров.

Третьим «организационным принципом эпохи» был «трудовой принцип», или безусловное принятие девиза святого Павла: «Не трудящийся да не ест». Согласно марксистской формуле Крицмана, «путь к царству свободы вел через являющийся необходимостью труд». Речь шла о принудительном труде для эксплуататоров и дополнительном труде для трудящихся. В отличие от мелкобуржуазного способа производства (основанного на «недостаточно специализированном мелком производстве»), «современный производительный труд не является полем приложения свободных творческих сил человека, он не является удовольствием сам по себе. В этом отношении пролетарская революция не приносит с собой никаких принципиальных перемен. Напротив, поскольку она означает дальнейшее в будущем развитие крупного производства, она несет с собой дальнейшее усиление необходимого характера производительного труда». Главное различие заключается в том, что при диктатуре пролетариата напряженный труд ведет к досугу, а досуг – к высвобождению свободных творческих сил человека. «Пролетарская революция снова превращает необходимый труд *в средство завоевания досуга*, восстанавливает нарушенную капитализмом связь между производительным трудом и досугом и тем создает могучий стимул к поднятию напряженности труда». Говоря языком Маркса, «освобождение необходимого труда от элементов свободного творчества означает освобождение свободного творчества от цепей необходимого труда».

Четвертый принцип – «коллективизм» – проявил себя в национализации промышленности, коллегиальном управлении, натуральном обмене, реформированном образовании и жилищном вопросе. «Ничто, быть может, не характерно в такой мере для этой эпохи, как стремление искоренить индивидуализм и насадить коллективизм».

Пятым и последним принципом была «рационализация», или искоренение традиции. «В эпохи революций факт существования какого-либо общественного института не являлся аргументом в пользу его дальнейшего существования. На смену принципу органических эпох «существует, значит, нужно» приходит другой: «нужно, значит, будет существовать, не нужно, значит, будет уничтожено». В период буржуазных революций этот принцип применялся к «религии, морали, праву, быту и политическому строю», но не к экономике. В период

пролетарской революции преобразованию подлежит все общество, а первоочередным преобразованием является «уничтожение фетишистских отношений и установление прямых и непосредственных, открытых связей между различными частями советского народного хозяйства». Главная задача революции – «уничтожение рынка, уничтожение товарных, денежных и кредитных отношений»⁴⁷⁹.

Уничтожение рынка «охватывало все сферы общественной жизни». Долгожданное сопротивление врагов революции неизбежно привело к гражданской войне, а гражданская война неизбежно привела к «насильственному удушению рынка», «подавлению товарно-денежных отношений», «полному запрещению торговли» и «экспроприации имущих». Разлившись «неудержимым всесокрушающим потоком», этот процесс не мог не выйти за рамки экономической целесообразности, потому что только неудержимый всесокрушающий поток мог лишить контрреволюционный капитал «живительного дня него воздуха рынка». «Этот выход за пределы непосредственной экономической целесообразности позволил революции победить, но в то же время в нем именно и лежат корни извращенности созданного революцией пролетарско-натурального строя». Эта диалектика отражает условия пакта двух титанов – пролетариата и крестьянства. Пролетариат позволил крестьянству сохранить землю в обмен на военную поддержку от «огромного большинства населения». Крестьянство позволило пролетариату «задушить рынок» в обмен на руководящую роль пролетариата в войне с феодальными порядками. Как только феодализм оказался достаточно расшатан, крестьянство перестало поддерживать удушение рынка. «Таким образом, военная, следовательно, в первую голову, *политическая победа* пролетариата неизбежно вела, в данных условиях, к его *экономическому отступлению*»⁴⁸⁰.

Иначе говоря, крестьянство выступило в роли защитника «экономической целесообразности», но Крицман не пошел так далеко за логикой своего рассуждения. «Отступление для пролетарской революции – новая экономическая политика – является для антифеодальной крестьянской революции ее *завершением*», – заключил он. НЭП продлится ровно столько, сколько нужно для полной и окончательной победы крестьянской революции. В 1924 году было очевидно, что пролетариат готовит новое – «осторожное и методическое» – наступление. Смысл этого наступления – «подготовка к предстоящим великим всемирно-историческим по своему значению боям между пролетариатом и капиталом»⁴⁸¹.

* * *

Захватив власть, выстроив административный аппарат, вознаградив себя системой привилегий, разработав канон основополагающих мифов и временно отступив в ожидании всемирно-исторических боев между пролетариатом и капиталом, большевики столкнулись с самым трудным моментом в жизни любой секты – смертью вождя-основателя.

В марте 1923 года, после того как Ленин перенес второй инсульт и потерял способность говорить, Карл Радек написал, что мировой пролетариат живет «одним горячим желанием, чтобы этот Моисей, который вывел рабов из страны неволи, вошел вместе с нами в землю обетованную»⁴⁸².

⁴⁷⁹ Там же, с. 77–83, 85–87.

⁴⁸⁰ Там же, с. 43, 59, 61, 64, 127, 227.

⁴⁸¹ Там же, 228, с. 249–250.

⁴⁸² К. Радек, *Портреты и памфлеты* (М.: Советская литература, 1933), т. 1, с. 36.

Двадцать первого января 1924 года Ленин умер. На следующий день Центральный комитет партии выпустил официальное заявление «К партии, ко всем трудящимся», в котором изложил основные пункты новой иконографии вождя⁴⁸³.

Во-первых, «умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с половинчатыми, колеблющимися, с перебежчиками». Во-вторых, «умер человек, под боевым водительством которого наша партия, окутанная пороховым дымом, властной рукой водрузила красное знамя Октября по всей стране». По словам Бухарина, «точно великан шел он впереди людского потока, направляя его движение из бесчисленных человеческих единиц, строя дисциплинированную армию труда, бросая ее в бой, круша противника, обуздывая стихию, освещал прожектором своего мощного ума и прямые пути, и темные обходные проулки, по которым приходится звучать мерной поступи черных рабочих рядов с мятежными красными знаменами»⁴⁸⁴.

Ленин стал основателем и вождем, потому что был пророком. Как говорилось в официальном заявлении: «Ленин умел, как никто, видеть и великое, и малое, предсказывать громадные исторические переломы и в то же время учесть и использовать каждую маленькую деталь... Он не знал никаких застывших формул; никаких шор не было на его мудрых, всевидящих глазах». По выражению Бухарина, он умел «чутким ухом прислушиваться, как растет под землею трава, как бегут и журчат подземные ручейки, какие думы, какие мысли бродят в головах бесчисленных тружеников земли». Как писал Кольцов почти за год до смерти Ленина: «Даже враги его видят как человека будущего, пионера оттуда, из мира осуществленного коммунизма... Мы все – по уши в повседневном строительстве и борьбе, он же, крепко попирая ногами обломки старого, строя руками будущее, ушел далеко вверх, в радостные дали грядущего мира»⁴⁸⁵.

Как все истинные пророки, Ленин был одинаково близок земле и небесам, своему народу и грядущему миру. Он был учителем и другом, товарищем и «диктатором в лучшем смысле этого слова» (как выразился Бухарин). «С одной стороны, – писал Осинский, – человек настолько «будничной» и «нормальной» внешности, что почему бы ему и в самом деле не встретиться с Ллойд Джорджем и мирно потолковать об устройстве дел Европы. А с другой стороны, как бы в результате не взлетели на воздух и Ллойд Джордж, и вся Генуэзская конференция! Ибо он – с одной стороны Ульянов, а с другой он – Ленин»⁴⁸⁶.

Или, в формулировке Кольцова:

Ульянов, который берег окружающих, был с ними заботлив, как отец, ласков, как брат, прост и весел, как друг... – и Ленин, принесший неслыханные беспокойства земному шару, возглавивший собой самый страшный, самый потрясающий кровавый бой против угнетения, темноты, отсталости и суеверия. Два лица – и один человек. Но не двойственность, а синтез⁴⁸⁷.

Ленинский синтез шел дальше единства сына божьего и сына человеческого. Ленин в обеих своих ипостасях был равен своим ученикам, а его ученики (как сумма «бесчислен-

⁴⁸³ Об иконографии Ленина см.: Victoria E. Bonnell, *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin* (Berkeley: University of California Press, 1998), с. 139–152.

⁴⁸⁴ Б. Волин, М. Кольцов, ред., *Умер Ленин* (М.: Мосполиграф, 26 января, 1924), с. 7, 21.

⁴⁸⁵ Там же, с. 7, 21; Кольцов, *Фельетоны и очерки*, с. 200–201.

⁴⁸⁶ *Умер Ленин*, с. 22; Н. Осинский, «Рисунок пером» в сборнике *Ленин*, сост. В. Крайний, М. Беспалов, под ред. Д. Лебеда (Харьков: Молодой рабочий, 1924), с. 43.

⁴⁸⁷ Кольцов, *Фельетоны и очерки*, с. 199. О синтезе см.: Alexei Yurchak, *Lenin's Two Bodies: the Hidden Science of Communist Sovereignty*, неопубликованная рукопись.

ных человеческих единиц») были равны Ленину. С одной стороны, согласно некрологу ЦК, «все, что есть в пролетариате поистине героического... – все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера». С другой, «каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина».

Ленин – по определению – бессмертен.

Ленин живет в душе каждого члена нашей партии...

Ленин живет в сердце каждого честного рабочего.

Ленин живет в сердце крестьянина-бедняка.

Ленин живет среди миллионов колониальных рабов.

Ленин живет в ненависти к ленинизму, коммунизму, большевизму
в стане наших врагов⁴⁸⁸.

Но Ленин бессмертен и в другом смысле. Он бессмертен, потому что он пострадал за человечество и воскреснет с приходом коммунизма. «И всю свою жизнь, от ее сознательного начала до последнего мученического вздоха, товарищ Ленин отдал до конца рабочему классу». Или, как писал Аросев, он «взял на себя огромную, страшную ношу: думать за все 150 миллионов людей», поднял Россию над головой, «а поднявший ее обессилел, себя надломил»⁴⁸⁹.

Объявление о смерти Ленина совпало с девятнадцатой годовщиной Кровавого воскресенья. По словам Кольцова:

Ленин, вождь трудящихся мира, пал великой их жертвой через 19 лет после первых трупов на Дворцовой площади в Петербурге... И число 21, с черной отметиной о смерти Ленина, говорит просто, твердо, каменно:

– Не бойтесь этого завтрашнего числа 22, кроваво-красного. В этот день в Петербурге в крови, на снегу было пробуждение. Оно настанет, пусть хотя бы в крови, во всем мире.

Ленин был родником той «бодрости и веры», которую Свердлов предсказал двадцать лет назад, – того «шумного и бурливого» настоящего дня, который считает на своем пути все «расслабленное, хилое, старое». По словам Кольцова, «Ленин означает радость и бурное пробуждение от тяжелого сна с кровавыми кошмарами для бодрой борьбы и работы». Комиссар Пасхальное яйцо из «Сорок первого» Лавренева (опубликованного в 1924 году) – такой же Ленин в миниатюре, как миллионы членов партии, честных рабочих, крестьян-бедняков и колониальных рабов. Ленин был главным Пасхальным яйцом и первым спасителем. Его бессмертие жило не только в его «деле» и учениках, но и в иконах, обрядах и мифах, сохранявших его образ. Ульянов был столь же бессмертен, сколь и Ленин. Их тело тоже оказалось бессмертным⁴⁹⁰.

«Милый! Незабвенный! Великий!» – писал Бухарин, обращаясь к «нашему общему вождю, нашему мудрому учителю, нашему милому, нашему бесценному товарищу». Часть всеобщей любви можно перенести «на его родное дитя, на его наследника – на нашу партию», но непосредственность переживания может исчезнуть навсегда.

Мы уже никогда не увидим этого громадного лба, этой чудесной головы, из которой во все стороны излучалась революционная энергия, этих живых, пронизывающих, внушительных глаз, этих твердых, властных рук, всей этой

⁴⁸⁸ *Умер Ленин*, с. 7–8.

⁴⁸⁹ Там же, с. 8; А. Аросев, *По следам Ленина* (Л.: Госиздат, 1924), с. 39, 42.

⁴⁹⁰ Кольцов, *Фельетоны и очерки*, с. 207.

крепкой, литой фигуры, которая стояла на рубеже двух эпох в развитии человечества⁴⁹¹.

Перейдя от телесной «фигуры» к метафорической в рамках одного предложения, Бухарин предложил решение. Изображения и личные предметы умершего помогают сохранить непосредственность переживания, пока живы воспоминания. Иконы и мощи священных основателей помогают сохранить непосредственность переживания, пока священная вселенная, которую они основали, остается священной. Большинство священных сосудов, связанных с определенными героями, – храмы, иконы, жрецы, тексты и трапезы – приобретают сакральность опосредованно, путем символического переноса; некоторые хранятся как личные вещи героя (чем ближе к телу – цепи, туники, плащаницы – тем ценнее); некоторые представляют собой мощи или части тела (мумии христианских и буддистских святых, зуб Будды, голова Орфея, большой палец св. Екатерины, волос из бороды пророка Мухаммеда). То, что останки Ленина священны и будут почитаться, не вызывало сомнений – вопрос заключался в том, как именно. Ответ дала Комиссия ЦИК по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина).

На следующий день после смерти Ленина специальный поезд доставил видных деятелей партии и правительства в Горки. Михаил Кольцов сопровождал делегацию в качестве корреспондента «Правды».

В глубокую ночь, в морозную мглу поехали старейшины великого племени большевиков туда, откуда надо было получить недвижимое тело почившего вождя. Привезти и показать осиротевшим миллионам.

Со станции крестьянские розвальни доставили делегатов в усадьбу. Свердлов и Мальков выбрали ее в 1918 году, вскоре после покушения. Последней владелицей дома была Зинаида Морозова, вдова промышленника Саввы Морозова, который финансировал большевиков до своей смерти в 1905 году.

Белый, высокий, в стройных колоннах старый дом, вправленный в благородную рамку серебряного леса, синего снега. Легко, как на даче, отворяется стеклянная дверь – сразу вовнутрь. Будет стоять отныне в усталых, ждущих и верящих глазах миллионов угнетенных этот маленький лесной дворец, место успокоения вождя, место завершения неповторимой жизни, неутоленной воли к борьбе.

Дом тихий, удобный, вместительный. Ковры стерегут тишину. Здесь каждый вершок – история, здесь каждый шаг – поле для благоговейного любования поколениям. Вот в эти расчерченные морозом стекла он, все постигший, размахнувшийся, в расцвете сил скованный силач, мучась невыразимой мукой вынужденного бессилия, вглядывался вперед, за короткой лесной дорожкой, за глушью деревенского сада видя многоэтажный ад поджариваемых, распинаемых на индустриальных голгофах, из капиталистических пекл всего мира протягивающих руки за спасением сотен миллионов братьев.

Делегаты проходят по дому и поднимаются по круглой лестнице в «комнату смерти».

Вот он! Совсем не изменился. Как похож на себя! Лицо спокойно, почти почти улыбается неповторимой, непередаваемой, понятной лишь видевшим, детски-лукавой усмешкой; задорно, совсем по-живому приподнята верхняя губа со щетинкой усов. Словно сам недоумевает над случившимся: Ленин, а не движется, не жестикулирует, не бурлит, не машет рукой, не бежит

⁴⁹¹ Умер Ленин, с. 21.

коротенькими, веселыми шажками по косой линии. Ленин, а лежит, безнадежно и прямо, руки по швам, плечи в зеленом френче.

Спускаясь с лестницы, военный – большевик – бормочет про себя:

– Отлично выглядит Ильич. Совсем такой, как видели его в последний раз⁴⁹².

Сердце и мозг Ленина были переданы Аросеву, «ответственному хранителю» недавно созданного Института Ленина. Тело перевезли в Москву, выставили в колонном зале Дома Союзов и, после торжественных похорон, перенесли во временную гробницу на Красной площади. Один из членов Комиссии по похоронам, комиссар внешней торговли Леонид Красин, предложил сохранить тело, погрузив его в бальзамирующую жидкость внутри металлического ящика со стеклянной крышкой. До революции Красин руководил петербургской кабельной сетью и электростанцией Саввы Морозова в Орехово-Зуево – а также «экспроприациями», изготовлением бомб и сбором средств. Большинство собранных им средств были предоставлены Морозовым, загадочная смерть которого в мае 1905 года породила множество слухов об участии в ней Красина. Красин был последовательным сторонником технократического пути к спасению и воскресению. В 1921 году в речи на похоронах директора химического института и старого большевика Льва Яковлевича Карпова он сказал:

Я уверен, что наступит момент, когда наука станет так могущественна, что в состоянии будет воссоздавать погибший организм. Я уверен, что настанет момент, когда по элементам жизни человека можно будет восстановить физически человека. И я уверен, что, когда наступит этот момент, когда освобожденное человечество, пользуясь всем могуществом науки и техники, силу и величину которых нельзя сейчас себе представить, сможет воскрешать великих деятелей, борцов за освобождение человечества, – я уверен, что в этот момент среди великих деятелей будет и наш товарищ Лев Яковлевич⁴⁹³.

Борис Збарский, победивший Красина в борьбе за право на увековечение тела Ленина, был другом и протеже Льва Яковлевича. Збарский родился в 1885 году в еврейской семье в Каменец-Подольском, окончил Женевский университет, а в 1915–1916 году работал управляющим химическими заводами во Всеволодо-Вильве на Северном Урале. Заводы, как и белый дом в Горках, принадлежали Зинаиде Морозовой. В 1916 году Збарский изобрел новый метод очистки медицинского хлороформа для фронтовых госпиталей и совместно с Карповым наладил его промышленное производство. После революции он переехал в Москву и стал заместителем директора Института Карпова. В ходе консультаций о сохранении тела Ленина Збарский предложил «бальзамирование влажным способом», применявшееся в анатомическом музее профессора Владимира Воробьева в Харькове. В марте 1924 года, после многочисленных переговоров и на фоне начавшегося разложения трупа, Збарскому удалось убедить Дзержинского

⁴⁹² Кольцов, *Фельетоны и очерки*, с. 201–203.

⁴⁹³ Цит. по: Ольминский, «Ленин или не Ленин» Пролетарская революция, № 1 (1931), с. 149–150; Nina Tumarkin, *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia* (Cambridge: Harvard University Press, 1983), с. 136–164, 181; Ю. Лопухин, *Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина: правда и мифы* (М.: Республика, 1997), с. 63–68; И. Збарский, *Мавзолей Ленина* (Л.: ОГИЗ, 1945), с. 26–32; Timothy Edward O'Connor, *The Engineer of Revolution: L. B. Krasin and the Bolsheviks, 1870–1926* (Boulder: Westview Press, 1992), с. 58–113, 144–147, 277–281; И. Збарский, «От России до России» в: *Под крышей мавзолея* (Тверь: Полина, 1998), с. 191–193; Ю. Фельштинский, *Вожди в законе* (М.: Терра, 1999), гл. 1, <http://www.lib.ru/POLITOLOG/felshinskij.txt>. Об идее бессмертия см.: Nikolai Krementsov, *Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction* (New York: Oxford University Press, 2013). О бальзамировании Ленина см.: Alexei Yurchak, «Bodies of Lenin: The Hidden Science of Communist Sovereignty», *Representations* 129 (Winter 2015), с. 116–157 (о плане Красина см. с. 125).

(председателя Комиссии по увековечению) утвердить метод Воробьева и убедить Воробьева (бывшего белоэмигранта) принять участие в эксперименте⁴⁹⁴.

Борис Збарский *Предоставлено И. Б. Збарским*

Двадцать пятого марта 1924 года Комиссия по похоронам «решила принять меры, имеющиеся в распоряжении современной науки, для возможно длительного сохранения тела». 26 марта Воробьев, Збарский и их помощники начали круглосуточную работу в ледяном склепе. Задача заключалась в том, чтобы сохранить не просто тело, но внешнее подобие, то есть создать икону во плоти. Традиционная мумификация исключалась, поскольку, по словам Збарского, «если бы показать кому-нибудь тело близкого человека, превращенного в мумию, то он ужаснулся бы». Тело должно было выглядеть естественно нетленным и не препарированным

⁴⁹⁴ Лопухин, *Болезнь*, с. 67–88; Збарский, «От России до России», с. 9–27, 191–222; И. Збарский, *Объект № 1* (М.: Вагриус, 2000), с. 44–57.

в «стеклянных сосудах, наполненных антисептическими жидкостями». «Перед советскими учеными, – писал Збарский, – была поставлена совсем новая задача. Речь шла о том, чтобы тело Владимира Ильича пребывало на воздухе, при обычной температуре, было бы доступно для ежедневного обозрения многих тысяч людей и вместе с тем сохраняло бы облик Ленина. Задача эта по трудности не имела прецедентов в мировой науке»⁴⁹⁵.

Збарскому и Воробьеву поручили сотворить чудо, и они его сотворили. 16 июня 1924 года Дзержинский спросил у Збарского, можно ли продемонстрировать тело делегатам Пятого съезда Коминтерна. Збарский спросил у Воробьева, Воробьев ответил, что можно, и Збарский отправился к Крупской за одеждой Ленина. Крупская сказала, что эта идея не только ужасна, но и неосуществима, а когда «принесла рубашки, кальсоны, носки, то руки у нее дрожали». 18 июня делегация Коминтерна и члены семьи прибыли в новый деревянный мавзолей. По словам Збарского, Крупская расплакалась, а брат Ленина Дмитрий сказал: «Я ничего не могу сказать, я сильно взволнован. Он лежит таким, каким я видел его тотчас после смерти, а пожалуй, и лучше». 26 июля, через четыре месяца после начала работы, правительственная комиссия осмотрела тело и одобрила его внешний вид. Енукидзе сказал, что сотни тысяч, а может быть, миллионы людей «будут в высшей степени счастливы увидеть облик этого человека». 1 августа 1924 года Мавзолей был открыт для посетителей, Воробьев вернулся в Харьков, а Збарский стал главным хранителем тела⁴⁹⁶.

«Ответственным хранителем» литературного наследия Ленина был Аросев (он же отправил сердце Ленина в Мавзолей, а мозг – в специальную Лабораторию по изучению мозга В. И. Ленина). В обязанности Аросева входили каталогизация текстов и составление биографического календаря, но его главным вкладом в лениниану стала книга «О Владимире Ильиче», вышедшая в 1926 году⁴⁹⁷.

Книга состоит из нескольких эпизодов. В первом два мальчика бегут наперегонки. Невысокий светлоголовый мальчик побеждает и покупает трех птиц в клетке. Оба бегут к месту под названием «Золотой венец», чтобы выпустить их на волю, но одна из птиц больна и не может летать. «Теперь уже высокий бежал вперед, так как хотел поскорее разделаться с птицей, а светлоголовый все отставал, все дул на птичку, гладил ее. Все не хотел с ней расставаться»⁴⁹⁸.

В следующей сцене светлоголовый мальчик превратился в рыжеватою студента «с той особой понятливостью в лице, какой бывают отмечены дети, развитые не по годам, но вместе с тем не потерявшие своей физической свежести». Когда его арестовывают за организацию студенческой демонстрации, один из его товарищей спрашивает, что он собирается делать после тюрьмы.

– А мне что же? – сказал он, покосившись слегка на угол камеры, – мне что, моя дорога указана моим старшим братом.

Сказал он тихо, а все будто вздрогнули. Переглянулись и замолчали.

– Так это ваш брат? – спросил кто-то тихо, словно неверующий Фома вложил персты свои в свежие раны.

Рыжеватый студент, уткнувшись в коленки, оставил вопрос без ответа⁴⁹⁹.

Несколько лет спустя лысеющий юноша читает «Ткачей» Гауптмана перед кружком учеников. После чтения к нему подходит рабочий по фамилии Григорьев и начинает расспрашивать об адресах собраний. Юноша поднимает на него глаза.

⁴⁹⁵ Збарский, *Мавзолей Ленина*, с. 43–44.

⁴⁹⁶ Лопухин, *Болезнь*, с. 92–109; Збарский, *Объект № 1*, с. 80–95.

⁴⁹⁷ Чернобаев, *В вихре века*, с. 135–47; А. Аросев, *О Владимире Ильиче* (М.: Прибой, 1926).

⁴⁹⁸ Аросев, *О Владимире Ильиче*, с. 5–7.

⁴⁹⁹ Там же, с. 8–13.

И момент смотрел на Григорьева цепким взглядом, словно что-то глубокое вспоминал. А Григорьев не мог ему смотреть в глаза.

Так же не мог смотреть в глаза учителю, не на петербургской, а на иерусалимской тайной вечере Иуда, когда учитель сказал:

– Один из вас предаст меня⁵⁰⁰.

Ближе к концу книги улыбочивый лысый ссыльный убеждает деревенского лавочника пожалеть крестьянина, которому не хватает денег на пасхальный подарок дочери. Но когда крестьянин благодарит его «от всей души», ссыльный внезапно перестает улыбаться. «Чем больше в практической части нашей программы проявляем мы «доброты» к мелкому производителю (напр., к крестьянину), – пишет он спустя месяц, – тем «строже» должны быть к этим ненадежным и двуличным социальным элементам в принципиальной части программы, ни на йоту не поступаясь своей точкой зрения. Вот, дескать, ежели примешь эту, нашу, точку зрения, – тогда тебе и «доброта» всякая будет, а не примешь, – ну, тогда уже не прогневайся! Тогда мы при «диктатуре» скажем про тебя: там нечего слов тратить по-пустому, где надо власть употребить»⁵⁰¹.

В заключительных эпизодах книги только один человек готов употребить власть. Значение золотого венца становится очевидным. Бухарин, Воронский и другие большевики, выросшие с Апокалипсисом, без труда узнали бы 14 главу книги Откровения:

И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому; на голове его золотой венец, и в руке его острый серп.

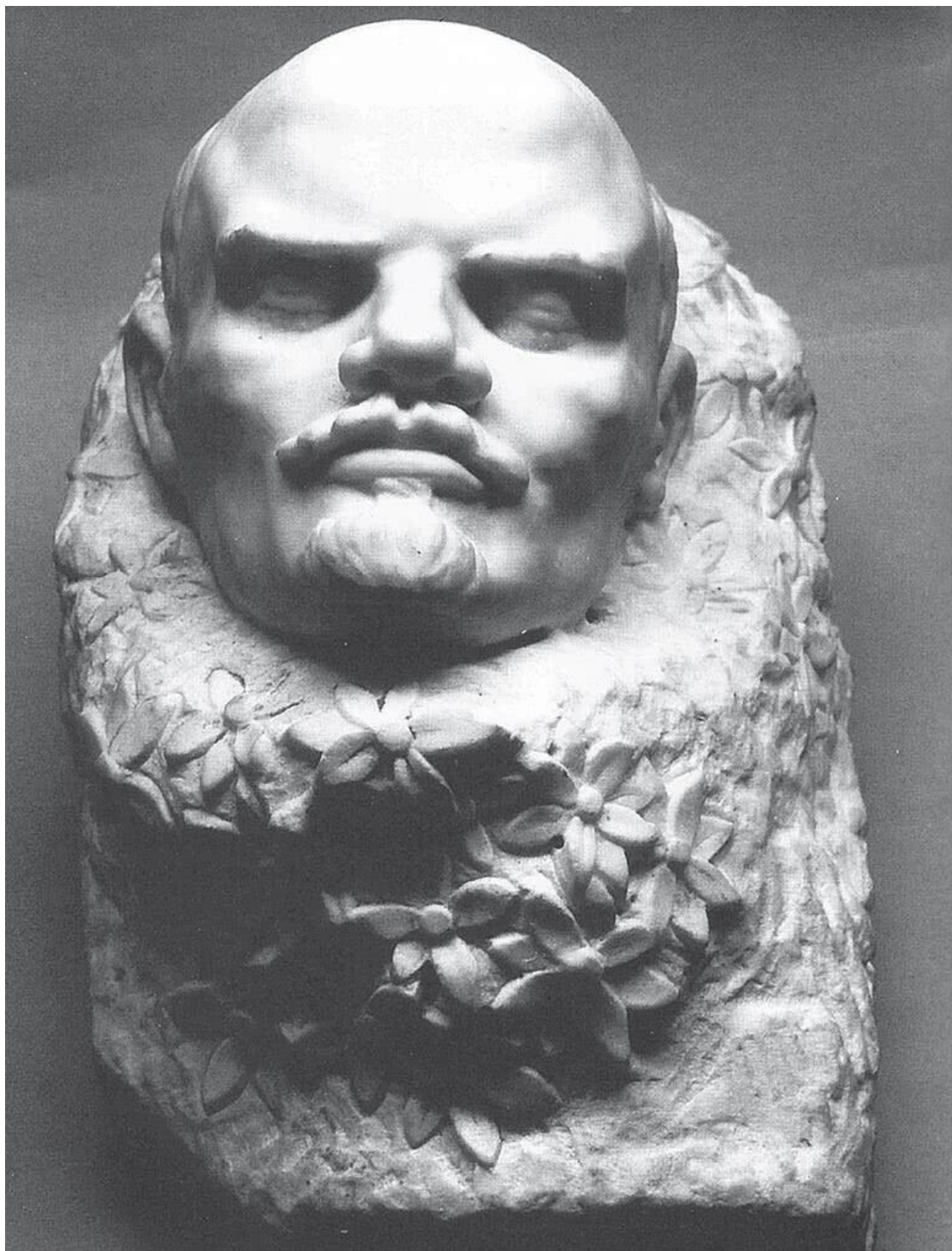
И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела.

И поверг сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была пожата⁵⁰².

⁵⁰⁰ Там же, с. 19–23.

⁵⁰¹ Там же, с. 24–31. Пассаж взят из работы Ленина «Замечания на второй проект программы Плеханова», *ЛСС*, т. 6, с. 231, <http://bit.ly/2ub1sW1> Фраза «чтоб там речей не тратить по-пустому, где нужно власть употребить» – из басни Крылова «Кот и повар».

⁵⁰² Откр. 14:14–16.

Мария Денисова «В. И. Ленин». 1924 г.

Проработав в Институте Ленина чуть больше года, Аросев возглавил отдел печати советского полпредства в Париже (при полпреде Красине). Более плодовитым автором работ о Ленине и ленинизме был Платон Керженцев, продолжавший писать о вожде до конца жизни. Но звонче всех звучал голос Маяковского. Через несколько дней после того, как Комиссия по увековечению объявила о решении сохранить тело Ленина, он написал советский символ веры: «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить». К октябрю он закончил поэму о жизни, смерти и воскресении вождя. «Ленин и сейчас живет всех живых», потому что он, с одной

стороны, «борец, каратель, мститель», а с другой – «самый человечный человек» (и «самый земной из всех прошедших по земле людей»).

Уже
над трубами
чудовищной рощи,
руки
миллионов
сложив в древко,
красным знаменем
Красная площадь
вверх
вздывается
страшным рывком.
С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
взывает Ленин:
– Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!

Маяковский, сам спаситель и мститель, предсказал последний бой, когда у него украли Джиоконду. Но ее никто не крал. Она принимала собственные решения. После отъезда Маяковского из Одессы Мария Денисова вышла замуж за инженера, уехала с ним в Швейцарию, родила дочь, занималась скульптурой в Лозанне и Женеве, рассталась с мужем, отправилась на Гражданскую войну, служила заведующей художественно-агитационным отделом в Первой и Второй конной и сошлась с комиссаром Ефимом Щаденко, служившим в реввоенсоветах у Буденного и Миронова. В 1924 году, в возрасте тридцати лет, она поступила во ВХУТЕМАС. Ее дипломным проектом была мраморная голова Ленина в гробу⁵⁰³.

7. Великое разочарование

Смерть Ленина стала залогом бессмертия его дела и причиной отчаяния его учеников. «В 1924 году после смерти нашего дорогого вождя ВКП(б) товарища Ленина, – писал бывший пастух и помощник прокурора Василий Орехов, – неперенес его смерти и плакал около трех месяцев, и в этот период у меня открылся травматический невроз»⁵⁰⁴.

Моисей умер, но молока с медом на обетованной земле не оказалось (потому что народ стал блудно ходить вслед чужих богов). Или, в рамках другого сюжета, настоящий день настал, но смерть, плач, вопль и болезнь не исчезли, и прежнее не прошло. Как писал основатель адвентизма седьмого дня Хирам Эдсон после «великого разочарования» 1844 года, «наши самые

⁵⁰³ Мария Денисова-Щаденко, скульптор (М.: Государственный музей В. В. Маяковского, 2000); Наталья Дардыкина, «Джиоконда, которую украли» *Московский комсомолец*, № 21608 (22 января 2001).

⁵⁰⁴ РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1429, л. 41.

светлые надежды и ожидания рухнули, и из нашей груди вырвался такой стон, какого я прежде не слышал». И как сказал один из участников Великого ожидания в Косаленде после того, как мир не кончился 18 февраля 1857 года: «Я сидел около своего дома и вместе со всеми смотрел, как встает солнце. Мы смотрели до полудня, но солнце не останавливалось. И вечером тоже смотрели, но оно все равно не останавливалось. И людей охватило отчаяние, потому что они поняли, что все оказалось неправдой»⁵⁰⁵.

В «Чевенгуре» Андрея Платонова товарищ Чепурный и его помощник чекист Пиюся истребили буржуазию и изгнали «полубуржуазию» и «весь класс остаточной сволочи». «В городе осталось одиннадцать человек жителей, десять из них спали, а один ходил по заглохшим улицам и мучился. Двенадцатой была Клавдюша, но она хранилась в особом доме, как сырье общей радости, отдельно от опасной массовой жизни». Мелких животных не осталось, а палисадники и клумбочки предстояло «выкосить и затоптать навеки».

Чепурный сел наземь у плетня и двумя пальцами мягко попробовал росший репеек: он тоже живой и теперь будет жить при коммунизме. Что-то долго никак не рассветало, а уж должна быть пора новому дню. Чепурный затаил и начал бояться – взойдет ли солнце утром и наступит ли утро когда-нибудь, – ведь нет уже старого мира!⁵⁰⁶

Дома отдыха и санатории двадцатых годов наполнились крокетом, компотом, концертами и «по всему телу пузырьками» – и одновременно плачем, воплем и болезнью. В день смерти Ленина Воронский был в доме отдыха, а его покровитель Троцкий направлялся на лечение в Сухуми. Смилга и Аросев недавно вернулись из санаториев в Германии, а Подвойский складывал чемоданы. Орехов не вернулся на работу (ему было сорок лет, когда он начал плакать). Ландер ушел на пенсию по состоянию здоровья в 1927 году, когда ему было сорок четыре года; Крицман перестал преподавать в 1929-м, в возрасте тридцати девяти лет. Бухарин продолжал активно работать, но, по словам его последней жены Анны Лариной, «его душевная организация была удивительно тонкой, я бы сказала, болезненно истонченной». В день смерти Ленина многие его ученики плакали, но «никто не плакал сильнее Бухарина». Его «эмоциональная утонченность и непосредственная восприимчивость приводили его нередко в состояние истерии. Он легко плакал»⁵⁰⁷.

Орехов и Бухарин были не одиноки. Из 144 человек, получивших медицинскую помощь в доме отдыха ВЦИК в Тетькове летом 1928 года, 89 (68 %) страдали от психических расстройств: «неврастения – 18, психоневрастения – 6, душевное расстройство – 1, переутомление – 73». Годом ранее в доме отдыха ВЦИК в Марьино побывали 1266 человек, из них «6 человек (0,48 %) здоровы, другие 1260 человек (99,52 %) на что-либо жаловались». У 598 из них (то есть почти у половины) были найдены «функциональные болезни нервной системы», у 27 – «органические болезни нервной системы»; у 59 – «психоневроз» и у 130 – «переутомление». В общей сложности 65 % отдыхающих жаловались на ту или иную форму душевного расстройства. Ни Тетьково, ни Марьино не были специализированными медицинскими учре-

⁵⁰⁵ Ronald L. Numbers, Jonathan M. Butler, ред., *The Disappointed: Millerism and Millenarianism in the Nineteenth Century* (Bloomington: Indiana University Press, 1987), с. 215; J. B. Peires, *The Dead Will Arise: Nongqawuse and the Great Xhosa Cattle-Killing Movement of 1856–1857* (Johannesburg: Ravan, 1989), с. 158.

⁵⁰⁶ А. Платонов, *Чевенгур*, https://imwerden.de/pdf/platonov_sobranie_tom3_chevengur_kotlovan_2011_text.pdf

⁵⁰⁷ Г. Воронская, «Если в сердце посылают пулю...», *Исторический архив* (1997, № 1), с. 80; интервью автора с Т. И. Смилгой-Полуян, 19 января 1998 г.; Н. Аросева, *След на земле: документальная повесть об отце* (М.: Политиздат, 1987), с. 147; интервью автора с О. Н. Подвойской, 27 февраля 1998 г.; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1429, л. 40 об.; В. Баранченко, *Стойкость, неутомимость, отвага* (М.: Московский рабочий, 1988), с. 47; АРАН, ф. 528, оп. 2, л. 4; А. Ларина, *Незабываемое* (М.: АПН, 1989), с. 104.

ждениями – оба предназначались для отдыха и светского общения и располагали услугами одного или двух врачей, присланных из кремлевского Лечсанупра⁵⁰⁸.

Отдых и лечение требовали дальнейшего отдыха и лечения. В июне 1930 года тесть Сталина С. Я. Аллилуев писал заведующему Хозяйственным управлением ЦИК:

Очень и очень прошу вас о том, не найдете ли Вы возможным устроить меня в какой-нибудь дом отдыха ЦИКа, недели на две. Где глуше лесные дебри и спокойней. Я недавно вернулся из Мацесты, где лечил свои старческие недуги и сердце. И потому значительно ослабел после приема серных ванн, и мне нужно подкрепиться⁵⁰⁹.

В разгар коллективизации (и за три месяца до выхода статьи его зятя о «головокружении от успехов») у Аллилуева могли быть другие причины для отъезда в лесные дебри. Причины Олимпиады Мицкевич были достаточно очевидны. Дочь сибирских крестьян, она «пошла в революционеры» в шестнадцатилетнем возрасте, выйдя замуж за ссыльного большевика Сергея Мицкевича (который пошел в революционеры в четырнадцать лет, прочитав «Новь» Тургенева). К 1928 году они разошлись. Он работал директором Музея Революции, она – сотрудником Истпарта (а потом Института Ленина). Но ее основным занятием было лечение от предыдущих лечений от последствий многолетних лишений. В июле 1928 года она писала в Общество старых большевиков из Чехословакии: «После лечения в Карлсбаде, которое в конец меня ослабляет, мне необходим отдых... Денежной помощи мне от Вас сейчас не нужно. Прошу только дать мне билет до Нижнего Новгорода и от Нижнего вниз до Самары и таким же путем обратно»⁵¹⁰.

Общество старых большевиков было создано ради сохранения общей памяти, передачи ее будущим поколениям и заботы о благополучии действующих членов (большевиков с непрерывным восемнадцатилетним партстажем). Общество предоставляло финансовую помощь, доступ к дефицитному жилью и льготы при поступлении детей и внуков в учебные заведения. Основными просителями были пенсионеры, располагавшие досугом для восстановления и воспоминаний, и бывшие рабочие, не имевшие доступа к привилегиям по месту работы. Самыми распространенными (независимо от уровня дохода) были запросы об отдыхе и лечении.

Четвертого июля 1928 года бывший пекарь, а ныне профсоюзный работник Борис Иванов напомнил Обществу о просьбе, изложенной в его предыдущем письме.

Я обращался в Общество Старых Большевиков чрез секретаря с просьбой получить путевку на лечение в Кисловодск но в таковой мне было отказано по причине что я несостою шести месяцев членом общества хотя я себя скверно чувствую недавно лежал больной целый месяц. Путевку мне удалось получить чрез Цека партии так что в этом отношении я устроен но мне не дали совсем железнодорожного билета ехать придется на свой счет.

Хотя я получаю парт максимум но на самом деле сильно нуждаюсь. Кроме семьи из четырех человек находящихся на моем издживении из которых жена больна, меня еще наприбавку к этому обокрали месяцев десять назад то есть в мое отсутствие очистили мою квартиру украли все зимние пальто часть осенней одежды и белья всей моей семьи и конечно вора и вещей не обнаружили. Пришлось влезть в долги чтобы одеть детей и сам

⁵⁰⁸ ГАРФ, ф. 9542, оп. 7, д. 3, л. 45–46, 104. Об истории советских санаториев и домов отдыха см.: Diane P. Koenker, *Club Red: Vacation Travel and the Soviet Dream* (Ithaca: Cornell University Press, 2013).

⁵⁰⁹ ГАРФ, ф. 9542, оп. 1, д. 11, л. 3.

⁵¹⁰ РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1308, л. 20.

буду вторую зиму ходить в осеннем пальто так как нет ресурсов на покупку. Притоком положений увеличивать еще больше долги не очень легко⁵¹¹.

Иванов не просил денег на новое пальто – он просил путевку в санаторий. Его просьба была удовлетворена.

В конце 1927 года бывший пастух Василий Орехов обратился в Общество за помощью. Члены бюро получили отпечатанную версию.

В 1924 г. я тяжело заболел травматическим неврозом, от коего лечился в санатории Корсикова около 3 м-цев. За этот срок я сравнительно отдохнул и снова пошел на работу. Проработав до 19 января 1925 г., болезнь моя повторилась, но в более серьезной степени, отнялся язык иноги. На мое физическое состояние сильно действовал холод. В конце февраля месяца Московский Комитет отправил на лечение в г. Севастополь в Институт физического лечения, в коем я пролечился около 3х м-цев. По окончании лечения мне врачи предложили остаться на юге... В Симферополе на мою квартиру был сделан налет бандитами, которые убили 16 летнего сына, похороны которого стоили 186 руб. Семья моя настолько перепугалась этого налета, что впала в психическое состояние, а дочь и жена страдают и до сего времени. Жена заболела серьезнейшим образом, которой было предложено Мед. Комиссией выехать в Евпаторию принимать рапные и грязевые ванны, а детям морские ванны и электрические процедуры. Пришлось все семейство отправить в Евпаторию на 2 м-ца. Это лечение мне стоило 476 руб... Обращаясь к Вам с просьбой, прошу вывести меня из этого омута, в который завела меня стихия⁵¹².

Общество выделило ему пенсию в 175 рублей в месяц. В июне 1930 года ее повысили до 200 рублей, но состояние здоровья Орехова оставалось неудовлетворительным. В декабре 1930-го он попросил денег «на переделку 2х зубных челюстей в количестве 26 зубов а также на имеющие умения 2х зубов на деть 2 коронке». Общество удовлетворило его просьбу⁵¹³.

Двадцатые годы были тяжелым испытанием для верующих. Введение НЭПа и болезнь Ленина ознаменовали возвращение всего «расслабленного, хилого и старого». «Чепурный нисколько не знал вначале, после погребения буржуазии, как жить для счастья, и он уходил для сосредоточенности в дальние луга, чтобы там, в живой траве и одиночестве, предчувствовать коммунизм». Как сказал Арон Солыц в Коммунистическом университете имени Свердлова в 1925 году:

Мы переживаем такую эпоху, когда нервы у очень большого количества людей столько испытали, пережили, что у них нет сил дальше делать то, чего требует от них партия. Имеются молодые партийцы, которые уже пережили гражданскую войну, которые были на всех фронтах, которые работали в наших карательных органах ГПУ и т. д. и совершенно издергали себя, ибо от них требовалась колоссальная выдержка; наиболее невыдержанному казалось, что вот последнее усилие, и он входит в коммунистический рай, и когда он видит, что дело более серьезно и требует более длительной работы, у него начинается некоторое разочарование⁵¹⁴.

⁵¹¹ РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 745, л. 19.

⁵¹² РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1429, л. 40–40 об.

⁵¹³ Там же, л. 47–61.

⁵¹⁴ Платонов, *Чевенгур*; А. Солыц, «О партэтике», *Партийная этика: Документы и материалы дискуссий 20-х годов* (М.: Политиздат, 1989), с. 279–280.

Первой проблемой была закрытость партии. Братское сообщество меченосцев превратилось в жесткую иерархию чиновников. Быстро росли специализация и регламентация; многие товарищи подолгу жили на дачах и в домах отдыха; некоторые стали блудно ходить за молоком и медом. Передовой отряд пролетариата пал жертвой «бюрократизма» и «разложения». В 1926 году автор «Железного потока» писал знакомой из санатория имени Троцкого в Кисловодске: «Санаторий прекрасно обставлен, я даже боюсь, как бы не сделаться буржуём (что-о? вы говорите, я и так есмь онный?!). Чтоб противодействовать этому вращению в буржуазность, я плюю во все углы, на пол, сморкаюсь, валяюсь на постели в башмаках и с нечесаной головой – кажется, помогает»⁵¹⁵.

Второй проблемой была открытость партии. НЭП порождает капитализм «постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе». Или, как сказал товарищ Чепурный после изгнания остаточной сволочи, «буржуев нет, а ветер дует по-прежнему». Крестьяне вели себя как крестьяне, торговцы – как торговцы, а некоторые рабочие и даже большевики вели себя как крестьяне и торговцы – стихийно и в массовом масштабе⁵¹⁶.

Дома Советов осаждались старьевщиками, точильщиками, попрошайками, «накрашенными дамами», «барышнями с локонами» и хулиганами, «переходившими всякие границы» вплоть «до обнажения скрытых частей тела и разбития стекол в окнах»⁵¹⁷.

Часть заразы просачивалась внутрь. Служащих регулярно уличали в пьянстве, проституции, спекуляциях, контрреволюционной деятельности и связях с бывшими эксплуататорами. Согласно отчету 1920 года, Второй Дом Советов, освобожденный от буржуазии «в тяжких муках революционной борьбы», превратился в «вертеп шкурного элемента». Одну работницу уволили за антисемитизм (после того как она сказала, что евреев надо премировать «золотой медалью революционности» и сослать в Палестину). Другая «открыла пьянство» трех членов администрации.

Я говорю правду и буду говорить. На фронте льется кровь, а здесь в советском доме пьянствуют, бутылками гремят. Вина были кавказские, рябиновка, шампанское 3 бутылки и одна бутылка коньяку и еще одна сердитая как перцовка, так сильно жжет⁵¹⁸.

Зараза была не только метафорой. Согласно многочисленным жалобам, «на лестницах, в столовой, на кухне и прочих местах имеется большая грязь, валяются окурки, бумага. Служащие, видя эту грязь и отбросы, не обращают на это абсолютно никакого внимания»⁵¹⁹.

Главными нарушителями были сами жильцы. Они спали в сапогах, проводили «подозрительных лиц», носили еду и кипяток по парадной лестнице, «засаривали отбросами раковины и уборные», кололи дрова и «употребляли печурки и примусы в занимаемых ими комнатах» и нарушали запрет на «стирку белья в помещениях и развешивание такового для просушки». 20 января 1925 года директор Третьего Дома Советов представил отчет о «недопустимом явлении, повторяемом в последнее время ежедневно».

Вечером в дом заявился гр. ВОЛКОВ по ордеру М. К. за № 308, психически больной, на руках коего имелся документ на отправку его в психиатрическую больницу. Явившись в дом, он пытался выброситься

⁵¹⁵ РГАЛИ, ф. 457, д. 225, л. 3 об.

⁵¹⁶ В. Ленин, «Как организовать соревнование», с. 200; В. Ленин, «Детская болезнь левизны в коммунизме», http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=1189:detskaya-bolezn-levizny-v-kommunizme&catid=80:tom-41&Itemid=53

⁵¹⁷ ГАРФ, ф. 1235, оп. 133, д. 477, л. 257; ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 48, л. 82; ГАРФ, ф. 155, оп. 1, д. 101, л. 62; ГАРФ, ф. 9542, оп. 1, д. 9, л. 9; ГАРФ, ф. 1235, оп. 133, д. 477, л. 180.

⁵¹⁸ РГАСПИ, ф. 613, оп. 4, д. 51, л. 13–30.

⁵¹⁹ ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 48, л. 7.

из окна третьего этажа. Сотрудник дома задержал падение его вниз, но стекло большое в раме было тем не менее гр. ВОЛКОВЫМ выбито. После того гр. ВОЛКОВ долго ругался на коридорах, свистал, шумел и, в результате, инвалид войны, слепой гр. ЦИБИС, не выдержал и, пытаясь спуститься по лестнице вниз, упал, расшибив себе сильно голову. Живущие на этаже тов. завели между собой шум, драку и опять результатом трое из них имели одновременно сильные припадки. Глядя на бьющихся в припадке, слыша их выкрики слепой ЦИБИС так же имел сильный припадок. Был вызван врач дома, – установивший недопустимое состояние в доме. Сейчас в общежитии живут припадочные, скандалисты, присылаются психически больные и не верится, что 3-й дом Советов является местом приюта таких товарищей, так как он предназначен для здоровых тов. Он в своем настоящем виде более похож на дом помешенных и если еще есть в нем здоровые, то, по всей вероятности, и их участь, по примеру слепого Цибиса, попасть в число сумасшедших⁵²⁰.

Основным источником расстройств были семейные и половые связи. Въезжали и выезжали родные и возлюбленные; рождались и росли дети. Дефицит товаров и жилплощади усугублялся «проблемами коммунистического быта». В одном из отчетов говорилось, что «некоторые бесцеремонные товарищи из «верхов», живя вне Второго дома, держат номера для своих «вторых жен» или для так называемых жен в отставке». В другом заведующий Вторым Домом Советов товарищ Росфельдт писал, что 7 ноября 1921 года беспартийная дама без документов пыталась пройти в комнату товарища Ландера (недавно переведенного из Донского ЧК в московский агитпроп).

На мое заявление, что пусть живущий в № 408 товарищ Ландер даст мне расписку, что он за нее ручается, она позвонила в № 408, тов. Ландер мне предложил без всякого пропускать, я предложил товарищу Ландеру требовать от своих знакомых, чтобы они носили с собой документы, он мне ответил, что это его жена, по имеющимся данным, зная что тов. Ландер зачислен у нас как одинокий и неоднократно видел утром рано, днем и поздно вечером из его комнаты разные дамы, факт который могут подтвердить некоторые мои сотрудники и 6 ноября вечером около 11 час. после закрытия пропусков он хотел провести к себе двух молодых барышень, но тов. Клааром было категорически отказано, на основании этих и других данных, я спросил тов. Ландер, какая-же жена, у Вас по всей вероятности их около полдюжины и обещал ему после дать объяснение. Он явился в Контору около 2 час. и требовал от меня ответа, я ему обещал после дежурства дать ответ, он был этим не доволен и бросал разные слова, что вы не мой отец, не поп и не покровитель, что Вы от меня желаете. На что я ему ответил, что я желаю, чтобы из 2-го Дома Советов не устраивали-бы бардак. Он мне сказал, что Вы нахал, я ему ответил, что если я по Вашему мнению нахал, то Вы по моему мнению десять раз больше нахала и просил его оставить Контору, после чего он и ушел.

Росфельдт закончил просьбой об отставке и декларацией принципа: «Может быть, я слишком морально смотрю на такие явления, но я воспитан в стране, где рабочий класс на семейную жизнь смотрит с другой более моральной точки зрения»⁵²¹.

⁵²⁰ ГАРФ, ф. 1235 оп. 133, д. 477, л. 180 (длинная цитата), 251–252; ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 48, л. 82; д. 50. л. 4, 15, 20, 158; ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 82, л. 1 об., 5; ГАРФ, ф. 9542, оп. 1, д. 11, л. 7.

⁵²¹ ГАРФ, ф. 551, оп. 1, д. 57, л. 10–10 об.; РГАСПИ ф. 613, оп. 4, д. 51, л. 39 (о «женах в отставке»).

* * *

Была ли у коммунистов моральная точка зрения? По мнению Бухарина, традиционная мораль есть форма «фетишизма», подчиняющая человеческую жизнь «какому-то авторитету, который неизвестно откуда берется и неизвестно почему ему все обязаны подчиняться». Строительство социализма требовало осознанного подчинения всех помыслов и действий идеалам социализма. По словам Ленина, коммунисты отвергают «всякую... нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия», во имя морального кодекса, основанного на «интересах классовой борьбы пролетариата»⁵²².

Главным специалистом по коммунистической нравственности был Арон Сольц, известный как «совесть партии». Общий принцип, писал он, достаточно прост:

Основой нашей этики являются интересы преследуемой нами цели. Правильным, этическим, добром является то, что помогает осуществлению нашей цели, что помогает сокрушить наших классовых врагов, научиться хозяйствовать на социалистических началах; неправильно, неэтично, недопустимо то, что вредит этому. С этой точки зрения надо подходить ко всякому поступку члена партии, когда мы хотим разрешить вопрос, этично ли он поступает или нет⁵²³.

Решение вопроса, этично ли поступает член партии, находится в ведении партийных учреждений.

Мы – правительство большинства – можем открыто и прямо сказать: да, мы держим в тюрьмах тех, кто мешает нам осуществлять наш порядок, мы не останавливаемся на ряде других подобных поступков – у нас нет абстрактно неэтичных поступков. Наша задача состоит в том, чтобы устроить лучшую жизнь, эта задача должна нами преследоваться, всякое сопротивление ей должно караться, и это является, с нашей точки зрения, этичным⁵²⁴.

⁵²² Н. Бухарин, *Коммунистическое воспитание молодежи* (М.; Л.: Молодая гвардия, 1925), с. 54–57; В. Ленин, «Задачи союзов молодежи», *ПСС*, т. 41, с. 309–311, http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=1218:zadachi-soyuzov-molodezhi&catid=80:tom-41&Itemid=53

⁵²³ Сольц, «О партийной этике», *Партийная этика*, с. 260.

⁵²⁴ Там же, с. 261.

Арон Сольц

Партия преследует свою задачу всеми возможными средствами; члены партии должны оценивать свои поступки в соответствии с условиями задачи и текущей политикой. Главным принципом коммунистической морали является «партийная дисциплина», то есть подчинение человеческой жизни авторитету, про который известно, откуда он берется и почему все обязаны ему подчиняться⁵²⁵.

Партийная дисциплина важнее «собственного хозяйства, семьи и пр.», но одной дисциплины недостаточно. «Может ли быть вольная дисциплина тогда, когда нет достаточно хороших товарищеских взаимоотношений? Нет. Тогда, во всяком случае, дисциплина может быть только казарменной». Вольная дисциплина возможна «только тогда, когда мы смотрим друг на друга как на товарищей, объединившихся для единой определенной действенной задачи».

⁵²⁵ «Проект предложений президиума ЦКК II Пленуму ЦКК РКП(б), 1924», *Партийная этика*, с. 154.

И, с другой стороны, «необходимые товарищеские отношения – любовь, дружба к товарищам – могут укрепиться от сознания того, что ведь он – мой помощник, через него я удержал все то, что мне дорого, во имя чего я член партии»⁵²⁶.

Единство веры, любви и подчинения – центральный принцип сектантских сообществ. Иисус из Назарета провозгласил две основные заповеди: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» и «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Любить Бога значило подчиниться неизбежному. Любить Бога всем сердцем, душой и разумением значило подчиниться неизбежному абсолютно и безусловно. Способы подчинения перечислялись в писании и обновлялись специальными посланниками («вы слышали... а я говорю вам»). Что касается любви к ближнему, то Иисус не имел в виду богатых, пресыщенных, «уже утешившихся» и других приговоренных к огненным печам и серным озерам. Он обращался к тем, кто оставит ради него братьев, сестер, отца, мать, жену и детей, и отчасти к тем, кто пройдет за ними хотя бы часть пути. Достаточно хорошие товарищеские взаимоотношения без вольной дисциплины не более возможны, чем вольная дисциплина без достаточно хороших товарищеских взаимоотношений.

К тому времени как христиане стали правящей партией в Вавилоне, они перестали быть миллениаристами и заключили ряд компромиссов между сектой, которой хотели бы остаться, и обществом, в которое превратились. Большевики захватили власть в огромной языческой империи, будучи убежденными, что не пройдет род сей, как все это будет. Но прежде чем решать, как быть с миллионами неближних, которые стали потенциальными товарищами, нужно было решить, как быть с тысячами товарищей, которых полагалось любить как самих себя. Как писал Солц:

Нам очень трудно, конечно, сохранить те близкие интимно-товарищеские отношения, которые были раньше, когда нас была горсточка. Общие преследования, общая судьба работавших в царском подполье товарищей больше их сближала, больше объединяла, чем те условия, в которых мы теперь находимся. Нас стало гораздо больше, и чувствовать ту же близость к каждому коммунисту очень трудно⁵²⁷.

Но, как всегда, главной проблемой был не недостаток любви к толпам дальних, а ее избыток в отношении горсточки ближних. Секты – по определению – разрывают узы родства, дружбы и любви, растворяя их в общей преданности избранному пути спасения и пророкам, на них указывающим. Главный враг секты – институт семьи, который образует фундамент несектантской жизни и традиционно претендует на первоочередную лояльность. Но семья – не просто конкурент и антипод. Семья образует фундамент несектантской жизни потому, что она регулирует воспроизводство, которое, в свою очередь, несовместимо с сектантской жизнью, основанной на добровольном союзе новообращенных (взрослых). Секты – союзы братьев и сестер, а не родителей и детей. Именно поэтому большинство сценариев конца света обещают «все это» при жизни нынешнего поколения, большинство радикальных протестантов отвергают крещение младенцев, а большинство миллениаристских сект на пике ожидания пытаются либо реформировать институт брака, либо упразднить его раз и навсегда (путем введения безбрачия, многобрачия или свободной любви). Слова Иисуса о том, что его семья – не его семья и что его ученики должны возненавидеть своих отцов, матерей, жен, детей, братьев и сестер, столь же важны для его проповеди сколь невозможны для последовательного подражания (за пределами монастырских стен).

⁵²⁶ Солц, «О партэтике», с. 277.

⁵²⁷ Солц, «О партийной этике», с. 264–265.

В эпоху потопов, войн и скитаний по пустыне большевики исходили из того, что брак и семья отомрут наряду с государством, неравенством и частной собственностью. В связи с отсрочкой коммунизма стало очевидно, что спор между Ландером и Росфельдом должен быть временно разрешен, а рождение и воспитание детей в лоне семьи законодательно оформлено. Институт брака нуждался в определении и временном укреплении. Первое оказалось невозможным, второе – крайне сложным.

Главным советским экспертом по вопросам брака и семьи был Яков Бранденбургский, старый большевик из черты оседлости, который порвал со своей семьей еще будучи гимназистом, поступил в Одесский (Новороссийский) университет, был отчислен оттуда за революционную деятельность, вступил в партию в 1903 году, окончил факультет права Сорбонны в 1911-м и служил чрезвычайным уполномоченным ВЦИК по продразверстке и продналогу во время Гражданской войны. К 1925 году он стал членом коллегии наркомата юстиции, первым деканом факультета советского права в МГУ и руководителем комиссии по разработке нового проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке⁵²⁸.

⁵²⁸ И. Аграчева, «Член партии с 1903 г.», *Вести (Израиль)* (1995, 1 июня), с. 10; АМДНН, папка «Бранденбургский».

Яков Бранденбургский

В буржуазной юриспруденции, писал Бранденбургский, единственным отличием брака от сожительства (конкубината) является его нерасторжимость. В Советском Союзе это отличие неприменимо из-за свободного права на развод. Определение, согласно которому брак есть сожительство двух лиц, считающих себя мужем и женой, логически абсурдно и юридически бессмысленно. Попытки определить брак с точки зрения его функции (производство и воспитание детей) неудовлетворительны из-за большого числа исключений. Аргумент, что брак представляет собой юридический договор, не может быть принят, поскольку «некоторые его элементы, некоторые условия и, особенно, некоторые последствия от воли сторон не зависят, а зависят от природы». В конечном счете определения не имеют значения. «Юридическая формулировка легко, без всяких усилий с нашей стороны, без всякого напряжения будет найдена, когда новый быт сложится». Вернее, когда новый быт сложится, нужда в юридической фор-

мулировке отпадет, поскольку брака не будет. А до тех пор сожителство и воспроизводство придется регулировать – независимо от формулировок⁵²⁹.

Семья, основанная в буржуазных странах на браке и создающая ряд прав и обязанностей для супругов, родителей и детей, конечно, исчезнет и будет заменена государственной организацией общественного воспитания и социального обеспечения. Но пока этого нет, пока сохраняется индивидуальная семья, мы возлагаем на членов семьи взаимные обязательства, вроде алиментов по отношению друг к другу⁵³⁰.

С одной стороны, стремление некоторых товарищей разрушить семью в принципе оправданно, «с другой стороны, население законно чувствует чрезвычайно большую потребность в том, чтобы она так скоропалительно не разрушалась, потому что это не соответствует нынешним условиям жизни». В нынешних условиях жизни признание «фактических браков» и потребность в «защите слабых» неизбежны. Советское законодательство основано на реализме, а не на моральном «фетишизме». В вопросах брака и семьи это выражается в примате кровного родства⁵³¹.

За границей, в буржуазных странах, считают родством то родство, которое основано на законном браке, и если у меня ребенок родился не в законном браке, то в таком случае между мной и ребенком нет родственных связей, нет родства. Мы построили наше право на другом принципе, на том принципе, что кровная связь, действительное происхождение – это то, что определяет взаимоотношения между родителями и детьми⁵³².

Иначе говоря, семья реальна и, в нынешних условиях жизни, полезна и неизбежна. Но что такое коммунистическая семья? Что значит быть хорошим мужем, женой, отцом и матерью? По мнению Сольца, «семья коммуниста должна быть прообразом маленькой коммунистической ячейки» – то есть «это должна быть такая группировка товарищей, когда один в семье живет приблизительно так же, как он живет и вне семьи, и все члены семьи должны всей своей работой и жизнью представлять нечто похожее на ячейку содействия». Это кальвинистская (пуританская) модель семьи как конгрегации в миниатюре или – в той мере, в какой светские учреждения могут быть праведными, – государства в миниатюре. Но в чем состоит особый вклад семьи в общее дело, если «один в семье живет приблизительно так же, как он живет и вне семьи»? Согласно Бранденбургскому, цель заключается в том, чтобы «супружеские отношения стали совершенно свободными от всяких предрассудков, пережитков и несутрадных условий буржуазной «добродетели», чтобы содействовать полному раскрепощению женщины от власти мужа, чтобы постепенно привести к уничтожению какой-либо экономической зависимости жены от мужа»⁵³³.

Но что значит быть свободным от всяких предрассудков? Значит ли это, что Ландер прав? По мнению президиума ЦКК, нет, не значит. Но неправ и Росфельдт: «Партия ни в коем случае не должна в этом вопросе становиться ни на точку зрения отказа от личных радостей, ни на точку зрения поповского лицемерия, ни на точку зрения безразличного отношения к возникающим на этой почве болезненным явлениям, вызывающим резко отрицательное отноше-

⁵²⁹ Я. Бранденбургский, *Брак и его правовые последствия* (М.: Юридическое изд-во, 1926), с. 7–10.

⁵³⁰ Я. Бранденбургский, *Брак и семья* (М.: Юридическое издательство, 1926), с. 5.

⁵³¹ Я. Бранденбургский, А. Сольц, Н. Крыленко, С. Прушицкий, *Семья и новый быт* (М.: Госиздат, 1926), с. 20.

⁵³² Бранденбургский, *Брак и семья*, с. 19. О спорах по поводу семейного кодекса 1926 года см.: Wendy Z. Goldman, *Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936* (Cambridge University Press, 1993), с. 185–253.

⁵³³ Сольц, «О партийной этике», с. 263; Сольц, «О партэтике» с. 286; Бранденбургский, *Брак и его правовые последствия*, с. 5.

ние трудовых масс населения и социально вредные последствия». Доводы были чисто утилитарными. Как писал Солыц:

Говорить, что должна быть полная свобода чувства, не значит, что в зависимости от своих случайных и временных настроений можно менять отношения – это неправильно. Беспорядочные половые отношения, несомненно, вредно отражаются на организме, подрывают его силы, ослабляют человека как борца, как коммуниста. Силы человеческие ограничены: чем больше сил и внимания – психического и всякого другого – отдается этой стороне жизни, которая вполне законна и правильна, тем меньше сил остается на другие функции коммуниста. Если он много разнообразия ищет в половой области, то оно, несомненно, отнимает слишком много сил и даст нам коммуниста с изъяном⁵³⁴.

То же справедливо в отношении пьянства, «онанизма», половой распущенности и других проявлений свободных чувств, отвлекающих коммунистов от строительства коммунизма. К вящей растерянности молодых коммунистов, партия призывала к «умеренности» и «сдержанности» – то есть, согласно большевистской традиции, к соглашательству и мещанству (как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих)⁵³⁵.

Судя по многочисленным публикациям тревожной статистики, призыв услышан не был. Как писал Бухарин: «Молодежь попала в такую дыру, когда старые нормы исчезли, а новые еще не народились. Отсюда некоторая временная анархия в области правил поведения, в области норм отношений друг к другу». И как писал Троцкий: «Семья шатается, распадается, разваливается, возникает и снова рушится. В жестокой и болезненной критике семьи быт проверяет себя. История рубит старый лес – щепки летят. А готовятся ли элементы новой семьи?» Ответ был не холодным и не горячим⁵³⁶.

В главном революционная символика рабочего государства нова, ясна и могущественна: красное знамя, серп и молот, красная звезда, рабочий и крестьянин, товарищ, интернационал. А в замкнутых клетках семейного быта этого нового почти еще нет – во всяком случае, слишком мало... В самой коммунистической среде поэтому нет-нет да и пробуждается потребность противопоставить старой обрядности новые формы, новую символику не только в области государственного быта, где эти уже имеются в широкой степени, но и в сфере семьи.

Троцкий одобрял революционные имена «Рэм» и «Октябрина», большевистские крестины с их «полушутливой обрядностью», игривую театральность при регистрации брака и торжественные «процессии, речи, марши и салютную стрельбу» во время коммунистических кремаций. Но говорил он об этом полушутливо и новых идей не предлагал. И Троцкий, и Бухарин считали художественную литературу несравненно более важной для «воспитания чувств» (как выразился Бухарин). «Дыра» оставалась на месте⁵³⁷.

В статье 1926 года «Мое преступление» Михаил Кольцов описал визит ходоков из деревни, которые попросили у него «список безбожной советской литургии для умерших

⁵³⁴ Солыц, «О партийной этике», с. 167, 263.

⁵³⁵ См. особ.: Е. Ярославский, «О партэтике. Доклад на II пленуме ЦКК РКП(б) 5 октября 1924», *Партийная этика*, с. 170–219.

⁵³⁶ Бухарин, *Коммунистическое воспитание молодежи*, с. 43.

⁵³⁷ Л. Троцкий, *Вопросы быта. Эпоха культурничества и ее задачи* (М.: Госиздат, 1926), с. 47–63. См. также: Richard Stites, *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution* (New York: Oxford University Press, 1989), с. 109–123; и особ. Victoria Smolkin-Rothrock, *A Sacred Space is Never Empty: A History of Soviet Atheism* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018).

честных беспартийных крестьян», а также «полный порядок красных октябрин и наименование революционных вождей для крестьянских младенцев на каждый день в году». Автор ответил в соответствии с политикой партии.

Я убеждал Каравайченковых, что все это – ерунда и сущие пустяки, что не в обрядах дело, а в избе-читальне, в ликвидации неграмотности, в сельскохозяйственном кооперативе, в комитете взаимопомощи, в коллективной запашке, в борьбе с самогоном, в тракторе, в агрономе, в газете, в кино, в кольцевой почте.

Но просители не отступались, и Кольцов «совершил акт мещанства и интеллектуальной отсталости в масштабе целого села» – отвел их в писчебумажный магазин и помог купить «портреты вождей, красные абажуры, ленты, лозунги, плакаты».

Может быть, картон «Кончил дело – уходи» будет колыхаться в головах у покойника. Может быть, затейливая картинка с самолетами и противогазами будет красоваться над почтительно склоненными головами новобрачных. Может быть, плакат «Просят не курить» будет торчать перед голубыми глазками неграмотного новорожденного младенца... все равно! Пусть! Я пошел на преступление и пока не раскаиваюсь в нем.

Вывод серьезен. «Если затерянные лесные труженики хотят выбраться из ямы тьмы и суеверий, надо не приказывать им прыгать, а подставить ступеньку или подать руку помощи». Но что ждет их на поверхности? Что и как им отмечать? Кольцовский рассказчик – «передовой, свободный от предрассудков и прочего такого человек» – не нуждается в картонных плакатах и полусушительных октябринах. В чем же он нуждается? Как живет? Откуда берутся дети и кто их воспитывает? Если Кольцов, Сольц и Бухарин идут в «авангарде» и если воспитание их чувств благополучно завершилось, то будущее коммунистического быта зависит от положения дел в их «семейных ячейках»⁵³⁸.

* * *

В 1918 году, когда ему было двадцать лет, Кольцов женился на тридцатипятилетней актрисе. В начале 1920-х он женился на другой женщине, но остался свободным от предрассудков. Как он писал в одной из своих статей, «мужчины и женщины устраивают совместную жизнь без долгого нудного сватовства, посредничества церкви и государства, без лжесвидетелей, бракоразводных процессов и фальшивого лицемерия принудительного совместного проживания в браке». Он не развелся со второй женой, когда стал жить с третьей⁵³⁹.

Кольцов был известен своей элегантностью. По словам журналиста «Правды» Софьи Виноградской, он был «изящен» и «собран», предпочитал костюмы кожаным курткам и имел «тонкое матовое, выбритое до синевы египетской лицо и нежный белый лоб; великолепно очерченный рот и столь же великолепный влажный ряд тесно поставленных зубов». По словам директора Московского детского театра Наталии Сац, его «пушистые темно-каштановые волосы открывали красивый лоб, орлиный нос, веселые, чуть капризные губы». Он был невысок («как перочинный ножичек»), тщеславен (собирая, подобно пчеле, «мед впечатлений, похвал, признаний, одобрений, улыбок») и остроумен. «Маленький Кольцов с красивыми печальными глазами был начинен анекдотами, смешными историями, остротами... Он

⁵³⁸ Кольцов, *Фельетоны и очерки*, с. 105–107.

⁵³⁹ Б. Ефимов, *Десять десятилетий* (М.: Вагриус, 2000), с. 39, 52; интервью автора с Борисом Ефимовым, 16 октября 1997 г.; *Михаил Кольцов, каким он был: сборник воспоминаний* (М.: Советский писатель, 1989), с. 141, 144; Б. Медовой, *Михаил и Мария* (М.: Изд-во политической литературы, 1991), с. 57–58; ГАРФ, ф. 9542, оп. 1, д. 111, л. 42–48.

выдавал себя за другого, переодевался, посылал акrostихи». Однажды, когда он был в гостях у Наталии Сац, он предложил ей потанцевать. «Если я сяду за пианино, как я буду танцевать, а если нет, кто нам будет играть?» – спросила она. Кольцов снял трубку, «позвонил своему брату Борису, попросил подставить его патефон к телефону, завести песенку-танец «Валенсия», и мы, держась за телефонный провод, минуты три танцевали»⁵⁴⁰.

Михаил Кольцов

⁵⁴⁰ Михаил Кольцов, *каким он был*, с. 136–138, 144–145, и др.; Сац, *Новеллы*, т. 1, с. 170, 181.

Наталия Сац. *Предоставлено Роксаной Сац*

Кольцов был известен тем, что ездил на собственной машине, знал все московские кафе и мог находиться в нескольких местах одновременно. Он был известен как основатель журналов «Огонек», «Крокодил», «За рулем» и «За рубежом». Он был широко известен и очень влиятелен. В 1927 году, когда театру Наталии Сац грозило выселение, он написал статью о том, что детский театр не менее полезен, чем детский дом. Статья в «Правде» имела силу правительственного указа, и театр получил свое собственное новое здание. (Платон Керженцев назначил Наталию Сац главой детского отдела музыкально-театральной секции Моссовета в 1918 году, когда ей было пятнадцать лет. Вскоре она основала свой собственный театр и к концу 1920-х стала знаменитостью. Она рано вышла замуж, родила сына, развелась, вышла замуж за управляющего банком – впоследствии торгпреда в Варшаве и Берлине, – родила дочь, поставила несколько спектаклей в театрах Европы и Южной Америки, сотрудничала с Максом Рейнхардом и Отто Клемперером, а в 1935-м ушла от второго мужа к наркому внутренней торговли Израилю Вейцеру. В следующем году особое постановление партии и правительства объявило о создании Центрального детского театра на площади Свердлова.)⁵⁴¹

⁵⁴¹ М. Кольцов, *Избранные сочинения в трех томах* (М.: Художественная литература, 1957), т. 1, с. 193–203; Сац, *Новеллы*,

У Кольцова была дача на Клязьме, где он проводил выходные с друзьями. По словам одного из них, редактора журнала «За рулем» Н. Беляева (Наума Бейлина), «радушный хозяин целый день проводил на волейбольной площадке, с увлечением играл в городки, фанты, какие-то детские игры, шутил, острил, развлекал гостей. В понедельник утром на даче вновь воцарялась тишина, гости вместе с хозяином уезжали обратно в Москву». В 1931 году писатели Борис Левин, Илья Ильф и Евгений Петров и художник Константин Ротов выкупили дачу у Кольцова и стали приезжать туда со своими детьми (Левин был женат на Еве Розенгольц, сестре призрачного вождя московского восстания, а впоследствии наркома внешней торговли Аркадия Розенгольца. Ева училась живописи в мастерской Роберта Фалька и окончила ВХУТЕМАС в 1925 году, одновременно с Джиокондой Маяковского, Марией Денисовой. Ее дипломной работой был портрет трех старых евреев из Витебска, где они с Аркадием выросли. Через три года после рождения дочери Елены Ева и Борис разошлись. Аркадий вторично женился примерно тогда же, вскоре после своего нового назначения.)⁵⁴²

Брат Кольцова, карикатурист Борис Ефимов, женился в 1919 году, когда ему было девятнадцать лет. В 1930-м он женился во второй раз, но от первой жены не ушел. У обеих женщин родились сыновья, и он всю жизнь прожил на два дома. У младшей жены, Раисы Ефимовны Фрадкиной, было три брата и две сестры. Один брат был следователем ОГПУ/НКВД, другой – агентом военной разведки, а третий, Борис Волин (Иосиф Фрадкин), видным партийным деятелем, руководителем отдела печати Народного комиссариата иностранных дел и, с 1931 года, начальником Главлита (главного цензурного управления). Старшая сестра Раисы умерла во время Гражданской войны; младшая, Софья, вышла замуж за следователя Леонида Чертока и поступила на службу в ОГПУ. И брак, и трудоустройство были одобрены на «смотри-нах» в доме главы ОГПУ Генриха Ягоды и его жены Иды. Ида Ягода приходилась племянницей Якову Свердлову (дочь его сестры Софьи). Ее брат Леопольд Авербах, видный пролетарский литературный критик, был женат на дочери биографа Ленина, Владимира Бонч-Бруевича⁵⁴³.

Сын Свердлова Андрей женился на одной из дочерей организатора штурма Зимнего, Николая Ильича Подвойского. Они познакомились в раннем детстве и снова встретились в санатории ЦИК в Форосе в 1932 году, когда ему было двадцать два, а ей шестнадцать. У Подвойского и его жены, старой большевички Нины Августовны Дидрихиль, было пять дочерей и сын Лев, который женился на Милене Лозовской, дочери генерального секретаря Профинтерна Соломона Лозовского (они тоже познакомились в Форосе). Сводная сестра Милены, Вера, дочь Лозовского от предыдущего брака, работала секретарем Крупской. После смерти матери Милены в 1926 году ее удочерил старый большевик Глеб Кржижановский, первый председатель Госплана и организатор «электрификации всей страны». Лучшей подругой Милены была Эльза Бранденбургская по прозвищу Брындя, дочь автора семейного кодекса 1926 года. Одна из сестер Нины Августовны была замужем за организатором красного террора на севере России, Михаилом Кедровым. Ее племянник Артур Артузов (Фраучи) был протеже и сотрудником Кедрова в особом отделе ВЧК, а позже главой советской внешней разведки. Большевики не просто размножались – они воспроизводили себя как социальную среду⁵⁴⁴.

т. 1, с. 108–109, 207–213, 310–314, 362–375 и др.

⁵⁴² Михаил Кольцов, каким он был, с. 205; интервью автора с Е. Б. Левиной, 27 сентября 1998 г.; Ева Павловна Левина-Розенгольц, 1898–1975, *сборник материалов* (М.: Государственная Третьяковская Галерея, 1996); Ева Павловна Левина-Розенгольц, *живопись и графика* (М.: Галарт, 2006).

⁵⁴³ Ефимов, *Десять десятилетий*, с. 55, 179, 244, 614–625; Р. Медведев, «Слава и трагедия одной семьи», *Каретный ряд* № 5 (ноябрь 1985).

⁵⁴⁴ Интервью автора с Е. А. Свердловой (26 февраля 1998 г.), О. Н. Подвойской (27 февраля 1998), М. А. Лозовской (4 марта 1998 г.) («Алексей» – партийный псевдоним Соломона Лозовского); Н. Петров, К. Скоркин, *Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник* (М.: Звенья, 1999), с. 93–94; Ю. Дойков, «Михаил Кедров и Ревекка Пластинина», *Важская область* (1992, 8 сентября, № 8).

Подвойские жили счастливо. Как писал Николай Ильич в письме Нине Августовне: «Лучше, милей, чище, сильнее, святей я не знаю жены, матери, друга, товарища... Перед тобой я постоянно стою так, будто смотрю высоко, высоко на греющее солнце». Они всерьез относились к задаче коммунистического воспитания детей и часто говорили об этом – с детьми и между собой. Николай Ильич был сторонником производственного обучения (жена Андрея Свердлова работала на фабрике, прежде чем стать инженером); Нина Августовна полагалась на силу личного примера. 2 мая 1927 года она записала в дневнике: «Я упрямо стою на том, что родители (оба) обязаны перед человечеством ради его прогресса воспитывать детей своих, передавая им опыт своей жизни». Речь шла не о самопожертвовании, а о революционной преемственности. «В душе у меня много огня, – писала она в июле 1920-го, – я ношу в себе большую совесть, что я ничего не дала людям. Огонь не может быть сокрыт, он когда-нибудь прорвется, и я верю, что если он не прорвался во мне, то прорвется в этих пятерых моих детях, делающих меня бессмертной». Со смертью буржуазной морали стремление к бессмертию в детях перестало противоречить прогрессу человечества. В 1922 году Нина Августовна писала:

Когда вихрь революции смел тот призрак, который назывался в буржуазном обществе «Семьей», и на месте ее оставил пошлую, а подчас и кошмарную для детей и юношества обстановку «домашнего очага», когда формирующееся общество не выдвинуло еще того ствола, который крепко берег бы и холил свои молодые листочки, особенно чутко, особенно любовно надо относиться к тому молодому, что растет около каждого из нас⁵⁴⁵.

Но что такое дом без очага и семья без семьи? Можно ли передать детям опыт своей жизни, не воспроизводя мещанского уюта? И не окажется ли новый ствол старым древом познания добра и зла? Ответ Подвойских не отличался от ответа Солнца: биологическая семья должна стать первичной ячейкой советского общества. Жизнь в семье должна быть такой же, как жизнь вне семьи. Как Николай Ильич писал детям: «Кто хочет полюбить Владимира Ильича со всей глубиной и полной сознательностью, с жадностью, – тот должен дружить с мамой и говорить, говорить с ней о Ленине». И как Нина Августовна писала дочери в день ее семнадцатилетия, через несколько месяцев после того, как она сказала «да» Андрею Свердлову:

Поздравляю: тебе 17 лет! Жизнь в 17 лет – это синее море в апреле, оно играет всеми цветами в зависимости от весеннего ветра, солнца, насыщенности воздуха; это – молодая березка, покрытая нежными листочками и убранный сережками; это – самая могучая, зовущая весна. Ты – весна, и жизнь вокруг тебя – весна. Счастливая ты. Будешь еще счастливее, когда поймешь то, что ты счастливая. А по-моему, ты уже чувствуешь. Верно? Сама молодая, сильная, и вся жизнь твоего общества молодая, сильная. Желаю тебе в твою семнадцатую весну все ближе и ближе приближаться всеми своими интересами, чувствами и помыслами к стану самых сильных и самых молодых: к Марксу, Энгельсу, Ленину, к настоящим большевикам⁵⁴⁶.

Подвойские посвятили себя строительству социализма в одной семье на фоне строительства социализма в одной стране на фоне пожара мировой революции. Главной целью было счастье сегодняшних детей. Самой известной трактовкой детского счастья была «Синяя птица» Метерлинка в постановке Станиславского на музыку Ильи Саца (отца Наталии). Спектакль

⁵⁴⁵ Б. Ефимов, *Товарищ Нина* (Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1969), с. 62, 115, 110, 111; интервью автора с О. Н. Подвойской, 27 февраля 1998 г.

⁵⁴⁶ Ефимов, *Товарищ Нина*, с. 61, 64.

вышел в 1908 году, пережил революцию и превратился в обряд инициации детей московской элиты (и в одну из самых успешных постановок в истории театра: в 2008 году ей исполнилось сто лет). В пьесе – и в постановке – Тильтиль и Митиль находят птицу счастья и выпускают ее на свободу. В дневниковой записи 8 мая 1923 года Нина Августовна знакомится в крымском санатории с немецким коммунистом и скучает после его отъезда.

И в то же время чувствовалась гордость: в руках у меня была чудесная «синяя птица», которая летит в море, чтобы принести счастье человечеству. Захотелось работать в Коминтерне – в чудодейственном волшебном саду коммунизма, откуда вылетают по всем уголкам «синие птицы», разносящие по миру весть о счастье коммунизма. Хочется этих птиц приласкать, пригреть, вдохнуть в них крепость полета. Ох чарующе красиво море!.. Море, «волшебный сад», в котором великий кудесник Ленин и чудные «синие птицы». Их много и их становится все больше и больше. И я люблю от всей души, необъятно люблю этих «синих птиц», которые перевернут мир⁵⁴⁷.

Семья Подвойских

Основной работой Нины Августовны была подготовка рукописей Ленина к публикации в Институте Ленина. Основной работой Николая Ильича была подготовка советских тел к будущему счастью. Проиграв борьбу за должность «железной руки революции во всем мире», он стал председателем Высшего совета по физической культуре, основателем и руководителем Спортинтерна и главным поборником «смычки с солнцем». Уподобление Нины Августовны «греющему солнцу» – не только метафора. «Человек, как все живое, есть не что иное, как кусочек солнца, – говорит двойник Подвойского в платоническом диалоге, который он издал в 1925 году, – и этот кусочек должен постоянно держать связь со своим целым, иначе он зачахнет». Чтобы он не зачах, необходимо устранить «искусственные преграды между нами, т. е. нашим телом, и источником жизни – солнцем».

⁵⁴⁷ Там же, с. 112.

– Иными словами, – прервал его Юрий, – ходи в чем тебя мать родила? Правильно.

– Но руки-то у тебя, черт, голые? Нос и все лицо у тебя голые? Ничего? Не страшно? Все почти части тела могли бы легко оставаться обнаженными большую часть года. Не простужаешься же ты потому, что у тебя руки мокрые? А вот промочишь ноги – ложишься в постельку. Это в наказание за то, что ты их постоянно кутал, прятал от солнца!..

Товарищи, мы можем и мы должны сбросить с себя весь балласт, которым закрываем тело от солнца: пиджаки, куртки, жилетки, рубашки, брюки, женские моды, носки и сапоги. Разве не носят их в девяти случаях из десяти не потому, что они нужны, а для того, чтобы пошикарничать перед другими или дразнить друг друга. Конечно, в нашем климате мы должны некоторое время в году защищаться от холода и непогоды. Но я говорю о смычке с солнцем. Когда солнце расположено установить смычку с нами, тогда мы не должны зевать. Мы должны улучшить каждую удобную для этого минуту!

Юрий, смеясь, говорит, что с трудом представляет себе, как председатель Совнаркома, Алексей Иванович Рыков, «принимает иностранных послов в трусиках». Но главный герой готов к подобным насмешкам: «Можно себе вообразить совершенно естественную обстановку для появления ответственного работника в трусиках. И одно такое переоблачение смогло бы быть и примером и поводом для бесед с массами о социальной ценности здоровья». Массы не могут не понять, что «солнце – лучший пролетарский врач». Юрий признает свое поражение⁵⁴⁸.

Слово Подвойского не расходилось с делом – как в отношении избавления от балласта, так и в деле превращения семьи в ячейку строительства новой жизни. В 1923 году он получил дачу в Серебряном Бору по соседству с Трифоновыми. Полвека спустя Юрий Трифонов описал увиденное в романе «Старик». Бурмины похожи на Подвойских, Саня – на автора в детстве.

Бурмин, его жена, сестры жены и мужья сестер были поклонники «нагого тела» и общества «долой стыд» и часто расхаживали возле своей дачи, в садике, а то и на общественном огороде, где вечерами собиралось много людей, в непотребном виде, то есть в чем мать родила. Дачники возмущались, профессор хотел писать в Моссовет, а мать Сани смеялась, говоря, что это иллюстрация к сказке про голого короля. Однажды она поссорилась с отцом, который запрещал ходить на огород, когда там «шуты гороховые». Отец Сани очень злобствовал на Бурмина из-за этого «долой стыд». А остальные смеялись. Бурмин был тощ, высок, в очках, напоминал скорее Дон Кихота, чем Аполлона, да и бурминские женщины не блистали красотой. Правда, были замечательно загорелые. И все яркие, соломенные блондинки.

Отец Сани знал Бурмина со времен гражданской войны. «Отец считал Бурмина человеком глупым (Саня слышал, как он говорил: «Этот дурак Семен»), а к его военным подвигам и даже к ордену относился иронически». Кто-то из детей решил последовать примеру взрослых, и все закончилось ужасным скандалом. «Но была ли то глупость, как полагал отец? Был ли истинно глуп этот сын землемера с козлиной бородкой, кого выметнула на гребень чудовищной силы волна? Теперь, спустя три с лишним десятилетия, то, что казалось аксиомой – глу-

⁵⁴⁸ Н. Подвойский, *Смычка с солнцем* (Л.: Госиздат, 1925); Н. Степанов, *Подвойский* (М.: Молодая гвардия, 1989), с. 319–341. Историю советской гигиены см.: Tricia Starks, *Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State* (Madison: University of Wisconsin Press, 2008).

пость Бурмина, – представляется сомнительным». (Трифонов и Подвойский одно время служили вместе; отец Подвойского был священником.)⁵⁴⁹

Трифонов, Лурье, Словатинская и маленький Юрий

Трифонов был тоже свободен от предрассудков. После Гражданской войны он воссоединился с Татьяной Александровной Словатинской и ее дочерью от первого брака, Евгенией Лурье. Несколько лет спустя он ушел от матери к дочери, а в 1925 году у Евгении родился сын Юрий. Татьяне Александровне было пятьдесят шесть лет, Валентину тридцать семь, Евгении двадцать один. Они продолжали жить вместе. Татьяна Александровна работала заведующей приемной ЦК, Валентин – председателем Военной коллегии Верховного суда. Евгения отложила учебу в Сельскохозяйственной академии ради ухода за детьми (спустя два года у них родилась дочь). Юрий помнил бабушку как человека закрытого и несентиментального. «Это не человек, это какой-то железный шкаф», – говорит один из его героев. Валентин Андреевич был менее железным, но столь же непроницаемым. «По характеру он был человек молчаливый, сдержанный, даже несколько мрачноватый, не любил, что называется, выдвигаться»⁵⁵⁰.

Ближайшим другом Трифоновых был Арон Солыц, «совесть партии», двоюродный брат отца Евгении и наставник Татьяны и Валентина в вопросах партийной доктрины и этики. Юрий помнил его как «маленького человека с большой, шишковатой, седой головой. У него были большие губы, большие выпуклые глаза, смотревшие пронизательно и строго. Он казался мне очень умным, очень сердитым и очень больным, всегда тяжело, хрипло дышал. Кроме того,

⁵⁴⁹ Ю. Трифонов, *Собрание сочинений* (М.: Художественная литература, 1986), т. 3, с. 516–518; письмо от Т. И. Шмидт, 30 июня 2010 г.; РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1526, л. 4–8.

⁵⁵⁰ Трифонов, *Собрание сочинений*, т. 4, с. 99; Ю. Трифонов, «Исчезновение», *Отблеск костра и Исчезновение* (М.: Советский писатель, 1988), с. 242–245, 262 и др.; А. Шитов, *Юрий Трифонов: хроника жизни и творчества* (Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997), с. 72 и др.; О. Трифонова-Мирошниченко, «Женщина из дома на набережной», *Московская правда* (3 июня 1988).

он казался мне замечательным шахматистом. Я всегда ему проигрывал». Сольц был неженат и жил с сестрой, Эсфирью. В начале 1930-х к ним переехала их племянница Анна, от которой ушел муж, первый секретарь Компартии Узбекистана Исаак Зеленский. Примерно тогда же они усыновили мальчика из детдома, который, по воспоминаниям Юрия Трифонова и дочери Анны, Елены, грубил своим приемным родителям и не принимал их всерьез⁵⁵¹.

Татьяна Словатинская, Анна Зеленская, Исаак Зеленский, Арон Сольц и дети Зеленских – Елена и Андрей

Неизвестно, что Сольц думал об образе жизни Валентина Трифонова и о своей собственной внезапно выросшей семье. На пике своего влияния в середине 1920-х годов (когда друзья Кольцова сдерживали его игривое воображение угрозами «выговора от Сольца») он считал, что главной опасностью для коммунистической семьи являются неравные браки с классовыми врагами. Он находил их в дурном вкусе.

Этот дурной вкус в том заключается, что вот это должно быть воспринято так, как раньше в прежнем обществе представляли себе женитьбу графа на горничной. Общество было страшно скандализировано: как это так, он забыл наши традиции, ведь это некрасиво, ведь этого нужно стыдиться! Такое тогда было отношение. Мы являемся господствующим классом, и у нас должно быть такое же отношение. Сближение с членом враждебного нам лагеря, когда мы являемся господствующим классом, – это должно встречать такое общественное осуждение, что человек должен 30 раз подумать, прежде чем принять такое решение. Конечно, всякое чувство индивидуально, в личную жизнь не всегда можно вмешиваться, но осуждать мы это можем точно так же, как осуждало это прежнее общество, когда член этого общества

⁵⁵¹ Трифонов, *Собрание сочинений*, т. 4, с. 21; Е. Зеленская, «А. А. Сольц», неопубликованная рукопись, АМДНН, папка «Сольц». См. также: Трифонов, «Исчезновение», с. 192–194, 225 и др.

отказывался подчиняться его требованиям. Мы называем это предрассудком, но для сохранения себя это вовсе не было предрассудком. Нужно много раз подумать, прежде чем решиться брать жену из чужого класса⁵⁵².

Аросев подумать не успел. В 1916 году он обручился с шестнадцатилетней дочерью казанского прокурора и горничной. Отец рано умер, и она воспитывалась в институте благородных девиц. Когда Аросева призвали в армию, она вышла за другого и родила сына. В 1918 году Аросев вернулся в Казань героем и увез ее к себе (по рассказам, против ее воли). Ее звали Ольга Гоппен; она говорила по-французски, писала стихи, любила наряжаться, не умела готовить и гордилась своим «легкомыслием». Ее сын вскоре умер, но в 1919-м, 1923-м и 1925-м у них с Аросевым родилось три дочери. Ее мать, бывшая горничная, относилась к зятю со снисходительной иронией и тайно крестила всех трех дочерей. Вскоре после рождения третьей дочери, когда Аросев служил в советском полпредстве в Стокгольме, Ольга ушла от него к другому сотруднику полпредства и уехала с ним на Сахалин, где тот стал секретарем обкома (оставив жену с тремя детьми). Аросев воспитывал дочерей с помощью шведской няни. В 1932 году, будучи полпредом в Чехословакии, он женился на учительнице танцев своей старшей дочери, Гертруде Фройнд. Ему было сорок два года, ей – двадцать два. Поскольку она была гражданкой Чехословакии, он не мог продолжать работать полпредом и вернулся в Москву, где возглавил Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). Девочки, по словам одной из них, «неистово возненавидели» мачеху. «Она была европейская, организованная женщина, немецкий вариант. Холодно-сдержанная. Очень скупая». Товарищи Аросева осуждали его за вторую подряд безвкусную женитьбу⁵⁵³.

⁵⁵² Сольц, «О партэтике», с. 286–287; Михаил Кольцов, *каким он был*, с. 142.

⁵⁵³ Н. Аросева, *След на земле*, с. 78–79, 140–141, 148, 177–179, 184–186, 194–195, 199–200, 225–226; О. Аросева, *Без грима* (М.: Центрполиграф, 1999), с. 7–8, 13–15, 20–21, 93–94; Чернобаев, *В вихре века*, с. 124–125.

Александр Аросев

Ольга Гоппен

Одним из соратников Аросева по московскому восстанию был Осип Пятницкий. Его первая жена, Нина Маршак, ушла от него к Алексею Рыкову, и в 1920 году, в возрасте тридцати девяти лет, он женился на двадцатилетней Юлии Соколовой. Дочь священника и вдова генерала, Юлия отчасти искупила классовую вину, став агентом большевиков в штабе контрразведки Белой армии в Челябинске. Согласно одной беллетризованной истории Гражданской войны на Южном Урале, узнав о своем разоблачении, она спряталась в бочке с солеными огурцами и провела там целую ночь в ожидании прихода красных. Юлия и Осип познакомились, когда она лечилась в одной из московских больниц. Их первый сын, Игорь, родился в 1921 году, второй, Владимир, – в 1925-м. Владимир помнил отца аскетичным и немногословным, а мать – «очень эмоциональной», с «обнаженной совестью». Незадолго до его рождения она вышла из партии, сочтя себя недостойной⁵⁵⁴.

⁵⁵⁴ В. Пятницкий, *Голгофа*, сб. (СПб: Палитра, 1993), с. 6–10; В. Пятницкий, *Осип Пятницкий и комитетеры на весах истории* (Минск: Харвест, 2004), с. 58–63; М. Гроссман, *Да святится имя твое* (Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1983), с. 442–462.

Осип Пятницкий

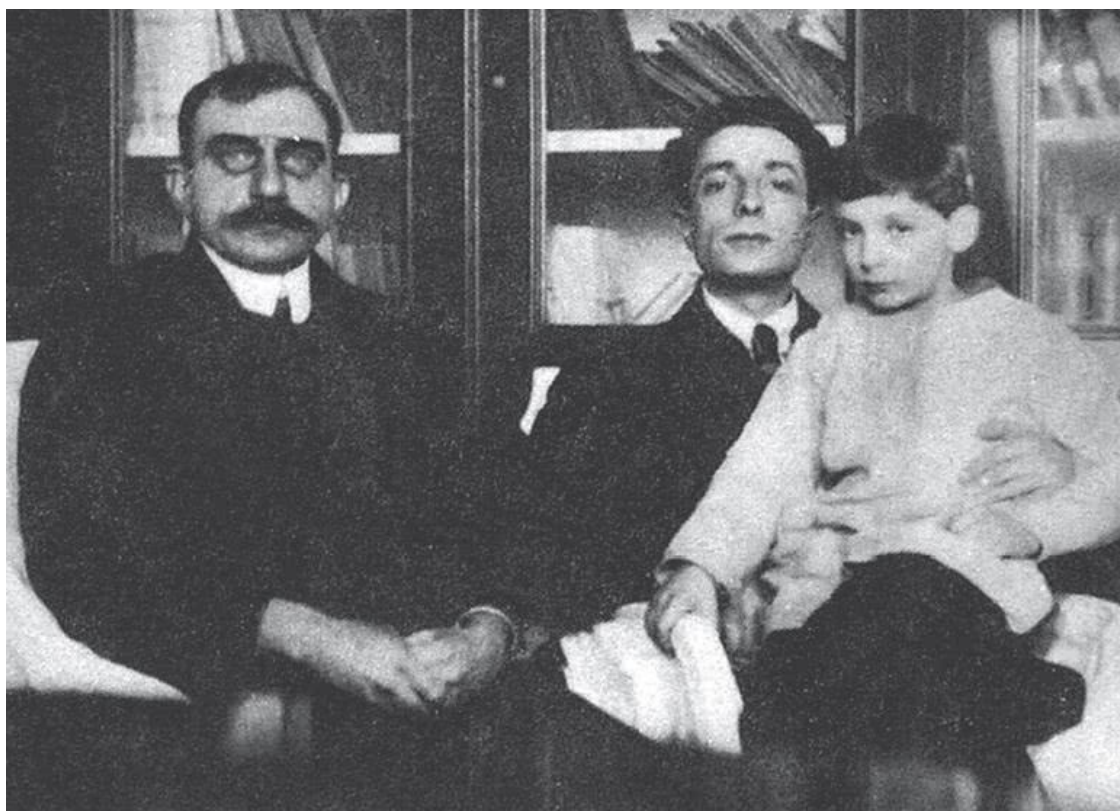
Юлия Соколова

Борис Збарский тоже не прислушался к предостережению Солнца. Его первая жена, Фани, была из его родного города Каменец-Подольского. Они поженились в Женеве, где вместе учились в университете, а в 1915 году, когда их сыну Илье исполнилось два года, переехали на Северный Урал. В январе 1916-го к ним приехали погостить Борис Пастернак и его друг Евгений Лундберг. Збарский знал отца Пастернака и нашел Борису работу на одном из своих заводов. По воспоминаниям Ильи Збарского:

Отец поздно приходил домой. Я целыми днями гулял с няней, а иногда и один, мать же находила утешение в обществе Е. Лундберга и Б. Пастернака. Последний импровизировал, играл на пианино, писал и читал свои стихи. По-видимому, между матерью и Борисом Пастернаком завязался роман, послуживший одной из причин разрыва моих родителей.

Когда в 1921 году Збарские развелись, Ильа остался с отцом. Примерно в 1927-м Борис Збарский познакомился в Берлине с университетской подругой Лидии Пастернак, Евгенией Перельман, и привез ее в Москву в качестве ассистентки, а потом жены. Она была дочерью

адвоката, внучкой раввина и, по словам Ильи, «злой, истеричной и жадной женщиной», которая «постоянно подчеркивала свою неприязнь ко всему русскому и вспоминала свое эмигрантское прошлое». Кроме того, она – к удивлению и неудовольствию Ильи – постоянно подчеркивала свое еврейство. Многие члены высшей партийной элиты выросли в еврейских семьях, но почти все исходили из того, что быть интернационалистом значит не иметь родины и, возможно, родителей. Национализм считался последним прибежищем буржуазии, а национальность – временной опорой затерянных лесных тружеников. Русскость русского интернационализма не подвергалась сомнению и становилась явной, только когда нарушалась. Мачеха Ильи Збарского уволила его деревенскую няню и «взяла в прислуги противную еврейку, которая меня не кормила и внесла в дом какую-то чуждую и неприятную атмосферу... В доме началась совсем иная, тяжелая жизнь. Меня плохо кормили или не кормили вообще. Пища стала какой-то непривычной и невкусной, я постоянно выслушивал колкие замечания мачехи... В конце концов я переехал к матери, в коммуналку на Арбате, где проживало двадцать человек». Илья стал ассистентом отца в Мавзолее Ленина. У Бориса и Евгении родилось двое сыновей. Первый, Лев-Феликс, был назван в честь Льва Карпова и Феликса Дзержинского⁵⁵⁵.

Владимир Воробьев и Борис Збарский с сыном Ильей. Предоставлено И. Б. Збарским

* * *

В высших эшелонах власти нарушения заповеди Солнца были редкостью. Большинство ответственных работников общались с другими ответственными работниками – отчасти из-за общности веры, отчасти потому, что в их комиссариатах и санаториях было мало людей

⁵⁵⁵ Збарский, *Объект № 1*, с. 10–11, 20, 24–26, 36–38; А. Королев, «Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры», *Знамя* (2009, № 11). <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/11/ko29.html>; интервью автора с И. Б. Збарским (10 марта 1998 г.), В. Б. Збарским (22 марта 1998 г.).

из другой среды. Самым известным партийным союзом 1920-х годов стал роман двух публицистов – Карла Радека и Ларисы Рейснер. Биограф Радека назвал их «Квазимодо и Эсмеральда». Один из бывших одноклассников Радека помнил его

маленьким, тощим и физически слабо развитым; с самых ранних лет он всегда носил очки. Несмотря на отталкивающую внешность, он был чрезвычайно нагл и самоуверен. Его уродливый нос, вечно открытый рот и зубы, торчащие из-под верхней губы, привлекали к себе внимание. Он вечно ходил с книгой или газетой в руках и все время читал – дома, на улице, на перемене, днем и ночью, даже во время уроков⁵⁵⁶.

Из германофилии еврейского просвещения Радек перешел в польский национализм, а оттуда (не переставая носить бакенбарды в честь Мицкевича) – в большевизм. Его исключили из социал-демократической партии Польши и Литвы, социал-демократической партии Германии и, после поражения немецкой революции 1923 года, Исполкома Коминтерна и ЦК ВКП(б). Он славился своим сарказмом, фиглярством, неряшливой богемностью, яростными нападениями на идеологических оппонентов и красноречивой защитой несовместимых взглядов на трех языках. Роза Люксембург отказывалась сидеть с ним за одним столом, а Анжелика Балабанова считала «вульгарным политиком»:

Он представлял собой необыкновенную смесь безнравственности, цинизма и стихийной оценки идей, книг, музыки, людей. Точно так же, как есть люди, не различающие цвета, Радек не воспринимал моральные ценности. В политике он менял свою точку зрения очень быстро, присваивая себе самые противоречивые лозунги. Это его качество при его быстром уме, едком юморе, разносторонности и широком круге чтения и было, вероятно, ключом к его успеху как журналиста...

Его не смущало то, как с ним обращаются другие люди. Я видела, как он пытается общаться с людьми, которые отказывались сидеть с ним за одним столом, или даже ставить свои подписи на документе рядом с его подписью, или здороваться с ним за руку. Он был рад, если мог просто развлечь этих людей одним из своих бесчисленных анекдотов. Хоть он и сам был евреем, его анекдоты были почти исключительно про евреев, в которых они выставались в смешном или унижительном свете⁵⁵⁷.

Он был левым коммунистом вместе с Бухариным и Осинским, преданным ленинцем после мая 1918 года и главным сторонником «Льва Троцкого, организатора Победы» во время болезни вождя. Когда Ворошилов обвинил его в том, что он «плетется в хвосте у Льва», Радек (если верить бесчисленным пересказам) ответил, что лучше «быть хвостом у Льва, чем задницей у Сталина». (Десять лет спустя его статья «Зодчий социалистического общества» стала важной вехой в создании культа Сталина.) Ему приписывали большинство антисоветских анекдотов. По словам Луиса Фишера, «он был бойким чертенком и уродливым лешим. У него были густые кудрявые черные волосы, которые выглядели так, как будто к ним прикасалось одно лишь полотенце, смеющиеся близорукие глаза за очень толстыми очками, большие влажные губы, бакенбарды, сходящиеся под подбородком, и болезненно желтая кожа»⁵⁵⁸.

⁵⁵⁶ Warren Lerner, *Karl Radek: The Last Internationalist* (Stanford; Stanford University Press, 1970), с. 4.

⁵⁵⁷ Angelica Balabanoff, *My Life as a Rebel* (New York and London: Harper and Brothers, 1938), с. 167, 246–247. А. Балабанова, *Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки 1897–1938*, с. 258–259.

⁵⁵⁸ Lerner, *Karl Radek*, с. 17–19, 23–28, 47–48, 60, 69–71, 97, 127–128, 132 и др.; Jean-François Fayet, *Karl Radek (1885–1939)* (Bern: Peter Lang, 2004), с. 11–477 и др.; Э. Гусейнов, В. Сироткин, «Лицо и маски Карла Радека», *Архивы раскрывают тайны... Международные вопросы: события и люди* (М.: Политиздат, 1991), с. 343–348; В. Артемов, *Карл Радек: Идея и судьба* (Воронеж: ЦЧКИ, 2000); В. Торчинов, А. Леонтьев, *Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник* (СПб:

Лариса Рейснер вошла в большевистскую иконографию как самая красивая женщина русской революции (или, по словам Надежды Мандельштам, «женщина русской революции»). Михаил Рошаль назвал ее Джокондой, Троцкий – «Палладой революции», Либединский – «не то античной богиней, не то валькирией древнегерманских саг», а Кольцов – «великолепным, редким, отборным человеческим материалом». Вадим Андреев, сын ее литературного покровителя Леонида Андреева, писал, что, «когда она проходила по улицам, казалось, что она несет свою красоту как факел и даже самые грубые предметы при ее приближении приобретают неожиданную нежность и мягкость... Не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не заметив ее, и каждый третий – статистика, точно мною установленная, – врывался в землю столбом и смотрел вслед, пока мы не исчезали в толпе»⁵⁵⁹.

Профессорская дочь, журналистка, а с 1919 года – комиссар Морского генерального штаба, Рейснер была одинаково убедительна в роли богемной поэтессы и большевички в кожанке, «астральной трясогузки» и «карателя и мстителя». Ей посвящали стихи Мандельштам, Пастернак и Гумилев (с которым у нее был роман, когда он был женат на Ахматовой). Пастернак назвал ее именем героиню «Доктора Живаго», а Всеволод Вишневский изобразил в роли комиссара в «Оптимистической трагедии». В 1918 году она вышла замуж за заместителя Троцкого по морским делам Федора Раскольниковова, который называл ее «Дианой-воительницей»⁵⁶⁰.

Филологический факультет СПбГУ, 2000), с. 392–394.

⁵⁵⁹ Г. Пржиборовская, *Лариса Рейснер* (М.: Молодая гвардия, 2008), с. 95, 205, 412, 87, 414; Троцкий, *Моя жизнь*, т. 2, с. 140; В. Андреев, *Детство* (М.: Советский писатель, 1966), с. 70–71.

⁵⁶⁰ Пржиборовская, *Лариса Рейснер*, с. 155, 165, 247, 261, 293 и др.

Карл Радек

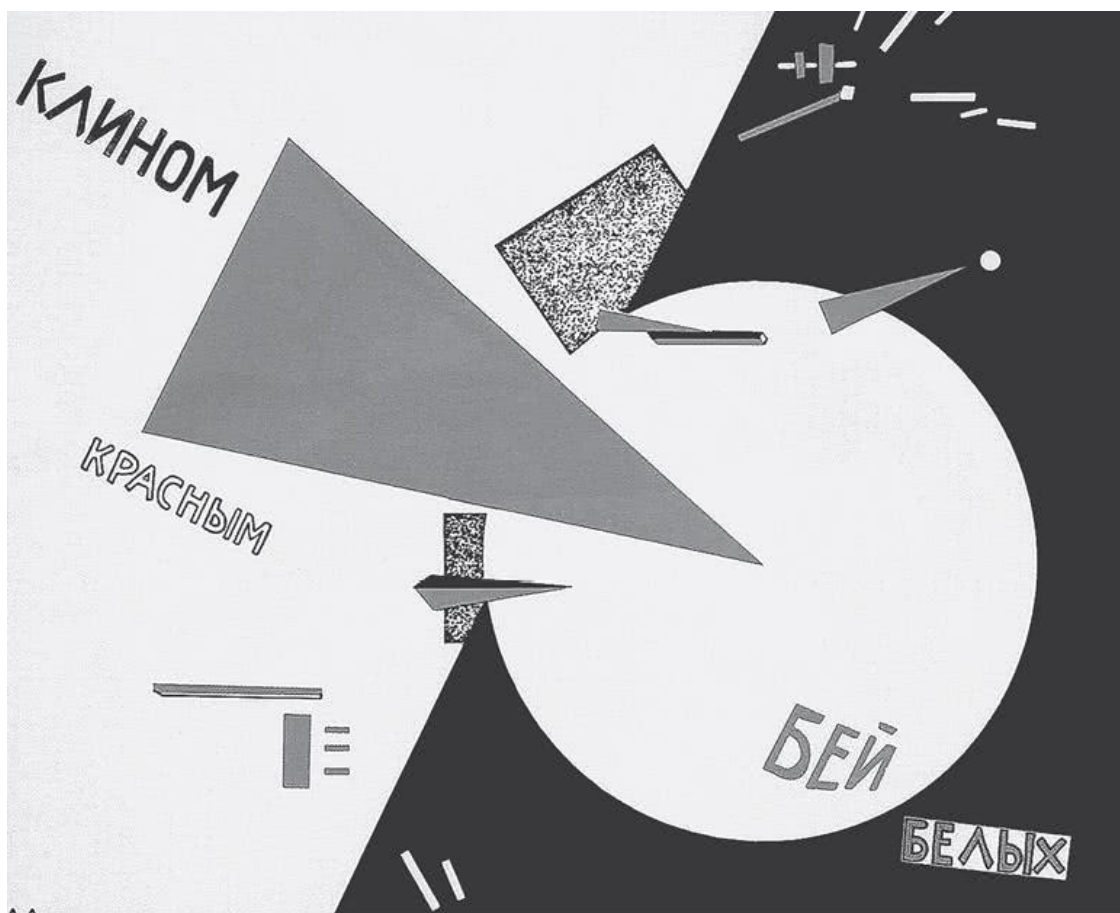
Лариса Рейснер

Помощница Свердлова Елизавета Драбкина встретила ее на Волге в 1918 году.

Впереди на вороном коне скакала женщина в солдатской гимнастерке и широкой клетчатой юбке, синей с голубым. Ловко держась в седле, она смело

неслась по вспаханному полю. Комья черной земли вылетали из-под конских копыт. Это была Лариса Рейснер, начальник армейской разведки. Прелестное лицо всадницы горело от ветра. У нее были светлые серые глаза, от висков сбегали схваченные на затылке каштановые волосы, высокий чистый лоб пересекала суровая морщинка⁵⁶¹.

Все миллениаристские секты, посвящающие себя братству и бедности, – мужские движения. Большевизм был агрессивен и откровенно фаллическим. Его героем был кузнец, *énorme et gourd*, а иконой военных лет – красный клин. Его главным врагом было болото и все «похожее на кисель». Женщины рожали детей, дети порождали семьи, а семьи «рождали капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовых масштабах». Единственными женщинами, не представлявшими угрозы для железного жезла, были матери пророков и амазонки. Лариса Рейснер была большевистской Марианной во плоти.

Лазарь Лисицкий «Клином красным бей белых»

«Легенды окружили память о ней особым ореолом, и вне этих полудостоверных рассказов мне трудно ее себе представить, – писал Вадим Андреев. – О ней рассказывали, что она была на «Авроре» в памятную ночь 25 октября и по ее приказу был начат обстрел Зимнего дворца; передавали о том, как она, переодевшись простою бабой, проникла в расположение колчаковских войск и в тылу у белых подняла восстание». Она воплощала то, что Маяковский

⁵⁶¹ Драбкина, *Черные сухари*, с. 213; Прижборовская, *Лариса Рейснер*, с. 258.

пытался соткать из слов, – поэзию революции. Она была живым протестом против великого разочарования, синей птицей из волшебного сада коммунизма⁵⁶². По словам Воронского:

Ее благородное, волевое и женственное, напоминающее легендарных амазонок лицо, обрамленное каштаном волос, ее гибкую и уверенную фигуру в самые страдные дни революции видели на бронепоезде, на наших красных военных судах, среди рядовых бойцов.

Лариса Рейснер ненавидела бытовое мещанство, где бы оно ни встречалось. Она не умела обрастать, оседать, она не любила вращаться в тихие и нудные будни, но в прозе жизни она – художница и боец революции – умела находить возвышенное, захватывающее, содержательное и большое⁵⁶³.

По словам Радека, которого никто не любил, кроме женщины русской революции:

Она знает, что мелкобуржуазная стихия – это болото, которое может затянуть грандиознейшее сооружение, она видит, какие странные цветы распускаются на этом болоте. Но в то же время она ясно видит путь борьбы с опасностями, грозящими республике труда, плотины, которыми сумеет оградить себя пролетариат и коммунистическая партия⁵⁶⁴.

Карл Радек и Лариса Рейснер нашли друг друга в 1923 году, когда она вернулась из Афганистана (где Раскольников служил полпредом) и попросила его взять ее с собой в Германию (где надвигалась революция). Он согласился, она написала о «Гамбурге на баррикадах», и они стали жить вместе. Лариса ушла от мужа; Карл проводил часть времени с женой Розой и четырехлетней дочерью Соней. Немецкая революция не состоялась, Карл оказался в опале, а три года спустя Лариса умерла в кремлевской больнице от брюшного тифа. Ей было тридцать лет. «Ослепив многих, эта прекрасная молодая женщина пронеслась горячим метеором на фоне революции», – написал Троцкий⁵⁶⁵.

Гроб несли Бабель, Пильняк, Всеволод Иванов, Борис Волин (шурин Бориса Ефимова) «и др.». В толпе был Варлам Шаламов, которого «очищала и подымала» «мальчишеская влюбленность» в Ларису. «За гробом вели под руки Карла Радека, – писал он. – Лицо его было почти зеленое, грязное, и неостанавливающиеся слезы проложили дорожку на щеках с рыжими бакенбардами». Борис Пастернак написал: «Бреди же в глубь преданья, героиня», – а один из ближайших друзей Ларисы отправил письмо ее отцу: «Давно, давно, еще в те дни, когда я бывал у Вас, Вы сказали, что Вы живете и трудитесь ради служения особой религии – Религии без Бога. Все религии мира, дорогой М. А., являются лучшим убежищем в скорби, в этом, в конце концов, лучшее их назначение»⁵⁶⁶.

Другим знаменитым партийным союзом был роман Николая Бухарина и Анны Лариной, приемной дочери старого большевика и противника НЭПа Юрия Ларина (Михаила Лурье). Бухарин был столь же популярен, сколь Радек был презираем (они дружили). По воспоминаниям Эренбурга, в гимназии «Бухарчика» любили за веселый нрав и заразительный смех; по воспоминаниям Светланы Аллилуевой, на даче ее отца в Зубалово его «все обожали» и с нетерпением ждали. «Он наполнял дом животными, которых очень любил. Бегали ежи на балконе, в банках сидели ужи, ручная лиса бегала по парку, подраненный ястреб сидел в клетке... Он играл с детьми, балагурил с моей няней, учил ее ездить на велосипеде и стре-

⁵⁶² Андреев, *Детство*, с. 70; Alla Zeride, «Myth as Justification for Life», *The Russian Review*, т. 51 (April 1992, № 2.), с. 172–187.

⁵⁶³ А. Воронский, *Искусство видеть мир* (М.: Советский писатель, 1987), с. 332–333.

⁵⁶⁴ Радек, *Портреты и памфлеты*, т. 1, с. 66, 69.

⁵⁶⁵ Пржиборовская, *Лариса Рейснер*, с. 410–477; Ф. Медведев, «Софья Радек о своем отце и о себе», *Огонек* (1988, № 52), с. 28–31; Троцкий, *Моя жизнь*, т. 2, с. 139.

⁵⁶⁶ Пржиборовская, *Лариса Рейснер*, с. 471–475.

лять из духового ружья; с ним всем было весело». Анна Ларина выделяла его из друзей отца за «неумную жизнерадостность, озорство, страстную любовь к природе, а также увлечение живописью». Они познакомились в тот день, когда Анна впервые увидела «Синюю птицу»⁵⁶⁷.

Весь день я находилась под впечатлением спектакля, а когда легла спать, увидела во сне и Хлеб, и Молоко, и загробный мир – спокойный, ясный и совсем не страшный. Слышалась мелодичная музыка Ильи Саца: «Мы длинной вереницей идем за синей птицей». И как раз в тот момент, когда мне привиделся Кот, кто-то дернул меня за нос. Я испугалась, ведь Кот на сцене был большой, в человеческий рост, и крикнула: «Уходи, Кот!» Потом сквозь сон услышала слова матери: «Николай Иванович, что вы делаете, зачем вы будите ребенка!» Но я проснулась и сквозь кошачью морду все отчетливее стало вырисовываться лицо Бухарина. В тот момент я и поймала свою «синюю птицу» – не сказочно-фантастическую, а земную, за которую заплатила дорогой ценой⁵⁶⁸.

Бухарин женился на своей двоюродной сестре и товарище по партии, Надежде Лукиной, когда оба были очень молоды. Из-за болезни позвоночника она носила гипсовый корсет и иногда теряла способность двигаться. «В такие периоды, – писала Крупская, – Николай Иванович занимался хозяйством, сыпал в суп вместо соли сахар и оживленно толковал с Ильичом». В начале 1920-х он сошелся с Эсфирь Гурвич, которая работала в «Правде», училась в Институте красной профессуры и жила в Горках с сестрой Ленина Марией (своей начальницей в редакции). В 1924 году у них родилась дочь Светлана, в 1927-м Сталин предложил Бухарину и Надежде перебраться в Кремль, а в 1929-м Эсфирь ушла к другому. Вскоре после этого Бухарин оказался в одном купе поезда из Москвы в Ленинград с молодой женщиной по имени Александра Травина. У них начался роман, а спустя полтора года она сказала ему, что работает в ОГПУ. Через семь лет он написал Сталину «прямо и открыто о том, о чем обычно не говорят»⁵⁶⁹.

Я в своей жизни вообще знал близко только четырех женщин. Н. М. была больна. Я фактически с ней разошелся еще в 20 году. Когда я сошелся с Эсфирью, она (Н. М.) чуть не сошла с ума. Ильич ее отправил за границу. Я временно разошелся с Э., чтобы дать оправиться Н. М., потом, боясь за нее, скрывал свои отношения с Э. Потом родилась дочь. Начались мучения неслыханные. Я иногда неделями не спал. Э-рь я мучил объективно ложностью ее положения. Зимой 1929 года она (б. м., и в связи с моим политическим положением тогда) разошлась со мной. Я был в ужасном состоянии, ибо я ее любил. Она завела себе другую семью. Я потом сошелся (необычайно быстро и сразу) с А. В. Травиной, знал, что она была близка и к кругам ГПУ. Меня это ни капли не смущало, ибо не было предмета для смущения. Мы очень хорошо жили, но вскоре воспроизвелось – на расширенной основе – старое. Н. травилась тогда, а с Сашей стали делаться нервные параличи. Я метался как очумелый между двумя больными, думал одно время отказаться совсем от всякой личной жизни. С Сашей я жил совершенно открыто, всюду бывал, ездил в отпуска, она всюду считалась моей женой. Но всё развивавшиеся

⁵⁶⁷ И. Эренбург, *Люди, годы, жизнь* (М.: Советский писатель, 1990) т. 1, с. 73; С. Аллилуева, *Двадцать писем к другу* (М.: Захаров, 2000), с. 33; Ларина, *Незабываемое*, с. 211.

⁵⁶⁸ Ларина, *Незабываемое*, с. 211–212.

⁵⁶⁹ М. Кун, *Бухарин, его друзья и враги* (М.: Республика, 1992), с. 28–29; Ларина, *Незабываемое*, с. 119–121; интервью автора со Светланой Гурвич-Бухариной, 1 мая 1998 г.; Paul R. Gregory, *Politics, Murder, and Love in Stalin's Kremlin: The Story of Nikolai Bukharin and Anna Larina* (Stanford: Hoover Institution Press, 2010), с. 4, 16–17, 58–60.

мучения и здесь сожрали душу, и наступил разрыв. Все это было мне тяжело и потому, что все женщины эти – были хорошими, умными и были привязаны ко мне до чудовищности... А меня давно любила Нюся Ларина (ты напрасно считал, что у меня «10 жен» – я никогда одновременно не жил). И раз было так: произошла ночью мучительная сцена у Саши. Ночевать «домой» я не пошел от нее. Я пошел к Лариным и остался там – с этого началось. Не стану описывать всех перипетий. Но в результате я прочно сошелся с Анютой, Н. М. разгородилась со мной и успокоилась. Для меня впервые началась новая жизнь с этой стороны⁵⁷⁰.

Летом 1930 года, когда Анне было 16 лет, они с отцом жили в доме отдыха в Мухалатке. Бухарин скрывался от нескромных глаз на даче в Гурзуфе. Ему было сорок два года. «Правая оппозиция» была разгромлена, и XVI съезд партии шел без него. Однажды Анна приехала к нему в гости. На ней было «голубое ситцевое платье с широкой каймой из белых ромашек, черные косы свисали почти до самой каймы». Они спустились к пляжу, сели в тени скалы, и Бухарин начал читать из «Виктории» Гамсуна:

Что такое любовь? Это шелест ветра в розовых кустах, нет – это пламя, рдеющее в крови. Любовь – это адская музыка, и под звуки ее пускаются в пляс даже сердца стариков. Она, точно маргаритка, распускается с наступлением ночи, и точно анемон, от легкого дуновения свертывает свои лепестки и умирает, если к ней прикоснешься. Вот что такое любовь.

Ларина не пишет, прочитал ли он следующие четыре параграфа уподоблений, но она помнит последний, шестой:

Любовь – это первое слово создателя, первая осиявшая его мысль. Когда он сказал: «Да будет свет!» – родилась любовь. Все, что он сотворил, было прекрасно, ни одно свое творение не хотел бы он вернуть в небытие. И любовь стала источником всего земного и владычицей всего земного, но на всем ее пути – цветы и кровь, цветы и кровь⁵⁷¹.

Модернистская сказка об обреченной любви человека из подполья, «Виктория» была обязательным чтением для гимназистов бухаринского поколения. Бухарин прочитал еще два отрывка – о женщине, которая отрезала свои локоны, когда ее больной муж лишился волос, и о мужчине, который облил свое лицо серной кислотой, когда его жена превратилась в безобразную старуху⁵⁷².

Закончив чтение, Бухарин спросил Анну, смогла бы она полюбить прокаженного. Она «собралась ответить» (утвердительно, согласно ее воспоминаниям), но он остановил ее, сказав – в стиле «Виктории», – что лучше ничего не говорить.

Через несколько дней она снова приехала в гости. Бухарин только что получил письмо от Рыкова, который писал, что они с Томским вели себя на съезде достойно и что он любит Бухарина «так, как не смогла бы любить даже влюбленная в тебя женщина» (он тоже читал «Викторию»). Машина, на которой Анна приехала в Гурзуф, сломалась. Она осталась ночевать и «пережила волнующий романтический крымский вечер»⁵⁷³.

Начались трудные, полутайные отношения. Бухарин продолжал «метаться как очумелый между двумя больными», у Анны завязался роман с Женей Сокольниковым (сыном друга детства Бухарина), оба, по словам Анны, страдали от ревности и неопределенности. Отец Анны

⁵⁷⁰ «Но я-то знаю, что я прав», *Источник* (2000, № 3), с. 49–50.

⁵⁷¹ К. Гамсун, *Виктория*, https://www.e-reading.club/chapter.php/13330/3/Gamsun_-_Viktoriya.html

⁵⁷² Там же.

⁵⁷³ Ларина, *Незабываемое*, с. 80–86, 106–107.

больше беспокоился о Бухарине. «Ты должна хорошо подумать, насколько серьезно твое чувство, – сказал он однажды. – Н. И. тебя очень любит, человек он тонкий, эмоциональный, и, если твое чувство несерьезно, надо отойти, иначе это может плохо для него кончиться». Она спросила, не о самоубийстве ли идет речь. «Не обязательно самоубийство, – ответил он. – Но излишние мучения ему тоже не нужны». В январе 1932 года смертельно больной Ларин сказал Анне, что «интересней прожить с Н. И. десять лет, чем с другим всю жизнь».

Эти слова отца явились своего рода благословением. Затем жестом он показал мне, чтобы я подошла еще ближе, так как голос его все слабел и слабел, и скорее прохрипел, чем сказал:

– Мало любить советскую власть, потому что в результате ее победы тебе неплохо живется! Надо суметь за нее жизнь отдать, кровь пролить, если потребуется!.. – С большим трудом он чуть приподнял кисть правой руки, сжатую в кулак, сразу же безжизненно упавшую ему на колено. – Клянись, что ты сможешь это сделать!

И я поклялась⁵⁷⁴.

⁵⁷⁴ Там же, с. 112–127, 221–223.

Николай Бухарин

Анна Ларина

Спустя два года, после очередной «мучительной сцены у Саши», Бухарин и Анна встретились напротив Дома Союзов. Это был день ее двадцатилетия и десятая годовщина похорон Ленина. Бухарин шел домой в Кремль после заседания XVII съезда в Большом театре; Анна шла домой во Второй Дом Советов после лекции в университете «Сталин – Ленин сегодня». Она пригласила его к себе. Два года спустя родился их сын Юрий. Они жили в кремлевской квартире с отцом Бухарина и Надеждой Лукиной-Бухариной (как она продолжала подписываться). По словам Анны, Надежда отдавала их семье «все тепло своей души, трогательно, с любовью относилась к ребенку»⁵⁷⁵.

Слияние любви к человеку с любовью к советской власти (как предписывал Солыц и завещал Ларин) составляло смысл существования бывшего друга и сокамерника Бухарина, Валериана Осинского. При коммунизме, писал он Анне Шатерниковой в феврале 1917 года, любовь «без стыда раскроет всю свою нежную глубину и милосердие без прикрас, без погрешек великодушия и благотворительности». Наступит, продолжал он, цитируя «Викторию»,

⁵⁷⁵ Там же, с. 125–127, 119–120.

то «хорошее время, когда легко переносится всякое горе». Осинский и Шатерникова читали «Викторию» в ялтинском санатории, где встретились незадолго до исполнения первой части пророчества. Несколько лет спустя он написал ей, что решил снова перелистать книгу – «так, посмотреть, так как был уверен, что теперь она мне не понравится».

Я прочел 5–10 страниц из середины, вернулся к началу, прочел еще, еще, и к четырем часам утра прочел все... Трогает меня в «Виктории» (в конце) не жалость, а огромная сила чувства. Оно стоит в своем роде революционного энтузиазма. Оно той же категории, как этот энтузиазм. В нем та же сила, ясность и чистота. Несомненно, «Виктория» – гениальное произведение⁵⁷⁶.

Осинский, как и Бухарин, в молодости женился на товарище по оружию. В 1912 году его жена Екатерина Смирнова родила сына Вадима (Диму). В конце 1916 года он познакомился с Анной Шатерниковой. Она была сестрой милосердия, страстной большевичкой, начинающим теоретиком марксизма и, в глазах Осинского, «молодой, высокой, умной и красивой». Они гуляли по Ялте и читали «Викторию» на берегу моря. Он уехал на фронт и в канун Февральской революции написал письмо о «ненасытной утопии». Она вступила в партию; он провел большую часть 1917 года в Москве, агитируя за вооруженное восстание. В середине октября он уехал в Харьков – отчасти в знак протеста против медлительности старой гвардии, отчасти в надежде воссоединиться с Анной, которая недавно туда переехала. После революции Осинский прибыл в Петроград, чтобы возглавить экономику переходного периода (в качестве управляющего Центробанком и первого председателя ВСНХ). Проиграв борьбу за левый коммунизм, он ушел в отставку и, после нескольких назначений в провинции, стал наркомом земледелия и главным сторонником «мер репрессии» и принудительного труда на селе. Любовь приготовилась раскрыть без стыда всю свою нежную глубину, и в сентябре 1920 года он рассказал жене об Анне, а Анне о реакции жены.

⁵⁷⁶ АРАН, разряд V, оп. 1–0, д. 11, л. 28 об.; ср.: Гамсун, *Виктория*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.